

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Главный путь к миру и международной
безопасности

Большой Октябрь и революционное движение
Китае

Место Сибири и Дальнего Востока в экономиче-
ских связях СССР и Японии

Из четвертой сессии Всекитайского собрания
народных представителей

Некоторые тенденции развития КПК

ЧИТ.ЗАЛ

1

1982

Институт Дальнего Востока АН СССР

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1 [41] 1982

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ, ЯПОНСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Реальный путь к миру и международной безопасности
ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА
- 12 Великий Октябрь и революционное движение в Китае
С. Л. Тихвинский
- 22 Место Сибири и Дальнего Востока в экономических
связях СССР и Японии
В. А. Александров
- 35 О четвертой сессии Всекитайского собрания народных
представителей
*В. Я. Матяев,
В. П. Фетов*
- 46 Некоторые тенденции развития КПК
*Р. М. Неронов,
Г. А. Степанова*
- 58 Социально-экономические проблемы китайской деревни
И. Н. Коркунов
- 70 За глубокое научное исследование проблем
Дальневосточного региона
В. А. Архипов
- ИДЕОЛОГИЯ**
- 82 Современная модификация маонизма
В. Ф. Феоктистов
- 94 Идеология японского экспансионизма накануне и в годы
войны на Тихом океане
Е. В. Щетинина
- 108 Хань Сунинь — апологет маонизма и китайского
национализма
М. В. Коваль
- ИСТОРИЯ**
- 120 К вопросу о совещании в Цзунни
*В. П. Глумин,
А. С. Титов*
- 131 Маонистская фальсификация «Битвы ста полков»
*А. С. Титов,
М. Ф. Юрьев*
- ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**
- 143 Страница биографии ученого
Л. Л. Громковская



КУЛЬТУРА

- 147 Го Можо — «герой» или жертва «культурной революции»?
А. Н. Желозовцев
- 154 Радио КНР — рупор маоистской пропаганды
Г. С. Лонцаков
- 160 Вьетнамский язык как средство межнационального общения в СРВ
И. И. Глобова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 166 Всесоюзная конференция китаеведов

КОММЕНТАРИИ

- 169 Пекин: углубление альянса с империализмом
А. С. Красильников
- 177 Взаимодействие империалистической реакции и пекинского гегемонизма представляет угрозу миру
Ю. И. Огнев

ГОВОРЯТ ОНИ САМИ

- 188 Последствия политических кампаний в КНР

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 192 По страницам нового журнала Академии наук МНР
В. А. Архипов
- 194 Образец социалистического интернационализма
В. А. Кривцов
- 197 Культура современной Японии
Б. В. Поспелов
- 200 Своевременная и полезная книга
Б. А. Соборов
- 202 Армия на службе маоистов
Б. Н. Горбачев
- 204 Японский капитал в ЮВА
Ю. Е. Бугаев

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора),
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
И. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1982

Реальный путь к миру и международной безопасности

Исторической вехой в развитии не только КПСС и Советского государства, но и международных отношений стал XXVI съезд КПСС. Советский народ с воодушевлением и энтузиазмом трудится над выполнением грандиозных планов экономического и социального развития, намеченных XXVI съездом. Наша партия всегда придавала большое значение внешнеполитическим условиям строительства социализма и коммунизма в СССР. Партия, ее Центральный Комитет во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Леонидом Ильичом Брежневым проводят неустанную работу, направленную на нормализацию международной обстановки, исключение войны из жизни мирового сообщества, создание условий для дальнейшего экономического и социального развития Советского Союза, других стран социализма, укрепления позиций демократических, прогрессивных сил нашей планеты.

Опыт истории доказал, что социализм выступает как главная реальная сила, способная оградить человечество от огня термоядерной войны. Внешняя политика СССР, других стран социалистического содружества прямо направлена на решение этой важнейшей для всех стран и народов проблемы. Вопросы войны и мира — это ныне вопросы существования нашей земной цивилизации.

В самом деле, как недавно писал западногерманский журнал «Штерн», в настоящее время каждую минуту на военные нужды и вооружение затрачивается миллион долларов. Сегодня во всем мире имеется около 50 тыс. ядерных боеголовок, причем, как указывает журнал, 34 тыс. принадлежат США. А ведь, например, ядерная боеголовка американской ракеты «Титан» в 740 раз превосходит разрушительную силу атомной бомбы, которая сожгла Хиросиму.

Наша страна, другие государства социалистического содружества всегда исходили из того, что достижение идеалов социализма неразрывно связано с борьбой за обеспечение мира на земле, установление и развитие сотрудничества между всеми странами и народами во имя их будущего, во имя социального прогресса. Формула мира, которая содержится в самой основе внешней политики Советского государства, определяется настоящим стремлением предотвратить войну, обеспечить народам благоприятные условия для всестороннего развития.

В настоящее время, когда международная обстановка по вине империалистических кругов продолжает оставаться весьма сложной, эта формула мира имеет чрезвычайно важное значение, она стала колоколом мира, который звучит призывно и тревожно, как набат. «Сегодня положение дел в мире требует новых, дополнительных усилий, чтобы устранить угрозу войны, укрепить международную безопасность... Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты», к такому выводу пришла наша партия на своем XXVI съезде.

XXVI съезд КПСС разработал комплекс мер, направленных на укрепление мира, сдерживание гонки вооружений, политическое урегулирование конфликтов. Мировая общественность высоко оценила эти предложения, известные как Программа мира на 80-е годы. И эта программа проводится в жизнь последовательно, целеустремленно, действенно.

Новой крупной политической акцией в практическом осуществлении Программы мира для 80-х годов стал состоявшийся 22—25 ноября 1981 г. визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева в ФРГ. Советско-западногерманская встреча на высшем уровне состоялась в напряженный и ответственный момент международной жизни. Империализм взвизгивает гонку вооружений. Грозную опасность миру создают планы размещения в ряде стран Западной Европы, и прежде всего в ФРГ, нового американского ракетно-ядерного оружия. В этих условиях народы с надеждой обращаются к советской политике мира, осуществляемой в тесной координации с братскими социалистическими странами. Этим чаяниям полностью отвечают новые, далеко идущие советские предложения, выдвинутые в ходе визита. Они служат одной цели — найти взаимоприемлемую договоренность, избавить Европу, наш общий дом, от опасности пожара.

Новые важные предложения СССР — это программа свертывания ядерных вооружений в Европе и во всем мире, понятная всем. Она реалистична, конкретна и конструктивна, исходит из важнейшего принципа — принципа равенства и одинаковой безопасности. Народы ожидают, что Запад, и прежде всего Соединенные Штаты, со всем вниманием и объективно отнесется к новым советским инициативам.

* * *

Советский Союз, другие страны социалистического содружества при рассмотрении и решении международных вопросов твердо опираются на идеалы свободы и прогресса человечества, принципы независимости всех государств, всех народов, ориентируются на укрепление мирных устоев жизни, а не на наращивание вооружений. Они никому не угрожали и не угрожают. Кому не известно, что мир и дружба между народами стали знаменем первого в мире социалистического государства с самого его рождения?

Империалистической политике нагнетания международной напряженности, подрыва разрядки Советский Союз и страны социалистического содружества противопоставляют подлинно мирную политику, отвечающую интересам всех народов. Программа мира и международного сотрудничества, избавления человечества от разрушительных войн определяет всю внешнеполитическую деятельность нашей партии и Советского государства — от исторического ленинского Декрета о мире до внешнеполитических решений XXVI съезда КПСС. Подтвердив предложения по укреплению международной безопасности и обузданию гонки вооружений, с которыми Советский Союз выступал в последние годы, XXVI съезд нашей партии выдвинул комплекс новых крупных идей и конструктивных инициатив, являющихся органическим продолжением и развитием Программ мира XXIV и XXV съездов партии.

Советская внешняя политика, строящаяся как политика справедливости и мира, как политика признания права каждого народа распоряжаться своей судьбой, как политика поддержки борьбы народов за самостоятельность и независимость, по самому своему существу глубоко гуманистична, она отвечает интересам всего миролюбивого человечества. Главная цель советской внешней политики состоит в обеспечении внешнеполитических интересов советского народа, Советского государства, но вместе с тем эта политика направлена на обеспечение интересов

фактически всех людей на земле. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду говорится: «Наша борьба за укрепление мира, за углубление разрядки международной напряженности — это прежде всего борьба за то, чтобы обеспечить советскому народу необходимые внешние условия для решения стоящих перед ним созидательных задач. Этим мы решаем и проблему поистине всемирного характера. Ибо нет сейчас ни для одного народа вопроса более существенного, более важного, чем сохранение мира, чем обеспечение первейшего права каждого человека — права на жизнь».

Следует отметить, что дело не только в объективном совпадении интересов советского народа и народов всего мира, не только в глубоком гуманизме внешней политики нашей страны, но и в том, что в своих практических делах на внешнеполитической арене СССР учитывает точку зрения мировой общественности, различные идеи и предложения, выдвигаемые наиболее авторитетными форумами или представителями.

Сейчас самая неотложная и самая острая задача — это ослабление напряженности в мире, сдерживание гонки вооружений, устранение угрозы войны. Верховный Совет СССР принял 23 июня 1981 г. обращение «К парламентам и народам мира» с призывом сделать все, чтобы не допустить новой мировой войны.

Высший законодательный орган Советского государства торжественно заявил в своем обращении, что Советский Союз никому не угрожает, не стремится к конфронтации ни с одним государством на Западе или Востоке. СССР не добивался и не добивается военного превосходства. Он не был и не будет инициатором новых витков гонки вооружений. Нет такого вида вооружений, который он не согласился бы ограничить, запретить на взаимной основе по договоренности с другими государствами. Необходимость защиты мира, предотвращения ядерной катастрофы неизбежно повышает значение внешнеполитической деятельности, нацеленной на решение этих задач, увеличивает ее удельный вес в общем объеме политических забот каждого народа.

Пытаться победить друг друга в гонке вооружений, рассчитывать на победу в ядерной войне — это опасное безумие, сказал Л. И. Брежнев, отвечая на вопросы корреспондента «Правды». Он подчеркнул при этом, что начинать ядерную войну в надежде выйти из нее победителем может только тот, кто решил совершить самоубийство. Какой бы мощью нападающий ни обладал, какой бы способ развязывания ядерной войны ни избрал, он не добьется своих целей: возмездие последует неотвратимо. Такова принципиальная позиция Советского Союза. «Почему бы, спрашивается, Соединенным Штатам не поддержать внесенное Советским Союзом на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение насчет неприменения первым ядерного оружия?» — сказал в своем интервью Л. И. Брежнев. И действительно, если не будет первого ядерного удара, следовательно, не будет ни второго, ни третьего ядерных ударов. В результате станут беспредметными сами по себе рассуждения о возможности или невозможности победы в ядерной войне — будет снят с повестки дня вопрос о ядерной войне как таковой.

Что касается Советского Союза, то он сторонник конкретных и эффективных соглашений по обузданию гонки вооружений. И при соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности сторон СССР проявит максимум доброй воли, стремясь к достижению договоренностей, которые уменьшали бы опасность возникновения ядерной войны. Советский Союз относится позитивно «к усилиям любой другой страны — крупной, средней или малой, — если эти усилия направлены на улучшение политического климата, уменьшение уровня военного противостояния. Мы сами делаем и готовы сделать многое в этом направлении», — подчеркнул Л. И. Брежнев в своем интервью американской телекомпании Эн-би-си.

На фоне принципиальной, последовательной внешней политики СССР несерьезными выглядят попытки США приписать Советскому Союзу намерения, допускающие ядерную войну, пусть даже и ограниченную. Нетрудно понять, какими соображениями продиктованы подобные утверждения. Все это нужно Вашингтону для того, чтобы оправдать собственные усилия, направленные на достижение стратегического превосходства над СССР.

В последнее время в развернувшуюся в США пропагандистскую кампанию по «легализации» ядерной войны включился сам президент Рейган. Он заявил, что Советский Союз якобы считает возможной победу в ядерной войне. «Для того чтобы укрепить нашу безопасность и продемонстрировать нашу решимость проводить... новый курс в американо-советских отношениях, мы приступаем к важной программе усовершенствования нашего военного потенциала», — подчеркнул в своем выступлении 30 июля 1981 г. в комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил государственный секретарь США А. Хейг. Эти слова руководителя внешнеполитического ведомства как нельзя лучше характеризуют стремление администрации Рейгана путем форсирования гонки вооружений добиться военного превосходства США над Советским Союзом и вновь начать проводить в глобальном масштабе политику «с позиции силы».

По сообщениям печати, на осуществление пятилетней военной программы 1981—1985 гг. США намерены израсходовать 1,5 триллиона долл. Однако дело, конечно, не только в суммах. Какими бы ошеломляющими ни были показатели военного бюджета США, его подлинную суть раскрывают те цели, на реализацию которых предназначаются эти суммы. «Мы (США), — заявил, выступая в Чикаго 5 мая 1981 г., министр обороны США К. Уайнбергер, — должны быть готовы вести неядерную войну, которая может распространиться на многие районы земного шара, если не удастся сдержать локальную агрессию». Нынешний шеф Пентагона, должно быть, знает, что именно носился и носится с доктринами «локальных войн», кто не раз развязывал их и применял самые изощренные средства массового уничтожения. Многие районы Индокитая все еще несут на себе следы такого разбоя. Тысячи вьетнамских, кампучийских, лаосских семей лишились своих близких, погибших от американского напалма, бомб, снарядов, отравляющих веществ.

Таким образом, усилия нынешней американской администрации направлены на всемерное нагнетание напряженности в мире, на милитаризацию материальной и духовной жизни собственной страны. Вашингтон, используя средства массовой информации, широко прославляет культ грубой силы, выступает с сумасбродными планами утверждения американского господства над миром, фактически ведет пропаганду ракетно-ядерной войны. «Рейган явно полагает, что американский народ уполномочил его дать почувствовать вес своей страны всему миру», — писала английская «Файнэншл таймс». Нельзя не согласиться с этой газетой, которая подметила, что «мир рисуется Рейгану в довольно упрощенном виде... У него нет никаких сомнений, что всякого, кто встает поперек дороги США, надо считать кругом виноватым». Он обуреваем мечтой о том, чтобы Соединенным Штатам Америки вернуть роль «сверхдержавы номер один».

* * *

За 30 с лишним лет после окончания второй мировой войны Азию продолжают непрерывно лихорадить большие и малые войны, вооруженные конфликты. Нынешняя международная обстановка на этом

континенте, составляющем треть земной суши и с населением более половины человечества, вызывает растущую тревогу мировой общественности. В самом деле, какой бы регион Азии мы ни взяли — будь то Ближний, Средний или Дальний Восток, Юго-Восточная Азия или Индийский океан, — о каждом можно сказать, что это район, в котором усиливается напряженность. Причиной обострения положения являются агрессивные происки сил империализма, милитаризма, гегемонизма. США продолжают дальнейшее усиление агрессивных действий против прогрессивных арабских и североафриканских государств, в частности против Ливии, сконцентрировали крупные военные силы в районе Персидского залива.

Американский империализм усиливает свое военное присутствие в самых различных частях мира, в том числе в Азии. В Ближневосточном регионе Вашингтон поощряет экспансионистские устремления Израиля (не без благоволения администрации Рейгана Тель-Авив аннексировал принадлежащие Сирии Голанские высоты), американский империализм щедро поставляет оружие реакционным режимам, сколачивает под своей эгидой блок арабских государств. Целые территории, отделенные на тысячи километров от США, объявляются «сферой американских жизненных интересов». Форсированно совершенствуются «силы быстрого развертывания», расширяются и модернизируются существующие и создаются новые военные базы.

Милитаристская политика Вашингтона становится тем более опасной, когда сколачивается альянс между империализмом и великоханьским гегемонизмом. Последним проявлением этого опасного сотрудничества было решение Вашингтона о поставках новейшего оружия Китаю. Те, кто сейчас делает все для того, чтобы передать современное оружие китайским гегемонистам, вероятно, полагают, что они будут иметь возможность влиять на политику Пекина, канализировать его экспансионизм в основном в северном направлении. Это не совсем так. Конечно, в своей основе этот альянс носит антисоветский, антисоциалистический характер. Однако опасность милитаризации Китая также состоит в том, что находящееся в руках пекинских лидеров американское оружие будет обращено прежде всего против малых соседних государств, среди которых, кстати, есть и союзники США. Таким образом, империалистические круги как бы подталкивают Китай к реализации его территориальных притязаний, в частности к странам Южной и Юго-Восточной Азии.

Пекинские лидеры «высоко оценивают» конкретные шаги Вашингтона, направленные на подстегивание нового витка гонки вооружений и втягивание в него союзников США по агрессивным военно-политическим блокам и союзам. Все это не может не вызвать обоснованную тревогу мировой общественности. Решение о продаже оружия Китаю, указывает газета «Уолл-стрит джорнэл», далеко выходит за рамки американо-китайских отношений. Английская «Таймс» отмечает, что согласно Вашингтона укрепить Китай в плане вооружений и технологии и резкие заявления относительно Кампучии, с которыми выступили в Пекине представители США, вызвали у руководителей стран АСЕАН вопрос, не обернутся ли для них краткосрочные антисоветские меры госсекретаря США Хейга долгосрочными проблемами.

В редакционной статье «Опасный характер американо-китайского военного сотрудничества» газета «Майнити» подчеркивает, что «сильный в военном отношении Китай представляет угрозу для всех окружающих его стран Азии. Страны этого континента, которым в первую очередь угрожает великодержавный шовинизм нынешнего пекинского руководства, сознают, что наращивать военный потенциал Китая — значит давать оружие в руки экспансионистов». Озабоченность по поводу поставок в КНР американского оружия выразил МИД Японии. Упорное

стремление Вашингтона заставить Японию встать на путь форсированной милитаризации все активнее поддерживается Пекином. И есть основания ожидать, что участники американо-китайского сговора будут всеми силами толкать Японию на военные рельсы.

Пекинские руководители иногда заявляют также, что «международный мир и безопасность можно отстоять», что борьба за разоружение является «более, чем когда-либо в прошлом, по-настоящему актуальной», а глава китайской делегации в своем выступлении в Комитете по разоружению 5 февраля 1980 г. объявил: «Китай принял решение участвовать в работе комитета начиная с этого года, и мы готовы активно присоединиться к вам в вашей работе и внести свой вклад в дело достижения прогресса на пути подлинного разоружения, а также в дело мира». Однако до сих пор серьезных конструктивных предложений со стороны китайской делегации так и не последовало. Мало того, при рассмотрении конкретных пунктов повестки дня или процедурных вопросов представители КНР не скупятся на враждебные выпады против Советского Союза и других стран социалистического содружества, активно выступающих за обуздание гонки вооружений. Если китайская делегация видит свой «вклад» в работу Комитета по разоружению в этом, то уместно отметить, что этот комитет — не дискуссионный клуб, а серьезный орган переговоров по самой актуальной проблеме современности, проблеме ограничения вооружений. Как показало время, концепция разоружения по-пекински «сводится к тому, чтобы разоружались преимущественно две державы — СССР и США, а остальные, включая Китай, действовали бы по своему усмотрению». Такой подход Пекина к ограничению вооружений проявился и при разработке всеобъемлющей программы разоружения.

Непоследовательна и не отвечает интересам мирового сообщества позиция Китая в отношении ограничения стратегических вооружений. Здесь пекинское руководство прежде всего заинтересовано в укреплении своего ракетно-ядерного потенциала, а не в разоружении. Индийская «Пэтриот» писала по этому поводу, что «испытание Китаем межконтинентальной баллистической ракеты ведет к новому росту гонки вооружений. Ядерное вооружение Китая не вызывает удивления, так как общеизвестно стремление Пекина силой решать возникающие в отношениях между странами проблемы. Планы Китая представляют самую серьезную угрозу стабильности и безопасности стран Азии».

Стоит ли удивляться тому, что пекинские лидеры приветствуют решение Запада о производстве и размещении в Европе американских ядерных ракет средней дальности, расценив это как «важную меру, направленную против ядерного превосходства Советского Союза», как «важный шаг стран НАТО по укреплению своей обороны для противодействия военной угрозе» со стороны СССР. Пекинские руководители по-прежнему считают неизбежной новую мировую войну и связывают с ней надежды на достижение своих гегемонистских целей.

Китайское руководство усиленно подталкивает Японию на путь конфронтации с Советским Союзом, ратует за превращение ее в военную державу, которая вместе с другими империалистическими государствами противостояла бы СССР. Пресса КНР уделяет много внимания советско-японским отношениям, причем неизменно в провокационном духе поддержки необоснованных притязаний Токно на так называемые «северные территории». Пекин продолжает усиленно запугивать японцев «угрозой с Севера», отвлекая тем самым внимание от подлинных очагов опасности — американских военных баз на японской земле и в Южной Корее.

Делая ставку на войну, пекинские лидеры активно поддерживают империалистические круги в развертывании гонки вооружений, укрепле-

нии военно-политических блоков, нагнетании международной напряженности. Пекин усиленно призывает Запад и Японию всемерно наращивать свою военную мощь, активно поддерживает человеконенавистнические планы американской военщины в отношении производства нейтронной бомбы. По сути дела, китайское руководство встало на путь конфронтации со всеми миролюбивыми силами и странами, со всеми, кто против подготовки войны, гонки вооружений.

Курс Пекина на подготовку к войне ущемляет прежде всего жизненные интересы китайского народа, ведет к неоправданным растратам людских и материальных ресурсов страны. Поджигательская политика китайского руководства на международной арене, выступления против разрядки и разоружения тесно связаны с проводимым внутри страны антинародным курсом на милитаризацию экономики КНР, на военно-политический сговор с крайней реакцией. Бросая вызов мировой общественности и подавляющему большинству стран мира, Пекин продолжает ядерные испытания в атмосфере, активизирует ракетно-ядерные приготовления.

Пекин возвел в ранг государственной политики подготовку к войне, усиленно наращивает свой военный потенциал. Объявив Советский Союз «врагом № 1», пекинские лидеры нарочито подчеркивают совпадение стратегических интересов Китая с США и Японией, в основе чего лежат оголтелый антисоветизм, враждебность к социалистическому содружеству.

Империалистическая политика дестабилизации обстановки в мире, эскалация гонки вооружений, авантюристический курс Пекина создают реальную и серьезную угрозу независимости и суверенитету государств, миру и безопасности в Азии. Намерение администрации США снабдить Китай американским наступательным оружием, другой современной военной техникой серьезно усугубляет ситуацию.

Развивая свое военно-политическое сотрудничество, американские империалисты, японские милитаристы и китайские гегемонисты разворачивают шумную кампанию вокруг мифа о «советской военной угрозе», насаждают недоверие и рознь между азиатскими государствами, провоцируют конфликты между ними. Но, как известно, именно вашингтонская администрация расширяет в этом регионе сеть своих военных баз, в том числе с ядерными арсеналами, поощряет шаги некоторых воинственных режимов, направленные на создание собственного ядерного оружия.

Нарращивая гонку вооружений, империалистические круги вкупе с Пекином вступают на путь, который нельзя квалифицировать иначе как недалекновидный и бесперспективный. Такая политика игнорирует исторический опыт, убедительно опровергающий расчеты на то, что мир социализма можно запугать угрозами, в том числе и ядерными, заставить подчиниться империалистическому диктату. Закрывая глаза на уроки прошлого, на провал своих экспансионистских целей и установок, агрессивно настроенные политики империалистических держав оказываются в положении тех людей, которые ничему не учатся у истории. Вся послевоенная история показывает, что гонка вооружений не давала и не даст империалистическим кругам политических или стратегических дивидендов, на которые они рассчитывают. Советский Союз и другие страны социалистического содружества решительно противопоставляют империалистической доктрине гонки вооружений и военной истерии доктрину последовательной борьбы за мир и безопасность на земле.

Миролюбивый внешнеполитический курс Советского Союза оказывает сильное воздействие на умы и сердца многомиллионных народных масс азиатских стран. Выдвинутая СССР инициатива проведения международной конференции в целях коллективного поиска путей всеобъ-

емлющего урегулирования ближневосточной проблемы на справедливой и реалистической основе полностью отвечает чаяниям народов, насущные интересы которых требуют предотвратить дальнейшее нарастание напряженности в мире, сорвать военно-политический сговор империалистических сил в отношении этого жизненно важного района. Весьма актуальным является также предложение Советского Союза провести конкретные переговоры по мерам доверия на Дальнем Востоке со всеми заинтересованными странами.

Последовательная миролюбивая внешняя политика и активные действия социалистических стран служат преградой на пути осуществления темных замыслов империалистических, милитаристских, гегемонистских сил. Особенно большая роль в этом принадлежит договорам о дружбе и сотрудничестве, заключенным между социалистическими странами, а также с другими миролюбивыми государствами.

Важным фактором сохранения и упрочения мира в Азии и во всем мире служат неуклонно укрепляющиеся дружественные советско-индийские отношения.

В нынешней международной ситуации требуется максимальная активизация всех демократических и миролюбивых сил для эффективного противодействия агрессивной политике империализма и гегемонизма. СССР, другие братские социалистические страны укрепляют и расширяют связи и сотрудничество с ними на благородном поприще защиты мира.

МНР выдвинула предложение выработать и подписать концепцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и бассейна Тихого океана. С этой целью также предложено созвать конференцию стран этого региона, на которую могут быть приглашены государства — постоянные члены Совета Безопасности ООН.

Послания Ю. Цеденбала главам государств и правительств 50 стран и Генеральному секретарю ООН, в которых изложены мотивы монгольской инициативы и соображения относительно путей ее реализации, встречены с большим интересом. Миролюбивая общественность с удовлетворением восприняла ответ на это послание товарища Л. И. Брежнева, в котором дается высокая оценка предложениям МНР и выражается готовность Советского правительства сотрудничать в деле их реализации.

Совершенно естественно, что эта инициатива перекликается с предложениями, выдвинутыми в национальном, региональном и более широком, международном плане для укрепления безопасности в Азии. Мы имеем в виду: предложения СРВ, ЛНДР, НРК о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира и сотрудничества; Советского Союза — о нормализации обстановки в зоне Персидского залива, о выработке мер по укреплению доверия на Дальнем Востоке и т. д. В основе всех этих мер лежит стремление на деле узаконить принцип отказа от применения силы в международных отношениях.

Обстановку в Азии можно и должно оздоровить. Нужны добрая воля, готовность государств решать международные проблемы с позиций обеспечения интересов мира и прогресса. Необходимы единые солидарные действия всех миролюбивых стран и народов Азии, чтобы воздвигнуть надежный заслон на пути агрессивных прощесов и авантюры империалистических и гегемонистских сил. Борьба за безопасность в Азии является одним из решающих направлений общей борьбы за укрепление мира, углубление процессов разрядки, за прекращение пагубной гонки вооружений и переход к реальному разоружению.

«Советские коммунисты горды тем, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — что они взяли на себя трудную, но благородную миссию быть в пер-

вых рядах борцов за то, чтобы отвести от народов опасности, связанные с продолжением гонки вооружений. Наша партия призывает все народы, все страны объединить свои усилия для того, чтобы положить конец этому пагубному процессу».

Новые мирные инициативы, выдвинутые XXVI съездом КПСС, отвечают жизненным интересам народов нашей планеты и опираются на решающие завоевания строителей нового мира, борцов за национальное и социальное освобождение. Миролюбивые государства располагают достаточными силами и влиянием, чтобы преодолеть опасное нагнетание напряженности и стабилизировать международную обстановку.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Великий Октябрь и революционное движение в Китае

*С. Л. Тихвинский,
академик*

Китайский революционер-демократ Сунь Ятсен является наиболее крупной фигурой в истории национально-освободительной борьбы китайского народа первой четверти XX столетия, когда началась эпоха «пробуждения Азии». В формировании идейно-политических взглядов вождя китайских патриотов после поражения Синьхайской революции и в его последующей практической революционной деятельности важнейшую роль сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. Уничтожив капиталистическую эксплуатацию на шестой части земного шара, она оказала огромное воздействие на национально-освободительную борьбу китайского народа, на развитие революционного движения в мире в целом.

Сунь Ятсен с давних пор с симпатией относился к борьбе народов России против самодержавия. Еще в годы своего пребывания в Англии (1896—1897) он поддерживал контакт с представителями русских политических эмигрантов — народников. Находясь в эмиграции в Японии в 1905—1907 гг., он благодаря японским социалистам и их печати был в курсе революционных событий в России и поддерживал личные связи с русскими революционерами эсеро-народнического направления (Н. К. Судзиловский, Г. А. Гершуни и др.). Имеются в то же время сведения, что в 1905 г., находясь в Париже проездом в Японию, Сунь Ятсен познакомился с членом РСДРП Г. В. Чичериным и долго беседовал с ним о революции¹.

На Сунь Ятсена произвели огромное впечатление события первой русской революции 1905—1907 гг. Об этом наглядно свидетельствует содержание статей, которые он лично редактировал в журнале «Минь бао». Однако ни авторы материалов, публиковавшихся в «Минь бао», ни сам редактор не имели достаточно четкого представления о характере классовой борьбы в России, а всех представителей революционного лагеря России огульно зачисляли в «нигилисты». Под этим словом китайская и японская пресса тех лет подразумевала главным образом социалистов-революционеров, идеи которых до некоторой степени были схожи с идеями самого Сунь Ятсена. Он не был знаком с теорией научного социализма, не понимал творческой революционной роли рабоче-крестьянских масс и марксистской партии как авангарда рабочего класса. Хотя Сунь Ятсен и его соратники и выдвигали лозунг «уравнивания прав на землю», они не были в достаточной степени связаны с трудящимися деревни и города и, более того, опасались самодеятельности масс. Три народных принципа Сунь Ятсена — «изгнать маньчжуров и восстановить Китай; учредить республику; уравнивать права на зем-

¹ См.: Л. С. Кюзаджян. О влиянии русской революции 1905—1907 гг. на китайских революционных демократов. — «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6, с. 38; T. S. Woo. The Kuomintang and the Future of the Chinese Revolution. London, 1928, p. 123.

лю», — положенные в основу программы «Объединенного союза», выражали мировоззрение буржуазного революционера-демократа. Ему были присущи и наивные иллюзии относительно положительной роли, которую, по его мнению, предстояло сыграть в китайской революции (и последующем экономическом восстановлении страны) империалистическим державам. Необоснованность надежд на их нейтралитет в ходе борьбы новых общественных сил с феодальными порядками, олицетворявшимися Юань Шикаем, доказала уже Синьхайская революция. Однако прошло еще более 10 лет, пока это окончательно стало ясно Сунь Ятсену.

Во время событий 1911—1912 гг. хубэйские революционеры и временное революционное нанкинское правительство Сунь Ятсена тщетно звали к империалистическим державам с просьбами об экономической помощи. Лишь большевистская партия в России и ее вождь В. И. Ленин горячо откликнулись на революционное выступление китайского народа и приветствовали деятельность китайских революционеров, руководимых Сунь Ятсеном. Об этом говорят и материалы большевистской печати тех лет, и решения Пражской конференции РСДРП(б) 1912 г., на которой была принята специальная резолюция о поддержке китайских революционеров и о противодействии империалистической политике царизма и либеральной буржуазии, пытавшихся воспользоваться гражданской войной в Китае для проведения политики территориальных захватов.

С большим сочувствием к борьбе Сунь Ятсена за создание демократической республики отнеслось прогрессивное общественное мнение России. А. М. Горький писал Сунь Ятсену 28 октября 1912 г.: «Я, русский, борюсь за торжество тех же идей, что и вы; где бы эти идеи ни победили — я, как и вы, счастлив победой... Мы, русские, хотим того же, чего вы уже достигли, мы — братья по духу, товарищи по намерениям, а русское правительство и его рабы ставят русский народ в позицию, враждебную народу Китая»².

Сунь Ятсен, резко осуждавший агрессивные действия царского правительства в отношении Китая, весьма сочувственно относился к русскому народу, страдавшему под гнетом царского самодержавия³. Выступая 1 сентября 1912 г. в Пекине, он говорил, что «русский народ не только не пользуется никакими политическими правами, но и подвергается всевозможным притеснениям со стороны правительства»⁴.

После подавления революционного движения в Китае ставленником феодально-компрадорской реакции Юань Шикаем Сунь Ятсен был вынужден уехать в Японию. Он не мог понять основную причину своих прошлых неудач — отрыв буржуазных революционеров от широких народных масс. Его новая «Китайская революционная партия» — «Чжунго гэмಿಂದан» — не имела массовой опоры в стране. В 1913—1916 гг. он всерьез надеялся на возможность союза с какой-либо из империалистических стран, в первую очередь с Японией, против Юань Шикая. В 1918 г., работая над книгой «Программа строительства страны», Сунь Ятсен всецело рассчитывал на добровольное привлечение правительств основных капиталистических государств к экономическому восстановлению Китая с целью превращения его в мощную развитую державу.

Недалековидность расчетов Сунь Ятсена на «использование иностранного капитализма для создания социализма в Китае» и для «ускорения развития будущего мировой цивилизации», мирного урегулирования послевоенных противоречий между империалистическими державам путем создания интернационального треста по разработке природ-

² Цит. по: «Известия», 18.VI.1937.

³ См. «Современник», 1912, октябрь, с. 377—380.

⁴ «Чжунго гунбао», 2.IX.1912 (АВПР, Миссия в Пекине, д. 171, л. 43).

ных богатств Китая и его индустриализации показали международные конференции послевоенного периода. Создание сильного Китая не входило в планы Англии, Франции, США или Японии. Версальская и Вашингтонская конференции лишь открыли новый раунд борьбы за Китай между империалистическими державами.

Тщетным надеждам Сунь Ятсена на помощь Китаю со стороны иностранных держав сопутствовали постоянные неудачи попыток в самом Китае использовать одного милитариста против другого, одержать победу над пекинским правительством.

Настоящая помощь Китаю могла прийти лишь от социалистического государства, которое ставило своей задачей «оказать ...отсталым и угнетенным ... народам «бескорыстную культурную помощь», т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»⁵, о чем писал В. И. Ленин еще в 1916 г.

Влияние на Сунь Ятсена идей и практики Великого Октября оказалось тем фактором, который заставил его коренным образом пересмотреть свои взгляды на национально-освободительную борьбу в Китае.

Сведения о русской революции были крайне скудны в Китае, да и положение молодой Советской республики, находившейся в кольце интервентов, было крайне сложным. Сунь Ятсен не смог своевременно узнать о Декрете о мире и специальном обращении Совета Народных Комиссаров ко всем трудящимся-мусульманам России и Востока, подтверждавшим отказ Советского правительства от всех кабальных договоров, заключенных царской Россией и Керенским и направленных на порабощение народов Востока⁶. Однако уже в 1918 г. Сунь Ятсен стал склоняться к убеждению, что «китайская революция никогда не сможет достичь успеха, если она не будет учиться у России...»⁷, и принял решение послать своих людей на учебу в Россию и дал им в этой связи задание изучать русский язык⁸.

Уже в 1918 г. устанавливаются первые контакты Сунь Ятсена с Советской Россией. Весной или летом 1918 г. Сунь Ятсен от имени южно-китайского парламента отправил В. И. Ленину приветственную телеграмму, поздравлявшую его с успехом Великой Октябрьской социалистической революции. Ее подлинный текст так и не найден, но, по свидетельству некоторых китайских авторов, в ней шла речь также и об объединении революционных партий России и Китая для совместной борьбы⁹. По поручению Совета Народных Комиссаров Сунь Ятсену ответил Народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин, приветствовавший его как человека, который «с 1911 года в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей — северо-китайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств»¹⁰. В своем письме Г. В. Чичерин, в частности, писал: «Вы, уважаемый Учитель, некоторое время назад в приватности Рабоче-Крестьянскому Правительству России указали, что у Русской и Китайской революции одни и те же цели и что они клонятся к освобождению рабочих и к установлению прочного мира, основывающегося на признании общих интересов двух великих пролетариатов, русского и китайского. Эта великая задача, понимаемая нами как установление всеобщего мира в результате всеобщего братства

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 120.

⁶ См.: Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 11—14, 34—35.

⁷ Хэ Сянин. Мои воспоминания. — «Жэньминь жибао», 6.X.1961.

⁸ См. там же.

⁹ См.: Пэн Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 68; Китай и различные классы китайского общества, ч. II. Шанхай, 1930 и др. источники.

¹⁰ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 415.

трудящихся классов этих наций, была основой всей деятельности Рабоче-Крестьянского Правительства с момента, когда власть перешла из рук буржуазного правительства в руки народа»¹¹. Это послание, свидетельствующее о горячей симпатии Г. В. Чичерина к китайскому народу, в то же время говорит о том, что в Москве еще не представляли себе достаточно четко расстановки классовых сил в Китае и социально-политической программы Сунь Ятсена, который только начинал приходить к выводу о необходимости расширения социальной опоры партии среди трудящихся, более последовательного антиимпериализма и в известной степени антикапитализма¹².

Глубокое влияние на мировоззрение Сунь Ятсена оказало антифеодалное и антиимпериалистическое «движение 4 мая», возникшее в Китае под влиянием идей Великого Октября. Решение на Парижской мирной конференции шаньдунского вопроса в пользу Японии послужило поводом для начала студенческих волнений в Пекине. Они распространились на другие города, были поддержаны буржуазией и, главное, рабочим классом. Китайский пролетариат впервые выступил на арену сознательной политической борьбы и с этих пор стал превращаться в главный ударный отряд революции.

Подъем общенациональной борьбы доказал Сунь Ятсену необходимость перестройки революционной партии в сторону ее легализации и вовлечения в нее более широкого контингента республиканских элементов. 10 октября 1919 г. была создана новая партия — гоминьдан (национальная партия). Однако ее основной политический лозунг тех лет — защита конституции и возобновление работы дважды разгонявшегося парламента (в 1913 и 1917 гг.) — не соответствовал революционным задачам момента и мало кого мог увлечь.

Избрание Сунь Ятсена в Гуанчжоу на сессии парламента 7 апреля 1921 г. президентом республики не было признано ни Пекином, ни иностранными державами. Попытки действовать, опираясь на войска южных милитаристов, окончились неудачей. После мятежа генерала Чэнь Цзюньмина, успеху которого во многом способствовала деятельность иностранных консулов в Гуанчжоу, Сунь Ятсен был вынужден бежать в Шанхай и поселиться на территории французской концессии.

Советское правительство на деле подтверждало свое дружественное отношение к китайскому народу. 2 декабря 1918 г. указом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) были аннулированы все обязательства Китая по платежам России¹³, в специальном обращении РСФСР к правительствам Южного и Северного Китая 25 июля 1919 г. были изложены основные принципы советской внешней политики, торжественно заявлено об отказе от всех прав и преимуществ, которыми пользовалась в Китае царская Россия, объявлены недействительными старые неравноправные договоры¹⁴.

В заключительной части Обращения Правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая заместитель народного комиссара иностранных дел Л. М. Карахан писал: «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избирать той участи, которую ему приготовили Союзники в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию, пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»¹⁵.

¹¹ Там же.

¹² См. об этом: Г. В. Ефимов. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914—1922. М., 1981, с. 99.

¹³ См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 593.

¹⁴ См. там же, т. 2, с. 221—223.

¹⁵ Там же, с. 223.

Сунь Ятсен использовал любую возможность для получения объективной информации о России, ее революционном опыте. В конце 1920 г. в Шанхае он встретился с прибывшим из Москвы представителем Коминтерна Г. Н. Войтинским¹⁶, в 1922 г. в Гуанчжоу он беседовал с представителем советской молодежи, также сотрудником Коминтерна С. А. Далиным. В Гуанчжоу открылось отделение РОСТА, была создана школа русского языка. Сунь Ятсен продолжал переписку с Г. В. Чичериным, в которой затрагивался вопрос установления советско-китайских торговых отношений¹⁷. В течение 1921—1922 гг. между Сунь Ятсеном и советскими дипломатами в Китае завязалась оживленная переписка и были установлены личные контакты, во многом позволившие Сунь Ятсену правильно понять внешнюю и внутреннюю политику РСФСР.

В письме Г. В. Чичерину от 28 августа 1921 г. Сунь Ятсен, информируя о политических событиях в Китае последних 10 лет, писал: «... я хотел бы вступить в личный контакт с Вами и другими друзьями в Москве. Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования. Я хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня.

С лучшими пожеланиями Вам и моему другу Ленину и всем, кто так много совершил для дела человеческой свободы. Искренне Ваш. Сунь Ятсен»¹⁸.

Развитием национально-освободительного движения в Китае горячо интересовался В. И. Ленин, он специально просил Чичерина ознакомить его с одним из писем Сунь Ятсена. «Товарищ Ленин, — писал вождю китайской революции Г. В. Чичерин, — также прочитал Ваше письмо с величайшим интересом и следит за Вашей деятельностью с горячей симпатией». В этом же письме Г. В. Чичерин писал Сунь Ятсену: «Я подчеркиваю, что наше Правительство и народ являются самыми искренними друзьями китайского народа и горячо желают, чтобы Китай стал объединенным прогрессивным государством, руководимым народным правительством и полностью свободным от политического или экономического давления извне... Независимо от последующего развития наших политических позиций в Европе и вне ее, наше Правительство никогда не свернет с пути самой верной, сердечной и искренней дружбы и сотрудничества с китайским народом, достижение благосостояния и свободное народное развитие которого являются нашим самым искренним желанием»¹⁹.

Сунь Ятсен вел переписку и с советским дипломатическим представителем в Пекине А. А. Иоффе. Он во многом еще не понимал сущности социалистической внешней политики, ее отличия от политики других держав, вначале даже отрицательно относился к усилиям Советского правительства по установлению дипломатических отношений с Пекином. Чичерин и Иоффе терпеливо разъясняли позицию РСФСР, показывали, что быстрейшая нормализация двусторонних отношений отвечает чаяниям широких масс советского и китайского народов. Важное значение имели переговоры А. Иоффе и Сунь Ятсена в Шанхае в январе 1923 г. В заключительном коммюнике было отмечено, что обе стороны «обнаружили полное совпадение их взглядов на китайско-русские отношения». Советский представитель подчеркнул, что «самой на-

¹⁶ См.: Г. Н. Войтинский. Мои встречи с Сунь Ятсеном. — «Правда», 15.III.1925.

¹⁷ См.: Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 730.

¹⁸ Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сб. документов. М., 1959, с. 58—59.

¹⁹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 83—84.

сушной и важной задачей Китая является его национальное объединение и приобретение полной национальной независимости»²⁰.

В телеграмме Л. М. Карахану, назначенному полномочным представителем СССР в Китае, Сунь Ятсен 16 сентября 1923 г. писал: «Я глубоко тронут Вашей великодушной оценкой моей постоянной дружбы в Новой России, и я утверждаю, что никакая критика идеологии, которую Вы защищаете, не может помешать и не помешает мне вместе с Вами считать, что истинные интересы наших стран требуют выработки общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного международной системой, опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма»²¹.

Укреплению связей Сунь Ятсена с Советской республикой послужило создание в России «Союза китайских рабочих». III съезд Союза избрал Сунь Ятсена наряду с Лениным своим почетным председателем²².

Влияние идей Октябрьской революции на Сунь Ятсена имело место в условиях подъема антиимпериалистической борьбы китайских трудящихся. Одним из первых практических результатов этого влияния стало доброжелательное отношение Сунь Ятсена к первым китайским коммунистам, его постепенное сближение с созданной в 1921 г. компартией.

О большом влиянии на Сунь Ятсена идей Октября свидетельствовала и новая, опубликованная 1 января 1923 г. программа гоминьдана — Манифест о принципах партии, в котором по-новому прозвучали три народных принципа. Так, принцип национализма, хотя и содержал по-прежнему великоханьское требование слияния всех народов Китая в единую китайскую нацию, формулировался уже в значительной мере как средство борьбы против засилья империалистических держав в Китае, за равноправие Китая в семье народов мира и за равенство различных народов внутри Китая. Принципы народовластия и народного благосостояния конкретизировались в виде требований введения демократических свобод, всеобщего избирательного права, уравнивания прав на землепользование, национализации железных дорог, естественных богатств, энергетических предприятий и пр.

В изложении этих принципов содержалась критика пороков западной социально-экономической и парламентской системы. Новым, прогрессивным элементом в идеологии суньятсенизма было положение об участии рабочих в управлении промышленными предприятиями. Манифест гоминьдана включал также требование равноправия мужчин и женщин. Вместе с тем Сунь Ятсен по-прежнему не понимал всей важности решения аграрного вопроса для такой страны, как Китай, отрицал классовую борьбу в деревне и необходимость конфискации помещичьих земель.

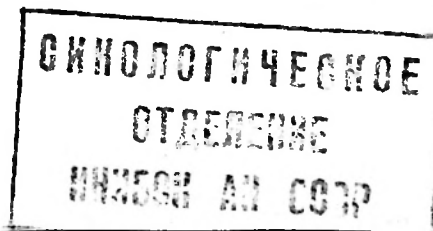
После того как Сунь Ятсен в феврале 1923 г. вновь встал во главе южнокитайского правительства, он выступил с планом мирного объединения страны, стал претворять в жизнь программу гоминьдана, уделяя большое внимание рабочему движению, поддерживая забастовки в Северном Китае, обеспечивая демократические свободы населению и т. д. Несмотря на грубые нападки и обвинения северных милитаристов, называвших его «агентом Коминтерна», «агентом Москвы», решимость Сунь Ятсена идти по пути дальнейшего укрепления отношений с Советской Россией, союза с трудящимися массами всего Китая не ослабевала.

В первой половине 1923 г. в стране развернулась широкая освободительная борьба. Большую роль в ее активизации сыграли февраль-

²⁰ Советско-китайские отношения. 1917—1957, с. 65.

²¹ Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1964, с. 567.

²² См.: АВП СССР, ф. 04, п. 455.



ская забастовка железнодорожников, жестоко подавленная империалистами и милитаристами, и начавшееся в марте антияпонское движение в связи с отказом Токио возвратить Китаю Люйшунь и Далянь, срок «аренды» которых истек. В этих условиях компартия Китая стала переходить от политики поддержки гоминьдана, проводившейся еще со II съезда, к союзу с ним и созданию единого антиимпериалистического фронта. Решение об этом было принято на III съезде КПК в Гуанчжоу в июне 1923 г.

Эту проблему с Сунь Ятсеном обсуждал еще в декабре 1921 г. представитель Коминтерна Г. Маринг. Данный вопрос занимал также главное место во время беседы с В. И. Лениным китайских делегатов, приехавших в Москву в январе 1922 г. на съезд народов Дальнего Востока²³. Сунь Ятсен горячо приветствовал вступление китайских коммунистов в ряды своей партии и опирался на их помощь при осуществлении планов реорганизации гоминьдана и превращения его в боеспособную революционную партию.

Сунь Ятсен доброжелательно воспринимал критику, исходящую от коммунистов, выступавших против непоследовательной политики гоминьдана, в частности по отношению к иностранным державам, и все более правильно строил свою внешнюю и внутреннюю политику. Он также занимался вопросом подготовки надежных военных кадров и послал в Москву группу военных работников гоминьдана для изучения опыта Красной Армии.

В октябре 1923 г. по приглашению Сунь Ятсена в Гуанчжоу прибыл видный деятель русского и международного революционного движения М. М. Бородин, ставший советником Сунь Ятсена по реорганизации гоминьдана. Сунь Ятсен пригласил также группу советских военных специалистов, в которую в разное время входили такие крупные военачальники, как В. К. Блюхер, П. А. Павлов, А. И. Черепанов.

Ознакомление Сунь Ятсена с опытом русской революции показало ему, что только дисциплинированная и монолитная партия может успешно возглавить массы при проведении революционных преобразований, и он всерьез принялся за организационное оформление гоминьдана.

Были созданы районные и низовые комитеты партии, в больших городах — бюро исполкома гоминьдана. Вступление в гоминьдан коммунистов способствовало повышению авторитета этой партии среди народных масс Китая. Теперь Сунь Ятсен впервые открыто призвал гоминьдан учиться у Советской России, перенимать опыт русской революции. Он говорил: «Почему русская революция победила, а наша нет? В России революционеры сами боролись, сами организовывали свою мощь. Мы должны учиться у России, учиться, как бороться, как организовываться, как создать дисциплину...»²⁴. На собраниях партийного актива гоминьдана, проходивших в Гуанчжоу 25 ноября и 1 декабря 1923 г., Сунь Ятсен заявил, что «Россия и Китай являются великими странами и должны иметь одинаковое будущее»²⁵. Тогда же он выдвинул три новые политические установки: союз с СССР, сотрудничество с Компартией Китая и поддержка крестьянских и рабочих масс, им он оставался верен до последних минут жизни.

Призыв Сунь Ятсена к дружбе с СССР вовсе не означал, что он стал разделять коммунистическую идеологию. Он, хотя и пошел в значительной степени влево, по-прежнему придерживался идейно-политических взглядов революционных демократов, далеких от марксистского подхода к оценке китайского общества, проблемам политического устройства, роли империализма. Представления Сунь Ятсена об обще-

²³ См.: Г. В. Ефимов. Указ. соч., с. 163.

²⁴ Сунь Ятсен. Полн. собр. соч., т. II, ч. 3, с. 40 (на кит. яз.).

²⁵ Там же, с. 41.

стве будущего отличались от теории научного социализма и в практическом отношении представляли несколько наивные планы создания общества «народного благоденствия». В его мировоззрении были сильны идеализация прошлого, элементы конфуцианской идеологии, а также националистические, великоханьские мотивы.

Однако союз Советской республики с южнокитайским правительством сыграл огромную роль в дальнейшем развитии всего Китая. Некоторые западные историки, оценивая советско-китайские отношения тех лет, утверждают, что они мало чем отличались от контактов Сунь Ятсена с капиталистическими государствами, а иные заявляют, будто РСФСР преследовала в Китае те же империалистические цели, что и царская Россия, а Сунь Ятсен в сотрудничестве с Москвой видел лишь средство получения военной помощи. Советская историография дает убедительную критику подобных концепций, указывая, что западные историки не учитывают влияния на Сунь Ятсена таких факторов, как отказ Советской России от неравноправных договоров, ее широкая помощь национально-освободительным движениям на Востоке, а также влияния «движения 4 мая 1919 г.» и подъема антиимпериалистической борьбы народных масс Китая. Нельзя забывать и антикапиталистический фактор в идеологии Сунь Ятсена. А заинтересованность СССР в контактах с Сунь Ятсеном заключалась в том, чтобы Китай, сбросив ярмо империализма, стал сильным, независимым, миролюбивым и демократическим государством, которое могло бы стать важнейшим фактором мира и процветания народов Дальнего Востока. Сложившийся при жизни Сунь Ятсена союз демократических сил Китая с Советским Союзом был закономерным явлением.

Союз с Советской Россией не только означал коренной поворот во внешней политике Сунь Ятсена, но и оказал существенное влияние на его внутреннюю политику. Он принял участие в создании, по совету В. И. Ленина и Коминтерна, единого антиимпериалистического фронта²⁶. Процесс формирования единого фронта был нелегким, характеризовался взаимным недоверием сторон (так, многие китайские коммунисты скептически относились к союзу с гоминьданом, а Гуандунская организация компартии была настроена открыто враждебно по отношению к Сунь Ятсену). Эти сектантские, левацкие тенденции в КПК постепенно преодолевались, и после I съезда гоминьдана в политике КПК по отношению к единому фронту наступил перелом.

С конца 1923 г. политическая программа Сунь Ятсена приобретает четкую антиимпериалистическую направленность, а его практическая деятельность выходит далеко за пределы Южного Китая и достигает наивысшего подъема в 1924—1925 гг. «Стремление к прогрессу дало возможность Сунь Ятсену в последний период жизни оценить уроки Октябрьской социалистической революции в России, понять, что Коммунистическая партия Китая и рабочий класс являются самой динамической силой в стране, — писала жена и боевой соратник Сунь Ятсена Сун Цинлин. — Он действовал без промедления, как только понял истину. Он пересмотрел свою старую политику и принципы»²⁷.

Сунь Ятсен развернул деятельность по превращению гоминьдана в идейную, хорошо обученную политическую партию, предпринимал усилия для развертывания массовой работы среди населения, обеспечивая поддержку гоминьдана народом. В своих выступлениях он широко пропагандировал опыт Октября, русских коммунистов, призывал членов гоминьдана широко изучать его.

²⁶ В. И. Ленин предсказал неизбежность сотрудничества китайских коммунистов с Сунь Ятсеном еще в 1912 г. — См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 406.

²⁷ Сун Цинлин. Сунь Ятсен — великий революционер, сын китайского народа. — «Народный Китай», 1956, № 22, с. 8.

Самым крупным достижением революционного демократизма в Китае стала программа I Конгресса гоминьдана, открывшегося 20 января 1924 г. в Гуанчжоу. Она наиболее полно и последовательно выразила сущность революционно-демократических взглядов Сунь Ятсена, к которым он пришел в итоге почти сорокалетней революционной работы, ознакомления с опытом Октябрьской революции. Принятый манифест дал новую трактовку трех народных принципов. Принцип национализма получил совершенно четкую антиимпериалистическую направленность, а также ясно означал признание права наций на самоопределение. Принцип демократизма подчеркивал, что власть должна принадлежать простому народу, а не кучке избранных. Принцип народного благоденствия рассматривал экономическое развитие Китая по пути госкапитализма: ограничение капитала, наделение земель безземельных крестьян, рабочее законодательство, национализация банков и т. д.

Конгресс взял курс на ликвидацию неравноправных договоров с иностранными державами и заключение новых соглашений на основе соблюдения равенства и суверенитета обеих сторон. Это стало центральным требованием внешней политики гоминьдана, которая в целом приобрела последовательный антиимпериалистический характер. Сунь Ятсен на примере Октябрьской революции понял, что освобождение Китая может быть достигнуто только в борьбе против империалистического гнета держав, поддерживавших китайских милитаристов, в союзе с трудящимися массами и компартией. Конгресс, невзирая на ожесточенное сопротивление правых, подтвердил право коммунистов быть членами гоминьдана.

Узнав о смерти В. И. Ленина, Сунь Ятсен предложил в знак траура прервать работу конгресса на три дня. В своем выступлении, посвященном памяти Ленина, Сунь Ятсен с глубоким волнением говорил о человеке, которого лишился мир, выразил твердое намерение идти путем дружбы и сотрудничества с Советским Союзом: «Я хочу идти твоим путем, и хотя мой враг и против этого, но мой народ будет меня приветствовать за это. Ты умер, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками...»²⁸.

I Конгресс гоминьдана дал новое направление политике партии, организационно оформил единый фронт всех прогрессивных сил страны, начительно содействовал общему подъему национально-освободительной борьбы китайского народа.

После конгресса Сунь Ятсен впервые открыто поставил задачу поддержки борьбы народов других стран за освобождение. Если раньше на его высказываниях по этому вопросу лежал отпечаток идей «расовой солидарности», «паназиатизма», то теперь — в немалой степени под влиянием Великого Октября и внешнеполитической практики СССР — он избавился от прошлых заблуждений, поднялся до понимания того, что национально-освободительная борьба всех угнетенных империализмом народов есть неотъемлемая часть мирового революционного процесса, что она может достигнуть успеха лишь в тесном единстве с борьбой мирового пролетариата.

В лекциях «О трех народных принципах» Сунь Ятсен уделял особое внимание пропаганде нерушимого союза с Россией, указывая, что пример Октябрьской революции — образец, которому должен следовать китайский народ в борьбе за национальное освобождение²⁹. Он приветствовал установление 31 мая 1924 г. советско-китайских дипломатических отношений, означавшее не только развитие дружественных двусторонних связей, но и удар по всей системе неравноправных договоров.

²⁸ Советско-китайские отношения, 1917—1957, с. 79; см. также: «Известия», 27.III.1924.

²⁹ См.: Сунь Ятсен. Избр. произв., т. 2, с. 856.

Борьба Сунь Ятсена за национальную независимость и политика дружбы с СССР были с глубокой враждебностью встречены империалистами, которые не останавливались перед применением силы против революционного правительства. Так, Англия после неудачной попытки совершить контрреволюционный переворот в Гуанчжоу решила свергнуть гоминьдановское правительство путем прямой вооруженной интервенции. Только горячая поддержка Сунь Ятсена китайским народом заставила Англию отказаться от своих намерений. Свою роль сыграло и движение «Руки прочь от Китая!», организованное в Советском Союзе. Примеров вооруженного вмешательства иностранных держав против южнокитайского правительства можно было бы привести немало.

В своем политическом завещании Сунь Ятсен еще раз подчеркнул веру в Советский Союз как единственного надежного и бескорыстного друга Китая, выразил надежду, что настанет день, когда свободный и независимый китайский народ рука об руку пойдет с советским народом к светлому будущему человечества. События последующих десятилетий показали реальность этой надежды, и, хотя сегодня советско-китайские отношения не по вине советской стороны имеют далеко не добрососедский характер, советские люди верят: заветы Сунь Ятсена рано или поздно воплотятся в жизнь.

Место Сибири и Дальнего Востока в экономических связях СССР и Японии

В. А. Александров

Осуществляя курс на всемерное развитие народного хозяйства СССР, Коммунистическая партия и Советское правительство большое значение придают расширению торговли, экономического и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами. XXVI съезд КПСС поставил в своих решениях принципиальную задачу: «Рационально использовать преимущества международного разделения труда и возможности внешних экономических связей для повышения эффективности общественного производства»¹. Осуществляя разносторонние связи с другими государствами, развивая экономическое и научно-техническое сотрудничество, Советский Союз содействует на основе взаимной выгоды удовлетворению потребностей своего народного хозяйства в оборудовании, в новой технологии, сырье и материалах, а также удовлетворяет в определенной степени спрос населения на товары народного потребления. «Жизнь требует, — отмечал Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, — плодотворного сотрудничества всех государств во имя решения мирных, конструктивных задач, стоящих перед каждым народом и всем человечеством»².

Как интегральные части единого народнохозяйственного комплекса Советского Союза активную роль в международном разделении труда играют восточные районы — Сибирь и Дальний Восток. Курс на использование природных богатств этих регионов в общегосударственных интересах был определен В. И. Лениным еще в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Причем основатель Коммунистической партии и Советского государства подчеркивал не только значение этого с точки зрения Страны Советов, но и международную важность использования ресурсов Сибири, при котором учитывались бы взаимные интересы участников сотрудничества. Он указывал, что есть возможность «поднять всемирную технику», если капиталистические страны вступят в правильные отношения с нами³.

Эти ленинские положения не утратили своего значения и в современных условиях, когда Советский Союз достиг высот развитого социализма. Ныне экономическое сотрудничество с другими странами помогает экономить труд и материальные ресурсы, способствует ускорению технического прогресса, дает выигрыш во времени. На достижение этого ориентирована деятельность плановых органов страны, всего хозяйственного механизма, связанного как с производством экспортной продукции,

¹ Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. М., 1981, с. 83.

² Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 34.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 113.

так и с эффективным использованием поступающих из-за рубежа техники, материалов, новинок технологии.

* * *

С ускорением развития производительных сил восточных районов СССР, особенно обозначившимся в 70-е годы, возрос их удельный вес во внешнеэкономических связях страны. Особое значение в этом плане имело превращение Сибири в главную топливно-энергетическую базу Советского Союза, включение в народнохозяйственный оборот открытых ранее уникальных по объему и концентрации ресурсов месторождений нефти и газа на Западно-Сибирской низменности, а затем и в прилегающих субарктических районах.

В 1970 г. из 353 млн. т нефти и газового конденсата, добытых в СССР, на долю Сибири приходилось 28 млн. т. В 1980 г. из 603 млн. т нефти и конденсата на Сибирь приходилось уже примерно 313 млн. т. Доля восточных районов в общесоюзной добыче нефти и конденсата будет возрастать высокими темпами и на всем протяжении одиннадцатой пятилетки. В 1985 г. из 620—645 млн. т союзной добычи сибирская часть должна составить 385—395 млн. т, то есть примерно 60 %.

Высоки и темпы роста производства газа на востоке страны. В 1980 г. на промыслы Западной Сибири приходилось 37 % общесоюзной добычи — 163 млрд. м³. В 1985 г. из 600—640 млрд. м³ газа, добываемого в стране, на Сибирь будет приходиться 330—370 млрд. м³ — примерно 55 %.

Включение нефти и газа Сибири в хозяйственный оборот страны привело к их активному использованию во внешнеторговых операциях. Благодаря наращиванию добычи углеводородного сырья в восточных районах возрастает его доля в советских поставках за границу. В целом на топливо и электроэнергию в структуре советского экспорта приходилось: в 1970 г. — 15,6 %, в 1975 г. — 31,4 %, в 1979 г. — 42,2 %, в 1980 г. — 46,9 %⁴.

В эту категорию поставок входит и некоторое количество твердого топлива, одним из поставщиков которого также является Сибирь, прежде всего Кузнецкий бассейн. Однако основную их часть составляет углеводородное сырье и топливо. Так, в 1979 г. в советском экспорте на долю нефти, нефтепродуктов и газа приходилось 39,1 %. Стоимость этих экспортных товаров, основным поставщиком которых стала Сибирь, превысила 14,5 млрд. руб.⁵

Высокий процент углеводородного сырья в советском экспорте не является аномалией в конъюнктуре международной торговли, а скорее отражает утверждающуюся тенденцию на мировом рынке. В общем объеме мировой торговли в 1980 г. нефтяной экспорт составил примерно 25 % по сравнению с 11 % в 1973 г. К тому же сама масса поступающей в продажу нефти была на 10 % ниже, чем в предыдущем году, поскольку некоторые страны-импортеры расходовали имеющиеся запасы. Так как СССР является одним из мировых экспортеров нефти и газа, совокупная доля этого сырья в его экспорте, естественно, выше среднемировых показателей.

Следует отметить, что одно время средства массовой информации ряда капиталистических стран, а подчас и их официальные органы пытались несколько преуменьшить оценки перспектив развития советской

⁴ См.: Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с. 540.

⁵ См.: Внешняя торговля СССР в 1979 г. Статистический сборник. М., 1980, с. 19. 25.

нефтяной и газовой промышленности. Смысл этих действий очевиден: породить сомнение в прочности партнерских связей Советского Союза.

Бурное развитие добывающих отраслей в СССР опрокинуло все эти утверждения. Их беспочвенность стала очевидной. Теперь уже деятели, претендующие на обоснованность своих суждений, ведут совсем другие речи. Так, американский сенатор У. Проксмайр заявил в сентябре 1981 г., что запасы нефти Советского Союза не иссякают вопреки предыдущим прогнозам американских разведывательных организаций и сектор энергетики не будет ограничивать рост советской экономики.

В торгово-экономических отношениях Советского Союза с государствами капиталистической части мира, в частности с Японией, возрастает доля поставок продукции Сибири и Дальнего Востока. Эти поставки, а также импорт японских изделий, предназначенных для восточных районов СССР, в полной мере учитывают взаимную заинтересованность сторон.

Японские фирмы советский рынок привлекает разнообразием экспортных и импортных возможностей, масштабом сотрудничества, сокращением издержек на транспортные расходы, надежностью партнерских обязательств. Как подчеркивает японская печать, развитие экономического сотрудничества с СССР служит для фирм Японии важным средством противодействия попыткам крупных компаний некоторых капиталистических стран монополизировать японский рынок.

В 1979 г. стоимость экспорта из Сибири и Дальнего Востока в Японию только по нескольким группам товаров (топливо, лес и лесоматериалы, пушнина, рыба и морепродукты, лекарства народной медицины) превышала 608 млн. руб. из общей суммы советского экспорта в 944 млн. руб. Следовательно, сибирский и дальневосточный экспорт составлял около 60 % от советских экспортных поставок в Японию. С учетом того, что поставки японских товаров в СССР оценивались в том же 1979 г. в 1653,5 млн. руб., указанный объем сибирского и дальневосточного экспорта покрывал около 40 % всего импорта Японии. В общесоюзном экспорте в капиталистические страны эта часть товаров занимала 5 % и покрывала стоимость 4 % всего советского импорта из капиталистических стран⁶.

В едином народнохозяйственном комплексе СССР использование валюты, полученной от экспортных поставок, осуществляется с учетом общей экономической целесообразности и в соответствии с государственными планами. Поэтому нет прямой взаимосвязи между производством экспортных товаров в тех или иных районах и поставками в эти районы изделий из-за рубежа. Вместе с тем экономические интересы нередко диктуют необходимость использования части валютной выручки для развития отраслей, производящих товары на экспорт. Именно в таком положении находятся многие районы Сибири и Дальнего Востока, где для развития производства на внутрисоюзные нужды и обеспечения потребностей экспортных отраслей в широких масштабах используются зарубежная техника, материалы и оборудование.

Одним из крупных контрагентов в данном случае выступает Япония. Поставки товаров из Японии направляются в значительной степени на увеличение производства той продукции, которая занимает существенное место и в советских поставках на японский рынок. Речь идет о развитии ранее сложившихся предприятий и отраслей, а также о создании новых предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности.

Поставки импортных машин, оборудования, материалов для развития производства и транспортной сети являются и самостоятельными элементами отдельных внешнеэкономических операций, и сопряженны-

⁶ См. там же, с. 8, 240, 241.

ми частями общих соглашений. Для их финансирования используются средства, полученные как от обычных товарообменных операций, так и в результате компенсационных соглашений.

Особенно большое значение для развития районов Сибири и Дальнего Востока имеют компенсационные соглашения. Существенно не только то, что по компенсационным соглашениям поступает комплексное и наиболее совершенное оборудование. Немаловажное значение имеет и система расчетов за поставки: продукция, поставляемая советскими предприятиями в оплату за полученное оборудование, составляет только часть общего объема ее производства, обычно на уровне 20—30%. Основная же часть получаемой продукции идет на внутреннее потребление или на другие цели, не связанные с компенсационными соглашениями. Среди 60 крупных промышленных объектов, определенных к строительству в СССР на компенсационной основе в десятой пятилетке, видное место принадлежало предприятиям Сибири и Дальнего Востока, широко использовавшим импортное оборудование.

Например, в соответствии с так называемыми Лесными соглашениями между СССР и Японией расширяется, модернизируется и реконструируется ряд крупных лесозаготовительных хозяйств. Новая техника и соответствующая ей технология внедрялись, в частности, на Матайском лесопункте Хорского леспромхоза и Подгорском лесопункте Николаевского леспромхоза в Приморском крае, на Джалиндинском лесопункте Талданского леспромхоза в Амурской области. Закупленная по компенсационным соглашениям техника позволила повысить производительность труда на различных операциях, увеличить выпуск продукции⁷.

Срок действия компенсационных соглашений обычно около 5 лет. Примерно такого же времени требует и строительство компенсационных объектов в лесной промышленности. Поскольку расчет за поставки оборудования начинается раньше, чем завершается создание компенсационных предприятий, в оплату идут поставки лесоматериалов с ранее организованных предприятий. Таким образом, реконструированные с использованием компенсационного оборудования предприятия основную часть последующего амортизационного срока могут работать для поставок продукции по народнохозяйственному плану безотносительно к поставщикам техники.

Здесь Советский Союз практически идет навстречу интересам партнеров. Они как бы получают продукцию еще не созданных предприятий. В этом сказывается преимущество Советского Союза как торгового партнера — он может маневрировать ресурсами в таких масштабах, которые недоступны частным предприятиям капиталистического мира. Эту сторону весьма ценят зарубежные партнеры. Подобное обстоятельство увеличивает взаимную заинтересованность сторон в продлении соглашений о сотрудничестве, так как зарубежные партнеры могут получать в возрастающих количествах продукцию, выработанную с использованием их техники, а советская сторона может расширять фронт работ по реконструкции и модернизации предприятий.

Из-за рубежа, в том числе из Японии, осуществляются поставки машин и оборудования для разработки Южно-Якутского угольного бассейна. Техника японского и иного производства широко используется на вскрышных работах, при прокладке дорог, в строительном деле. Эти поставки сыграли положительную роль в создании угольного разреза и освоении богатого месторождения коксующегося угля в районе Нерюнгри, к которому подведено меридианальное ответвление Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В Нерюнгри сооружается обогатительная фабрика, которая позволит значительно повысить качество вывозимого с месторождения угля.

⁷ См.: «Внешняя торговля», 1980, № 7, с. 18—20.

Всего в Японию в порядке компенсации должно быть поставлено 104 млн. т коксующихся углей. В первые годы реализации компенсационного соглашения оплата происходит за счет поставок коксуемого угля с действующих шахт Кузнецкого района. Снимаемый в Нерюнгринском разрезе Южной Якутии верхний слой представляет собой окислившиеся угли, которые идут на энергетические цели в соответствии с потребностями хозяйственного развития советского Дальнего Востока.

В дальнейшем, когда в Нерюнгри начнется добыча коксуемого угля марки «К», он с 1983 г. и до рубежа столетия будет частично поставляться в Японию в оплату компенсационного оборудования. Поставке подлежат 5 из 13 млн. т угледобычи в год. Остальная, большая часть пойдет советским потребителям, причем это будет высококачественный уголь, обработанный на обогатительной фабрике. Получение такого угля создает важную предпосылку для формирования новой металлургической базы на Дальнем Востоке, о чем давно уже говорят как о назревшей необходимости. Прокладка БАМа, возможность вывезти обогащенный уголь из Нерюнгри делают вполне реальным осуществление планов производства черных металлов с использованием сырья Алданского железорудного бассейна, что позволит уменьшить поставки металла из западных районов страны.

Сопоставление затрат на строительство БАМа, города Нерюнгри, объектов угольного комплекса с суммами иностранных кредитов и стоимостью закупленного за рубежом оборудования показывает, что внешние поступления составляют лишь небольшую часть произведенных инвестиций. Эти суммы не могли быть определяющими в том грандиозном строительстве, которое преобразует обширную зону южной Якутии.

Подобно тому как распределяется уголь, добываемый с использованием компенсационной техники в Южной Якутии, могут распределяться нефть или газ, разведка которых ведется на шельфе острова Сахалин на основании соответствующего советско-японского Генерального соглашения.

Издержки геологоразведки, которые несут японские компании, вместе с тем сулят им немалый выигрыш, так как в случае успеха поисков нефти или газа они получают выгодную компенсацию в виде некоторых льгот по ценам и стабильно обеспеченных поставок дефицитного сырья. Японские предприниматели высоко ценят такие условия соглашения.

Это сотрудничество в полной мере отвечает и советским интересам. Для осуществления поисковых работ на шельфе близ Сахалина из Японии было получено оборудование, позволяющее вести разведку недр на значительной глубине и в условиях сложной ледовой и общей морской обстановки. Так, фирма «Мицуи» поставила плавучую установку судоподъемного типа, позволяющую осуществлять на морском шельфе бурение скважин глубиной до 8 тыс. м.

При оценке сотрудничества с Японией в поисках нефти и газа, разработке месторождений следует иметь в виду, что это взаимодействие распространяется лишь на весьма ограниченную часть добывающих отраслей. Решающую роль в разведке и добыче играют усилия советских организаций, оборудование, разработанное и созданное в СССР. Американский сенатор У. Проксмайр, слова которого приводились выше, отмечал, что, по его данным, Советский Союз производит до 95 % основного оборудования для нефтяной промышленности. Это, по мнению многих обозревателей, опровергает расчеты отдельных политических деятелей США на разного рода ограничения в торговле в целях сдерживания советского экономического развития. Ни у администрации США, ни у кого-либо еще нет и не может быть в руках рычагов, влияющих на динамичную поступь советской экономики.

Поиск месторождений нефти и газа на шельфе острова Сахалин, а равно и ведущаяся с японским участием разведка газовых месторожде-

ний Якутии призваны помочь поставкам этих ценных видов горючего и сырья в Японию. Одновременно эксплуатация выявленных месторождений поможет еще больше расширить возможности развития других отраслей индустрии. Выгода, таким образом, обоюдная. «Энергетическая проблема, — отмечал председатель Совета директоров японской компании «Токио гасу» А. Андзай, — одна из серьезнейших общенациональных проблем, стоящих перед нашей страной, и значительные надежды мы возлагаем на реализацию якутского газового проекта».

* * *

Одной из областей экономического сотрудничества СССР с Японией является развитие транспортных средств и предоставление японской стороне транспортных услуг.

Крупнейшим объектом сотрудничества в транспортном строительстве стал порт Восточный близ города Находки. В 1979 г. была сдана в эксплуатацию первая очередь этого глубоководного порта, которая включает специализированные комплексы по переработке круглого леса (его производительность — 360 тыс. т в год), щепового комплекса для загрузки в трюмы кораблей древесной щепы, контейнерного терминала, пропускающего в год по 700 тыс. контейнеров международного стандарта, угольного комплекса производительностью 5 млн. т угля в год. Планируемое дальнейшее расширение этого порта позволит перерабатывать в нем ежегодно 40 млн. т различных грузов. В результате Восточный станет крупнейшим морским портом СССР.

Сооруженные в порту Восточный мощности создали условия для широких международных транспортных операций. Так, контейнерный терминал порта Восточный в немалой степени содействовал утверждению на международном рынке транспортных услуг нового «сухопутного моста», связывающего Тихий океан с Балтикой. Крупнотоннажные контейнеры по меньшей мере в 10 раз ускорили грузовые операции, а транспортировка через Сибирь сократила для многих грузов путь с 20—27 до 13 тыс. км, обеспечила экономию транспортных расходов по крайней мере на одну пятую часть. В результате значительная часть грузов между Западной Европой и тихоокеанскими странами стала доставляться по Транссибирской магистрали.

Японские компании активно используют услуги этого «сухопутного моста». Только надежная возможность быстро, без дополнительных перевалок преодолеть расстояние между Тихим океаном и Балтикой позволила некоторым японским товарам оказаться на европейском рынке. Сибирь оказалась для Японии дорогой в Европу.

В недалеком будущем к транспортным операциям подключится и Байкало-Амурская магистраль. Транспортные услуги взаимовыгодны и просто необходимы для осуществления торговых операций. На их оплату падает 10 % мировых расчетов. Сокращение транспортных издержек при перевозке грузов из Японии в Европу через Советский Союз — это тот случай, когда каждая из сторон сотрудничества оказывается в выигрыше.

Опыт международного использования контейнерного терминала в порту Восточном был активно применен и в других перевалочных пунктах. Так, он учитывался при сооружении своеобразного контейнерного паромы между портами Магадан и Ванно, то есть на линии, обслуживающей чисто внутренние перевозки СССР. С 1981 г. контейнерные перевозки здесь стали регулярными, что обеспечило значительную экономию материальных ресурсов и трудовых затрат.

При сооружении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали широко используется строительная техника, приобретаемая в Японии. Начало поставкам этого рода было положено при строительстве так на-

зываемого Малого БАМа, то есть меридианальной ветви, соединяющей БАМ и Транссиб через станцию Тында со станцией Угольная, откуда идет отгрузка угля Нерюнгринского месторождения Южной Якутии. Некоторые виды японской техники показали на этой стройке хорошие эксплуатационные качества. Стали производиться закупки и для других участков магистрали. Для сооружения ряда тоннелей используется оборудование, поставленное фирмой «Нисё—Иван». На строительстве самого крупного на БАМе и в целом в СССР 15-километрового Северо-Муйского тоннеля используются горнопроходческие установки фирмы «Фурукава». Бульдозеры «Комацу», краны «Като» получили длительную «прописку» на строительных площадках вдоль всей трассы⁸.

Установились рабочие связи между японскими фирмами и советскими мастерами, работающими на импортном оборудовании. Эти связи помогают совершенствовать технику. Например, на магистрали был испытан буровой агрегат фирмы «Като». Сделанные советскими специалистами замечания были переданы фирме. С учетом этих замечаний агрегат доработали в Японии. В итоге были повышены рабочие качества машины, что отвечало интересам обеих сторон в этом международном сотрудничестве⁹.

Приобретаемая Советским Союзом техника позволяет экономить общие затраты труда, приблизить сроки ввода в строй новой транспортной артерии на востоке страны.

Японская техника находит применение и в другой области транспортного строительства — при сооружении трубопроводов для перекачки нефти и газа Сибири. Так, фирма «Коё» поставила крупную партию промышленной арматуры, включающую вентили, задвижки, обратные клапаны и другие приспособления для магистральных нефте- и газопроводов. Для сооружения газопровода Западная Сибирь — Европейская часть СССР у японских фирм «Сумитомо метал индастриз», «Ниппон стил», «Ниппон кокан», «Кавасаки стил» была закуплена крупная партия труб большого диаметра. На прокладке газопроводов из северных айонов Тюменской области находят применение трубоукладчики фирмы «Комацу», другая техника японских фирм¹⁰.

Импорт из Японии труб, оборудования и машин для прокладки трубопроводов связан с рядом обстоятельств. Самым существенным является то, что добыча и транспортировка нефти и газа Сибири опережает развитие большинства других отраслей индустрии. Требуется большое количество проката, особенно труб большого диаметра — 1220 и 1420 мм. Только в текущей пятилетке предстоит ежегодно вводить для транспортировки газа по 1500 км магистральных трубопроводов. Обращение к внешнему рынку помогает выиграть время, хотя, естественно, основная работа проводится с использованием техники и оборудования советского производства.

Импортная, в том числе японская, техника на промышленных предприятиях и стройках Сибири и Дальнего Востока, как правило, используется в комплексе с советскими машинами и оборудованием. Это позволяет выявлять положительные стороны различных образцов, проверять возможность их применения в экстремальных условиях, вырабатывать наиболее целесообразные схемы и методы использования техники, совершенствовать ее.

Например, на ряде предприятий Восточной Сибири, связанных с поставками лесоматериалов на экспорт, в том числе в Японию, было проведено сопоставление эксплуатационных качеств и экономических показателей валочно-пакетирующих машин, снабженных захватно-сре-

⁸ См.: «БАМ», 16.IV.1980, 26.XII.1980, 2.IV.1981.

⁹ См. там же, 24.XII.1980.

¹⁰ См.: «Экономическая газета», 1980, № 34; «Внешняя торговля», 1981, № 1.

зающим устройством. Использовалась прежде всего техника тех стран, которые имеют богатый собственный опыт в лесном хозяйстве. В процессе работ были выработаны оптимальные схемы полностью механизированной валки и трелевки деревьев на лесосеках. Были найдены пути совершенствования советской техники, а также рекомендованы методы повышения надежности машин и оборудования зарубежных фирм. Этот эксперимент был полезен и советским предприятиям и партнерам из-за рубежа ¹¹.

Существенной стороной использования в Сибири и на Дальнем Востоке импортной, в частности японской, техники является возможность сопоставить различные методы труда, ускорить внедрение достижений научно-технического прогресса. Это не значит, что импортная техника превосходит отечественную. Часто бывает и наоборот. Но в каждой стране и даже у каждой крупной фирмы накоплен свой положительный опыт, отработана та или иная технология, которая в других местах еще не получила должного распространения.

Советские внешнеторговые организации, их эксперты и другие представители ориентируются на приобретение наиболее совершенной техники, способной заменить наибольшее число рабочих рук. В Сибири и прежде всего в ее северных районах эта сторона дела особенно важна, так как здесь затраты на каждую рабочую единицу выше, чем в других зонах страны. Стоимость обустройства и содержания одного работника в Сибири в среднем в 2,5 раза выше, чем в обжитых среднеширотных районах. Особенно велики эти издержки в зонах начального освоения, где обустройство одного работающего обходится в 17—20 тыс. руб., а в отдельных районах Приполярья превышает 60 тыс. руб. ¹².

Поставляемая в Сибирь и на Дальний Восток техника, в том числе и приобретаемая у зарубежных партнеров, должна обладать большой мощностью, эксплуатационной выносливостью, выдерживать любую погоду и пр. Далеко не всякая зарубежная техника отвечает этим требованиям. Советским организациям приходится на месте осуществлять ее «доводку», и самое главное — ремонт, продление сроков годности.

Техника, закупаемая в Японии и в других странах, при высокой требовательности советских заказчиков выдвинула задачу специальной подготовки кадров, которые обеспечивали бы ее надежное содержание и эффективное использование. Естественно, это создало некоторые организационные сложности, но вместе с тем имело и положительное значение для повышения квалификации специалистов, расширения их технического кругозора. В Сибири и на Дальнем Востоке была создана целая система подготовки и переподготовки специалистов для работы на машинах и оборудовании, поставляемых из-за рубежа. Примечателен опыт организации подготовки для работы на импортной технике, в том числе на бульдозерах «Комацу», в тресте «Бамстроймеханизация» — одном из наиболее крупных предприятий на строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В тресте был организован учебный пункт, где проводились занятия с рабочими высокой квалификации, хорошо освоившими аналогичную советскую технику. Здесь используются наглядные пособия, образцы машин, плакаты, кинофильмы, слайды, помогающие повысить качество обучения ¹³.

Тщательная подготовка машинистов, бульдозеристов, стропальщиков, рабочих других специальностей позволяет эффективно использовать дорогостоящую технику, содержать ее с соблюдением эксплуатационных норм и вместе с тем выявлять возможности как для ее совершенст-

¹¹ См.: «Лесная промышленность», 1980, № 1.

¹² См.: «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР», серия общественных наук, вып. 1. 1981, № 1, с. 44, 61; «Газовая промышленность», 1981, № 2, с. 43.

¹³ См.: «БАМ», 25.III.1981, 8.IV.1981.

вованья, так и для параллельного улучшения механизмов отечественного производства. Расширение технического кругозора, приобретение навыков работы на технике зарубежного производства содействуют повышению квалификации, росту производительности труда и при использовании новых мощных и высокопроизводительных советских машин и оборудования.

Наряду с развитием экономических связей, поставками техники для восточных районов СССР большое значение имеет научно-техническое сотрудничество с Японией, в котором активное участие принимают научные учреждения Сибири и Дальнего Востока.

Некоторые достижения науки и техники Японии находят практическое применение в советской практике. Так, бурное развитие трубопроводного транспорта в СССР потребовало использования многих технических новинок, запатентованных за рубежом. Советские специалисты внимательно изучали результаты японских работ по повышению прочности труб для нефтяной и газовой промышленности, устойчивости металла против разрушений, улучшению качества сварного соединения труб в зонах низких температур. Разработанная в Японии так называемая СЕКТ-система учитывалась при совершенствовании устройств по электрообогреву трубопроводов для промыслов Сибирского Севера¹⁴.

Равным образом японские фирмы изучают опыт советских специалистов, приобретают лицензии на разработанные учеными и конструкторами СССР машины и технологические процессы. Так, японские компании приобрели несколько лицензий на гидравлический способ добычи угля, разработанный в Кузнецком бассейне Сибири, на некоторые процессы доменного производства и выработки кокса, разработанные сибиряками. Большую заинтересованность многие японские ученые проявляют в осуществлении контактов с институтами Сибирского отделения Академии наук СССР.

* * *

Торгово-экономические отношения Советского Союза с Японией, как со всеми другими странами, предусматривают наряду с покупками машин, оборудования, сырья также поставки товаров народного потребления. Это естественная черта мировой торговли. Изделия сибирских камнерезов, знаменитые меха Сибири, медицинские товары Советского Дальнего Востока можно встретить во многих странах мира, в том числе в Японии. Соответственно осуществляются и поставки в СССР. Так, при реализации соглашений по лесу, углю, разведке газовых месторождений часть кредитных средств направлялась на оплату таких товаров для внутреннего рынка, как одежда, обувь (особенно приспособленная к местным условиям), фарфоровая посуда, бытовая радиоэлектронная техника и пр. Эти поставки имеют многоплановое значение, международное и внутреннее, экономическое и социальное. Прежде всего средства, вырученные от реализации товаров потребления, помогают финансировать стройки, сооружаемые на основе компенсационных соглашений. Таким образом частично оплачивается привлекаемая рабочая сила. Это в свою очередь облегчает развитие производства в малообжитых районах.

Поставки из-за границы, в частности из Японии, товаров потребления помогают улучшить снабжение населения изделиями, которые не производятся в восточных районах СССР или выпускаются в недостаточном количестве. Нельзя забывать, что производственные мощности в Сибири и на Дальнем Востоке не были рассчитаны на быстрое увеличение покупательного спроса, вызванное притоком высокооплачиваемых кадров. Не все вопросы снабжения удастся оперативно решать и путем

¹⁴ См.: «Газовая промышленность», 1981, № 1, 4.

переброски товарных фондов из западных районов страны. Более того, как показывают подсчеты экономистов, Советскому Союзу подчас оказывается выгоднее закупать некоторые потребительские товары у соседей по Дальнему Востоку, чем доставлять их из европейской части страны.

Обеспечение импортными товарами районов новостроек помогает улучшить бытовые условия новоселов, содействует закреплению кадров. Богаче становится ассортимент товаров, шире выбор изделий. Все это способствует лучшей сбалансированности расходной и приходной части местных бюджетных расчетов, сохранению равновесия между ростом заработков и расходами населения.

Немаловажное значение в этом плане имеет прибрежная торговля — специфический вид торговли, получивший развитие, в частности, в советско-японских отношениях. Сделки по прибрежной торговле между Советским Союзом и Японией начались в 60-х годах с поставок изделий мелких и средних японских фирм при оплате этих поставок товарами местного, дальневосточного производства. В 1964 г. для осуществления сделок по прибрежной торговле была учреждена советская внешнеторговая контора, преобразованная в 1979 г. во всесоюзное хозрасчетное внешнеторговое объединение «Дальинторг» со штаб-квартирой в Находке.

Объем взаимных поставок по прибрежной торговле в 1980 г. превысил 70 млн. руб. Эта сумма составляет всего лишь сороковую часть общего объема советско-японской торговли, но роль прибрежной торговли значительна именно в обеспечении потребительского спроса, так как она в основном связана с приобретением в Японии товаров потребления. Часть средств, полученных от прибрежной торговли, направляется на развитие тех отраслей местного производства, продукция которых идет на экспорт. Таким образом, создаются условия для расширения производства и улучшения качества товаров, направляемых за рубеж по линии прибрежной торговли.

С большой заинтересованностью к прибрежной торговле относится и японская сторона. В чем состоит ее выгода и почему при относительно ограниченных размерах сумм прибрежной торговли к ней проявляет интерес значительное число японских фирм?

Дело в том, что прибрежная торговля дает возможность сбыта товаров прежде всего мелких предприятий, испытывающих большую конкуренцию со стороны крупных фирм. Можно без преувеличения сказать, что многие мелкие предприятия, кооперативы были бы раздавлены монополиями, если бы лишились стабильного рынка для своих товаров в виде прибрежной торговли. А это значит, что могло бы лишиться работы, средств существования значительное число трудящихся.

Равным образом прибрежная торговля помогает и снабжению сырьем, необходимыми изделиями многих мелких фирм, которые не могут выходить на мировой рынок для приобретения больших партий товара.

Примечательна активная позиция японских участников прибрежной торговли, проявляющих стремление содействовать оздоровлению отношений между обеими странами. Так, по инициативе Японской ассоциации содействия прибрежной торговле и рыболовству в городе Аомори в августе 1981 г. состоялась конференция представителей деловых кругов и муниципалитетов более 40 городов, расположенных на побережье Японского моря. В принятых резолюциях, которые были направлены японскому правительству, ее участники подчеркнули важность развития отношений дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, дальнейшего расширения прибрежной торговли и всесторонних связей двух стран. Они высказались за активное участие западных районов Японии в советско-японском сотрудничестве, в частности в освоении богатств Сибири.

Связь со многими мелкими фирмами, торговыми кооперативами и ассоциациями, оперативное оформление сделок и быстрая доставка товаров позволяют советской стороне гибко реагировать на спрос, поставлять в восточные районы СССР изделия, в которых испытывается наибольшая потребность. Существенной стороной прибрежной торговли является то, что поставляемые из Японии товары реализуются через торговую сеть областей, краев и автономных республик в соответствии с их поставками, с их долей участия в торговых операциях. Это позволяет лучше мобилизовать экспортные возможности предприятий и организаций Сибири и Дальнего Востока, включать в торговый оборот изделия народного промысла, местной промышленности, производимые небольшими партиями.

Из года в год растут не только объемы прибрежной торговли, но и число участвующих в ней краев, областей и автономных республик Российской Федерации. Практически в этом виде товарообмена участвуют все районы Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Расширение торгово-экономических связей Сибири и Дальнего Востока с Японией потребовало совершенствования организаций, не только связанных с торговыми операциями, но и осуществляющих рекламные, ознакомительные и тому подобные функции. Так, большую работу в организации выставок, экспозиций советских товаров в Японии и японских товаров в Советском Союзе проводят отделения Торгово-промышленной палаты во Владивостоке, Хабаровске и Иркутске.

Товары, поставляемые в рамках прибрежной торговли, экспонируются на выставках и ярмарках, организуемых в Японии или в городах советского Дальнего Востока. Это повышает престиж предприятий, участвующих в торговом обмене, служит дополнительным фактором, содействующим повышению качества и расширению ассортимента производимой продукции и тем самым улучшению снабжения населения товарами народного потребления.

* * *

Ускорение научно-технического прогресса, развитие индустриальной базы и инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке создают существенные предпосылки дальнейшего расширения участия этих районов во внешнеэкономических связях СССР, особенно с соседней Японией.

Наряду со сложившимися контингентами товаров и формами сотрудничества могут стать перспективными и многие новые объекты торговых операций. На повестке дня стоит сотрудничество по усовершенствованию переработки древесины с тем, чтобы наряду с круглым лесом из Сибири и Дальнего Востока вывозилась в возрастающих количествах более компактная и ценная продукция: пиломатериалы, фанера, древесно-стружечные плиты, целлюлоза и пр. Это отвечало бы взаимным интересам СССР и Японии, способствовало бы лучшему использованию производительных сил Сибири и советского Дальнего Востока.

В разработках экономистов и производственников высказывается мысль о целесообразности создания не только заводов-гигантов по переработке древесины, но и о дополнении их серией более мелких предприятий, которые могли бы размещаться в удобных с точки зрения транспортных возможностей, но менее богатых лесом районах. Это создавало бы разветвленную производственную сеть, позволяло бы эффективнее использовать сырьевой потенциал.

Ждет своего развития и сотрудничество в области химии и нефтехимии. Создание ориентированных на поставку в Японию предприятий химической индустрии позволило бы сократить в несколько раз транспортные расходы, так как транспортировка современной продукции предприятий химии в 8—10 раз дешевле, чем перевозка сырой нефти. Это будет выгодно для обеих стран.

Мировая конъюнктура делает все более оправданным развитие в Сибири и на Дальнем Востоке производства жидких видов горючего из твердого топлива. Запасы каменного угля в нескольких сибирских бассейнах исчисляются астрономическими величинами — цифрами с двенадцатью полями. Залегание некоторых ресурсов близ поверхности и размещение их вдоль существующих железнодорожных путей делает чрезвычайно удобной и недорогой крупномасштабную разработку. Например, открытая добыча энергетических углей в Канско-Ачинском бассейне позволяет производить самое дешевое в стране топливо. Его запасы дают возможность извлекать в год до миллиарда тонн. Такая сырьевая основа служит важнейшей предпосылкой организации производства жидкого горючего, дефицит которого в мировом хозяйстве растет.

Планом экономического и социального развития СССР в одиннадцатой пятилетке предусматривается создание в Канско-Ачинском бассейне первых установок по производству жидкого горючего. Учитывая большие сырьевые возможности района, а также мощную научную базу, обеспечивающую советскую энергетику, можно предвидеть большой интерес зарубежных фирм к налаживанию сотрудничества в области выработки жидкого горючего из каменного угля.

Рост потребления металла в восточных районах СССР делает все более настоятельной потребностью в создании новой металлургической базы. Прокладка БАМа обеспечивает решение транспортной проблемы в районах залежей необходимого сырья (коксующегося угля и железной руды).

Приближается время широкого использования запасов медной руды, асбеста и других ископаемых, расположенных вдоль трассы БАМа. На протяжении магистрали, которая проходит в основном через таежные районы, где не велось никаких разработок полезных ископаемых, имеется немало залежей, представляющих первостепенный производственный интерес. Расчет на их использование в немалой степени и предопределил географию прокладки магистрали.

Издавна существует убежденность, что освоение богатств Сибири — это прежде всего преодоление ее расстояний. Сооружение БАМа помогает решению этой проблемы, создавая плацдарм для освоения природных богатств в прилегающей к магистрали зоне, равной примерно миллиону квадратных километров.

Сооружение БАМа позволяет сконцентрировать взаимодействие с зарубежными партнерами прежде всего на сфере промышленного производства, сулящей наибольшую взаимную выгоду. Для Сибири и Дальнего Востока такое сотрудничество представляет интерес не только в плане равномерного размещения индустрии, но и в силу некоторых других обстоятельств. Дело в том, что к концу одиннадцатой пятилетки по всей трассе БАМа должно быть открыто сквозное движение. Строительство еще будет продолжаться, но основные строительные задачи останутся позади.

В этих условиях становится актуальной необходимость включения сложившихся строительных коллективов в осуществление новых проектов. Такая перспектива предусмотрена решениями XXVI съезда КПСС, в которых планируются проектные работы по продолжению меридионального ответвления от станции Угольная до Якутска. Это еще примерно 800 км нелегкого пути.

Многие тысячи строителей передислоцируются на новые участки стройки. Но большое число людей останется в районах, прилегающих к трассе БАМа. Дать этим высококвалифицированным специалистам работу, соответствующую их навыкам, знаниям и опыту, — дело нелегкое, но одновременно и весьма благодатное, так как сложились и будут складываться новые задачи коллективы строителей. Чем быстрее будут опреде-

лены сферы приложения их труда, тем больше будет экономический выигрыш, тем эффективнее будет международное сотрудничество, если к стройкам будут подключены зарубежные партнеры.

Расширяя партнерство с другими странами, в частности за счет использования возможностей Сибири и Дальнего Востока, Советский Союз исходит из стремления развивать сотрудничество во взаимных интересах. Естественно, что намеченные стройки, увеличение производства будут осуществлены вне зависимости от того, примут в реализации проектов участие другие страны или нет. Как отмечал Л. И. Брежнев в ответах японской газете «Асахи», беспочвенны утверждения, что «Советский Союз своими силами не сможет освоить богатейшие ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Совершенно очевидно, и это показывает вся история нашего государства, что мы имеем все возможности справиться с этой задачей».

* * *

Реализация сибирских и дальневосточных проектов открывает широкие возможности для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества СССР с зарубежными странами. В Советском Союзе наряду с обеспечением общегосударственных интересов такое сотрудничество будет отвечать и решению региональных задач. Как и прежде, развитие восточных районов будет определяться внутренними потребностями и возможностями страны. Вместе с тем взаимовыгодное партнерство будет способствовать более быстрому включению ресурсов восточных районов в хозяйственный оборот СССР, а также дальнейшему осуществлению высказанной В. И. Лениным идеи развития связи «со всемирной торговлей через Тихий океан...»¹⁵.

Осуществление проектов развития Сибири и Дальнего Востока с участием зарубежных фирм позволяет решать и важную внешнеполитическую задачу: укреплять отношения доверия и добрососедства стран, участвующих в деловом сотрудничестве. Все эти проекты устремлены к созидательным целям, они не ущемляют ничьих интересов.

Советский Союз с доверием относится к расширению делового партнерства со всеми странами, в том числе с Японией. Он не отгораживается от соседей, а напротив, раскрывает перед ними двери, приглашает во взаимных интересах принять участие в решении больших созидательных задач, в создании дополнительных условий для повышения жизненного уровня людей, обеспечения их работой, для установления климата доверия и сотрудничества в огромном районе, прилегающем к Тихому океану.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 93.

О четвертой сессии Всекитайского собрания народных представителей

*В. Я. Матяев,
В. П. Фетов*

В Пекине 30 ноября — 13 декабря 1981 г. проходила 4-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва. На сессии рассматривались следующие вопросы: о нынешней экономической обстановке и дальнейшем курсе социалистического строительства (доклад премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна); об исполнении государственного бюджета за 1980 г. и выполнении наметок финансового плана на 1981 г. (доклад министра финансов КНР Ван Бинцяня); о работе Постоянного комитета ВСНП, о проекте гражданско-процессуального кодекса, о проектах законов об экономических контрактах и о подоходном налоге с предприятий иностранного капитала (доклад заместителя ПК ВСНП Ян Шанкуня); об отсрочке пересмотра конституции 1978 г. (сообщение заместителя председателя ПК ВСНП Пэн Чжэня); о работе Верховного народного суда (доклад председателя Верховного народного суда Цзян Хуа); о работе Верховной народной прокуратуры (доклад председателя Верховной народной прокуратуры Хуан Хоцина); предложения Госсовета о развертывании всенародной кампании лесонасаждений (выступление министра лесного хозяйства КНР Юн Вэньтао) ¹.

По обсуждавшимся докладам приняты соответствующие одобрительные резолюции. Специальная резолюция санкционирует отсрочку пересмотра исправленного проекта конституции КНР. Приняты «Закон КНР об экономических контрактах», «Закон КНР о подоходном налоге с предприятий иностранного капитала», утвержден доклад комиссии по рассмотрению предложений депутатов сессии. В принципе утвержден также «Гражданско-процессуальный кодекс КНР (проект)». Сессия уполномочила Постоянный комитет изучить утвержденный проект кодекса, внести в него поправки и обнародовать его для пробного претворения в жизнь.

В соответствии с действующей конституцией КНР сессии ВСНП созываются один раз в год (такой и была практика последних лет). Предыдущая сессия состоялась в сентябре 1980 г. Из 3453 депутатов ВСНП пятого созыва, избранных путем «демократических консультаций», на данной сессии присутствовали 3154 депутата. О причинах отсутствия 299 депутатов не сообщалось.

Последняя сессия обращает на себя внимание тем, что еще накануне ее проведения руководителями КНР и органами информации Китая подчеркивалось, что она будет посвящена главным образом рассмотрению вопросов экономической политики и станет важным этапом в ее

¹ Вынесение данного вопроса на обсуждение высшего законодательного органа вызвано резким ухудшением экологической ситуации в Китае, что стало одной из причин серьезных стихийных бедствий в последние годы и о чем много и тревожно пишет печать Китая.

разработке. Не раз давалось понять, что данная сессия может рассмотреть не только очередной (шестой) пятилетний план развития народного хозяйства, но и план на более длительную перспективу, конкретизирующий курс на осуществление «четырех модернизаций». Это тем более повышало интерес к предстоящей сессии, особенно если учесть, что три последних пленума ЦК КПК не обсуждали вопросы экономики и планирования, хотя экономическая политика в этот период претерпевала немалые колебания и изменения. К тому же со времени предшествовавшей сессии ВСНП произошли серьезные изменения в составе высшего партийно-государственного руководства, затрагивающие прежде всего сферу организации и управления народным хозяйством. В частности, Хуа Гофэн с сентября 1980 г. не является премьером Госсовета, а в июне 1981 г. ему пришлось оставить и пост председателя ЦК КПК. Государственный совет возглавил Чжао Цзыян, ставший вскоре и заместителем председателя ЦК КПК, а на пост председателя ЦК КПК был избран Ху Яобан. Оба они рассматриваются как лица, близкие Дэн Сяопину. Произошло дальнейшее ослабление позиций выдвиженцев «культурной революции».

Сразу после проведения сессии она получила в Пекине официальную оценку как важнейшее событие в определении путей и практических методов развития экономики Китая. Так, «Жэньминь жибао» 15 декабря 1981 г. в редакционной статье утверждала, что сессия якобы приняла курс, который «является правильно обобщенным опытом экономического строительства 32 лет, и особенно последних трех лет», «конкретным проявлением курса партии на урегулирование, реформы, упорядочение и повышение, проводимого со времени III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва». Этот курс выдается за «продукт соединения марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна с новой обстановкой, новой практикой экономического строительства» в Китае, причем его «правильность» якобы «уже подтверждена в ходе экономического строительства в эти несколько лет». Утвержденный сессией курс, заявляет газета, является «программой экономической работы в нашей стране на сравнительно длительный последующий период».

На самом деле сессия вовсе не выработала какого-то курса, который может служить надежным ориентиром в экономическом строительстве. Подобную восторженную оценку получали, кстати сказать, все предшествовавшие сессии ВСНП, начиная с 1978 г., но все кончалось тем, что выдвигавшиеся ими установки приходилось корректировать или отбрасывать.

Прежде всего, не может служить основой для выработки какой-то программы курс на «урегулирование» народного хозяйства, за «конкретизацию» которого выдаются материалы сессии, в первую очередь доклад Чжао Цзыяна. Интерпретация данного курса как некоей последовательной и четкой линии экономической политики, вытекающей к тому же из установок III пленума ЦК КПК, строится на очевидных натяжках и прямых извращениях.

Платформа III пленума ЦК КПК вовсе не предусматривала перехода к какому-то экономическому «урегулированию». В ней, напротив, находят выражение представления руководства о возможности очередного «скачка», ускорения темпов роста производства. Коммюнике пленума призывало «ускорить социалистическую модернизацию», «добиться бурного развития во всех отраслях и звеньях нашей социалистической экономики». В нем заявлялось: «Нет никакого сомнения в том, что хозяйственное строительство у нас в стране снова пойдет по пути стремительного и неуклонного развития». Ставилась задача «к концу нынешнего столетия» превратить Китай в «современную социалистическую державу».

Переход к «урегулированию» в апреле—июне 1979 г. был для ки-

тайского руководства вынужденным поворотом, обусловленным проявлением глубоких диспропорций и других кризисных явлений в экономике, явившихся следствием маоистской политики. Но при этом, конечно, и речи быть не может о том, чтобы характеризовать его как «продукт соединения марксизма-ленинизма с новой обстановкой». Курс на «урегулирование» экономики был, по существу, таким же проявлением волюнтаризма, как и вся предшествовавшая «левацкая» политика, хотя он и носит совсем иной характер. Как известно, «урегулирование» намечалось провести в течение трех лет, и 1981 год должен был стать для него завершающим. Этот курс подавался как «первое сражение за осуществление «четырёх модернизаций» и превращение страны к концу века в мощную современную державу». С его реализацией предусматривалось перевести народное хозяйство Китая в «русло неуклонного, пропорционального развития высокими темпами». «Урегулирование» рассматривалось как всего лишь кратковременная остановка для дальнейшего «разгона».

Такой подход оказался нереальным. Не только сохранились в целом проблемы, вызвавшие к жизни политику «урегулирования», но и возникли в ходе ее осуществления новые межотраслевые неувязки и диспропорции, сохранялись хронический бюджетный дефицит, инфляция, рост цен, частичный выход хозяйственных процессов из-под контроля центра, массовая и не рассасывающаяся безработица. До критически низких упали темпы прироста совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства, крайне обострилась топливно-энергетическая проблема. Критика волюнтаризма и субъективизма, декларации о необходимости преодолеть приверженность «левизне» не привели к выработке научно обоснованной концепции хозяйственного развития. Страна продолжает жить без перспективных планов. Не удается составить даже надежных и своевременно принимаемых годовых народно-хозяйственных планов. В Китае замалчивают тот факт, что первоначально отведенный на «урегулирование» срок закончился, а в течение этого периода удалось не больше чем подойти к пониманию масштабов проблем и эмпирическому определению содержания взятого курса. Рабочее совещание ЦК КПК в декабре 1980 г. было вынуждено наряду с резким сокращением плановых показателей наметить линию на «дальнейшее урегулирование». Прошедшая сессия ВСНП, признав, что «содержание экономического урегулирования оказалось немного шире, чем предполагалось», согласилась с мнением Госсовета о необходимости продлить его еще на пять лет «или даже немного больше». Но ясности в этом вопросе в Пекине нет, неизвестно, к каким конкретным результатам может привести «урегулирование». Чжао Цзыян на сессии ВСНП туманно заявил, что теперь с этим курсом связывается надежда на превращение 90-х годов в «период нового расцвета экономики».

Сессия показала, что руководство КНР не готово дать ответ на целый ряд существующих социально-экономических проблем. Сам ход сессии явился наглядным отражением имеющихся трудностей, сложной обстановки, которая обусловлена причинами объективного и субъективного порядка — непреодоленным экономическим и финансовым кризисом, разногласиями в руководстве по главным вопросам развития страны, продолжающейся борьбой различных фракций за власть, за лидерство в КПК и доминирующее влияние на госаппарат, усилением идейного разброда и шатаний в партии и в обществе, нарастанием неверия населения в способность нынешних руководителей вывести страну на путь стабильного и последовательного движения вперед. Вновь зримо обнаружилось, что у китайского руководства нет четкой и цельной программы действий по решению социальных и экономических проблем.

Свидетельство тому — исключение из повестки дня сессии вопросов перспективного планирования. В докладе Чжао Цзыяна говорится лишь о намерении добиться к концу века тройного увеличения объема валовой продукции промышленности и сельского хозяйства по сравнению с нынешним уровнем. Эта, надо прямо сказать, практически нереальная цель ставится декларативно, не обосновывается какими-либо расчетами и выкладками.

На сессии не рассматривались также какие-либо специальные документы относительно шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1981—1985 гг.² Общие рассуждения о шестой пятилетке содержались лишь в заключительной части доклада премьера Госсовета. В нем утверждается, что начиная с 1980 г. уже якобы разработаны наметки и основные показатели шестого пятилетнего плана, но работа по его составлению еще не завершена. Как видно, плана практически нет даже после того, как закончился первый год очередной пятилетки. В этой связи следует отметить, что китайское планирование уже давно не выходит за рамки выдвигания произвольных и разрозненных показателей, его болезнью является хроническая несбалансированность и необоснованность планов. К тому же главная задача шестого пятилетнего плана, по словам Чжао Цзыяна, заключается в том, чтобы добиться коренного улучшения финансово-экономического положения в стране, то есть он не нацелен на собственно развитие народного хозяйства, дальнейший рост производительных сил. Решать поставленную задачу предполагается путем «приближения» темпов роста национального дохода к темпам роста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства (фактически — путем существенного замедления темпов роста общественного производства), а также путем «рационального понижения» доли фонда накопления при распределении национального дохода и «соответственного повышения» доли фонда потребления. Главные усилия в период до 1985 г. включительно, отметил Чжао Цзыян, будут сосредоточены на урегулировании структуры экономики, упорядочении имеющихся предприятий и технической реконструкции ведущих предприятий. Иначе говоря, это будет продолжение все той же политики, осуществляемой до сих пор на основе весьма прикидочных, эфемерных и зыбких годовых планов.

Подход сессии к вопросам о перспективах развития еще раз показал, что в КНР утрачен положительный опыт долгосрочного планирования, приобретенный в первое десятилетие ее существования с помощью СССР и других социалистических стран.

Сессия смогла лишь рассмотреть народнохозяйственные задачи на 1982 г. Но при этом проекты плана и бюджета на этот год на утверждение сессии не представлялись, депутатам роздали в письменном виде только тексты «Основных положений». Фактически цельного плана на очередной год принято не было. Характерно, что в самом конце 1981 г. обсуждалось выполнение всего лишь «наметок» бюджета на этот год.

Как известно, III пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. принял решение сосредоточить все усилия на экономической работе, а на V пленуме ЦК КПК в феврале 1980 г. в порядке конкретизации этой установки было заявлено о том, что первоочередной и важнейшей из всех задач является разработка перспективного народнохозяйственного плана. Можно убедиться, что заметного прогресса в решении этой задачи нет. В этом смысле последняя сессия ВСНП выглядит даже более бледно, чем предыдущая, на которой тогдашним премьером Госсовета Хуа Гофэном излагались «руководящие идеи» по составлению перспективного

² Сессия ВСНП уполномочила Госсовет «завершить» подготовку проекта плана шестой пятилетки и представить затем на рассмотрение сессии ВСНП, не указав при этом сроков завершения подготовки.

плана. На данной сессии депутатам даже не было доложено, как и в какой мере эти «руководящие идеи» претворяются в жизнь.

В представленном на сессии докладе Чжао Цзыяна предпринята попытка обрисовать текущую экономическую ситуацию, сформулировать руководящие установки относительно «дальнейшего экономического строительства» и наметить перспективы. Докладчик стремился создать впечатление благополучия в общем состоянии экономики и вселить уверенность относительно ее будущего развития. По его словам, положение «намного лучше, чем предполагалось, народное хозяйство Китая уже начало входить в русло стабильного развития». Впервые выступая на сессии ВСНП в качестве премьера Госсовета, Чжао Цзыян явно пытался записать в свой актив некоторое сокращение финансового дефицита, ожидаемый сравнительно хороший урожай зерновых (по его оценке, на уровне 1979 г.), высокие темпы роста продукции в легкой и текстильной промышленности, сокращение объема капиталовложений (с 53,9 млрд. юаней в 1980 г. до 38 млрд. в 1981 г.), увеличение доли фонда потребления в национальном доходе (с 63,5 % в 1978 г. до 70 % в 1981 г.).

Но Чжао Цзыян намеренно говорил лишь об итогах одного 1981 г., рассматривая их вне рамок трехлетнего «урегулирования». Он, в частности, не упомянул, что первоначальные плановые наброски на 1981 г. весной того же года были пересмотрены (в соответствии с директивами рабочего совещания ЦК КПК в декабре 1980 г.) в сторону значительного снижения, в частности ассигнования на капитальное строительство просто урезали с 53,9 млрд. до 30 млрд. юаней (потом их увеличили на 8 млрд.).

Довольно скупо высказываясь о недостатках и трудностях проводимой политики, премьер все же был вынужден признать, что в течение 1981 г. требовалось постоянно принимать «экстренные меры» и что не преодолена та «кризисная ситуация, таящаяся в народном хозяйстве», о которой говорилось еще в начале 1981 г. Им отмечена «непрочность» несколько большей в сравнении с двумя предшествовавшими годами сбалансированности бюджета. Признавалось, что для реального сбалансирования бюджета «потребуется довольно длительное время и упорные усилия». Премьер указал и на «невысокую эффективность экономического строительства», хотя и попытался оправдать ее «объективными причинами», в числе которых он, повторяя известный антисоветский вымысел, назвал «длительную блокаду Китая» не только со стороны империализма, но и со стороны «социал-империализма», имея в виду СССР.

Согласно опубликованным положениям доклада Чжао Цзыяна, объем валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1981 г. вырос только на 3 % (в январе 1982 г. ГСУ КНР дало цифру 4 %) вместо 5,5 % по плану. Опережающими темпами по-прежнему развивались отрасли легкой промышленности, в которых прирост продукции составил 13,6 % (в 1980 г. — 18,4 %). Но этот рост сопряжен с резким падением уровня производства в тяжелой промышленности. Его объем сокращается на 5 % к уровню 1980 г. (в 1980 г. прирост — 1,6 %).

Установка на преимущественное развитие легкой промышленности реализуется фактически за счет консервации производственных мощностей и свертывания производства в тяжелой промышленности, которая в ходе «урегулирования» недополучает сырье, топливо, электроэнергию. Подобное положение ведет к общему замедлению темпов роста общественного производства, к застойности производительных сил, к подрыву базы развития самой легкой промышленности и в конечном счете к образованию новой народнохозяйственной диспропорции, которая является продуктом политики «урегулирования». Такая тенденция тяжело сказывается на социальном и материальном положении

рабочего класса, способствует сохранению безработицы и т. д. Она вызывает озабоченность у части китайского руководства, в котором, по данным западной печати, обострились споры между сторонниками преимущественного развития легкой промышленности и теми, кто считает необходимым уделять внимание одновременно и легкой и тяжелой промышленности или даже выступает за преимущественное развитие последней. Примечательно, что в день открытия сессии, 30 ноября, в «Жэньминь жибао» была опубликована статья «Как оживить тяжелую промышленность в период урегулирования». В ней критиковались те, кто «ошибочно полагает, что тяжелая промышленность не является важной, и рассматривает ее в качестве «бремени». Наблюдаются признаки понимания того, что дальнейшее пренебрежение тяжелой промышленностью может завести все народное хозяйство в тупик.

Государственный бюджет в 1981 г. сведен с дефицитом около 2,72 млрд. юаней (17 млрд. в 1979 г. и 12,75 млрд. в 1980 г.). В течение года статьи и общие цифры бюджета неоднократно пересматривались. Как уже отмечено, сокращение дефицита произошло не за счет увеличения поступлений, а в результате уменьшения правительством расходов и применения таких чрезвычайных мер, как выпуск облигаций внутреннего займа на сумму 4,87 млрд. юаней, изъятие центром «в долг» из местных бюджетов 7 млрд. юаней, дополнительная денежная эмиссия, учет иностранных кредитов в качестве бюджетных поступлений и т. д. Меры Пекина в области финансов не приостановили роста цен (2 %, в 1980 г. — 6 %) и инфляцию (денежная эмиссия даже стимулировала ее), которая в 1981 г. составила 6 %. Объявленные наметки бюджета на 1982 г. предусматривают дефицит в 3 млрд. юаней (доходы — 110 млрд., расходы — 113 млрд.). Характерно, что депутаты ВСНП поставили под сомнение утверждение Чжао Цзыяна о том, что цены в основном стабилизированы, и призывали правительство принять более эффективные меры, чтобы «покончить с неуклонным ростом цен», особенно на продукты питания.

Согласно ранее опубликованным данным, в первой половине 1981 г. производство станков сократилось на 20,9 %, автомобилей — на 22,3 %, тракторов — на 44,2 %, горношахтного оборудования — на 33 %, стали — на 5,7 %, проката — на 5,1 %, добыча угля — на 2,4 % и нефти — на 5,3 %. Для поддержания экономической конъюнктуры руководству пришлось спешно корректировать волюнтаристское сокращение расходов и дополнительно ассигновать 8 млрд. юаней, которые пошли в основном на размораживание свернутого строительства. Из них 3,5 млрд. юаней были направлены на жилищное строительство, остальное — на рост мощностей по производству товаров широкого потребления, строительство дополнительных нефтяных и транспортных объектов, возобновление строительства ряда законсервированных объектов, требующих импортной техники.

Показателем финансово-экономических трудностей является объявленное вынужденное сокращение военных расходов по линии ассигнований на содержание вспомогательных служб и персонала. В то же время общие расходы по скрытым статьям бюджета на военные цели, прежде всего на разработку и создание ядерно-ракетного оружия, не уменьшаются. Об этом свидетельствуют испытания новой баллистической ракеты и такие проведенные в связи с 32-й годовщиной КНР мероприятия, как запуск с помощью одной ракеты трех спутников и проведение в Северном Китае крупнейших за всю историю страны военных маневров.

Увеличены расходы на культуру и образование (8,1 %), здравоохранение (7,2 %) и науку (21,3 %). Китайское руководство уже не может не уделять внимания этим сферам общественной жизни, игнорирование которых привело к тяжелым последствиям.

Объем внешней торговли КНР в 1981 г. превысил 56 млрд. юаней (в 1980 г. — 51,7 млрд.). Рост внешней торговли происходил в основном за счет расширения внешнеэкономических связей с развитыми капиталистическими странами, в первую очередь с Японией и США, при дальнейшем сокращении объема торговли с социалистическими странами. Дефицит в торговле с развитыми капиталистическими странами покрывается за счет инвалютных поступлений из Гонконга и активного сальдо в торговле с развивающимися странами.

Объявив 1981 г. первым годом шестой пятилетки, премьер Чжао Цзянь уделил внимание мерам, направленным на усиление организационно-хозяйственной работы.

Характерно, что в его докладе вопросы осуществляемой хозяйственной реформы не получили развернутого освещения и толкования. Говоря о политике в деревне, он выделяет «обеспечение права производственных бригад на самохозяйствование» и «создание и оздоровление системы хозяйственной ответственности», что на практике сводится к поощрению в той или иной степени и форме индивидуально-частного, кулацкого хозяйствования. Что же касается промышленности, то отмечаются «расширение прав предприятий на самохозяйствование, внедрение системы хозяйственной ответственности, проведение в жизнь принципа распределения по труду, выявление вспомогательной роли рыночного регулирования при условии направляющей роли государственного плана». Потерпев неудачу с «забеганием вперед» в области реформ в 1980 г., китайские лидеры придерживаются сейчас установки о подчиненности реформ задачам «урегулирования», стараются более четко определить сферу и масштабы реформ, окончательная разработка которых относится на более поздний период. Подчеркивается необходимость усиления централизованного руководства экономикой, приверженности социалистическому пути развития, «отвечающему условиям Китая».

Кроме того, Чжао Цзянь выдвинуты «10 курсовых установок», имеющих целью «повысить экономический эффект, проложить новый путь хозяйственного строительства». Эти установки, по существу, не содержат чего-либо нового, являются сведением в одно целое ранее высказывавшихся положений и отражают топтание китайского руководства на месте вокруг одних и тех же проблем. В их числе требования ускорить развитие сельского хозяйства; поставить на важное место развитие производства предметов потребления, продолжить урегулирование, касающееся ориентации тяжелой промышленности; повысить коэффициент использования энергоресурсов, развивать энергетику и транспорт; проводить техническую реконструкцию; осуществить «всеобщее упорядочение» и реорганизацию существующих предприятий; «учиться умению создавать, накапливать и использовать денежные ресурсы», экономно расходовать средства на строительство; развивать связи с границей, в частности «привлекать иностранный капитал и на взаимовыгодной основе развивать различные формы международного экономического и технического сотрудничества»; «активно и осмотрительно» проводить реформу экономической системы; повышать образовательный уровень трудящихся; «на основе единого планирования наладить производство, строительство и жизнь народа».

Такие рекомендации относительно хозяйственной работы говорят прежде всего о том, что речь по-прежнему идет о наведении элементарного порядка и устранении тех причин, которые вызвали к жизни необходимость «урегулирования» сложившихся диспропорций. Выдвинутые установки допускают возможность их неодинакового толкования, особенно в свете существующих разных подходов к тому, как на практике совмещать декларируемое намерение следовать путем социалистической коллективизации деревни с поощрением частнособственнических

тенденций, призывы к усилению роли государственного планирования — с полным «выявлением вспомогательной роли» рыночного регулирования и ориентацией на многоукладную экономику и т. д.

К тому же эти установки отдают декларативностью в свете реальной хозяйственной практики. Прежде всего это относится к первой из них, утверждающей приоритет сельского хозяйства. Хотя китайские руководители заявляют об этом много лет подряд еще со времен Мао Цзэдуна, свои слова они фактически ничем не подкрепляют и продолжают, как и при Мао, уклоняться от осуществления капиталовложений в сельское хозяйство³.

Так, Чжао Цзыян, назвав развитие сельского хозяйства «ключевым моментом для обеспечения всестороннего роста народного хозяйства», заявил на сессии о невозможности выделять значительные капиталовложения на его нужды в течение «нескольких лет». Вся политика Пекина в деревне направлена на то, чтобы по-прежнему заставлять крестьян решать все их проблемы «собственными силами».

В «10 курсовых установках» единственным новшеством является прямо и ясно выраженная ориентация на привлечение иностранного капитала. Чжао Цзыян явно пытался набить цену Китаю. По его словам, «дальновидные люди в политических и деловых кругах всех стран понимают огромный потенциал Китая как рынка и его глубокое значение для стабильного развития мировой экономики в дальнейшем». Премьер демонстративно заверил, что КНР не станет импортером нефти в ближайшие годы.

В докладе Чжао Цзыяна, как и в других выступлениях, вновь резкой критике подвергалась «бюрократическая тенденция», названная докладчиком «серьезной преградой на пути развития народного хозяйства». На сессии прозвучало требование «искоренения бюрократизма» и «ликвидации таких нетерпимых явлений, как чересполосица органов, раздутость штатов, канцелярская волокита и очень низкая эффективность». Ведомствам и местным властям вменяется в обязанность сокращать свой аппарат. Однако сами материалы прошедшей сессии показывают, что антибюрократические лозунги китайского руководства противоречат мерам, которые оно реально осуществляет. Министр финансов Ван Бинцян отметил, что административно-управленческие расходы составили в 1981 г. 7,24 млрд. юаней, что на 21 % больше запланированных. Причем рост расходов по этой статье был связан прежде всего с необходимостью «укрепления общественной безопасности», то есть усиления репрессивно-бюрократического аппарата режима.

Основная задача на 1982 г. — второй год шестой пятилетки — определялась в докладе Чжао Цзыяна следующим образом: закрепить «достижения» в стабилизации экономики, сохранять в основном сбалансированность государственного бюджета и кредитных операций, поддерживать в основном стабильные цены на товары, приложить усилия к повышению экономического эффекта и добиться того, чтобы темпы развития народного хозяйства были несколько более высокими, чем в 1981 г. Выше говорилось, что годовой план как таковой освещался на редкость сжато. Он предусматривает темпы роста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, а также национального дохода в 4 %. Это связывается с надеждами на рост «значительными темпами» в будущем году сельского хозяйства, легкой и текстильной промышленности. Вместе с тем в тяжелой промышленности ставится задача перейти «от свертывания к росту».

³ Например, ассигнования сельскому хозяйству в 1980 г. составили не объявленные 16,8 млрд. юаней, а всего 6,7 млрд. юаней, так как 7,74 млрд. было выделено на покрытие убытков народных коммун, а 2,4 млрд. — на увеличение ссудного фонда сельскохозяйственного банка. — См.: «Жэньминь жибао» 31.VIII.1980.

Особенностью сессии является то, что на ней не было сказано ничего конкретного об условиях жизни народа и не было выдвинуто каких-либо ориентиров в направлении ее улучшения. Заметно приглушено прозвучала тема ликвидации безработицы, которая по-прежнему охватывает несколько десятков миллионов человек трудоспособного возраста. То, что за последние три года, как утверждает, трудоустроено более 20 млн. человек, совсем не снимает остроты проблемы. Ведь ежегодно в трудоспособный возраст в Китае вступает свыше 23 млн. человек. В прессе КНР участились публикации, в которых признается невозможность ликвидировать безработицу по крайней мере на протяжении всего периода «урегулирования».

Хотя внешнеполитические вопросы на сессии практически не затрагивались, была вновь достаточно ясно подтверждена прежняя линия китайского руководства, стержнем которой является антисоветизм, вражда к странам социализма. С прямой ссылкой на СССР в докладе Чжао Цзыяна повторяется миф об «угрозе агрессии со стороны враждебных внешних сил». Раздувание «внешней угрозы», антисоветизма используется для того, чтобы запугать китайский народ и заставить его безропотно переносить трудности, чтобы замазать ошибки и промахи руководства. Как заявил премьер, Китай и впредь будет «бороться против гегемонизма», против Советского Союза.

Тот факт, что ни народнохозяйственный план на 1982 г., ни бюджет не утверждались сессией ВСНП, позволяет китайскому руководству произвольно манипулировать ими в зависимости от обстановки. Примечательно, что, согласно сообщениям агентства Синьхуа, доклад Чжао Цзыяна был одобрен «большинством» (не единодушно) депутатов, а содержащиеся в нем установки были признаны «целесообразными». На работе сессии лежит печать особой осторожности и неуверенности относительно того, как реально пойдут дела в области экономического развития.

Заместитель председателя комиссии по пересмотру конституции КНР Пэн Чжэнь представил на рассмотрение сессии (в письменной форме) разъяснения и предложение продлить еще на год работу указанной комиссии. В них он ссылается на «сложность затрагиваемых вопросов», «нерешенность ряда важных проблем», связанных с «проводимыми в стране структурными реформами», и пр. Все это подается как причина задержки с разработкой проекта пересмотренной конституции, который, согласно решению 3-й сессии ВСНП (сентябрь 1980 г.), комиссия во главе с председателем ПК ВСНП Е Цзяньином должна была представить на «всенародное обсуждение» еще в первой половине 1981 г. 4-й сессии ВСНП надлежало уже утвердить этот проект, но его пока не удалось подготовить.

Разъяснения, данные Пэн Чжэнем, камуфлируют главную причину безрезультатности работы комиссии: она связана с разногласиями в правящей верхушке по поводу положения фракций и их лидеров, вызванными борьбой за власть. Предметом борьбы стал вопрос о восстановлении поста председателя КНР, определении его прерогатив и выдвижении кандидатов на эту должность.

Идут также дискуссии относительно определения природы и характера государства в Китае, об «идеях Мао Цзэдуна», о статусе и месте народных коммун, по вопросам земельной собственности (в связи с внедрением в настоящее время различных форм так называемой «производственной ответственности» в деревне) и т. д.

В докладе Ян Шанкуня в числе главных моментов деятельности Постоянного комитета в период между двумя сессиями ВСНП выделяются: организация Особого суда и Особой прокуратуры по делу «группировок Линь Бяо и Цзян Цин», присвоение Сун Цинлин (скончавшейся в мае 1981 г. вдове Сунь Ятсена) звания почетного председателя КНР,

«новое» предложение Е Цзяньина от 30 сентября 1981 г. о «мирном воссоединении» Тайваня, призывающее к «сотрудничеству» с гоминьдановцами на условиях широчайшей автономии Тайваня. За отчетный период ПК ВСНП отправил делегации в 15 государств и принял делегации из 11 государств. Расширение международных контактов китайского парламента мотивируется, в частности, необходимостью «борьбы против гегемонизма».

В развитие линии на укрепление экономического законодательства, отражающей объективную потребность навести порядок в народном хозяйстве, сессия приняла «Закон об экономических контрактах», призванный упорядочить хозяйственные связи и способствовать реализации государственного плана «в условиях многоукладной экономики и многоступенчатой экономической структуры». Он регулирует хозяйственные отношения в сфере закупок и сбыта, перевозки грузов, снабжения электроэнергией, страхования имущества и т. д.

Дальнейшее развитие получает законодательство, имеющее целью привлечь иностранный капитал в экономику страны⁴. Сессией одобрен «Закон КНР о подоходном налоге с предприятий иностранного капитала». Для них устанавливается налог с облагаемой части дохода по прогрессивной налоговой ставке в размере от 20 до 40 %, а также местный подоходный налог в размере 10 % от облагаемой части. Отмечается, что в целом устанавливаемые размеры подоходного налога ниже, чем во многих развивающихся странах. Закон исключает двойное налогообложение.

Данный закон, установки доклада Чжао Цзяна, а также другие факты свидетельствуют о том, что китайское руководство, сталкиваясь на этапе «урегулирования» с нехваткой внутренних ресурсов, все больше ориентируется на иностранный капитал как на источник инвестирования в экономику страны, делает ставку на его широкое привлечение в качестве средства развития производительных сил, оживления хозяйственной активности.

Как следует из выступлений на сессии председателя Верховной народной прокуратуры Хуан Хоцина и председателя Верховного народного суда Цзян Хуа, властям не удастся добиться, несмотря на прилагаемые усилия, коренного сдвига в обеспечении общественного порядка. Показательно признание, что с октября 1980 по сентябрь 1981 г. судами всех инстанций рассмотрено около 40 тыс. только крупных уголовных преступлений (в это число не входят дела политического характера). На сессии прозвучала особая тревога в связи с ростом экономических преступлений, контрабанды, подкупов и взяточничества, хищений и покушений на общественную собственность.

Еще 16 января 1980 г. Дэн Сяопин заявил, что Китай нуждается в принятии множества законов в различных сферах, поскольку при Мао Цзэдуне соответствующая работа игнорировалась и была полностью запущена. Но разработка законов сталкивается с серьезными трудностями, что выявилось на минувшей сессии. Так, из восьми предложений в этой области, выдвинутых на прошлой сессии ВСНП, к концу 1981 г. было реализовано только три. Иллюстрацией может служить проект гражданско-процессуального кодекса, который предложено ввести пока лишь в опытным порядке, хотя он разрабатывается уже с 1979 г. В окончательном виде он должен быть вынесен на следующую сессию ВСНП.

⁴ В июне 1982 г. в Китае предполагается провести международную конференцию по вопросам поощрения иностранных капиталовложений в Китае, которая будет организована совместно правительством КНР и Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО).

По имеющимся данным, в настоящее время в Китае создано 131 предприятие с участием иностранного капитала, а общая сумма иностранных вложений достигает 1,5 млрд. долл.

* * *

Сессия показала, что пока не вырисовывается решение основных социально-экономических проблем Китая и в практическом плане говорить об осуществлении так называемого курса «четырёх модернизаций» еще рано. Конкретные научно обоснованные установки и параметры этого курса не разработаны, имеются лишь прикидки самого общего характера. Экономическая работа ведется с серьезными сбоями, причинами которых являются в первую очередь разногласия в руководстве. Сама политика «урегулирования», имеющая целью выправить и устранить тяжелые последствия маоистского курса, отмечена проявлениями волюнтаризма, непродуманности и несогласованности, создающими новые сложности. Не случайно, что из более чем двух тысяч высказанных депутатами ВСНП замечаний и предложений свыше половины относились к различным сторонам хозяйственно-экономической деятельности.

Китайское руководство не готово или не способно дать ответы на вопросы, выдвинутые жизнью, и эмпирически осознает, насколько далеко от подлинного решения коренных экономических проблем существующее ныне положение в экономике и те меры, которые до последнего времени были предприняты. В этих условиях, продолжая славословить Мао Цзэдуна и его «идеи», в качестве главной причины социально-экономических неурядиц оно выставляет некую «угрозу» внешних сил, играет на струне антисоветизма, пытаясь уйти от ответственности за собственные многочисленные промахи.

В Китае работа в области экономики так и не выведена пока на орбиту перспективного планирования, отсутствует даже четкая и последовательная концепция развития народного хозяйства на ближайшую перспективу. Очередной годовой план вновь предстает в виде статистического скелета из ориентировочных наметок. Поэтому трудно судить, насколько реалистичны сделанные на сессии заявления и обсуждавшиеся показатели. Не случайно китайское руководство не пошло даже на утверждение сессией плана 1982 г. Видимо, оно испытывает неуверенность относительно того, как будет складываться и развиваться в дальнейшем экономическая ситуация, равно как не может и предвидеть, какие решения в конечном счете будут им приняты в ходе не утихающей борьбы мнений. Поэтому в Пекине предпочитают иметь план и бюджет в состоянии незавершенности, лишь в качестве общего ориентира, с тем чтобы изменять их в зависимости от хода событий.

Работа сессии ВСНП подтвердила, что китайскому руководству по-прежнему свойственны шараханья и метания, причиной и основным содержанием которых являются попытки найти какие-то «магические средства» (например, импорт техники или, как теперь, ставка на привлечение иностранного капитала), позволяющие быстро решить накопившиеся проблемы, форсировать подведение материального фундамента под амбициозную политику гегемонизма. Следуя путем таких «поисков», в Пекине все больше уповают на политику «открытых дверей», заметно расширяют сферу ее применения, рассчитывая получить за рубежом финансовую и технико-экономическую помощь в виде льготных кредитов и прямых капиталовложений. Эту политику «открытых дверей» Пекин сливает в одно целое с антисоветизмом, имея в виду политическими средствами выторговать у империалистов наиболее выгодные для него условия экономического сотрудничества.

Вновь практически отодвинута на задний план задача улучшения жизни широких масс трудящихся, предпочтение все больше отдается давнему маоистскому методу идейно-политической обработки и «закжима» населения.

В целом итоги сессии свидетельствуют о том, что в Китае сохраняется экономическая и политическая нестабильность.

Некоторые тенденции развития КПК

Р. М. Неронов,
кандидат исторических наук
Г. А. Степанова,
кандидат исторических наук

Современные исследования по Китаю достаточно отчетливо показывают, что КПК продолжает находиться в состоянии идейно-организационного кризиса. В Отчетном докладе ЦК, с которым на XXVI съезде КПСС выступил Л. И. Брежнев, отмечается: «Опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»¹.

Глубокий кризис, переживаемый Китаем и китайской компартией в последние годы, явился результатом отхода в теории и на практике от марксизма-ленинизма, следствием блокирования КНР с империалистическими и реакционными силами мира. Такой курс противоречит коренным интересам китайского народа. Выход КПК из кризисного состояния возможен только на основе преодоления маоистского наследия. Жизнь убедительно показала несостоятельность маоистской интерпретации социализма, полное банкротство попыток осуществить «китайскую модель» на практике. Нынешнему пекинскому руководству пришлось приступить к переоценке многих важных аспектов маоистской теории и практики. Однако китайское руководство продолжает завещанный Мао Цзэдуном гегемонистский курс на ускоренную милитаризацию страны, разгнетание антисоветизма, обострение международной напряженности и выживание с империализмом.

Нежелание пекинских руководителей порвать с маоистским наследием наглядно иллюстрирует принятое VI пленумом ЦК КПК (июнь 1981 г.) Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР, закрепляющее обновленный маоизм в качестве идейно-политической основы развития китайского общества.

В рамках утверждаемого ныне модифицированного маоистского курса значительное место отводится партии, которую китайские руководители хотят сделать послушным орудием проведения своих антинародных и гегемонистских акций. Укрепление КПК в системе маоистского режима, к которому стремится пекинское руководство, при сохранении существующих антисоветских и антисоциалистических уставных и конституционных положений может привести к обострению конфронтации Китая с СССР и его союзниками, к углублению военно-политического смыкания Пекина с мировым империализмом.

Претворение в жизнь положений Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР представляет опасность для будущего китайской партии. Она состоит не только в идеологических, но и в возможных конкретных политических результатах массовой кампании «изучения» этого документа. Нелишне обратить внимание на то, что решения VI пленума ЦК КПК пытаются создать видимость

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.

марксистского оздоровления партии, реабилитировать Мао Цзэдуна и маоизм, представить внешнеполитический курс Пекина как якобы основанный на пролетарском интернационализме и принципах мирного сосуществования. Сам же факт принятия второго в истории КПК решения, канонизирующего маоизм как руководящую идеологию и политику, свидетельствует о его полном идейном и политическом банкротстве.

Решения VI пленума ЦК КПК являются прямым результатом предыдущего этапа развития КПК, характеризовавшегося борьбой различных тенденций на политической арене Китая.

После смерти Мао Цзэдуна и ареста «банды четырех» в жизни КПК были отмечены некоторые новые черты. Ее руководство попыталось принять ряд мер для того, чтобы сформировать строго контролируемый, послушный партийный аппарат, использовать его в рамках в известной степени реформированной политической структуры для достижения стратегических целей в духе гегемонизма и шовинизма. Если с этой точки зрения взглянуть на мероприятия, проводимые в рамках КПК с 1976 г., то полностью отпадут как лживые декларации китайской пропаганды о некоем «оздоровлении», «демократизации» партии, восстановлении в ней «здорового стиля», так и рассуждения о «конце эры Мао Цзэдуна», «демаоизации», «возрождении» и т. п. в буржуазных и ревизионистских изданиях.

Действительно, пленумы ЦК КПК и партийные совещания стали проводиться чаще. В 1976—1981 г., например, было созвано семь пленумов ЦК КПК и внеочередной XI съезд партии. Однако это формально позитивное явление вызвано отнюдь не стремлением изменить прежний курс, чтобы преодолеть глубочайшие развал и кризис, оставленные в наследство партии и стране Мао Цзэдуном и его сторонниками, а необходимостью путем принятия официальных партийных решений закрепить итоги очередного компромисса, достигнутого в ходе междоусобной борьбы в китайской верхушке. Не случайно практически каждый из пленумов сопровождался персональными назначениями и перемещениями.

Но самое важное скрыто даже не в этом моменте. Организационным принципом партии, согласно действующему Уставу КПК, провозглашен принцип демократического централизма, но практически этот принцип не проводится в жизнь вследствие того, что в КПК годами и даже десятилетиями попирались важнейшие требования внутрипартийной жизни, образовались своего рода «традиции» произвола и беззакония, не соблюдается требование об отчетности руководящих органов всех рангов перед партийными массами. Анализ партийных публикаций КНР показывает, что партийные руководители многие годы, по существу, стоят вне рамок партийной дисциплины. В партии царит организационная неразбериха, низовые организации зачастую находятся в состоянии хаоса. По уставу, принятому на XI съезде КПК в 1977 г. и составленному в соответствии с маоистскими принципами партийного строительства, они наделены лишь исполнительными функциями. Значение всекитайских съездов партии принижено, не определены полномочия, порядок и процедура созыва съездов. Остается в силе порочная маоцзэдуновская практика «решения» наиболее важных общепартийных вопросов не на съезде, а на закрытых административно-партийных совещаниях кадровых работников высокого ранга, на которых руководящая пекинская верхушка информирует об уже принятых решениях. Согласованное решение затем выносится как готовый документ на съезд или пленум и принимается практически без изменений. Но даже такая куцая процедура, получившая в Китае название «демократических консультаций», осуществляется далеко не всегда, особенно когда нет уверенности, что подготовленное в верхах решение вызовет одобрение у большей части приглашенных на тот или иной форум.

В последние годы в партийном аппарате вновь были созданы органы контроля, ликвидированные во время «культурной революции». Согласно Уставу КПК, принятому XI съездом, учреждены и функционируют Центральная комиссия по проверке дисциплины при ЦК КПК во главе с членом Политбюро, заместителем председателя ЦК КПК Чэнь Юнем и комиссия по проверке дисциплины при провинциальных и уездных парткомах. Создан заново Секретариат ЦК КПК. На него, согласно решению V пленума ЦК КПК, возложено руководство текущей работой партии.

Введение в аппарат партии контрольных органов и секретариата внешне означает отказ от маоистской практики создания внеуставных групп, которые вершили дела через голову ЦК КПК и даже членов Политбюро ЦК КПК (например, Группа по делам культурной революции, штабы, комитеты поддержки «левых» и т. п.). Но об «оздоровлении» организационной жизни и структуры КПК говорить, как нам кажется, пока не приходится. Суть проблемы состоит в том, что воссоздание органов контроля и секретариата диктовалось в первую очередь не стремлением вернуться к «славным традициям партии», как возвещала китайская пропаганда, а потребностями внутрипартийной борьбы фракций. Непрекращающаяся борьба группировок в высшем эшелоне руководства КПК диктовала необходимость в таких органах контроля, которые давали бы некоторую гарантию от произвольных гонений и репрессий и вместе с тем позволяли бы пресекать нежелательные тенденции на местах. Важно подчеркнуть, что потребность в подобных контрольных органах ощутили практически все фракции и эшелоны руководства. Кроме того, выявилась настоятельная необходимость учреждения специальных дисциплинарных органов для элементарного наведения порядка в КПК, где злоупотребления и нарушения перешли все мыслимые границы (вспомним хотя бы пресловутое «дело Ван Шоусинь» — крупной расхитительницы в уезде Биньсянь провинции Хэйлунцзян, которая в 70-х годах фактически подкупила и опутала все уездное и провинциальное руководство).

Первое заседание Центральной комиссии по проверке дисциплины было проведено в январе 1979 г. С речами на этом заседании выступили ее руководители: Чэнь Юнь, Ху Яобан, Дэн Инчао и др. Основное внимание было уделено организационным задачам, которые требовали немедленного решения. В первую очередь комиссия занялась выработкой документа «О некоторых нормах политической жизни в партии», который должен был стать как бы перечнем полномочий комиссий по проверке дисциплины разных уровней. Окончательно документ «О некоторых нормах политической жизни в партии» был утвержден V пленумом ЦК КПК (февраль 1980 г.). В коммюнике пленума документ был назван «необходимым конкретным дополнением к уставу партии, имеющим важное значение для развития активных и преодоления негативных факторов внутри партии». Принятие на шестидесятом году существования КПК в дополнение к уставу подобного документа, в котором разъясняются элементарные права и обязанности членов партии, нельзя не рассматривать как своеобразный показатель кризиса, идейного и организационного разброда, характеризующих ныне состояние КПК.

Основным же направлением в работе комиссий под флагом упорядочения норм партийной жизни стал пересмотр ошибочных «дел», связанных с периодами наиболее масштабных репрессий Мао Цзэдуна («борьба с правыми», «культурная революция» и пр.), а также чистка рядов партии. В 1979 г. лишь Центральной комиссией по проверке дисциплины при ЦК КПК были приняты решения о реабилитации более чем 2,5 тыс. человек, подвергшихся репрессиям как сторонники «правого уклона» (1957), а число реабилитированных по различным «делам» периода «культурной революции» достигло нескольких десятков тысяч человек.

Известно, что общее число жертв, репрессированных в период «культурной революции» сторонниками Мао Цзэдуна, составляет около 200 млн. человек (в том числе более 10 млн. коммунистов)².

Вопросами чистки занялись прежде всего комиссии по проверке дисциплины в административно-территориальных единицах провинциального уровня. Как правило, подвергавшиеся чистке лица обвинялись в компрометировании стиля работы партии, нарушении законов государства, и их автоматически причисляли к сторонникам Линь Бяо и «четверки». О масштабах деятельности такого плана дает представление «опыт» провинции Фуцзянь в 1979 г. Комиссия по проверке дисциплины при парткоме провинции Фуцзянь за несколько месяцев исключила из КПК 1500 человек, около 700 получили партийные взыскания³. Таким образом, восстановленные контрольные органы в партийном аппарате не столько служат целям оздоровления КПК, сколько превращаются в орудие для очередной фракционной схватки внутри различных слоев руководства.

Сходными причинами диктовалось и учреждение на V пленуме Секретариата ЦК КПК. Комментируя «дополнительные выборы» в Постоянный комитет Политбюро (введение в него Ху Яобана и Чжао Цзыяна), китайские органы массовой информации усиленно подчеркивали такие черты вновь избранных, как «способность самостоятельно работать, будучи в расцвете сил», «твердо проводить линию» и др. Пропаганда КНР утверждала, что создание секретариата и пополнение Постоянного комитета Политбюро «вызваны не только потребностями осуществления четырех модернизаций, но и необходимостью обеспечить на длительный срок преемственность партийной линии, курса и политики, стабильность коллективного руководства». Тем не менее, как единодушно отметили все серьезные зарубежные комментаторы, состав нового секретариата свидетельствует о том, что в руководстве КПК появился новый руководящий орган, который максимально ограничил сферу деятельности и власти бывшего председателя ЦК КПК Хуа Гофэна, что выдвижение растущей когорты приверженцев прагматического курса уже тогда, в 1980 г., сделало Хуа Гофэна лишь номинальным главой КПК, стало прелюдией к его приближающейся отставке. Следовательно, воссоздание Секретариата ЦК КПК нельзя не рассматривать как очередную «битву в пути» между различными группировками пекинского руководства, что, естественно, никак не назовешь «оздоровлением» внутрипартийной атмосферы в КПК.

Фракционная борьба — застарелая болезнь КПК. Хотя в документах последнего, XI съезда КПК и говорилось о недопустимости фракционной борьбы в партии и с целью ее «пресечения» в устав был введен ряд декларативных пунктов и положений, однако преодолеть фракционность по-прежнему не удастся. Меры, принимаемые в этом направлении, не привели и не могут привести к какому-либо результату, поскольку внутренняя борьба в руководстве партии стимулируется объективными причинами. Периодически нарастает накал борьбы в пекинских верхах по вопросам социально-экономической, идеологической и внешнеполитической ориентации страны. Острота и напряженность этой борьбы дают основания полагать, что в ней участвуют не только прагматические маонисты с их шовинистической, проимпериалистической платформой, не только «лево»-маонистские деятели с их попытками вновь повернуть к «ортодоксальному» маонизму, но и выступающие против них подлинно демократические и патристические силы китайского общества. Особое напряжение внутрипартийной борьбе придает реальная сложная обстановка в КНР: широчайшее распространение мелкобуржуазных полити-

² См.: «Коммунист», 1981, № 12, с. 84.

³ См.: «Жэньминь жибао», 10.IX.1979.

ческих взглядов, трудности экономического роста, усугубляемые демографическим взрывом, зигзаги экономических метаний маоистов.

Борьба в партии разворачивается на всех уровнях, начиная от Политбюро и ЦК КПК вплоть до низовых организаций и местного аппарата. Практически на всех пленумах ЦК КПК и на XI съезде в период 1976—1981 гг. из состава Политбюро и ЦК КПК выводили деятелей, потерпевших поражение во внутрипартийной борьбе, и вводили сторонников фракций, победивших на данном этапе. Особенно сильное обострение внутрипартийной борьбы отмечалось в середине и конце 1978 г. перед III пленумом ЦК КПК. В указанный период несколько группировок маоистов прагматического толка (в том числе и группировка Дэн Сяопина) развернули борьбу с деятелями «лево»-маоистского направления во главе с Хуа Гофэном (при этом последнего поддерживала группировка Е Цзяньина). Ввиду очевидного провала «линии XI съезда» спор шел по конкретным вопросам будущего социально-экономического курса, который позволил бы вывести Китай в кратчайшие сроки в число «мощных государств», вопросам отношения к маоистскому наследию, о методах проведения внутренней политики и т. д. На том этапе победа досталась правопрагматическим маоистам, которые настояли на провозглашении модифицированного маоистского курса — так называемого «курса III пленума».

Наличие острейшей внутренней борьбы не раз за последнее время открыто признавалось в выступлениях китайских руководителей перед руководящими кадровыми работниками, например в выступлении Дэн Сяопина на совещании 16 января 1980 г. в Пекине. В журнале «Хунци» (№ 10 за 1979 г.) заявлялось, что фракционностью поражены все руководящие звенья КПК, что в партийных организациях имеются «тайные группировки».

Одним из следствий ожесточенной фракционной борьбы являются непрерывные «чистки» в среде руководящих кадров КПК и административных органов. После смерти Мао Цзэдуна были удалены ближайшие к нему деятели, занимавшие посты в Политбюро ЦК КПК и в Госсовете. Вслед за арестом «банды четырех» по всей стране от руководящих должностей были отстранены их сторонники — тысячи руководителей провинциального и уездного звена, политработники и командиры НОАК вплоть до дивизионного и корпусного уровня. На XI съезде КПК в 1977 г. во вновь избранный Центральный комитет партии не вошло более 40 % его прежнего состава. После XI съезда «чистки» неоднократно проводились в масштабе всей КПК — от ЦК до низовых парторганизаций. В 1977—1981 гг. были заменены практически все руководители парткомов и местных правительств на уровне провинции.

После V пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (февраль 1980 г.) начались очередные перестановки и «чистки» партийного аппарата и Госсовета, которые продолжаются и теперь в связи с VI пленумом, а окончательно очередной этап «оргвыводов» завершится, видимо, только после объявления на XII съезде персональных перемещений в руководстве.

Непрерывная борьба в пекинских верхах вызывает разброд и неведение в низовых партийных организациях. Сотни примеров, отмеченных в 1978—1981 гг., говорят о дезориентированности и непонимании обстановки рядовыми членами партии, а главное — о непонимании происходящих перемен и страхе перед необходимостью осуществлять новые политические установки и курс, начало которым было положено III пленумом ЦК КПК в конце 1978 г. Дело в том, что многие годы весь партийный актив и низовые руководители воспитывались в «лево»-маоистском духе отказа от материальных стимулов, презрения к ним, в духе опоры на ультрареволюционные лозунги, ведения непрерывной «революции» и борьбы с «врагами», с людьми из числа «четырех чер-

ных категорий» и т. п. После же декабря 1978 г. стал проводиться иной курс: союз с выходцами из зажиточных деревенских слоев, поощрение премиями за хорошую работу, выдвижение лозунгов типа «Богатеть — это хорошо», прием в партию выходцев из буржуазных и интеллигентских слоев населения и пр. В низовых партийных организациях подобное изменение внутривластного курса периода непосредственно после Мао и трех лет правления Хуа Гофэна воспринимается поэтому с настороженностью и боязнью, не повернет ли обратно ветер реформ, не придут ли снова к власти сторонники «лево»-маоистского крыла. Кадровые работники на местах предпочитают занимать пассивную позицию, не хотят принимать самостоятельные решения. Именно этим объясняются столь частые сетования китайской печати на то, что «курс III пленума» встречает препятствия, что существуют рецидивы «левачества», которые якобы мешают реализации лозунга «четырех модернизаций».

В порядке подготовки к созыву XII съезда в 1980 г. на местах начали проводиться партийные конференции низового уровня. На них отмечено стремление изменить состав «руководящих групп», с тем чтобы успешнее осуществлять работу по модернизации хозяйства страны. Партийная печать подчеркивала, что главной задачей партийных конференций является создание таких парткомов, которые «могут осуществить модернизацию». Партийные конференции на уровне городов, уездов, аймаков, автономных округов избирали новые составы парткомов и делегатов на конференции провинциального уровня. Как подчеркивалось в печати, в отличие от прежних новые составы парткомов малочисленны, члены их имеют более высокий общеобразовательный и профессиональный уровень, а средний возраст — ниже. Так, средний возраст руководящего состава новых парткомов ряда уездов провинции Цинхай составляет 41—43 года. В парторганизациях провинции Шаньдун в состав руководящих групп выдвигались кадровые работники среднего возраста, имеющие специальную подготовку. Около 100 тыс. руководящих кадровых работников прошли «переподготовку» в партшколах, вузах и средних специальных учебных заведениях.

Процесс обновления руководящего состава партийного аппарата на различных уровнях является серьезным этапом подготовки к будущему съезду. На этом этапе пекинская верхушка рассчитывает вовлечь в «руководящие группы» тех членов КПК, которые способны, во-первых, принять политический, экономический и социальный курс пекинского руководства, а во-вторых, эффективно его осуществлять. Для реабилитированных руководителей в КПК это является главным условием предоставления им руководящих постов. В процесс, по-видимому, должны быть вовлечены сотни тысяч партийных работников, поскольку проблема эта затрагивает практически все звенья партийного аппарата — от партийных руководителей уровня коммун и крупных предприятий до руководства парткомов уровня провинции и выше. Масштабность этого процесса сыграла свою роль в том, что за время, прошедшее после V пленума одиннадцатого созыва и объявления о созыве внеочередного XII съезда, партконференции до сих пор удалось провести не во всех уездах, городах, автономных округах и всего лишь в половине провинций.

В преддверии XII съезда по-прежнему имеет первостепенную важность вопрос о составе КПК. Судя по заявлениям китайских руководителей, из 39 млн. нынешних членов партии около половины не соответствуют требованиям, предъявляемым в настоящее время. «Несоответствующие» в первую очередь и должны накануне очередного съезда стать объектом «упорядочения» партийных рядов, так же как и часть старых коммунистов, которые также «перестали отвечать» этим требованиям. С целью «улучшения» качественного состава в последнее время

подчеркнутое внимание уделяется вопросам приема в партию представителей интеллигенции. Хотя социальный состав партии по-прежнему не расширявается, мелкобуржуазное влияние в КПК, по многим сообщениям, продолжает преобладать⁴.

В конце 1980 г. состоялось «рабочее совещание» ЦК КПК, в котором приняло участие свыше тысячи человек, в том числе члены Политбюро ЦК КПК, члены Секретариата ЦК, заместители премьера и члены Госсовета, занимавшиеся вопросами экономики, партийные руководители провинциального уровня и комитетов КПК крупных городов Китая. Совещание проходило под руководством генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана и было посвящено в основном вопросам экономики. С докладами на этом совещании выступили заместитель председателя ЦК КПК Чэнь Юнь, заместитель председателя ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян, заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин. Кроме решения об «экономическом урегулировании», на совещании было принято важное решение по кадровым вопросам. В частности, обсуждался вопрос о смещении Хуа Гофэна с поста председателя ЦК КПК. Согласно сообщениям зарубежных корреспондентов, Хуа Гофэн выступил на этом совещании с самокритикой и подвергся критике со стороны участников совещания по ряду вопросов: за то, что выступал против возвращения на посты Дэн Сяопина и Чэнь Юня; что под видом борьбы с контрреволюцией допускал расправы; что содействовал раздуванию собственного культа личности; за внесение выгодных ему изменений в 5-й том избранных произведений Мао Цзэдуна, а также за провалы в области экономики⁵. В важной, «установочной» речи на этом совещании Дэн Сяопин указал на ошибки в экономической политике после 1976 г., предостерег против «слишком поспешной модернизации», призвал «в нынешней трудной обстановке усилить партийное руководство», указал на необходимость «вернуться к духу Яньани и исправить положение в партии».

Решение о созыве XII съезда КПК было принято, как указывалось выше, на V пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва в феврале 1980 г., то есть через два с половиной года после предыдущего съезда. Согласно уставу КПК, созыв съездов предусматривается один раз в 5 лет. Таким образом, съезд намечалось провести раньше уставного срока. Отметим, что два предыдущих съезда КПК — X в 1973 г. и XI в 1977 г. — также были внеочередными.

В чем же причина того, что съезды компартии Китая в последние годы созываются раньше уставных сроков? Дело в том, что последние съезды КПК начиная с IX в 1969 г. не представляют собой в привычном для социалистических стран понимании форумов коммунистов, где в спокойной и деловой обстановке обсуждаются основные направления развития партии и страны в целом, подводятся итоги работы за предшествующий период, намечается новая программа действий и т. д. В Китае указанные выше съезды завершали собой очередной тур внутривластной борьбы. Не будет исключением и XII съезд. Необходимость его созыва вызывается стремлением закрепить новую перегруппировку сил в руководстве партии, утвердить «вычищенные» одних и возвышение других, внести соответствующие изменения в устав партии, санкционировать фактически уже свершившийся отход от линии предыдущего съезда.

Значительным изменениям на XII съезде, вероятно, подвергнется текст устава партии. Весьма примечательно, что практически каждые четыре года в устав КПК вносятся существенные коррективы. Это само по себе является показателем организационной неустойчивости и нераз-

⁴ См., напр., «Жэньминь жибао», 9.X.1980.

⁵ См.: «Токио симбун», 9 и 15.I.1981.

берихи внутри партии. В упоминавшемся выше выступлении Дэн Сяопина в январе 1980 г. говорилось, что уставы, принятые на IX и X съездах КПК, «не были уставами партии в полном понимании». В печати заявлялось, что эти уставы «содержали много ошибок» из-за вмешательства Линь Бяо, «четверки» и «советника» (так именуется Кан Шэн, который был советником Группы по делам культурной революции при ЦК КПК)⁶. Не менее критически оценивался и устав, принятый на XI съезде КПК, который, хотя в нем и «были исправлены некоторые ошибки», тем не менее является, как писала «Жэньминь жибао», «не-совершенным и нуждается в довольно больших исправлениях особенно сейчас, когда в области партийного строительства мы сталкиваемся со множеством новых обстоятельств, новых проблем»⁷.

Проект нового устава был обсужден и принят V пленумом ЦК КПК в феврале 1980 г. Решения V и особенно VI пленума ЦК КПК свидетельствуют о том, что ряд пунктов нового устава будет фактически под-правлять «лево»-маоистские установки, давать им иную трактовку или даже отрицать их. Вероятно, будут сняты положительные оценки «культурной революции», звучавшие раньше, внесены изменения в пункты о занятии постов руководящими кадровыми работниками, в иной трактовке предстанет пункт об «идеях Мао». В целом в документах готовящегося XII съезда КПК будет пересмотрен ряд основных положений предыдущего, XI съезда, проведена переоценка «культурной революции», личности Лю Шаоци, некоторых маоцзэдуновских положений (например, о продолжении революции при диктатуре пролетариата, о подходе к прежним «образцам» китайского общества — Дачжаю и Дацину и т. д.).

Следует отметить, что с некоторых пор пекинское руководство все чаще обращается к материалам VIII съезда КПК. В ряде публикаций начиная с 1979 г. отмечалось, что выдвинутый на VIII съезде внутриполитический курс «был правильным», что принятый на нем устав «был совершенным». Впервые в официальных документах, например в коммюнике IV пленума ЦК КПК, давалась положительная оценка решениям VIII съезда, положительные отзывы о нем звучали в коммюнике V пленума ЦК КПК⁸. В выступлении Дэн Сяопина в январе 1980 г. говорилось, что «добрая слава и традиции VIII съезда КПК» восстановлены⁹. В мае 1980 г. материалы VIII съезда КПК (имеется в виду его I-я сессия в 1956 г.) были переизданы без каких-либо комментариев.

Обращение к материалам и решениям VIII съезда КПК является, однако, непоследовательным и противоречивым: если призыв к исполнению таких его положений, как принцип демократического централизма, соблюдение методов коллективного руководства, борьба с культом личности и др., можно расценивать как явление позитивное, хотя и голословное, то отсечение и отбрасывание важнейшей части решений, касающейся требования руководствоваться во всей деятельности партии марксизмом-ленинизмом (а не «идеями Мао Цзэдуна», как это записано в ныне действующем Уставе КПК), следовать принципам пролетарского интернационализма, дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами, свидетельствуют о том, что руководство КПК остается на позициях реакционно-националистического маоизма. По сути дела, руководство нынешней КПК пытается в своих целях использовать имя и знамя VIII съезда, но не его решения. С помощью авторитета VIII съезда и его решений, привлечения отдельных положений из документов этого съезда оно пытается поднять пошатнувшийся

⁶ «Чжэньминь», 6.III.1980; «Жэньминь жибао», 17.III.1980.

⁷ «Жэньминь жибао», 17.III.1980.

⁸ См. там же, 29.IX.1980, 1.III.1980.

⁹ См.: «Чжэньминь», 6.III.1980.

авторитет партии среди народа, пристроить псевдомарксистский фасад к маоистским основам партии.

На сегодняшний день в Китае реабилитировано огромное число жертв «культурной революции», в результате чего множество оклеветанных и репрессированных при Мао Цзэдуна партийных кадровых работников вновь привлечено к деятельности в партийном и государственном аппарате — от низового звена до Политбюро ЦК КПК. Как указывалось в одном из выступлений Дэн Сяопина, число реабилитированных составило более 2 млн. 900 тыс. человек. Реабилитированы практически все видные деятели партии (многие посмертно), входившие в состав ЦК КПК, Политбюро ЦК КПК восьмого созыва, партийные руководители регионального и провинциального уровней.

Апогеем кампании по реабилитации можно считать решение V пленума ЦК КПК о полной реабилитации Лю Шаоци. Это решение представляется чрезвычайно важным, поскольку оно неизбежно повлекло за собой переоценку целого ряда вопросов, которые могут найти отражение в документах предстоящего XII съезда КПК. В коммюнике V пленума ЦК КПК по вопросу о реабилитации Лю Шаоци заявлялось, что «этот вопрос касается не только его одного». Действительно, пекинскому руководству пришлось в связи с этим пойти на отмену ряда решений или подтасовку исторических фактов. Например, в документах XI съезда КПК Лю Шаоци был охарактеризован как «мошенник», «каппутист вроде Линь Бяо и четверки», говорилось о «буржуазном штабе Лю Шаоци»¹⁰. Согласно же коммюнике V пленума ЦК КПК, последующим выступлениям печати, материалам о траурной церемонии в мае 1980 г., посвященной памяти Лю Шаоци, его реабилитация в Китае теперь представляется как восстановление «подлинного облика идей Мао Цзэдуна», а разработанные Лю Шаоци положения и принципы в области партийного строительства и рабочего движения выдаются за «составную часть научной системы идей Мао Цзэдуна»¹¹. Как видно, налицо очередная попытка китайских руководителей фальсифицировать недавнюю историю, всячески выгородить основного виновника «культурной революции» — Мао Цзэдуна, а выправление ошибок и промахов, допущенных по его вине, объявить следованием его заветам.

За период с XI съезда КПК по настоящее время существенно изменилось положение председателя КПК Хуа Гофэна. На смену панегирикам в его адрес на съезде, где он назывался «достойным учеником и преемником» Мао Цзэдуна, «мудрым вождем партии и народа», «мудрым полководцем армии» и т. п., пришла сначала завуалированная, а затем открытая критика в его адрес в связи с судебным процессом над так называемыми «контрреволюционными группировками Линь Бяо и Цзян Цин». Власть и полномочия Хуа Гофэна как председателя партии были в значительной степени ограничены в связи с реорганизацией руководящего аппарата КПК, о которой говорилось выше. На 3-й сессии ВСНП пятого созыва в сентябре 1980 г. Хуа Гофэн был вынужден оставить пост премьера Госсовета, который он занимал по совместительству, что также значительно ослабило его влияние. Наконец, после критики Хуа Гофэна на «рабочем совещании» ЦК КПК в конце 1980 г. и длительного отсутствия на официальных встречах и приемах на VI пленуме ЦК КПК в июне 1981 г. вопрос о преемнике Мао Цзэдуна, выбранном якобы им самим, был решен. Хуа Гофэн лишился поста председателя ЦК КПК и стал одним из последних по значимости заместителей председателя ЦК КПК. Таким образом, Хуа Гофэн пробыл на посту председателя ЦК КПК менее 5 лет.

¹⁰ См.: XI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1977, с. 40, 43, 56, 87.

¹¹ «Жэньминь жибао», 1.III.1980, 16 и 18.V.1980.

Сохранение маоистской «традиции» решать важнейшие партийные вопросы в обход всекитайских съездов КПК полностью подтвердил VI пленум ЦК КПК, который был проведен вместо объявленного внеочередного XII съезда КПК в конце июня 1981 г. Как показывает анализ тенденций, развивающихся внутри партии, причиной столь затянувшейся подготовки пленума и невозможности созыва обещанного съезда партии была борьба внутри пекинского руководства по вопросам оценки некоторых основных моментов истории КПК, роли Мао Цзэдуна и его «идей», по вопросам выработки политического и экономического курса развития страны. Лишь к весне 1981 г. удалось завершить работу по «изучению» документов «рабочего совещания» ЦК КПК, состоявшегося в декабре 1980 г. За прошедшее после этого совещания время в условиях острой борьбы были проведены всекитайские совещания кадровых работников всех провинций, важнейших отраслей народного хозяйства, ведомств, а также в армии, на некоторых были «проработаны» решения и материалы «рабочего совещания». Затем в центральной печати были опубликованы важные статьи, в которых излагались основные положения дальнейшего социально-экономического курса развития Китая, а также давалась новая оценка роли Мао Цзэдуна в истории КПК и «идей Мао»¹².

Как и предыдущие партийные пленумы, VI пленум ЦК КПК означал завершение очередного этапа внутрипартийной борьбы и принятие компромиссного решения. К числу основных моментов, связанных с работой и решениями VI пленума, должны быть отнесены следующие:

пленум подтвердил, что незабываемой идейно-теоретической основой КПК и общества в целом «на длительный период» является модифицированный маоизм с его непеременимыми компонентами — великодержавным гегемонизмом, шовинизмом и антисоветизмом;

материалы VI пленума ЦК КПК свидетельствуют, что нынешнее пекинское руководство продолжает спекулировать на марксистско-ленинской терминологии, пытаясь создать видимость того, что КПК остается на марксистско-ленинских позициях, продолжает оставаться авангардом китайского рабочего класса;

принятое пленумом Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР, хотя в нем и содержится вынужденное признание «серьезных ошибок» Мао Цзэдуна, свидетельствует тем не менее о том, что нынешнее пекинское руководство не в состоянии преодолеть тяжелое маоцзэдуновское наследие, сделать соответствующие выводы из ошибок прошлого;

кадровые перестановки, произведенные VI пленумом, в результате которых Хуа Гофэн уступил свой пост Ху Яобану, однако остался заместителем председателя ЦК КПК, как нельзя более ярко подтверждают компромиссный характер соглашения между соперничающими группировками в руководстве партии.

VI пленум ЦК КПК и принятые им решения наглядно свидетельствуют о кризисе партии и общества в целом, о том, что перед партией стоит множество нерешенных задач, что невозможно их решить, не отказавшись от пагубного маоистского наследия. Половинчатый, компромиссный характер принятых пленумом решений (в частности, об «идеях Мао Цзэдуна», его «заслугах» и «ошибках», о «культурной революции» и др.) подтвердил бессилие нынешнего пекинского руководства, его неспособность решить эти проблемы. Все эти моменты позволяют говорить о недолговечности достигнутого компромисса, обострении в ближайшем времени борьбы в руководстве. Это предположение подтверждается и тем обстоятельством, что на пленуме не было принято решение о конкретных сроках созыва XII съезда КПК.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 9 и 11.IV.1981; «Гуанмин жибао», 20.IV.1981.

Нынешнее руководство КПК объявило, что изучение документов пленума «является одной из центральных задач всей партии на последующее полугодие». В передовой статье «Жэньминь жибао» «Серьезно изучать Решение, спланироваться воедино, смотреть вперед» утверждается, что Мао Цзэдун и его «идеи» неотделимы от всей истории КПК, «неотделимы от будущего китайской революции»¹³. Призывы изучать документы VI пленума, в первую очередь обращенные к руководящим кадровым работникам от уезда и выше, говорят о том, что кампания «переучивания» началась с верхов, что, прежде чем установить «единое понимание» у низовых кадровых работников, приходится «унифицировать взгляды» у высших руководителей. Вместе с тем сообщения центральной, местной печати и радио свидетельствуют, что процесс «переучивания» постепенно распространяется и на рядовых членов партии, и на китайское общество в целом.

Для того чтобы направить новую кампанию пропаганды подкорректированных идей Мао Цзэдуна в необходимое для пекинского руководства русло, газета «Жэньминь жибао» в июле прошлого года напечатала восемь директивных материалов под заголовком «Изучать некоторые вопросы истории КПК после создания КНР», которые содержат подробную официальную оценку этапов развития КПК с соответствующими пояснениями отдельных событий. Эти материалы составлены, по-видимому, не редакцией газеты, а аппаратом ЦК КПК или Академией общественных наук КНР. Темы изучения в основном совпадают с разделами Решения и располагаются хронологически¹⁴. Основное внимание уделено «заслугам» Мао Цзэдуна и достижениям КНР после 1949 г. Тщательно и по-новому откомментированы важнейшие события, им дана оценка, соответствующая целям нового руководства КПК. В газете «Гуанмин жибао», помимо этого, были опубликованы «Тезисы к изучению Решения».

Официально в качестве самой важной задачи «изучения» Решения выдвинуто «полное признание исторического места товарища Мао Цзэдуна» и «его идей в китайской революции». Пропаганде КНР рекомендуется подчеркивать, что «заслуги товарища Мао Цзэдуна перед китайской революцией намного превосходят его промахи», показывать, что «заслуги стоят на первом месте, а ошибки — на втором»¹⁵. Целью изучения Решения, по замыслу пекинского руководства, является достижение «единства понимания», то есть единства взглядов, которого, как мы видим, в КПК нет не только по вопросам истории КПК, но и по современной политике КПК. Понимая опасность «переоценки ценностей» в том, что касается коренных проблем истории КПК, переоценки, которая может привести к недоуменным вопросам и спорам в низовых организациях, современное пекинское руководство рекомендует в ходе изучения «ни в коем случае не останавливаться на мелких исторических событиях, тем более не допускать массовой полемики по вопросам конкретной правды и неправды в истории»¹⁶. Налицо опасение, как бы само мероприятие не вылилось в сплошную критику «идей Мао Цзэдуна» и политики КПК. Есть данные, что в основе кампании «переучивания» лежат директивы закрытого документа ЦК КПК «Чжунфа № 22», разосланного по партийным каналам в начале июля 1981 г. в парткомы провинциального и уездного уровней. Выполняя эти директивы, парткомы провинциального уровня регулярно проводят «совещания кадровых работников трех ступеней», заседания постоянных комитетов парткомов, пленумы парткомов, на которых обсуждаются планы и ход «изучения» Решения. Партийные организации уездного уровня с той же целью соз-

¹³ «Жэньминь жибао», 6.VII.1981.

¹⁴ См. там же, 3, 7, 10, 14, 17, 21, 24, 28.VII. 1981.

¹⁵ Там же, 6.VII.1981 (В кавычках слова Дэи Сяопина).

¹⁶ Там же.

дали многочисленные «курсы изучения Решения», «курсы изучения для руководящих работников», «курсы пропаганды основного содержания Решения» и т. п.

Однако, несмотря на все попытки китайского руководства добиться однозначного отношения к решению пленума, эта цель по-прежнему остается труднодостижимой. Судя по материалам центральной и местной прессы, в ходе «изучения» Решения на местах постоянно возникают те или иные вопросы, связанные главным образом с проблемами нынешней политики пекинских лидеров. Если отбросить верноподданнические заявления в духе прославления Мао Цзэдуна как «марксиста-ленинца», «великого пролетарского революционера», а идей Мао Цзэдуна — как «квинтэссенции коллективного разума КПК» и прочие дежурные фразы, выхваченные непосредственно из Решения, то можно проследить отдельные тенденции, свидетельствующие о продолжающихся разногласиях и борьбе группировок в КПК.

Что касается внутривнутрипартийной борьбы, то на это указывает начавшаяся уже после пленума открытая критика Хуа Гофэна. Хотя пленум вроде бы и сделал свое дело, отодвинул «вождя» с главного руководящего поста в КПК, критика Хуа продолжается. Совершенно очевидно, что продолжающиеся атаки на Хуа Гофэна могут быть направлены и против лиц, поддерживавших Хуа все эти годы, прежде всего Е Цзяньина и его сторонников.

Материалы свидетельствуют о том, что внутри КПК, в Китае в целом существуют различные мнения об оценке в решении пленума «идей Мао Цзэдуна». Указав в основном на ошибки в практике Мао, пленум не провел четкую разграничительную линию между тем, что в идеях Мао Цзэдуна рационально, а что — ошибочно. Вполне вероятно, что это может привести к усилению идейной неразберихи в различных сферах КПК.

* * *

Объективный анализ положения в КПК показывает, что глубокий идейный и организационный кризис, поразивший компартию в Китае, нельзя преодолеть на основе предлагаемых сейчас в Пекине методов. Сколько бы пропагандистская машина КПК ни твердила о необходимости достичь идеологического единства на базе основных выводов Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР, никакого единства достигнуто быть не может. В нынешней обстановке, когда в КПК преобладают правонационалистические силы, возглавляемые Дэн Сяопином, в условиях многолетней яростной антисоветской пропаганды, последствий террора «культурной революции» идеалы социализма подвергаются серьезной дискредитации, а социалистические завоевания трудящихся Китая все более подрываются. Тем самым объективные интересы китайских трудящихся приходят во все большее противоречие с милитаристскими, гегемонистскими целями маоизма, что непосредственно отражается и на КПК, разрушает, дестабилизирует ее организм.

Серьезным препятствием для маоистов в достижении своих целей являются также победы стран социалистического содружества и сил мира в борьбе против империализма, за доверие и мирное сосуществование между всеми странами. В конечном итоге именно эти и ряд других факторов определяют историческую обреченность маоизма как идейно-политической системы, хотя сейчас маоистская политика и идеология во многом (но не полностью и не навсегда) определяют и стимулируют негативные процессы и тенденции в современной КПК.

Социально-экономические проблемы китайской деревни

И. Н. Коркунов,
кандидат экономических наук

Среди основных экономических проблем, стоящих сегодня перед Китаем, особое значение имеет аграрная проблема, от решения которой во многом зависит преодоление экономической и социальной отсталости страны, судьба подавляющей части населения, его уровень жизни. Состояние сельского хозяйства в значительной мере определяет темпы развития и пропорции всей экономики. Эта отрасль в КНР является основным поставщиком сырья для легкой промышленности (более 60%), важным источником формирования национального дохода, бюджетных поступлений (40%) и экспортных ресурсов (40%), ее продукция составляет подавляющую часть внутреннего товарооборота — 80%¹.

Вместе с тем от положения в китайской деревне, где проживает более 80% населения, зависит политическая и экономическая стабильность в стране. Нынешнее состояние китайской деревни отражает обострение главного противоречия китайского общества — между антисоциалистическим характером политики пекинского руководства и потребностями роста производства, жизненными интересами населения. Экономическая отсталость сельского хозяйства Китая определяется всей совокупностью отношений производства и обмена, его местом в хозяйственном комплексе.

Выбор путей решения обострившейся в последнее время аграрной проблемы во многом определяет весь ход дальнейшего развития КНР, характер ее социально-экономического строя. Изменения в аграрном секторе, наиболее массовом по масштабам занятости и общественного воспроизводства, зависят главным образом от характера политики государства, изменения в параметрах которой касаются коренных проблем экономического базиса, системы народнохозяйственных приоритетов, перспектив развития китайского общества.

С тяжелым грузом маоистского наследия в области экономики в целом и в сельском хозяйстве в особенности вступила страна в период, начавшийся после ухода с политической арены Мао Цзэдуна. Сельскохозяйственное производство едва поспевает за ростом населения, сохраняется нормированное распределение продовольствия, обострилась проблема снабжения сельскохозяйственным сырьем промышленности. Настроения неудовлетворенности все шире распространяются среди крестьянства и рабочих, в КПК и армии.

Несмотря на то что официально провозглашено сельское хозяйство «основой экономики», а его подъем — первоочередной задачей периода «урегулирования» (1979—1985), анализ аграрной политики послемаоцзэдуновского руководства показывает, что этот тезис в действительности остается декларацией; нынешнее руководство Китая не ставит главной

¹ См.: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1981, № 1, с. 35; № 11, с. 2; «Жэньминь жибао», 13.VI и 7.IX.1977, 6.X.1978.

целью повышение жизненного уровня населения на основе комплексного, многоотраслевого развития сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствует отсутствие действенной помощи государства деревне, свертывание запланированной ранее «модернизации», сокращение государственных ассигнований, сохранение «ножниц цен». На деле сельское хозяйство не является наиболее приоритетной и преимущественно финансируемой отраслью, а играет роль «экономического донора», поставляющего через систему цен и налогов средства для милитаризации страны.

Для периода 1957—1977 г. характерно отсутствие роста производительности труда в сельском хозяйстве. Производительность труда в деревне даже снизилась. Если в 1957 г. на душу населения производилось 270 кг зерна, то спустя 20 лет, в 1977 г., — лишь 267. В 1957—1970 гг., по китайским данным, производство хлопка на душу населения упало с 2,6 до 2,3 кг, продукции водных промыслов — с 4,9 до 4,5 кг². Такая тенденция объясняется тем, что рабочая сила в деревне пополняется более быстрыми темпами, чем растут ее основные фонды, техническое перевооружение. Если в нашей стране за годы советской власти численность занятых в сельском хозяйстве сократилась с 49,5 млн. до 27 млн. человек при увеличении объема ежегодно производимой продукции в 3,3 раза³, то в КНР число занятых в деревне неуклонно растет, а площадь пашни на одного сельского жителя за последние 25 лет сократилась на 40 % — с 0,17 до 0,1 га, что составляет четверть среднемирового показателя.

Нерешенность проблемы занятости, «избыток» рабочей силы в деревне, превышающий одну треть ее общей численности, снижает общественную производительность труда, является одним из важнейших факторов социальной нестабильности в стране⁴. Особенно много «лишних» крестьян в густонаселенных провинциях восточных районов страны, где они нередко вынуждены становиться в очередь за получением работы. Обеспечение более полной занятости обычно является формальным, так как игнорируется экономическая эффективность производства. В последнее время внедрение системы «производственной ответственности» вызвало обострение проблемы «излишка» рабочей силы.

По китайским данным, в 1977 г. по сравнению с 1957 г. численность рабочей силы в деревне возросла на 47 %, тогда как производство зерна за тот же период возросло лишь на 45 %, хлопка — на 25, а семян масличных культур — на 10 %⁵. Главным фактором развития сельскохозяйственного производства в Китае остается непрерывная интенсификация труда крестьян, не сопровождаемая повышением его оплаты. Более того, по китайским данным, стоимость трудодня в 1977 г. была на 33 % ниже, чем в 1957 г.⁶

По производительности труда и производству зерна на душу населения сельское хозяйство Китая, как официально признано, практически остается примерно на одном уровне на протяжении последних двух ты-

² «Чжунго цзинцзи няньцзянь» (Ежегодник китайской экономики, 1981). Пекин, 1981, с. 12.

Производство зерна на душу населения в конце прошлого и начале этого века в Китае было выше, чем в настоящее время. Так, например, в 1885 г. оно составляло 326 кг, в 1905 г. — 304 кг, в 1915 г. — 301 кг. — См.: О. Е. Непомнин. Социально-экономическая история Китая (1894—1914). М., 1980, с. 295.

³ См.: Аграрные проблемы развития социализма, т. 1. М., 1980, с. 6.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 1.IX.1981. Показатели «избыточной» рабочей силы в Китае выше, чем во многих других странах Азии. Так, в странах Южной и Юго-Восточной Азии доля не полностью занятых в общей численности самодельного населения составляет 20 %, в том числе на Филиппинах — 12 %, в Шри Ланке — 20 %. — См.: Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран Зарубежного Востока, т. 1. М., 1980, с. 49.

⁵ См.: «Жэньминь жибао», 15.X.1979.

⁶ См.: «Нуньэ цинцзи зяньти», 1980, № 1, с. 35.

сяч лет⁷. В результате увеличивается отставание Китая от других государств по показателям урожайности и производительности труда, которые относятся к наиболее низким в мире. Согласно данным ФАО ООН, в Китае производится лишь 15 % мирового объема зерна, хотя на эту страну приходится 28 % всего сельского населения в мире. Один человек в сельском хозяйстве КНР производит зерна в десятки раз меньше, чем в промышленно развитых странах мира. В 1979 г. каждый занятый в сельском хозяйстве КНР произвел в среднем 1040 кг зерна, тогда как в США — 95 332 кг, во Франции — 20 155 кг⁸. Затраты живого труда на 1 га посевов пшеницы в КНР составляют 150—180 человеко-дней в год, тогда как в США — менее 1 человеко-дня, а ее урожайность в 1,5 раза выше, чем в Китае. На гектар посевов риса затраты труда в Китае составляют 300 человеко-дней, в Японии — 146, а урожайность риса почти вдвое выше, чем в Китае⁹.

Наблюдается также неуклонное отставание сельского хозяйства от уровня развития промышленности, что тесно связано с глубинными деформациями общественного воспроизводства и является одной из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между отраслями экономики, общего хозяйственного кризиса. Различие в органическом строении и в технической вооруженности труда в более современном промышленном производстве и традиционном сельскохозяйственном производстве является главной причиной несоответствия уровней производительности труда в этих отраслях. Если в промышленности выработка на одного рабочего в 1980 г. составила 9000 юаней, то в сельском хозяйстве (включая подсобные промыслы) — лишь 450 юаней на каждого занятого, или в 20 раз меньше, чем в промышленности. Сохраняются огромные различия между городом и деревней, особенно заметные в условиях труда и быте, в уровнях жизни городского и сельского населения. В стране, по признанию печати КНР, все более возрастают «три основных различия» — между деревней и городом, сельским хозяйством и промышленностью, физическим и умственным трудом¹⁰. По сообщению ГСУ КНР, в 1980 г. средний доход члена коммуны от коллективного хозяйства составил лишь 85,9 юаня¹¹.

При низкой производительности труда одна народная коммуна в состоянии выделить на расширенное воспроизводство в среднем лишь 7 % алового дохода. Размер накоплений на одного человека в год составляет лишь 8 юаней, а на один му ($\frac{1}{15}$ га) пашни — 4,16 юаня¹². Вот почему 50—60 %, а в ряде провинций до 80 % основных фондов народных коммун, составляющих 85 млрд. юаней, приходится на примитивные сельскохозяйственные орудия. Основные фонды одной большой производственной бригады оцениваются всего лишь в 10 тыс. юаней, тогда как средний трактор (55 л.с.) стоит 14 тыс. юаней¹³.

Китайская деревня, лишенная действенной государственной помощи и прочной материально-технической базы, по-прежнему вынуждена «опираться на собственные силы». Это ее состояние противоречит объективным потребностям развития общества. В 1980 г. в Китае была официально признана нереальной задача механизировать «в основном» сельское хозяйство страны. Попытки изыскать основную часть средств на механизацию (70—90 %) в самих уездах и коммунах оказались несостоятельными. Нерешенными проблемами остаются также низкое качество поставляемой деревне техники, слабое ее использование, недо-

⁷ См.: «Гуанмин жибао», 10.IV.1979.

⁸ См.: «Цзинцзи кэсюэ», 1980, № 1.

⁹ См.: «Жэньминь жибао», 14.V.1978.

¹⁰ См.: «Чжунго шэхуй кэсюэ», 1981, № 7, с. 12.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 6.IV.1981.

¹² См.: «Чжунго шэхуй кэсюэ», 1980, № 3.

¹³ См.: «Нунъе цзинцзи вэньти», 1980, № 1, с. 15.

статок кадров механизаторов. Поэтому с конца 1979 г. Китай сосредоточил свои усилия на выборочной «очаговой» механизации в «опорных базах товарного зерна», в районах сосредоточения земельных массивов на северо-востоке и вокруг крупных городов и промышленных центров. В последнее время в Китае заявляют о необходимости «замедления темпов механизации и всемерном использовании дешевого живого труда»¹⁴.

Несмотря на то что руководство КНР признает существование значительных «ножниц цен» между сельским хозяйством и промышленностью, до сих пор не снижены высокие цены на промышленную продукцию, поставляемую деревне. Продолжаются также монопольные государственные закупки по низким ценам, не обеспечивающим достаточной рентабельности сельскохозяйственного производства. В 1975 г. цены на промышленную продукцию, направляемую в деревню, в среднем были выше себестоимости на 15—20 %, а на закупаемую сельскохозяйственную продукцию ниже себестоимости на 25—30 %¹⁵. В ряде районов с худшими условиями производства закупочные цены на зерновые были в два и более раза ниже себестоимости производства зерна¹⁶.

В Китае цены на технику и удобрения, поставляемые деревне, значительно выше, чем средние цены на мировом рынке. Так, в Японии трактор в 20 л. с. обменивается на 5,5 т риса, а в Китае трактор в 28 л. с. «Дунфанхун» — на 35,5 т риса. На мировых рынках за 1 кг зерна можно получить 2 кг удобрений, а в Китае — менее 1 кг¹⁷. В пересчете на рис дизельное топливо в Китае в 6 раз дороже, чем в Японии, отдельные виды удобрений в 12—13 раз, а тракторы — в 3—6 раз¹⁸. Резко неэквивалентный обмен продукцией между городом и деревней создает основу для противопоставления друг другу рабочего класса и крестьянства, а также снижает заинтересованность в замене живого труда овеществленным, возможности расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве.

Невысокий «запас прочности» сельского хозяйства, отсутствие в экономике важных амортизаторов, позволяющих преодолеть трудности и обеспечить страну продовольственным зерном и сырьем, являются важной причиной экономической и политической нестабильности в стране, неустойчивости в обеспечении населения продовольствием и снижении его временами до уровня ниже физиологических норм, особенно в провинциях, терпящих стихийные бедствия (ежегодно их площадь достигает 1/6 территории страны).

Печать КНР признает, что за последние двадцать с лишним лет страна не только не продвинулась вперед в решении продовольственной проблемы, но, напротив, последняя еще более обострилась. В стране сохраняется жесткая система нормированного распределения основных продуктов питания и промышленных товаров, снижается жизненный уровень населения. Так, в 1978 г. по сравнению с 1957 г. потребление зерна в стране на душу населения сократилось на 3,2 %, растительного масла — на 33,3, хлопчатобумажных тканей — на 2 %. Нормы обеспечения сельского населения снизились еще более. За тот же период, по официальным данным, потребление зерна в деревне упало на 5,6 %, растительного масла — на 43,2 %, хлопчатобумажных тканей — на 5,7 %¹⁹. По признанию печати КНР, потребление пищевого зерна на душу населения в период с 1957 по 1978 г. снизилось с 203 до 196 кг.

¹⁴ «Ляофан», 1981, № 5.

¹⁵ См.: «Чжунгун яньцзю», 1980, июнь.

¹⁶ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 4, с. 3.

¹⁷ См.: «Чжунго шэжуй кэсюэ», 1980, № 3.

¹⁸ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1978, № 12.

¹⁹ См. там же, 1979, № 12, с. 37.

За то же время количество хлопчатобумажных тканей, приходящееся в среднем на одного жителя страны, сократилось с 8,3 до 7,5 м²⁰.

Значительная часть коммун, примерно каждая шестая из них, считается бедствующей и нуждающейся в государственной помощи. Некоторые коммуны годами получают от государства зерно. Печать КНР отмечает, что 1 млн. 175 тыс. производственных бригад с населением 130 млн. человек «испытывают чрезвычайные трудности в коллективном производстве и жизни»²¹. Выступая на совещании в ЦК КПК в апреле 1979 г. заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь заявил, что свыше 100 млн. человек систематически голодают. «Люди недовольны», — подчеркнул Ли Сяньнянь²².

В соответствии с данными ФАО калорийность питания для стран Азии должна составлять минимально 2300—2500 кал. на одного взрослого в день, тогда как в Китае средняя калорийность питания равняется лишь 2200 кал.²³ Отрицательным фактором воспроизводства рабочей силы является также структурное голодание, связанное с абсолютным преобладанием в рационе питания китайского населения растительной пищи и нехваткой белков, особенно животного происхождения, на долю которых приходится не более 5 % потребляемых калорий (в США — 50 %) ²⁴. По производству и потреблению продуктов животноводства Китай занимает одно из последних мест в мире, тем более что значительная часть животноводческой продукции экспортируется (1/7 стоимости китайского экспорта)²⁵. По официальным данным ГСУ КНР, производство основных продовольственных культур в последние годы характеризовалось следующими данными (в млн. т):

	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	Прирост в 1980 г. в % к 1979 г.
Основные продовольственные культуры*	283,0	304,8	332,1	318,2	—4,2
В том числе:					
рис	125,0	137,0	143,7	139,2	—3,1
пшеница	51,0	54,0	62,8	54,2	—13,7
батат и картофель	26,0**	28,3**	28,5	27,9	—2,2
соевые бобы	8,5**	8,3	7,5	7,9	5,0
Жасличные	4,6**	5,2	6,4	7,3	11,4
Сахарный тростник	17,8	21,1	21,5	21,5	0
Сахарная свекла	2,5	2,7	3,1	5,5	71,0
Хлопок (волокно)	2,05	2,17	2,2	2,25	0,2

Примечания: * В основные продовольственные культуры включаются зернобобовые, а также батат и картофель в пересчете на зерно из расчета 5:1.

** Оценка.

Многие зарубежные оценки сбора основных продовольственных культур ниже официальных данных ГСУ КНР. При этом указывается на ненадежность китайской статистики, возможные приписки на местах.

²⁰ См.: «Гуанмин жибао», 28.VI.1980.

²¹ «Жэньминь жибао», 17.I.1980.

²² В Проекте решения ЦК КПК по некоторым вопросам ускорения развития сельского хозяйства отмечалось, что в деревне голодает более 100 млн. человек.

²³ В бедствующих провинциях КНР калорийность питания значительно ниже. Так, в 1980 г. в подвергшихся стихийным бедствиям провинциях Хубэй и Хунань она составляла 1200—1400 кал. — См.: «China Business Review», May—June 1981.

²⁴ В Китае потребление белка на взрослого человека в день должно составлять минимально 50 г. — См.: «Цзинцзи яньцзю», 1981, № 7.

²⁵ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 7, с. 19.

Сложной для китайской деревни проблемой остается низкая товарность сельскохозяйственного производства. По подсчетам статистических органов КНР, даже если исходить в расчетах из годового производства зерна в 325 млн. т, то товарное зерно составит лишь 50 млн. т. Этого для потребления 160 млн. человек несельскохозяйственного населения безусловно недостаточно. Вследствие низкой производительности труда, полунатурального характера сельского хозяйства свыше 80 % урожая зерна потребляется самим крестьянством, а также идет на семенной фонд, фураж и запасы, поэтому товарность зерновых не превышает 20 %²⁶. По официальным данным, в 1979 г. до повышения закупочных цен на ряд сельскохозяйственных продуктов каждый занятый крестьянин производил закупаемой государством продукции только на 70 юаней в год, а после повышения цен — на 80 юаней²⁷, что свидетельствует о полунатуральном характере хозяйства, в котором значительная часть продукции идет на личное потребление крестьян, а не на нужды воспроизводства.

Начиная с 60-х годов с целью снабжения продовольствием быстро растущего населения, главным образом городского, Китай систематически прибегает к импорту, расходуя на эти цели огромные валютные средства. Так, только в 1979 г. стоимость импорта зерна, хлопка, соевых бобов, соевого масла и сахара составила 3,4 млрд. долл. Закупки Китаем сельскохозяйственной продукции составляют примерно 1/4 всего китайского импорта, что отражает неспособность КНР обеспечить себя продовольствием в условиях роста внутреннего спроса, связанного также с демографическими факторами. Импортируемое зерно составляет более 25 % нормированного зерна, получаемого городским населением. Недавно в Китае было объявлено, что стране еще долго придется импортировать значительное количество продовольствия.

Нижеследующая таблица показывает, сколько сельскохозяйственной продукции было ввезено в КНР за последние годы (в тыс. т).

Год	Зерно	Соевые бобы	Соевое масло	Сахар	Хлопок-сырец
1977	6 838	364	166	1743	350
1978	9 309	109	108	1366	480
1979	10 512	547	112	1048	760
1980*	13 000	1000	110	950	700

Источники: Agricultural situation. Washington, 1980, p. 17.

* Оценка

Значительная доля импортируемых Китаем зернопродуктов ввозится из США. Согласно заключенному между КНР и США торговому соглашению на 1981—1985 гг., Китай может ежегодно импортировать из США от 6 до 9 млн. т зерна и, кроме этого, дополнительное количество зерна по специальным ежегодным соглашениям. Помимо импорта продовольствия, за последние годы неуклонно возрастал также импорт хлопка и других технических культур. Так, в 1978 г. импорт хлопка составил 27 % его валового производства в стране.

В середине 70-х годов негативные явления в экономике, вызванные авантюристической политикой, серьезными просчетами, вылились в

²⁶ По сведениям ГСУ КНР, производимое в стране зерно распределяется следующим образом: 60 % потребляется крестьянством, 20 % составляют семенной фонд, фураж и разного рода запасы, 20 % — налоги и закупки.

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 9.IV.1981.

острый кризис, необходимость преодоления которого стала важнейшей задачей китайского руководства. Состояние сельского хозяйства оставалось одним из важнейших условий экономического роста, выполнения хозяйственных планов. Обеспокоенное хроническим кризисом в сельском хозяйстве, руководство КНР все более осознавало тесную взаимосвязь его проблем и возможностей выполнения планов «четырёх модернизаций», политической и экономической стабильности в стране.

Выдвинутая XI съездом КПК (август 1977 г.) задача создания к концу столетия мощного государства «с современным сельским хозяйством, промышленностью, обороной, наукой и техникой» не могла быть осуществлена без модернизации аграрного сектора экономики. Именно поэтому в последнее время на III и IV пленумах ЦК КПК (декабрь 1978 и сентябрь 1979 г.) подчеркивалось важное значение сельского хозяйства для решения проблем, стоящих перед страной. При определении основных направлений экономической работы указывалось на необходимость «наладить в первую очередь сельское хозяйство, а также легкую промышленность, еще лучше поставить дело на рынке»²⁸.

Заметную роль в формировании аграрной политики сыграли решения III пленума ЦК КПК, на котором был принят Примерный проект положений о работе сельских народных коммун («Новые 60 пунктов»), разосланный на места для обсуждения на уровне руководства провинций и применения в экспериментальном порядке. Коррективы, внесенные в сельскохозяйственную политику, были закреплены в принятом IV пленумом ЦК КПК «Решении по некоторым вопросам ускорения развития сельского хозяйства». На этих пленумах было указано, что сельское хозяйство остается крайне отсталой отраслью экономики, отмечались низкие производительность труда и темпы роста производства²⁹, «необходимость сосредоточить главные силы на сельском хозяйстве»³⁰. Пленумы выдвинули курс на развитие многоотраслевого хозяйства в китайской деревне.

Руководство КНР вынуждено было признать, что насаждающиеся на селе два с лишним десятилетия левацкие методы экономической политики подрывали трудовую активность крестьян, вызвали грубые нарушения прав сельскохозяйственных коллективов. С 1978 г. наблюдался постепенный отказ от курса «учебы у Дачжая», перешедший после III пленума ЦК КПК в его открытую критику. Подчеркивалось, что основные аспекты «дачжанзации» деревни — уравниловка, пренебрежение к материальному стимулированию, организации производства и подсобных промыслов, упор только на самоотверженный труд — тормозили развитие сельского хозяйства³¹.

Одновременно в КНР стали также, хотя и в осторожной форме, заявлять, что поступательное развитие сельского хозяйства было нарушено возникновением в 1958 г. сельских народных коммун, которые были созданы «одним махом», когда кооперативы высшего типа еще не успели встать на ноги³². Одной из «двух крупных ошибок», имевших место в Китае в связи с созданием народных коммун, стало «коммунистическое поветрие», отражавшее неправильное мнение, будто «с организацией коммун найден конкретный путь перехода к коммунизму»³³. Однако эти признания имели в основном декларативный характер и не внесли коренных положительных изменений в аграрную политику и состояние сельского хозяйства.

²⁸ «Жэньминь жибао», 7.IX.1977.

²⁹ См. там же, 22.I.1979.

³⁰ Там же, 24.I.1979.

³¹ См. там же, 12.VII.1981.

³² См. там же, 9.IV.1981 и 6.XI.1979.

³³ Там же, 8.I.1980.

После снятия лозунга «дачжаизации» деревни и критики народных коммун китайское руководство, судя по всему, не выработало единой научно обоснованной перспективной программы развития сельского хозяйства. С целью вывести его из тупика предусматривалось повысить долю сельского хозяйства в государственных капиталовложениях в 1979 до 14 % по сравнению с 10,7 % в предыдущем году³⁴. Однако вследствие нарастания экономических трудностей, инфляционных процессов не удалось сколько-нибудь значительно увеличить капиталовложения в деревне. Уже в 1980 г. объем государственных капиталовложений в сельское хозяйство снизился более чем на 20 % по сравнению с предыдущим годом, причем направлялись они главным образом в узкие «товарные базы», а основная масса сельских районов была вынуждена «опираться на собственные силы». Официально указывалось, что сельское хозяйство не получит дополнительных финансовых средств и решать проблемы его развития предстоит лишь «в опоре на политические установки и науку»³⁵.

Убедившись в нереальности планов модернизации сельского хозяйства, китайские лидеры в последнее время делают упор на организационно-экономические мероприятия: улучшение системы управления и хозяйствования, организации и оплаты труда, материального стимулирования и т. п. Однако эти мероприятия не решают кардинальных проблем китайской деревни, они могут дать определенный эффект в течение лишь короткого периода времени, но потом неизбежно потребуются крупные капиталовложения для укрепления материально-технической базы сельского хозяйства.

Пытаясь преодолеть застойное состояние сельского хозяйства, пекинские лидеры принимают некоторые меры к восстановлению принципов распределения по труду, материального стимулирования и тем самым вносят изменения в маоистский постулат о его «буржуазном характере». Однако отход от уравнилельной системы оплаты труда осуществляется далеко не в полной мере, противоречиво и непоследовательно. Разногласия по этому вопросу в китайском руководстве, длительное засилье маоизма с его моделью Дачжая, низкий культурный уровень крестьянства, затрудняющий экономическую работу в деревне, тормозят внедрение новой системы оплаты труда — в соответствии с его количеством и качеством. Печать КНР отмечает, что в ряде коммун часть крестьян «выступает против отмены уравниловки, оплаты в соответствии с трудовыми нормами»³⁶. Очевидно, что противниками оплаты по труду являются прежде всего крестьянские дворы с большим числом иждивенцев, которые не смогут прокормить себя, если будет отменено уравнилельное распределение «по едокам».

Вследствие этого, несмотря на официальную критику уравнилельного распределения, при котором не учитываются характер труда и квалификация работников, их трудовая активность, эта система с соотношением распределения «по едокам и по труду» 7:3 или 6:4 по-прежнему является господствующей, тем более что пекинские лидеры не в состоянии подвести прочную материальную базу под систему оплаты по труду.

В последние годы были сняты многие ограничения, касающиеся личного приусадебного хозяйства, домашних подсобных промыслов. Теперь они считаются необходимым дополнением к коллективному хозяйству, восстановлены сельские рынки, деятельность которых была запрещена в годы «культурной революции»³⁷. На этих рынках могут продавать-

³⁴ См.: «Жэньминь жибао», 12.X.1980, 8.III.1981.

³⁵ Там же, 12.IX.1980.

³⁶ Там же, 18.X.1978.

³⁷ С 1979 г. в ряде районов разрешено увеличивать размеры приусадебных участков до 15 % площади пашни производственной бригады за счет неудобных и слабо используемых земель.

ся продукты личного подсобного хозяйства крестьян, а также излишки, оставшиеся у производственных бригад после выполнения государственных поставок.

С целью добиться «оживления» сельскохозяйственного производства с 1979 г. начато внедрение в деревне мелкогруппового и даже индивидуального производства — доведение производственных заданий до отдельных крестьянских дворов, которые хозяйствуют по принципу «гарантируй поставки государству и коллективу, все остальное принадлежит тебе»³⁸. За производственными группами закрепляются земля, тягловый скот, орудия труда и рабочая сила. После выплаты стоимости орудий труда они передаются в собственность крестьянских дворов³⁹.

В 1981 г. системой «производственной ответственности» было охвачено 90 % всех производственных бригад⁴⁰. Внедрение различных видов мелкогруппового и единоличного хозяйствования в формальных рамках коллективного хозяйства привело к фактической перестройке и в ряде случаев к раздроблению системы коммун и бригад: в 1980 г. в более чем 50 % бригад возникли временные и сезонные группы, включавшие несколько дворов с оплатой по трудовым нормам; в 25 % бригад практиковался мелкогрупповой подряд с оплатой по договоренности в зависимости от роста производства («большой контракт» — на весь сельскохозяйственный год или «закрепление производства за группами»), в 30 % бригад — закрепление производства за дворами при разделе земли по едокам или рабочей силе⁴¹.

Передача участков земли в постоянную обработку группам крестьян или отдельным крестьянским дворам приняла особенно широкие масштабы в наиболее бедных, отсталых районах, на которые приходится треть населения и четверть валового сбора зерна. Внедряя систему «производственной ответственности», государство преследовало цель снять с себя бремя ответственности за оказание помощи этим районам и переложить его на самих крестьян. Поощрение по существу индивидуальных форм хозяйствования ведет к ослаблению коллективной формы собственности, ее раздроблению, особенно в слабых коммунах и бригадах, к усилению тенденций единоличного хозяйствования, формированию многоукладной экономики. В последнее время в Китае стали признавать, что в части сельских районов «происходит переход от коллективного хозяйствования к новой системе, при которой главенствующее место занимает единоличное хозяйство и которой свойственна известная ограниченность»⁴².

Подводя первые итоги функционирования новой системы закрепления производственной ответственности за дворами, печать КНР отмечает ее отрицательные моменты: производство замыкается в рамках небольших хозяйств, а это препятствует использованию таких преимуществ коллективного труда, как кооперация и разделение труда; затрудняется коллективное строительство, выполнение обязанностей перед государством, сбор средств в фонды общественных накоплений; усиливается частнособственническая идеология крестьян; стало трудным гарантировать плановую рождаемость⁴³.

В последнее время особенно заметна социальная переориентация в политике руководства КНР по отношению к крестьянству и рабочему классу, выразившаяся в перенесении опоры внутри этих классов на зажиточные, «крепкие» слои крестьян, на квалифицированных рабочих, а также буржуазные элементы с целью укрепления социальной базы

³⁸ «Жэньминь жибао», 1.IX.1981.

³⁹ См. там же.

⁴⁰ «Цзинцзи гуаньли», 1981, № 9, с. 12.

⁴¹ См.: «Жэньминь жибао», 2.IV.1981, 5.IX.1981.

⁴² См. там же, 1.IX.1981.

⁴³ См. там же, 1.XI.1981.

осуществления программы «четырёх модернизаций». Подчеркивается, что нынешняя аграрная политика КПК предусматривает «отказ от лозунга опоры на бедняков и низшие слои середняков во избежание искусственного расширения классовых противоречий», так как «это порождает у середняков пассивность»⁴⁴. Ликвидированы «союзы бедняков» в китайской деревне. Эти модификации в политике КПК объясняются тем, что, по мнению китайского руководства, массы сельской и городской бедноты не могут быть движущей силой «четырёх модернизаций», предусматривающих, что в экономике КНР будут «сочетаться социалистическая система и рыночная экономика».

Политика поддержки в последнее время «крепких хозяйств», выдвигание лозунга «Пусть часть крестьян богатеет в первую очередь» и возможность допущения «небольшой эксплуатации» на протяжении «целого исторического этапа» вызывают неизбежно обострение экономических противоречий и социальных конфликтов в китайской деревне. Они проявляются в росте дифференциации в уровне доходов и поляризации крестьянства, в выделении прослойки зажиточных дворов и, как ее следствие, в появлении различных видов скрытой эксплуатации: тайной аренды и купли-продажи земли, найма рабочей силы, ростовщичества. Так, в ряде уездов Шанхая за высокую плату (50 и выше юаней за му) сдают в аренду участки земли, особенно под овощи⁴⁵.

В Китае все чаще указывают на то, что крестьяне и кадровые работники, считая закрепленную за дворами землю своей частной собственностью, продают свои участки — в том числе городским жителям, предприятиям и учреждениям. Такие факты, например, наблюдались в Сычуани⁴⁶. В уезде Лоцин провинции Чжэцзян руководством бригад было продано 4 тыс. му земли по 20 юаней за му⁴⁷. Закрепление земли за дворами нередко ведет к расхищению общественного имущества и неделимых фондов, к продаже тракторов, тяглового скота. Так, в провинции Гуандун продают крестьянам принадлежащие бригадам тракторы с ручным управлением. Только в районе Шэньчжэн было продано 350 и сдано в аренду 450 таких тракторов⁴⁸.

Участились факты эксплуатации наемного рабочего труда хозяевами дворов, за которыми закреплены участки земли. В качестве основных трех форм такой эксплуатации в Китае указывают на использование наемной рабочей силы для оказания помощи в обработке закрепленного участка в тех случаях, когда его размеры превышают трудовые возможности крестьянского двора; наблюдается кое-где обработка участка исключительно наемными работниками, тогда как члены крестьянского двора занимаются подсобными промыслами, спекулятивной торговлей и т. п., наконец, наем работников практикуется под предлогом помощи в занятиях домашними подсобными промыслами, кустарными ремеслами и пр.⁴⁹

«После того как производственные группы превращаются в хозрасчетные единицы, — признает орган ЦК КПК «Хунци», — между ними разгорается соперничество, которое легко может привести даже к разрушению производительных сил»⁵⁰. Усиливается конкуренция между крестьянскими группами и дворами из-за земли, воды и удобрений. Многие группы и дворы предпочитают выращивать наиболее выгодную продукцию и сбывать ее на свободном рынке по завышенным ценам.

⁴⁴ «Чжунго цинняньбао», 4.IX.1979.

⁴⁵ См. «Цзефан жибао», 24.III.1980.

⁴⁶ См. «Сычуань жибао», 14.VIII.1980.

⁴⁷ См. «Жэньминь жибао», 12.IV.1981.

⁴⁸ См. «Наньфан жибао», 7.III.1981.

⁴⁹ См.: «Жэньминь жибао», 4.IV.1981.

⁵⁰ «Хунци», 1981, № 2, с. 12.

Анализ аграрной политики китайского руководства свидетельствует о том, что принятые меры не привели к эффективному решению проблемы многоотраслевого развития сельского хозяйства, по, напротив, вызвали обострение диспропорций, несбалансированности сельской экономики, социальных противоречий. Перенесение центра тяжести в аграрной политике на экономически более развитые районы, создание для них более благоприятных условий усилило зональную дифференциацию уровней производства и доходов, а также социальное неравенство и напряженность в деревне. Именно в наиболее «богатых» районах формируются наиболее зажиточные бригады и хозяйства, объем доходов которых зависит не столько от количества и качества затраченного труда, сколько от «конкурентоспособности» бригад, связанной с нетрудовыми условиями, что ведет к возрастанию поляризации элементов эксплуатации в сельской экономике.

Эти различия между районами и внутри них возрастают и под влиянием новых установок: «Пусть сначала разбогатеет часть районов и хозяйств», «Не следует бояться различий» и др.⁵¹ Поляризация между бедными и богатыми районами и хозяйствами в Китае не только признана неизбежной, но и считается важной «движущей силой» ускорения развития сельского хозяйства⁵².

Рост тенденций к дифференциации и усиление элементов эксплуатации в деревне вызывает недовольство беднейших слоев китайского крестьянства. Повсюду, признает печать КНР, раздаются высказывания: «Деревня дезорганизована, расцвел капитализм», «деревня разделилась на два класса», «бедные снова стали беднеть, а богатые богатеть»⁵³. Пытаясь смягчить это недовольство, предотвратить волнения среди крестьянства, руководство КНР вынуждено было принять некоторые экономические меры, в частности снизить для бедствующих коммун и бригад непосильно высокий уровень налогов и поставок («дадим отсталям сельским районам отдохнуть и набраться сил», «облегчим их тяжелое бремя»). Как сообщило Министерство финансов, в начале 1979 г. был отменен сельскохозяйственный налог там, где после уплаты налога крестьянам остается меньше зерна для питания, чем им положено по минимальным нормам. Торгово-промышленный налог стал взиматься коммун и бригад при доходе не менее 3 тыс. юаней (раньше минимальный доход, облагавшийся налогом, составлял 600 юаней)⁵⁴. Эти изменения позволяют, по китайским данным, дополнительно аккумулировать в деревне 1 млрд. юаней в год.

В настоящее время в Китае признают, что нарушаются принципы централизованного и местного управления, планирования сельского хозяйства, взаимоотношений коллективных хозяйств с государством, что привело фактически к огосударствлению народных коммун. Однако на практике дальше высказываний в печати КНР о необходимости соблюдать самостоятельность коллективного хозяйствования и кооперативной формы собственности дело не идет. Сохраняются насильственно-административные методы руководства в сельских районах, произвол местных властей и кадровых работников. Новые моменты в аграрной политике вызвали резкое усиление тенденций к местничеству, стихийности и децентрализации, обострение диспропорций и противоречий в экономике.

О попытках повысить уровень руководства и управления сельским хозяйством в стране свидетельствуют предпринятые в Китае крупные организационные изменения на уровне государственных органов, ведающих вопросами сельского хозяйства. В феврале 1979 г. были при-

⁵¹ См.: «Жэньминь жибао», 10.I.1980.

⁵² См. там же, 30.VI.1979.

⁵³ Там же, 22 и 24.XI.1981, 22.IV.1981.

⁵⁴ Там же, 10.II.1979.

няты решения об учреждении Государственного комитета по делам сельского хозяйства и Министерства сельскохозяйственного машиностроения, о создании Министерства сельского хозяйства и Министерства лесного хозяйства вместо ранее существовавшего Министерства сельского и лесного хозяйства. Принято решение о воссоздании Министерства механизации сельского хозяйства и Министерства по освоению целинных земель. Создан Комитет по науке и технике при Министерстве сельского хозяйства. Госсовет КНР принял решение вновь открыть Сельскохозяйственный банк Китая. Одобрен для проведения в опытном порядке Лесной кодекс КНР. В 1979 г. в КНР действовало 47 сельскохозяйственных и лесоводческих институтов и 350 средних сельскохозяйственных учебных заведений.

Изменения в аграрной политике КНР, связанные с поисками резервов роста производства без дополнительной помощи деревне, ведут к нарушению политической и экономической стабильности общества и вызывают сдвиги в социально-экономической структуре, экономическом базисе. В совокупности общественно-производственных отношений, характеризующих экономический базис общества, определяющими являются господствующие отношения собственности, сущность которых в значительной мере обуславливается характером надстройки. В Китае военно-бюрократическое государство стремится привести обслуживаемый его экономический базис в соответствие со своими целями.

Главной причиной кризисного состояния китайской деревни является обострение основного противоречия в обществе — между военно-бюрократическим строем и потребностями экономического развития страны. Ориентация руководства КНР на смыкание с мировым капитализмом, стремление направить развитие китайской деревни на более правый путь, попытки дополнить обанкротившиеся идеалы «казарменного коммунизма» идеалами «рыночного социализма», «стихийного урегулирования производственных отношений самими крестьянами» усиливают тенденции ослабления, дробления кооперативной собственности и даже индивидуального хозяйствования. Развитие китайского народного хозяйства все более ориентируется на многоукладную «рыночную» экономику, на некий симбиоз несовместимых по своей сущности плановых, социалистических и капиталистических методов хозяйствования, что в конечном итоге ведет к дальнейшему обострению социально-экономических противоречий, грозит утратой социалистических завоеваний китайского народа.

За глубокое научное исследование проблем Дальневосточного региона

К 10-летию издания журнала «Проблемы Дальнего Востока»

В. А. Архипов

Выход в свет настоящего, сорок первого с начала издания, номера научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» открывает второе десятилетие его существования.

Необходимость создания в нашей стране периодического печатного органа, посвященного проблемам международного и внутреннего положения стран Дальнего Востока, была продиктована самой жизнью. В годы после окончания второй мировой войны резко возросла роль Дальневосточного региона на международной арене. Это было обусловлено рядом причин долговременного характера.

В послевоенный период к ряду государств, выпавших из цепи мирового империализма, присоединилась Корейская Народно-Демократическая Республика, вступившая после освобождения Кореи от японской оккупации на путь строительства основ социализма. После победы народно-демократической революции 1949 г. крупнейшая по населению страна мира — Китай стала играть все более важную роль в международных делах. Япония в сравнительно короткий срок оправилась от последствий поражения во второй мировой войне, вышла на одно из первых мест в капиталистическом мире по уровню промышленного развития и объему валового национального продукта и фактически превратилась в один из центров мирового империализма. Положение в прилегающих к Дальневосточному региону странах Индокитайского полуострова также оказало известное воздействие на рост значения Азиатско-Тихоокеанского региона как фактора международной политики. Явно обрисовывалась и перспектива дальнейшего возрастания роли региона в международной политике.

Все это диктовало необходимость систематического углубленного научного исследования различных проблем, связанных с международным положением и внутренней политикой стран Дальнего Востока. Советская востоковедческая наука, имеющая длительные и обширные традиции страноведческой научной деятельности, откликнулась на эту необходимость, и создание ежеквартального научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» явилось прямым результатом этого.

В обращении редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» к читателям, опубликованном в первом номере журнала за 1972 г., указывалось, что Институт Дальнего Востока АН СССР начинает издание нового научного и общественно-политического журнала, задачей которого является освещение международных проблем Дальнего Востока, а также жизни народов стран этого региона, требующих глубокого научного анализа и освещения на страницах специального печатного органа.

В журнале должны были регулярно публиковаться материалы о

жизни и взаимоотношениях стран Дальнего Востока, идущих по пути строительства социалистического общества. Одна из задач журнала — изучение специфики социалистического строительства в странах Дальнего Востока. В этом редакция рассчитывала на помощь и сотрудничество государственных и общественных деятелей, а также научных работников стран этого региона.

Интересы народов Дальнего Востока, долговременные интересы социализма и мира настоятельно требуют коренного улучшения отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

«В связи с этим, — говорилось в обращении редакции, — наш журнал считает одной из своих главных задач содействие делу нормализации советско-китайских отношений путем систематического освещения усилий Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, направленных на это, а также показывая состояние советско-китайских отношений во всех аспектах: политическом, экономическом и культурном. Мы будем широко знакомить читателей с событиями, происходящими в Китае, состоянии китайской экономики, внутренней и внешней политики, идеологии и культуры. Одновременно редакция журнала исходит из того, что разоблачение и борьба против великоханьского национализма маоистов, принявшего форму социалшовинизма милитаристского толка, как и борьба против правого и «левого» оппортунизма и ревизионизма, по-прежнему являются задачей первостепенной важности. В меру своих возможностей журнал будет способствовать решению этой задачи, ибо сплочение социалистических стран и международного коммунистического движения в интересах совместных действий против империализма возможно только на марксистско-ленинской основе».

Наряду с этим в журнале должна была также помещаться обширная информация о положении в Японии, о ее внешней политике, отношениях с СССР, КНР, США и государствами Дальнего Востока, экономических и социальных проблемах Японии, состоянии ее общественно-политической мысли и культуры.

Редакция имела в виду сделать журнал «Проблемы Дальнего Востока» таким изданием, в котором будут подниматься и глубоко анализироваться наиболее острые, актуальные проблемы жизни государств и народов Дальнего Востока при широком участии советской научной общественности, специалистов в этой области, при содействии читателей, на чье сотрудничество, помощь, пожелания и предложения редакция рассчитывала опереться в своей работе.

Истекшее десятилетие убедительно подтвердило целесообразность и плодотворность издания в нашей стране специализированного научного и общественно-политического журнала, посвященного дальневосточным проблемам. Журнал «Проблемы Дальнего Востока» занял достойное место в семье периодических советских международных изданий.

Журнал ныне прочно вышел на общесоюзную и международную арену, обрел широкую читательскую аудиторию. Тираж его русского издания с 1972 по конец 1981 г. возрос с 5000 до 19 190 экземпляров за счет увеличения числа подписчиков, он регулярно поступает в библиотеки и научные центры страны, на прилавки газетно-журнальных киосков. Публикуемые в нем материалы представляют интерес не только для специалистов-востоковедов, но и для широких кругов советской общественности. Как свидетельствуют получаемые редакцией письма, среди его читателей — рабочие и колхозники, студенты, работники науки и культуры, жители всех районов нашей страны. Особый интерес он представляет для лекторов и пропагандистов, выступающих по международным вопросам.

С 1973 г. журнал издается на английском и японском языках, а со второй половины 1979 г. — также на испанском языке. Эти издания распространяются за рубежом: в социалистических странах, во многих капиталистических, в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки. Они находят подписчиков и читателей в США, ФРГ, Англии, Франции, Индии, Пакистане, Бангладеш, Гонконге, Швейцарии, Японии, Швеции и других странах. Среди подписчиков журнала — крупнейшие университеты и библиотеки мира.

Деятельность журнала, публикуемые в нем статьи встречают положительные отклики у общественности социалистических государств, в прогрессивных кругах других стран. Все больший интерес к ним проявляют крупнейшие китаеведческие и востоковедческие центры западных стран и Японии, полемику с его материалами нередко можно встретить на страницах маоистских изданий. Некоторые статьи перепечатываются целиком или в сокращенном виде в зарубежных изданиях. В конце 1977 г. ВААП достигнута договоренность о переводе и распространении в Соединенных Штатах американскими фирмами дополнительного издания журнала на английском языке наряду с советским английским изданием.

За годы существования журнала при его редакции сложился обширный квалифицированный коллектив авторов, основное ядро которого составляют научные сотрудники Института Дальнего Востока Академии наук СССР. Вместе с тем в написании и подготовке материалов для него принимают активное, хотя, видимо, еще недостаточно широкое, участие ученые других востоковедческих центров Москвы, Ленинграда, специалисты из других городов страны.

В истекшее десятилетие на страницах журнала с важными политическими и научно-теоретическими статьями выступали, в частности. Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал, Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, маршал авиации В. А. Судец, первые секретари дальневосточных крайкомов и обкомов КПСС В. П. Ломакин, А. К. Черный и др., генерал армии В. Ф. Толубко, академики и члены-корреспонденты АН СССР А. П. Окладников, М. Жуков, С. Л. Тихвинский, М. И. Сладковский, доктора наук С. Капица, О. Б. Рахманин, Р. А. Ульяновский, И. И. Коваленко и многие другие видные советские политические деятели и ученые.

Регулярно публикуются в «Проблемах Дальнего Востока» статьи ученых из социалистических стран.

В интересах оперативного освещения актуальных проблем современного Китая журнал систематически публикует материалы совещаний за «круглым столом» редакции. Эти встречи за редакционным «круглым столом» посвящены наиболее актуальным в данный период проблемам внутреннего положения и внешней политики Китая. В них, как правило, участвуют видные ученые-востоковеды, прежде всего китаеведы, журналисты-международники. Эта форма доброжелательно встречена широкими кругами читателей.

За десятилетие издания журнала отчетливо обрисовались основные направления его деятельности, соответствующие проблемам международного положения и внутренней политики стран Дальневосточного региона.

Пропаганда и освещение ленинского внешнеполитического курса СССР на Дальнем Востоке. XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза убедительно продемонстрировал единство целей внутренней и внешней политики СССР, классовый характер этой политики, ее служение высоким идеалам мира, социального прогресса, интересам широких трудящихся масс. Ее основным стержнем является

провозглашенный В. И. Лениным принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Миролюбивый внешнеполитический курс Советского Союза в наши дни, основывающийся на Программах мира XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, которые открывают новые горизонты в мировой политике, полностью отвечает решению созидательных задач экономического и культурного строительства в нашей стране, интересам укрепления мира, разрядки напряженности в международных отношениях, развитию добрососедских взаимовыгодных связей между всеми странами мира. Вместе с другими странами социализма СССР добивается прекращения растущей и опасной для мира гонки вооружений, достижения соглашений по вопросам разоружения.

На съездах нашей партии, состоявшихся в истекшее десятилетие, было уделено большое внимание вопросам положения в Азии и отношениях Советского Союза с азиатскими странами. Закономерно и то, что целый ряд внешнеполитических инициатив, выдвинутых на съездах КПСС, непосредственно касался обстановки в Азии, в том числе на Дальнем Востоке.

Решения XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС являются основными руководящими положениями, которые прямо или косвенно находят свое отражение во всех публиковавшихся журналом материалах, определяют их основное содержание, их идейно-политическую направленность. Обширный ряд редакционных и авторских статей, появившихся на страницах журнала за истекшее десятилетие, был непосредственно посвящен итогам работы трех последних съездов КПСС. В этих статьях подробно и детально освещались решения высших форумов партии Ленина, приводились комментарии к ним, раскрывалось на конкретном фактическом материале их значение применительно к международной обстановке в Дальневосточном регионе.

Уже в открывавшем издание первом номере журнала за 1972 г. была напечатана передовая статья «Решения XXIV съезда КПСС, проблемы единства социалистических стран и укрепления мира на Дальнем Востоке», положившая начало публикациям в «Проблемах Дальнего Востока» материалов по различным аспектам внешнеполитического курса СССР в Дальневосточном регионе. Многие десятки статей по этим вопросам с тех пор увидели свет на страницах «Проблем Дальнего Востока», а при планировании их тематики редакция руководствовалась стремлением охватить по возможности все наиболее важные и существенные вопросы, относящиеся к данному направлению ее работы. Среди них — проблемы дальнейшего развития сотрудничества стран социализма в свете решений съездов КПСС, борьба СССР за мир и безопасность на Дальнем Востоке, значение Великой Октябрьской социалистической революции для развития революционного процесса в странах Азии и Африки, необходимость решения проблем разоружения и запрещения ядерного оружия для обеспечения всеобщего мира и безопасности, роль мирового социализма как главной революционной силы современной эпохи, борьба Советского Союза за мир и разрядку, значение решений XXVI съезда КПСС для укрепления дела мира и безопасности в Азии, программа мирного и созидательного развития нашей страны, принятая XXVI съездом КПСС, и др.

Одним из важных аспектов работы журнала было освещение проблем социально-экономического и культурного развития дальневосточных краев и областей СССР, программных документов и решений партийных и советских органов по этим вопросам. Как известно, планом социально-экономического развития страны предусмотрено развитие дальневосточных районов опережающими темпами по сравнению с другими районами Советского Союза. О ходе выполнения этих планов

подробно и детально рассказывалось во многих статьях, напечатанных в журнале в 1972—1981 гг. Они были посвящены социально-экономическому и культурному строительству в Приморском и Хабаровском краях, Якутии, на Сахалине, освоению природных богатств Сибири и Дальнего Востока, перспективам развития промышленности в этих районах в десятой и одиннадцатой пятилетках, сооружению Байкало-Амурской магистрали, решениям XXVI съезда КПСС, касающимся хозяйственного развития региона.

В этих статьях рассказывается о больших успехах труженников дальневосточных краев и областей нашей страны в освоении природных богатств, в развитии промышленности, энергетики и сельского хозяйства, в культурном строительстве, об их усилиях, направленных на расширение и укрепление добрососедских взаимовыгодных отношений с сопредельными с советским Дальним Востоком странами.

О положении в социалистических странах Дальнего Востока. Наша страна связана отношениями братской дружбы и всестороннего сотрудничества с Монгольской Народной Республикой. Вполне естественно поэтому, что много внимания уделялось в «Проблемах Дальнего Востока» различным аспектам жизни дружественного монгольского народа и социально-экономическому развитию МНР. Опыт монгольского народа, строящего в своей стране социализм, минуя капиталистическую стадию развития, представляет особый интерес с точки зрения его вклада в марксистскую научную теорию социалистического строительства, может служить наглядным подтверждением известного предвидения В. И. Ленина о возможности подобного пути развития при условии поддержки со стороны пролетариата других, более развитых стран. Этот опыт имеет большое практическое значение для многих развивающихся стран, сбросивших в недавнем прошлом иго колониализма и вступивших на путь социалистического развития.

В статьях о жизни монгольского народа журнал стремился как можно полнее и основательнее исследовать этот опыт, дать соответствующие теоретические оценки различным его сторонам. Важным вкладом в исследование данной проблемы явилась, несомненно, обширная статья, написанная специально для нашего журнала Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного Хурала МНР Ю. Цеденбалом «К социалистическому общественному строю, минуя капитализм», представляющая собой глубокое марксистское исследование исторического пути, пройденного Монгольской Народной Республикой.

Многие статьи были посвящены внешней политике МНР, ее участию в осуществлении Комплексной программы экономической интеграции стран — членов СЭВ, вопросам научной и культурной жизни МНР.

К числу социалистических стран, входящих в Дальневосточный регион, относится также Корейская Народно-Демократическая Республика. Строительство социалистического общества в КНДР происходит в сложных условиях фактического раздела Кореи на два самостоятельных государства с различными социально-экономическими системами, происшедшего после освобождения Кореи от длительной японской оккупации. Хозяиничанье в южной части Кореи американского империализма, на чьих штыках, по существу, держится марионеточный южнокорейский диктаторский режим, осложняет обстановку на Корейском полуострове, воздвигает искусственную преграду на пути к исполнению чаяний всего корейского народа, стремящегося к объединению своей страны. В этой сложной обстановке Корейская Народно-Демократическая Республика, являющаяся членом содружества социалистических стран, добилась больших успехов в развитии собственной государственности, в создании основ социализма, в подъеме

национальной экономики и культуры, в повышении народного благосостояния.

Освещению этих вопросов были посвящены многие статьи, опубликованные на страницах «Проблем Дальнего Востока» в минувшее десятилетие. В них рассматривались проблемы упрочения мира на Корейском полуострове, советско-корейского сотрудничества, итоги и перспективы социалистического строительства в КНДР, история освободительной борьбы корейского народа, освещались различные стороны общественной, научной и культурной жизни народа КНДР, ее роль на международной арене.

В журнале печатались также материалы, разоблачающие политику империалистических государств, прежде всего империализма США, направленную на увековечение раздела Кореи, на сохранение и укрепление марионеточного диктаторского режима в южной части полуострова. В ряде статей освещалось внутреннее положение, состояние экономики в Южной Корее, все большая зависимость ее от американского и японского капитала, антидемократический характер политики сеульских диктаторов, ее подчинение милитаристским целям политики американского и японского империализма на Дальнем Востоке.

* * *

24 августа 1973 г. в газете «Правда» была опубликована статья, посвященная журналу «Проблемы Дальнего Востока», в которой констатировалось, что начало издания нового журнала «было обусловлено необходимостью углубленного исследования и освещения многих сложных и подчас мало разработанных теоретических политических, социально-экономических, исторических, правовых и других вопросов, так или иначе связанных с этим районом мира». Закономерно, что одно из важных мест среди этих вопросов занимают проблемы, связанные с Китаем, с его позицией на международной арене, с внутренним положением в этой стране, с советско-китайскими отношениями. И вполне естественно, что в 40 вышедших в свет номерах журнала было отведено большое место статьям и другим материалам, посвященным этим вопросам, причем главное внимание уделялось освещению, пропаганде и комментированию внешнеполитического курса Советского Союза в отношении Китая, его всестороннему раскрытию.

Советское китаеведение имеет длительные и прочные традиции, а интерес к тому, что происходит в Китае, к его отношениям с Советским Союзом в нашей стране всегда был велик, причем не только среди специалистов по внешней политике и китаеведов, но и со стороны широких кругов советской общественности.

В материалах XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС содержатся основные принципиальные установки для всестороннего исследования современного положения КНР и политики Пекина. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии сформулировано важное положение о том, что «опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятка лет — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»¹.

Политический курс Коммунистической партии Советского Союза в отношении Китая сочетает отпор поджигательской политике Пекина, защиту интересов Советского государства, социалистического сотрудничества, мирового коммунистического движения, борьбу против враждебной марксизму-ленинизму маоистской идеологии и политики с готов-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.

ностью нормализовать советско-китайские отношения на принципах мирного сосуществования.

Как указал на XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, «остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу».

В статье «XXVI съезд КПСС и некоторые проблемы исторических исследований по Китаю» (1981 г., № 3) говорилось, что советские коммунисты, советский народ с неизменной симпатией относились и относятся к героической борьбе китайских революционеров и подлинных коммунистов Китая. Так было в период разветывания в Китае национально-освободительного движения, так было в первые годы после провозглашения КНР, когда республика шла рука об руку с Советским Союзом, другими братскими государствами.

Советские люди, питающие дружеские чувства к китайскому народу, с большой тревогой и болью переживали величайшую трагедию, которую испытывали КПК и китайское общество в результате преступной деятельности Мао Цзэдуна и его сообщников с конца 50-х по 70-е годы.

С таким же сочувствием мы относимся к китайскому народу, честным китайским коммунистам и ныне, когда посламаоцзэдунское руководство, отказываясь решительно покончить с маоистским наследием, идет по опасному пути сговора с империализмом и реакцией на антисоциалистической, антисоветской платформе.

Позиция журнала «Проблемы Дальнего Востока» в освещении проблем Китая в истекшее десятилетие была последовательной и принципиальной. Она определялась решениями съездов Коммунистической партии Советского Союза, другими партийными документами, отражала общие основы ленинского внешнеполитического курса Советского государства.

Разоблачение подрывной раскольнической деятельности маоизма в мировом коммунистическом и революционном движении. В конце 50-х — начале 60-х годов Мао Цзэдун, узурпировав права полномочного единоличного руководителя КПК, провозгласил «особый курс», осуществление которого привело Китай к отрыву от стран социалистического содружества и подчинению страны авантюристическим великодержавным целям маоистского руководства. Проникнувшись гегемонистскими амбициями, маоистское руководство КНР во главе с «великим кормчим» развернуло антисоветскую кампанию, стремясь опорочить КПСС и подорвать ее авторитет в мировом коммунистическом и революционном движении, утверждая без всяких на то оснований, что «центр мировой революции» находится в Китае, извращая при этом роль в мировом революционном процессе международного рабочего класса, противопоставляя ему и социалистической системе национально-освободительное движение. Пронски маоистов, стремившихся привлечь на свою сторону и подчинить своим антинаучным концепциям деятельность коммунистических и рабочих партий прежде всего в недавно обретших независимость странах, играла на руку реакционным силам мирового империализма и была, по сути, направлена на то, чтобы внести раскол в международное революционное движение и тем самым ослабить его. «Руководители КПК, — указывалось на февральском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС, — выступают против коммунистического движения во всех основных вопросах его стратегии и тактики».

В соответствии с определенными решениями нашей партии необходимо противодействия подрывной деятельности Пекина в мировом революционном и коммунистическом движении в «ПДВ» систематически публиковались статьи, в которых разоблачались эти раскольнические действия маоистов как в области теории и идеологии, так и в сфе-

ре практической политики. Эти статьи были посвящены разоблачению борьбы Пекина против социалистического содружества, его деятельности как «пятой колонны» империализма в мировом коммунистическом и революционном движении; критике антинаучных маоистских теоретических концепций о современном революционном процессе и создания маоистами общей платформы с антикоммунизмом и империалистической идеологией; вопросам эффективности борьбы коммунистических и рабочих партий против маоизма; разоблачению подрывной деятельности маоизма в международном профсоюзном и молодежном движениях и т. д.

Критика авантюристического великодержавного курса Пекина на международной арене. Совершив в середине 60-х годов контрреволюционный переворот в стране, подвергнув погрому в ходе «культурной революции» Компартию Китая, Мао Цзэдун и его группа осуществили одновременно крутой поворот во внешнеполитическом курсе Китая. Разорвав дружественные союзнические связи со странами социалистического содружества, они вступили на путь прямого и откровенного противоборства с ним на международной арене на общей платформе антикоммунизма и антисоветизма с реакционными империалистическими силами. После смерти Мао Цзэдуна новое пекинское руководство форсированными темпами продолжало и продолжает проводить курс на альянс Китая с империализмом.

Как подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза, если во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения, то «о каких-либо переменах к лучшему во внешней политике Пекина, к сожалению, пока говорить не приходится. Она по-прежнему нацелена на обострение международной обстановки, смыкается с политикой империализма»².

За истекшие годы журнал из номера в номер печатал материалы, в которых глубоко, во всех аспектах исследовались зигзаги внешнеполитического курса маоистского руководства Китая.

Одну из главных своих задач в данной области журнал видел в том, чтобы на основе глубокого научного анализа обнажать разрыв между фразеологией и практическими действиями маоизма на международной арене, разоблачать широко применяемые им демагогию, спекуляцию марксистскими лозунгами, показывать истинные цели и смысл маоистского внешнеполитического курса.

Свою деятельность на международной арене маоисты в значительной степени прикрывают фразеологией о своей приверженности высоким идеалам мира и дружбы между народами, демагогически используют в своих интересах многие лозунги международных прогрессивных сил.

Критика реакционного гегемонистского курса пекинского руководства на международной арене осуществлялась в журнале по самому широкому диапазону вопросов, по самым различным аспектам внешней политики. Тематика журнальных статей по этому направлению охватывала общую оценку внешней политики Китая в 60—70-х годах на всех ее основных этапах, ее исторические корни, разоблачение внешнеполитических махинаций Пекина в различных регионах мира, его милитаристских устремлений и прямых призывов к войне, попытки «погреть руки», способствуя разжиганию конфликта между великими державами, антисоциальные цели внешней политики Пекина, ее враждебность интересам народов, в том числе и самого китайского народа. Многие статьи были посвящены политике Пекина в отношении развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, его курсу на поддержку реакционных режимов типа пиночетовского в Чи-

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 11.

ли, действиям Китая в ООН и других международных организациях, его различным дипломатическим маневрам, неправомерным территориальным притязаниям к соседним странам, наконец, прямым агрессивным действиям против Индии, Вьетнама и т. д. Последовательно и систематически в журнале разоблачалось основное направление внешнеполитического курса Пекина — на создание, расширение и укрепление военно-политического блока Китая со странами империализма, направленного против стран социалистического содружества.

Разоблачение антинародной, реакционной политики маоистов внутри страны. Отказавшись в конце 50-х годов от научно обоснованного марксистского курса строительства социализма, от использования практического опыта такого строительства в СССР и других социалистических странах, маоизм приступил к осуществлению целого ряда «экспериментов» в сфере социально-экономической политики и практики внутри Китая. В сложных условиях, существовавших в стране, в обстановке крайне слабого развития производительных сил, в условиях господства полуфеодалных производственных отношений и традиций, отсталости и неграмотности широких масс населения закладывание основ социализма представляет немалые трудности даже при точном следовании правильной, выверенной линии его научной теории. Волюнтаристские, теоретически совершенно не обоснованные «эксперименты» Мао Цзэдуна и его группы в социально-экономической политике, достигшие кульминации в так называемой «великой пролетарской культурной революции», привели Китай на грань социально-экономической катастрофы, от последствий чего страна не может оправиться и по сей день. Как было констатировано на XXVI съезде КПСС, «сами нынешние руководители Китая называют порядки в своей стране периода так называемой культурной революции „жесточайшей феодально-фашистской диктатурой“».

На страницах «Проблем Дальнего Востока» систематически публиковались материалы, разоблачающие порочность внутренней социально-экономической политики маоистского руководства, направленной против интересов трудящихся масс страны, на милитаризацию ее экономики ради великодержавных, шовинистических устремлений пекинских правителей. На основе детального научного анализа всех аспектов маоистской внутренней политики журнал показывал ее несоответствие основам научной теории строительства социализма, ее волюнтаристский и субъективистский характер. Журнал критиковал политику маоистского руководства в отношении рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Китая, авантюристичность курса на «коммунизацию» страны и на «продолжение революции при диктатуре пролетариата», создание атмосферы перманентного террора в отношении всех не согласных с маоистской линией. Подробно рассматривались на страницах журнала решения IX, X и XI съездов ЦК КПК, пленумов ЦК КПК и сессий Всекитайского собрания народных представителей, давались аргументированные оценки этим решениям. Систематически печатались обзоры экономического положения КНР.

Критика идеологических основ маоизма. Маоизм представляет собой идейно-политическое течение, коренным образом враждебное научной теории построения коммунистического общества, разработанной основоположниками марксизма-ленинизма. Регулярно, из номера в номер, в журнале велась рубрика «Идеология», под которой печатались материалы, показывающие научную несостоятельность философских, политэкономических и исторических концепций Мао Цзэдуна и его последователей, демагогически использовавших марксистско-ленинское учение для прикрытия антимарксистской сущности своих взглядов. В журнале исследовались преемственность шовинистических

концепций маоизма и исторически существовавших в Китае великоханьских концепций, их сущность, истоки и эволюция. Систематически освещались с научных позиций теоретические и идеологические построения регулярно проводящихся в маоистском Китае различных идеологических кампаний типа «критики Линь Бяо и Конфуция», давались им аргументированные и обстоятельные оценки.

Вопросы истории Китая и китайской революции. В разделе «История» в «Проблемах Дальнего Востока» регулярно печатались материалы, посвященные различным периодам истории Китая, отдельным историческим событиям и личностям. При отборе таких материалов редакция руководствовалась прежде всего их актуальностью, тем, какой интерес они представляют для лучшего понимания тенденций и явлений современной жизни китайского общества. Как известно, маоисты в числе прочих приемов своей псевдонаучной методологии широко использовали рассчитанно искаженную интерпретацию различных фактов истории Китая, исторических событий вообще для «аргументирования» своих субъективных политических концепций и практической политики. Марксистские принципы историзма в выступлениях китайских теоретиков подменяются неправомерными историческими параллелями, тенденциозными историческими аналогиями, а зачастую и грубой фальсификацией самого процесса исторического развития. Еще одним таким приемом было и является преднамеренное искажение исторических фактов в целях оправдания незаконных территориальных притязаний Пекина и обоснования «справедливости» его гегемонистских и великоханьских амбиций. Материалы, печатавшиеся в журнале в разделе «История», целеустремленно разоблачали подобные «научно-исторические изыскания» и фальсификации маоистской пропагандистской машины, восстанавливали истинную картину исторического процесса и роли в нем тех или иных событий и лиц.

Большое внимание уделялось вопросам исторического и культурного наследия китайского народа, попираемого ныне маоистами, обширным и богатым традициям революционного движения в этой стране, борьбе лучших сынов Китая против засилья колониализма, господства феодализма и компрадорского капитала, за лучшее, светлое будущее Китая, за социализм.

Освещение вопросов советско-китайских отношений. Этой теме в журнале, естественно, уделялось особое внимание. Советско-китайские отношения — весьма существенный фактор международной жизни вообще, и состояние их имеет, несомненно, важное значение для обеих сторон. Что касается Советского Союза, то он всегда стремился и сейчас стремится к тому, чтобы советско-китайские отношения строились на основах добрососедства и развития взаимовыгодных связей во всех областях.

Общезвестно, какую широкую материальную помощь и политическую поддержку оказывал советский народ революционной борьбе китайского народа с первых дней после Великой Октябрьской социалистической революции. И сейчас, несмотря на пароксизмы крайнего антисоветизма в политике Пекина, советские люди с чувством глубокой симпатии относятся к китайскому народу, переживающему трудные времена, СССР выступает за установление нормальных отношений с Китаем. Единственным препятствием к этому является продолжающийся антисоветский и антисоциалистический курс маоистского руководства. Позиция журнала, таким образом, заключалась и заключается в том, чтобы, критикуя антисоветизм и разоблачая клеветнические утверждения маоистов о сущности советско-китайских отношений, содействовать по мере возможности их нормализации.

В журнале подробно освещалось состояние советско-китайских отношений в истекшие годы во всех их аспектах, разоблачались вымыслы маоистской пропаганды о политике СССР в отношении Китая, неправомерные притязания маоистов на часть территории нашей страны, попытки «научно-исторического обоснования» этих притязаний в Пекине, восстанавливалась истинная картина истории русско-китайских отношений до Октября 1917 г. и советско-китайских отношений в различные периоды. Материалы, публиковавшиеся по этим вопросам, научно обоснованы, авторы статей готовили их на основе исторических документов и других аутентичных источников. Эти материалы журнала противопоставляет голословным утверждениям пекинской пропаганды.

Освещение внешней политики и внутреннего положения Японии. Исследование различных аспектов международного положения и внутренней жизни современной Японии составляло одно из важных направлений деятельности журнала. Ознакомление с опубликованными в нем за истекшее десятилетие материалами, несомненно, даст читателю возможность проследить за важнейшими тенденциями и событиями в основных сферах жизни этой страны. Обстоятельно и детально освещались все главные аспекты политики Японии на международной арене, ее участие в военном союзе с американским империализмом на основе так называемого «договора безопасности», усиление тенденции среди правящих кругов страны к ее дальнейшей милитаризации, вопросы экономического положения Японии, значительные достижения в развитии прикладной науки и техники и неурядицы и кризисы в экономике как неизбежное следствие эволюции капиталистического способа производства и капиталистического образа жизни. Особое внимание было уделено положению японского рабочего класса, истории рабочего и революционного движения Японии и его состоянию на современном этапе, борьбе японских трудящихся против политики милитаризации страны, против японо-американского «договора безопасности», за лучшие условия жизни, за облегчение гнета капиталистической эксплуатации. Многие статьи были посвящены деятельности политических партий страны — Коммунистической, Социалистической, Либерально-демократической, Комэйто и др. Публиковались также материалы о культурной жизни японского общества, о литературе, искусстве, о религиозных течениях, играющих немаловажную роль в Японии.

В сфере пристального внимания редакции постоянно находились советско-японские отношения, тенденции их развития и обстоятельства, препятствующие их дальнейшему расширению и укреплению на добрососедской и взаимовыгодной основе, вопросы советско-японского торгово-экономического и культурного сотрудничества. Ряд статей был посвящен вопросу о территориальных претензиях некоторых кругов Японии к Советскому Союзу. В них на основе обширного и обстоятельного фактического материала по истории освоения дальневосточных территорий России в XVII—XIX вв., равно как и на основе современных документов, относящихся к данному вопросу, была аргументированно показана неправомерность и несостоятельность таких территориальных притязаний, преследующих цель осложнить советско-японские отношения.

* * *

Краткий анализ содержания основных материалов журнала, естественно, не дает возможности исчерпывающе осветить все стороны и аспекты его деятельности.

Кроме рассмотренных, печатались в нем также статьи и другие материалы по наиболее существенным вопросам международного положения и внутренней политики сопредельных со странами Дальнево-

сточного региона государств: Вьетнама, Кампучии, Лаоса, Индии, Индонезии. В период американской агрессивной войны против вьетнамского народа журнал систематически публиковал материалы, разоблачавшие политику и бесчеловечные действия империализма США и его пособников во Вьетнаме. После бесславного конца американской авантюры во Вьетнаме и победы его народа журнал опубликовал обширный ряд статей о строительстве основ социализма в этой стране.

Регулярно в журнале велись разделы под рубриками «Научная жизнь», «Культура», «Борцы за правое дело», «Очерки и сообщения», «Говорят они сами», «Критика и библиография».

Многие статьи в журнале были опубликованы в связи с отдельными важными событиями в жизни нашей страны: 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции, 50-летием создания Союза Советских Социалистических Республик, 250-летием Академии наук СССР. В ряде последних номеров журнала была обстоятельно освещена научная деятельность Института Дальнего Востока АН СССР в связи с его 15-летием. Многие материалы журнала были посвящены различным вопросам истории и деятельности русской дореволюционной и советской востоковедческой и китаеведческой науки, ее видным представителям.

XXVI съезд КПСС обратил внимание на происходящие в Китае изменения, указав, что истинный их смысл еще не определен. Как и советское китаеведение в целом, журнал «Проблемы Дальнего Востока» видит свою главную задачу в том, чтобы глубоко и целеустремленно анализировать идущие в Китае процессы, тенденции развития положения в этой стране в предстоящие годы, давать им научные марксистские оценки и интерпретацию.

На своих страницах журнал и впредь будет разоблачать курс Пекина во внутренней и внешней политике, показывать тяжелые уроки, к которым ведет извращение принципов социализма, раскрывать антимарксистскую, антинародную суть маоистского идейного наследия, ставящего под угрозу социалистические завоевания трудящихся КНР, давать четкие классовые характеристики изменениям во внутренней политике Китая. Своей важной и ответственной задачей журнал и впредь считает разоблачение сущности маоистского антисоветизма, показ предательства маоистами идеалов коммунизма, идеалов китайской революции, разоблачение курса китайских руководителей, который ведет ко все большему углублению пропасти между интересами китайского народа и идеологией и политической практикой маоизма.

Нельзя не отметить, что в работе редакционного коллектива в истекшие годы были трудности, недостатки, упущения. Редакция прилагает усилия к тому, чтобы журнал совершенствовался с каждым номером, понимая, что жизнь все время выдвигает новые, более сложные задачи, более строгие требования.

За десятилетие своего существования журнал накопил немалый опыт, проделал значительную научную работу. Публикуя настоящий краткий обзор, редакция выражает надежду, что в предстоящие годы при содействии со стороны широкой научной общественности эта деятельность станет еще более глубокой, содержательной и плодотворной.

Современная модификация маоизма

*В. Ф. Феоктистов,
кандидат философских наук*

Вторая половина 1981 г. явилась важной ступенью идеологического оформления нового этапа эволюции политического курса пекинского руководства. Суть этого этапа, начало которого можно отнести к вооруженной агрессии Пекина против Социалистической Республики Вьетнам в феврале 1979 г., выразилась в открытом сколачивании Пекином стратегического альянса с ведущими странами капиталистического мира, прежде всего США, и в «параллельных», а иногда и прямо совместных действиях Китая и империалистических держав против Советского Союза и других стран социалистического содружества¹. Это новое «развитие» политики Пекина, опасное для судеб мира и социализма, в том числе и в самом Китае, не могло не отразиться на официальной идеологической доктрине китайского руководства. Эта доктрина, призванная оправдывать очередные политические зигзаги и повороты, и на сей раз была приведена «в соответствие» с новыми элементами политического курса.

Поиски теоретических и идеологических «аргументов» в пользу сближения с империалистическим Западом характерны для маоизма вообще. Однако в последние годы, особенно с возвращением в руководство страной Дэн Сяопина, эти поиски приобрели особую интенсивность.

Новый этап эволюции идеологической и теоретической платформы официального Пекина выразился в очередной, третьей по счету (начиная с 1977 г.) модификации маоизма². Новая «модель» маоизма была зафиксирована в специальном решении VI пленума ЦК КПК, состоявшегося в конце июня 1981 г. Выработка этого решения проходила в условиях новой волны острого противоборства различных сил в китайском руководстве по поводу интерпретации и оценки «идей Мао Цзэдуна». Такого рода борьба продолжается в КНР уже 5 лет, и, чтобы раскрыть смысл нового варианта маоизма, который предлагается сейчас китайскому народу и мировой общественности, чтобы увидеть также внутренние пружины ожесточенной борьбы за власть и политическое влияние в высшем пекинском руководстве, необходимо напомнить основные вехи этой борьбы и ее «теоретические» результаты.

Банкротство ультрареволюционной «линии Мао» 60-х — первой половины 70-х годов вынудило преемников Мао Цзэдуна искать иные пути реализации все тех же маоистских стратегических замыслов. Оставаясь на позициях великоханьского шовинизма, гегемонизма, милитаризма и антисоветизма, составляющих сущность теории и практики

¹ Подробнее об этом см.: О. Б. Борисов. XXVI съезд КПСС и некоторые проблемы исторических исследований по Китаю. — «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 3.

² О первых двух модификациях маоизма после смерти Мао Цзэдуна см.: В. Ф. Феоктистов, Г. Н. Ященко. Идеологическая борьба в Китае на современном этапе. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 1, с. 119—130.

маонизма, новые китайские лидеры придерживались разных позиций относительно методов осуществления гегемонистских планов. Так сложились две основные группировки — «левая», ортодоксальная — Хуа Гофэна и правонационалистическая, «чисто» прагматическая — Дэн Сяопина.

Группировка Хуа Гофэна пыталась продолжить «линию Мао», основанную на левацкой «теории продолжения революции при диктатуре пролетариата», которая направляла развитие КНР по пути строительства общества «казарменного коммунизма». Вместе с тем группировка Хуа Гофэна выступала и за определенную корректировку «линии Мао», за устранение некоторых волюнтаристских крайностей.

Однако в основе политики группировки Хуа Гофэна по-прежнему оставались методы «культурной революции», а в экономике — методы Дачина и Дачжая. Этот курс, закрепленный XI съездом КПК (1977), был принят в качестве «основной линии партии» на период осуществления «четырёх модернизаций», а затем объявлен на 1-й сессии ВСНП пятого созыва (1978) «генеральной задачей на новый исторический период».

В отличие от «линии» группировки Хуа Гофэна, в целом основанной на принципе внеэкономического принуждения трудящихся, в основу платформы группировки Дэн Сяопина были положены экономический прагматизм и более гибкие методы политического управления, предусматривающие восстановление и активное использование государственных и общественных институтов, ликвидированных в годы «культурной революции».

Весной 1978 г. разногласия между этими двумя группировками переросли в открытую идеологическую борьбу, в ходе которой группировка Дэн Сяопина взяла курс на «модернизацию» маонизма в целях приспособления его к задачам собственной прагматической политики, иными словами — на выработку новой «модели» маонизма. В стране была развернута кампания за «раскрепощение сознания», предусматривавшая «освобождение» маонизма от левореволюционаристских доктрин и сведение его к трем прагматически толкуемым установкам: «деловой реалистический подход», «во всем исходить из реальной обстановки» и «соединять теорию с практикой». Общественности эти установки были представлены в качестве «самых основных принципов марксизма».

Важной вехой в борьбе за выработку новой «модели» маонизма явился III пленум ЦК КПК, состоявшийся в декабре 1978 г. Значение этого пленума для формирования идеологического и политического курса КПК усиленно подчеркивается сейчас официальной пекинской пропагандой. И это не случайно. Именно III пленум, на котором победу одержала группировка Дэн Сяопина, обозначил то главное направление, по которому развивалась дальнейшая модификация маонизма, процесс его приспособления к стратегическим целям нынешнего китайского руководства, к его альянсу с мировым империализмом.

Под давлением группировки Дэн Сяопина на III пленуме ЦК КПК установка на искусственное обострение «классовой борьбы» в соответствии с маоцзедуновской теорией «продолжения революции при диктатуре пролетариата» была заменена установкой на завершение «классовой борьбы» и перенос центра тяжести работы на «четыре модернизации». К началу 1981 г. тезис Мао Цзэдуна об обострении классовой борьбы при социализме был дезавуирован, а период «культурной революции» объявлен периодом «великих бедствий». Левореволюционаристские «идеи» Мао Цзэдуна открыто квалифицировались как «ошибочные» и «идущие вразрез с первоначальными идеями Мао Цзэдуна», под которыми имелись в виду «исключительно правильные принципы, сформулированные Мао Цзэдуном до периода с конца 50-х годов по начало 60-х годов». По существу же, эти «принципы» связывались с разработ-

кой Мао Цзэдуном в 40-е годы праворевизионистской концепции «новой демократии». Содержащиеся в этой концепции положения о диктатуре «всех патриотических классов», включая национальную буржуазию, о стимулировании частнокапиталистического сектора экономики в целях самоусиления Китая и были положены в основу прагматической политики Дэн Сяопина и его группы, которые в 1979—1980 гг. взяли курс на воссоздание частнокапиталистического и мелкотоварного укладов в экономике, на активизацию политической деятельности национальной буржуазии.

Позиция группировки Дэн Сяопина вызвала серьезное противодействие группы Хуа Гофэна, которая в противовес лозунгу «раскрепощения сознания» еще весной 1979 г. выдвинула «четыре основных принципа»: «твердо придерживаться социалистического пути, диктатуры пролетариата, признания руководящей роли КПК и марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна». В конце 1979 г. центральное место в идеологическом курсе группировки Хуа Гофэна занял призыв «твердо придерживаться социалистического пути». При этом дело изображалось таким образом, что марксизм — наука лишь о наиболее общих законах развития человеческого общества, поэтому он «недостаточен» для определения конкретного «социалистического пути» Китая. Отсюда теоретики группировки Хуа Гофэна сделали вывод о необходимости дополнительного поиска на основе «конкретной практики» КНР «подходящего для условий Китая социалистического пути», основанного на «собственной (то есть расположенной вне марксизма.— В. Ф.) теории социализма», исходящей исключительно из «китайского опыта». Тем самым отвергается сама возможность создания общей теории социализма, возможность его общих черт, что означает лишение социалистического общества его принципиальных характеристик, делающих социализм закономерной ступенью общественного развития. Иными словами, выхолащивается всякий смысл в понятии «социализм». В качестве идейной базы этой «собственной теории» были объявлены положения неких «важнейших документов КПК» и работ Мао «О десяти важнейших взаимоотношениях» и «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа».

Однако вскоре идею поиска «подходящего социалистического пути» подхватила и группировка Дэн Сяопина, выдвинув в 1980 г. концепцию «рыночного социализма». Центральным тезисом этой «концепции» является положение о «многоукладности социалистической экономики», которым оправдывается курс на восстановление частного сектора в экономике КНР. Одновременно начала развиваться направляемая этой группировкой тенденция к «либерализации» в духе идеологического и политического плюрализма.

В условиях роста оппозиционных курсу Дэна настроений, которому в немалой степени способствовала противоречивость идеологических установок высшего руководства, группировке Дэн Сяопина пришлось пойти на компромиссную унификацию официальных идеологических установок (IV пленум ЦК КПК, сентябрь 1979 г.), основой которой стало признание «четырех основных принципов». В итоге прагматическое «раскрепощение сознания» и установка на «реалистический подход» были «соединены» с «четырьмя основными принципами». Пленум «синтезировал» платформу Дэна и платформу Хуа в установке «восстановить подлинный облик идей Мао Цзэдуна».

С начала 1980 г. в Китае вновь активизировались идеи «ортодоксального» маоизма. Пропаганда заговорила о важности массовой идейно-политической работы и четкой идеологической линии. К концу года в центр этой работы была поставлена пропаганда «коммунистической морали», направленная против возрождающихся в стране установок на личное материальное благополучие. Идеологическая обработка насе-

ления вновь была признана главным средством достижения морально-политического единства китайского общества во имя осуществления «четырех модернизаций». Объективно это означало признание тщетности попыток обеспечить подобное единство «экономическими» методами. Стали очевидными кризис правопрагматической платформы Дэн Сяопина и начало формирования новой модификации маоизма.

Кампанию по насаждению «коммунистической морали» официальная пропаганда увенчала в начале 1981 г. тезисом о создании в Китае «высокой духовной цивилизации социализма» как одной из ближайших и основных целей политики КПК. В обоснование этого лозунга был вновь привлечен маоистский постулат о якобы безграничной способности масс строить новое общество вне зависимости от объективных материальных условий и факторов их деятельности. Причем в конечном счете пропаганда этой концепции стала сводиться к тем же националистическим и авангардистским лозунгам.

Новый поворот в идеологической линии руководства совпал с установкой на пропаганду усиления роли армии в политической жизни КНР. Китайское руководство призвало НОАК «взять на себя историческую миссию передового отряда по претворению в жизнь линии, курса и политических установок партии»³. Возобновилось движение за учебу у Лэй Фэна — «образца человека эпохи Мао Цзэдуна», созданного маоистской пропагандой еще в начале 60-х годов⁴.

Кампания «борьбы за высокую духовную цивилизацию» сопровождалась частичным пересмотром идейно-политической платформы правопрагматической группировки. Публичной критике в печати подверглись тезис о «безграничной демократии», отрицающей политическое руководство обществом со стороны коммунистической партии, а также экономические обоснования концепции «рыночного социализма» Дэн Сяопина. Усилилась апологетика маоизма. «Идеи Мао Цзэдуна» были объявлены «самым ценным наследием, которое он нам оставил»⁵. Пропаганда вновь стала широко использовать «идеи Мао» в качестве теоретического обоснования идеологического и политического курса Пекина.

Характерной чертой критики правопрагматической платформы было все то же фактическое отрицание марксизма-ленинизма как теории построения социализма. Эта критика велась с позиций маоизма в защиту модели особого «социалистического пути», «подходящего для условий Китая», в противовес теории и практике научного коммунизма, а не только идеям «прагматиков».

Таким образом, модификация маоизма после III пленума ЦК КПК проходила в борьбе двух основных тенденций: «ортодоксальной», по существу левацкой, и правонационалистической, правопрагматической. Борьба эта шла с переменным успехом и сопровождалась компромиссами, однако преобладающей тенденцией все же оставалась правая, то есть «линия» Дэн Сяопина. Об этом свидетельствуют и материалы VI пленума ЦК КПК, на котором был достигнут очередной «идейный» компромисс между соперничающими группировками и продолжена модификация маоизма.

Пленум принял Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Основная часть Решения посвящена оценке роли Мао Цзэдуна и его «идей». Вопреки объективной необходимости скорейшего преодоления маоистского наследия в идейно-политической и социально-экономической жизни КНР составители Решения пошли по пути апологии маоизма и использования довольно широкого круга

³ «Жэньминь жибао», 2.11.1981.

⁴ См. там же, 2 и 4.11.1981.

⁵ «Цзефанцизюнь бао», 19.1V.1981.

«идей Мао Цзэдуна» для сплочения на их основе различных фракций руководства КПК в борьбе против марксизма-ленинизма, за достижение гегемонистских целей внешней политики, опирающейся на союз с империализмом США. Решение имеет компромиссный и противоречивый характер. С одной стороны, подвергнуты осуждению отдельные «ошибки» Мао Цзэдуна, признается его ответственность за «культурную революцию», подверглись критике основанные на маоистской теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» «левацкие руководящие идеи» Хуа Гофэна. «Великим переломным моментом», положившим начало «новому историческому этапу» развития КНР, объявлен III пленум ЦК КПК, на котором победу одержала линия Дэн Сяопина. Прагматический принцип «реалистического подхода», который группировка Дэн Сяопина объявила «основным принципом марксизма», обеспечивающим освобождение от «догматического отношения» к марксизму и «идеям Мао», охарактеризован на VI пленуме как один из основных аспектов «идей Мао Цзэдуна». Сохранены установки об отсуствии в КНР эксплуататорских классов и о «рыночном регулировании» — то есть тезисы, введенные группой Дэн Сяопина.

С другой стороны, в Решении утверждается, будто «заслуги» Мао Цзэдуна «в значительной степени преобладают над его промахами», неоднократно подчеркивается необходимость и в будущем отстаивать «четыре основных принципа»: «социалистический путь, демократическую диктатуру народа, то есть диктатуру пролетариата, руководство со стороны компартии, марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна». Сохранена, по существу, и установка на продолжение классовой борьбы при «отсутствии эксплуататорских классов», которая «в определенных условиях может обостряться», и курс на создание «высокой духовной цивилизации», неотъемлемую часть которой составляют «дух Юй Гуна, передвигающего горы», и «дух тяжелой и упорной борьбы».

Итак в новый вариант маоизма, который предлагается ныне считать официальной идеологической и теоретической платформой КПК, вошли как «идеи Мао», так и тезисы, отстаиваемые в последние годы обеими маоистскими группировками в китайском руководстве.

Получила полное одобрение пленума гегемонистская внешнеполитическая стратегия Мао Цзэдуна. Маоистская концепция «трех миров», направленная против социалистического сотрудничества, объявлена на пленуме «правильной стратегической платформой».

Позиции противоборствующих группировок в китайском руководстве объединяет и отрицание марксизма-ленинизма как теоретической основы «конкретного» социализма. Это, по существу, означает закрепление монопольного положения маоизма в качестве идеологической платформы КПК. В Решении содержится также попытка выделить в маоизме «научную систему», что, по замыслам авторов Решения, поможет отделить «идеи Мао» как «научную систему» от «отдельных» его теоретических и практических ошибок и, более того, придать «идеям Мао» равное значение с марксизмом-ленинизмом, а значит, допустить выбор, позволяющий отмежеваться от теории научного коммунизма, выводя Китай из сферы применения теории К. Маркса и В. И. Ленина.

В Решении под предлогом необходимости преодолеть «догматический подход» к указаниям классиков марксизма и якобы «теоретической нерешенности» проблем строительства социализма вновь, как и в 40-е годы, выдвигается на первый план идея «китаизированного марксизма». При этом высказывается откровенное пренебрежение к опыту международного коммунистического движения, игнорируются достижения реального социализма. Интернациональному опыту революционных сил современности противопоставляется некая «самобытность» китайской революции, требующая создания «национального», «китаизированного» марксизма, нашедшего свое воплощение в «идеях

Мао Цзэдуна». Открыто ставится в заслугу КПК то, что становление «идей Мао Цзэдуна» происходило в борьбе против применения опыта Советского Союза и против «догматизма» Коминтерна.

Одним из центральных тезисов Решения является положение о главенствующей роли Мао Цзэдуна и его «идей» в китайской революции и в период социалистического строительства. «Идеи Мао Цзэдуна» объявляются «продуктом соединения общих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», «квинтэссенцией коллективной мудрости» Коммунистической партии Китая, что послужило удобным ходом для распространения на КПК в целом вины за политический и экономический авантюризм Мао Цзэдуна, приведший к тяжелым политическим и экономическим, социальным и идеологическим последствиям. В то же время провозглашение «идей Мао Цзэдуна» продуктом коллективного творчества лидеров КПК направлено на то, чтобы отделить «идеи Мао Цзэдуна» от его же «ошибок», которые предстают, таким образом, как частные «ошибки» отдельной личности, лишь одного из создателей маоизма.

Содержание принятого на VI пленуме Решения свидетельствует о том, что маоизм по-прежнему остается официальной идеологией партии и государства. «Идеи Мао Цзэдуна», отмечается в Решении, «остаются и останутся в будущем драгоценным ядром в деле социалистической модернизации страны».

Пленум, однако, не выработал принципиально нового варианта маоизма, ограничившись эклектическим соединением в понятии «идеи Мао Цзэдуна» двух различных платформ (правопрагматической и «левоортодоксальной») на основе непрочного временного компромисса.

Одновременно пленум продемонстрировал единство соперничающих группировок китайского руководства в их стремлении к ускоренному наращиванию военно-экономической мощи Китая как материальной базы гегемонистской внешнеполитической стратегии маоизма. По-прежнему их объединяет и воинствующий антисоветизм, и стремление любой ценой обелить маоизм, сохраняя его в качестве общего идеологического знамени, необходимого и единственного для всех соперничающих группировок.

* * *

Сразу же после окончания работы пленума китайская печать развернула широкую кампанию по пропаганде его материалов, и в первую очередь принятого на нем Решения. Эта кампания позволяет проследить те акценты, которые официальные средства массовой информации и идеологи расставляют в разработке принятой пленумом «версии» маоизма, а также увидеть новые тенденции подхода к маоистскому наследию, его прагматическому использованию в идеологической борьбе с теорией и практикой научного социализма.

Определяя задачи изучения материалов пленума, «Жэньминь жибао» в установочной статье от июля 1981 г. писала, что «самым главным в этом изучении является достижение полного понимания исторического места товарища Мао Цзэдуна и идей Мао Цзэдуна в китайской революции». Теме «заслуг» Мао Цзэдуна и его роли в достижении победы китайской революции посвящено большое количество статей в китайской прессе. Тон кампании восхваления Мао Цзэдуна задают высшие китайские руководители. 31 июля в газете «Жэньминь жибао» было опубликовано интервью нового председателя ЦК КПК Ху Яобана, в котором он утверждал, будто «без руководства товарища Мао Цзэдуна не было бы и такой огромной победы, не было бы и нового Китая».

Славословия в адрес Мао Цзэдуна содержатся в каждой статье, посвященной VI пленуму ЦК КПК. При этом бросается в глаза явное

«идей Мао Цзэдуна» для сплочения на их основе различных фракций руководства КПК в борьбе против марксизма-ленинизма, за достижение гегемонистских целей внешней политики, опирающейся на союз с империализмом США. Решение имеет компромиссный и противоречивый характер. С одной стороны, подвергнуты осуждению отдельные «ошибки» Мао Цзэдуна, признается его ответственность за «культурную революцию», подверглись критике основанные на маоистской теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» «левацкие руководящие идеи» Хуа Гофэна. «Великим переломным моментом», положившим начало «новому историческому этапу» развития КНР, объявлен III пленум ЦК КПК, на котором победу одержала линия Дэн Сяопина. Прагматический принцип «реалистического подхода», который группировка Дэн Сяопина объявила «основным принципом марксизма», обеспечивающим освобождение от «догматического отношения» к марксизму и «идеям Мао», охарактеризован на VI пленуме как один из основных аспектов «идей Мао Цзэдуна». Сохранены установки об отсутствии в КНР эксплуататорских классов и о «рыночном регулировании» — то есть тезисы, введенные группой Дэн Сяопина.

С другой стороны, в Решении утверждается, будто «заслуги» Мао Цзэдуна «в значительной степени преобладают над его промахами». неоднократно подчеркивается необходимость и в будущем отстаивать «четыре основных принципа»: «социалистический путь, демократическую диктатуру народа, то есть диктатуру пролетариата, руководство со стороны компартии, марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэдуна». Сохранена, по существу, и установка на продолжение классовой борьбы при «отсутствии эксплуататорских классов», которая «в определенных условиях может обостряться», и курс на создание «высокой духовной цивилизации», неотъемлемую часть которой составляют «дух Юй Гуна, передвигающего горы», и «дух тяжелой и упорной борьбы».

Итак в новый вариант маоизма, который предлагается ныне считать официальной идеологической и теоретической платформой КПК, вошла как «идеи Мао», так и тезисы, отстаиваемые в последние годы обеими маоистскими группировками в китайском руководстве.

Получила полное одобрение пленума гегемонистская внешнеполитическая стратегия Мао Цзэдуна. Маоистская концепция «трех миров», направленная против социалистического содружества, объявлена на пленуме «правильной стратегической платформой».

Позиции противоборствующих группировок в китайском руководстве объединяет и отрицание марксизма-ленинизма как теоретической основы «конкретного» социализма. Это, по существу, означает закрепление монопольного положения маоизма в качестве идеологической платформы КПК. В Решении содержится также попытка выделить в маоизме «научную систему», что, по замыслу авторов Решения, поможет отделить «идеи Мао» как «научную систему» от «отдельных» его теоретических и практических ошибок и, более того, придать «идеям Мао» равное значение с марксизмом-ленинизмом, а значит, допустить выбор, позволяющий отмежеваться от теории научного коммунизма, выводя Китай из сферы применения теории К. Маркса и В. И. Ленина.

В Решении под предлогом необходимости преодолеть «догматический подход» к указаниям классиков марксизма и якобы «теоретической нерешенности» проблем строительства социализма вновь, как и в 40-е годы, выдвигается на первый план идея «китаизированного марксизма». При этом высказывается откровенное пренебрежение к опыту международного коммунистического движения, игнорируются достижения реального социализма. Интернациональному опыту революционных сил современности противопоставляется некая «самобытность» китайской революции, требующая создания «национального», «китаизированного» марксизма, нашедшего свое воплощение в «идеях

Мао Цзэдуна». Открыто ставится в заслугу КПК то, что становление «идей Мао Цзэдуна» происходило в борьбе против применения опыта Советского Союза и против «догматизма» Коминтерна.

Одним из центральных тезисов Решения является положение о главенствующей роли Мао Цзэдуна и его «идей» в китайской революции и в период социалистического строительства. «Идеи Мао Цзэдуна» объявляются «продуктом соединения общих положений марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», «квинтэссенцией коллективной мудрости» Коммунистической партии Китая, что послужило удобным ходом для распространения на КПК в целом вины за политический и экономический авантюризм Мао Цзэдуна, приведший к тяжелым политическим и экономическим, социальным и идеологическим последствиям. В то же время провозглашение «идей Мао Цзэдуна» продуктом коллективного творчества лидеров КПК направлено на то, чтобы отделить «идеи Мао Цзэдуна» от его же «ошибок», которые предстают, таким образом, как частные «ошибки» отдельной личности, лишь одного из создателей маоизма.

Содержание принятого на VI пленуме Решения свидетельствует о том, что маоизм по-прежнему остается официальной идеологией партии и государства. «Идеи Мао Цзэдуна», отмечается в Решении, «остаются и останутся в будущем драгоценным ядром в деле социалистической модернизации страны».

Пленум, однако, не выработал принципиально нового варианта маоизма, ограничившись эклектическим соединением в понятие «идеи Мао Цзэдуна» двух различных платформ (правопрагматической и «левоортодоксальной») на основе непрочного временного компромисса.

Одновременно пленум продемонстрировал единство соперничающих группировок китайского руководства в их стремлении к ускоренному наращиванию военно-экономической мощи Китая как материальной базы гегемонистской внешнеполитической стратегии маоизма. По-прежнему их объединяет и воинствующий антисоветизм, и стремление любой ценой обелить маоизм, сохраняя его в качестве общего идеологического знамени, необходимого и единственного для всех соперничающих группировок.

* * *

Сразу же после окончания работы пленума китайская печать развернула широкую кампанию по пропаганде его материалов, и в первую очередь принятого на нем Решения. Эта кампания позволяет проследить те акценты, которые официальные средства массовой информации и идеологи расставляют в разработке принятой пленумом «версии» маоизма, а также увидеть новые тенденции подхода к маоистскому наследию, его прагматическому использованию в идеологической борьбе с теорией и практикой научного социализма.

Определяя задачи изучения материалов пленума, «Жэньминь жибао» в установочной статье от июля 1981 г. писала, что «самым главным в этом изучении является достижение полного понимания исторического места товарища Мао Цзэдуна и идей Мао Цзэдуна в китайской революции». Теме «заслуг» Мао Цзэдуна и его роли в достижении победы китайской революции посвящено большое количество статей в китайской прессе. Тон кампании восхваления Мао Цзэдуна задают высшие китайские руководители. 31 июля в газете «Жэньминь жибао» было опубликовано интервью нового председателя ЦК КПК Ху Яобана, в котором он утверждал, будто «без руководства товарища Мао Цзэдуна не было бы и такой огромной победы, не было бы и нового Китая».

Славословия в адрес Мао Цзэдуна содержатся в каждой статье, посвященной VI пленуму ЦК КПК. При этом бросается в глаза явное

стремление обелить Мао Цзэдуна, приуменьшить его ошибки и недостатки. Пытаясь сохранить авторитет «великого вождя и учителя товарища Мао Цзэдуна» (подобные эпитеты после долгого перерыва вновь появились на страницах китайской прессы), китайская печать уже прямо заявляет о том, что за «ошибки, совершенные им, несет ответственность вся партия». При этом в заслугу VI пленуму ЦК КПК ставится то, что пленум «не только не возложил на одного Мао Цзэдуна вину за все ошибки, совершенные в области руководящих идей, но полностью подтвердил важную роль, которую товарищ Мао Цзэдун сыграл в истории»⁶.

По существу, в Китае развернута идеологическая кампания по восстановлению авторитета Мао Цзэдуна, так как этот авторитет значительно пострадал в последние годы. Делаются экскурсы в историю, чтобы обнаружить и подновить доказательства «исторических заслуг» Мао Цзэдуна. Вновь появились многочисленные воспоминания о нем.

Важнейшим направлением этой кампании явилось стремление охарактеризовать маоизм как исторически неизбежное явление не только китайской, но и мировой истории. Таково важнейшее направление модификации маоизма после VI пленума ЦК КПК.

«Историческую неизбежность» возникновения маоизма китайские теоретики и пропагандисты пытаются обосновать ссылками на «множество специфических трудных проблем» китайской революции, проходившей в отсталой полуколониальной, полуфеодальной стране. А «опора на общие принципы марксизма-ленинизма и следование иностранному опыту» «не могли принести победы», поскольку Коминтерн еще на раннем этапе китайской революции, в 20-е годы, был якобы заражен «догматизмом», абсолютизацией советского опыта, что будто бы «едва не завело китайскую революцию в тупик». Заслуга в избавлении Компартии Китая от влияния «догматизма» приписывается Мао Цзэдуну, а тезис об «угрозе тупика» совершенно не мотивируется.

Особое значение современная китайская пропаганда придает разработанной Мао Цзэдуном в 40-е годы концепции «новой демократии», представляющей собой оппортунистическую модель «национального социализма», идейную основу которого составил «китаизированный марксизм». Концепцию «новой демократии» Мао Цзэдун фактически противопоставил ленинской теории некапиталистического пути развития отсталых стран Востока и учению о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Поднимая вновь на шит маоцзэдуновскую теорию «китайского социализма», пекинская пропаганда под предлогом борьбы с догматизмом и абсолютизацией иностранного опыта пытается доказать все тот же пресловутый тезис о неприменимости «слишком общего» марксистско-ленинского учения к «специфическим» условиям Китая.

В этом отношении показательна статья «Поиски путей строительства социализма» журнала «Хунци», где предпринята еще одна попытка представить «идеи Мао Цзэдуна» единственной теоретической основой проведения коренных социальных преобразований в КНР. При этом журнал изображает дело таким образом, что до китайской революции вообще якобы не было никакого «подходящего» опыта социалистической революции и социалистического строительства. Основной «теоретический» аргумент автора статьи выглядит следующим образом: «революция и дело строительства в любой стране должны основываться и исходить из обстановки в данной стране, а не из копирования опыта других стран и готовых книжных выводов»⁷. Для этого будто бы и необходима «национализация» марксизма, создание в каждой стране

⁶ «Жэньминь жибао», 21.VII.1981.

⁷ «Хунци», 1981, № 15, с. 33.

«своего», «национального» марксизма. Рассуждая в этой связи об «идеях Мао Цзэдуна», журнал «Хунци» почти дословно воспроизводит тезис маоистов конца 30-х — начала 40-х годов, заявляя, что «идеи Мао Цзэдуна обогатили и развили марксизм-ленинизм многосторонними, носящими творческий характер теориями, которые отражают специфические особенности китайской революции и, можно сказать, представляют собой «китаизацию» марксизма-ленинизма...»⁸.

Нетрудно заметить, что речь здесь идет не о творческом применении марксистско-ленинской теории к конкретным условиям данной страны, а об отрицании в принципе возможности применения этих положений, которые трактуются как «готовые книжные выводы». Здесь уместно вновь напомнить, что подобный подход к марксистско-ленинской теории был использован Мао Цзэдуном в 40-е годы для насаждения в партии своих собственных «идей». Борьба против «догматизма», «слепого следования иностранному опыту» и «указаниям» Коминтерна — все это давно знакомые пропагандистские штампы маоизма, которые имели целью дискредитировать марксизм-ленинизм как «заморские шаблоны», не пригодные для «специфических» условий Китая, и тем оправдать замену марксизма-ленинизма «своим собственным», «китайским марксизмом», «марксизмом реальности». Эту подмену марксизма маоизмом теоретики из журнала «Хунци» выдают за историческую неизбежность, за некий объективный закон успешного осуществления демократической и социалистической революции в Китае. Более того, поскольку вопрос ставится ими шире — о неприменимости общих «абстрактных» положений марксизма-ленинизма к «специфическим» условиям каждой страны, — можно рассматривать этот «вывод» пекинских теоретиков как прямое отрицание интернационального характера теории научного коммунизма и ее применимости в конкретных условиях той или иной страны. Все это очень близко к абсурдному утверждению о том, что не может быть общесоциологической теории, а могут быть лишь «национальные теории», где само понятие теории лишается всякого смысла. И это утверждают в стране, где более всего очевидны катастрофические последствия «национализации» коммунистических идей!

Для обоснования этого старого оппортунистического тезиса, который нигде не удавалось реализовать в политике без трагических последствий, пекинская пропаганда прибегает к извращенному толкованию марксистского положения о практике как критерии истины. Вкладывая в это положение релятивистско-эмпирический смысл, теоретики из журнала «Хунци» изображают дело таким образом, будто некая «голая» практика, лишенная всего многообразного богатства совокупности революционно-преобразующей деятельности человечества, в том числе и теоретико-познавательной, механически дает «выход» все новым теориям, которые без конца «рождаются» из каждой новой «практики»⁹, не образуя никакой исторической и логической связи.

С помощью такого ползучего, плоского и вместе с тем назойливо крикливого эмпиризма пекинские «теоретики» и пытаются обосновать свой фактический отказ от марксизма-ленинизма как интернационального, всеобщего учения о революционном преобразовании мира. Не случайно поэтому «живой душой» «идей Мао Цзэдуна» официальная пропаганда называет сейчас так называемый принцип «делового, реалистического подхода», а также принцип «самостоятельности и независимости»¹⁰. Толкуемая прагматически и националистически, эта маоистская «методология» призвана оправдать оппортунистическую, а по

⁸ «Хунци», 1981, № 15, с. 46.

⁹ См. там же, с. 48.

¹⁰ См. там же, № 19, с. 34.

существо, антикоммунистическую и антинаучную концепцию «национальных коммунизмов», которую, как видно, исповедуют ныне пекинские лидеры.

Вместе с тем, видимо сознавая шаткость такой позиции, официальная пропаганда особое внимание уделяет вопросу о взаимосвязи «идей Мао Цзэдуна» с марксизмом-ленинизмом, пытаясь доказать, что «идеи Мао» «обогатили и развили» именно марксизм-ленинизм¹¹.

В качестве «важного вклада» Мао Цзэдуна в марксизм называется «учение» Мао Цзэдуна «о социалистической революции и социалистическом строительстве», где ему приписываются такие «открытия», как «теория демократической диктатуры народа», учения о социалистическом преобразовании частной промышленности и торговли, о кооперировании деревни, установка «идти на двух ногах», концепция «двух типов противоречий внутри народа» и даже «теория внешней политики социалистического государства». Мао Цзэдун изображается, таким образом, единственным творцом общей теории, охватывающей и социалистическую революцию, и социалистические преобразования, и социалистическое строительство, который якобы открыл тем самым новый этап в развитии марксизма. В действительности же он тем самым ознаменовал новый этап нагромождения собственной «теоретической» мешанины. Для китайской пропаганды «вклада» Мао Цзэдуна в развитие марксизма вообще характерно стремление искусственно создавать теоретический «вакуум» при анализе развития китайской революции путем извращения или игнорирования исторических фактов ради удобства зачисления Мао Цзэдуна в ранг «великого» теоретика-марксиста.

Хорошо известно, однако, что никакого «учения» о социалистической революции и социалистическом строительстве у Мао Цзэдуна не было, если не считать таковым критикуемую ныне самим китайским руководством «теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата», представлявшую собой и теоретическое, и практическое отрицание социализма как первой фазы коммунистической формации.

С «теорией демократической диктатуры народа» дело обстоит примерно так же. В трудах классиков марксизма-ленинизма были разработаны теоретически, а осуществлены на практике и обобщены коммунистическими партиями Восточной Европы положения о народно-демократическом этапе социалистической революции, о народно-демократической ступени социалистических преобразований и о народной демократии как форме диктатуры пролетариата. Попытки же приписать авторство этой теории и ее практического применения Мао Цзэдуну представляют собой грубое искажение исторических фактов. Не являются «вкладом» Мао Цзэдуна в марксизм и его так называемые «учения» о социалистическом преобразовании частной промышленности и торговли, о кооперировании деревни — эти задачи были теоретически обоснованы в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и впервые осуществлены в Советском Союзе. И уже совсем кощунственно выглядит утверждение о «вкладе» Мао в создание «теории внешней политики социалистического государства». Весь опыт деятельности КПК и КНР показал, что единственное, что здесь «нового» внес покойный «кормчий», — это проимпериалистическая геополитическая «теория трех миров», «теория» борьбы против реального социализма, против мира, демократии, национального и социального освобождения народов. Маоистские теоретики и не скрывают антисоциалистической, антисоветской направленности этого «вклада» Мао, называя в качестве его конкретного воплощения идею «единого фронта борьбы против гегемонизма»¹², то есть стратегию ведения тотальной, совместной с мировым империали-

¹¹ «Хунци», 1981, № 15, с. 43.

¹² См. там же, с. 44.

лизмом и реакцией борьбы против Советского Союза, других стран социалистического содружества.

К «открытиям» Мао Цзэдуна из приведенного перечня можно отнести лишь одну его «теорию» — концепцию «двух типов противоречий» — «внутри народа» и «между нами и нашими врагами». «Новым» здесь явилось то, что Мао Цзэдуном сконструирована такая «картина» социальных противоречий при социализме, согласно которой буржуазия «при определенных условиях» может выступать в качестве класса «внутри народа» и не являться антагонистом трудящихся — все дело в том, «принимает» ли она политику стоящей у власти партии и каким способом разрешаются ее противоречия с трудящимися классами. Если мирно — она зачисляется в «народ», если не мирно — становится его врагом и вступает с ним в антагонистические противоречия. Эта оппортунистическая в своей основе «концепция», как показала история КНР, была изобретена Мао Цзэдуном, во-первых, ради заигрывания с национальной буржуазией, сохранения ее экономических и политических позиций в обществе, а во-вторых, для «теоретического» прикрытия расправы с противниками маонизма внутри партии и страны под видом «классовой борьбы с нашими врагами». Понятно, что к марксизму-ленинизму подобная «теория» отношения не имеет.

Помимо восхваления прошлых заслуг Мао Цзэдуна, китайская пропаганда пытается доказать, будто «идеи Мао Цзэдуна» сохраняют свое значение сегодня и не утратят его и в будущем. Печать при этом особо выделяет «учение» Мао о диалектическом и историческом материализме, якобы «развившее» марксизм-ленинизм, его (т. е. Мао) принципы «реалистического подхода к действительности», «независимости и самостоятельности», а также небезызвестную «линию масс». Как утверждают пекинские пропагандисты, в период осуществления «социалистической модернизации» сохраняют свою актуальность следующие концепции Мао Цзэдуна: концепция «демократической диктатуры народа», «учения» о социальных противоречиях внутри социалистического общества, о регулировании отношений между производительными силами и производственными отношениями, об экономическом строительстве, о необходимости «сплачивать все силы, которые можно сплотить», о «мобилизации всех активных факторов» и о «превращении пассивных факторов в активные»¹³. Ставится задача правильно увязывать эти концепции Мао Цзэдуна с практическими задачами сегодняшнего дня и предстоящего периода. При этом пропаганда не перестает подчеркивать, что «идеи Мао Цзэдуна» связаны с особенностями китайской революции и представляют собой «китаизацию марксизма-ленинизма». В этом отчетливо проявляется стремление «соединить» «идеи Мао Цзэдуна» с марксизмом-ленинизмом для подкрепления авторитета «идей», чтобы затем приступить к созданию под этим флагом «новой теории» уже на основе «обогащения и развития идей Мао Цзэдуна»¹⁴.

По существу, ставится вопрос о новом этапе в «развитии» маонизма — этапе «еще более тесного соединения основных положений марксизма с конкретной практикой осуществления социалистической модернизации в Китае»¹⁵. Иными словами, пропаганда стремится приспособить «идеи Мао Цзэдуна» к своему курсу и на будущее, открывая для себя возможность новых модификаций маонизма на случай очередных изменений текущей политики. «Разъяснительная» работа, которую официальная пекинская пропаганда ведет сейчас вокруг Решения VI пленума ЦК КПК, носит явно антисоциалистический, антисоветский характер. Помимо распространения открыто антисоветских внешнеполити-

¹³ «Хушци», 1981, № 15, с. 44—45.

¹⁴ Там же, с. 46.

¹⁵ См. там же, № 13, с. 34.

ческих «концепций» Мао Цзэдуна, заметны и попытки с помощью антисоветизма оправдать оппортунистическое толкование как самим Мао Цзэдуном, так и его нынешними преемниками вопросов внутренней политики, в частности тезиса о существовании «специфической классовой борьбы» в «социалистическом Китае». В статье Цзо Вэня «О классовой борьбе и главном противоречии в социалистическом обществе» необходимость укрепления в Китае «диктатуры пролетариата» для подавления «классовых врагов» объясняется не только «внутренними причинами», но и наличием на международной арене «обстановки классовой борьбы» против Китая. Причем в качестве международных «классовых врагов» Китая называются на севере — Советский Союз, на юге — Социалистическая Республика Вьетнам, которой приписывают «региональный гегемонизм»! Помимо этих главных «классовых врагов», лишь глухо упоминаются некие «реакционные элементы из среды правящих классов тех государств, с которыми у Китая установились дружеские отношения»¹⁶.

Классово-политическая сущность позиции китайских лидеров обнажилась предельно четко: реальный социализм рассматривается ими в качестве главного «классового врага». Здесь наглядно проявилась прямая антисоветская, антисоциалистическая направленность новой модификации маоизма, которую осуществляют нынешние лидеры Китая.

Подводя итог краткому анализу нового «варианта» маоизма, выработанному VI пленумом ЦК КПК, следует указать, что и в новой «версии» он по-прежнему представляет собой набор социал-шовинистских «идей Мао Цзэдуна», обосновывающих антисоциалистический, империалистический курс пекинского руководства во внутренней и внешней политике. Признание отдельных «ошибок» Мао преследует цель лишь «очистить» маоизм от якобы случайных огрехов, не присущих ему как «научной системе».

Хотя VI пленум ЦК КПК не сформулировал какой-либо принципиально новой версии маоизма, произведя лишь очередную пересортицу «идей Мао», в его Решении можно выделить следующие тенденции.

Во-первых, под предлогом «учета китайской специфики» вновь выдвинут тезис о необходимости «китаизации» марксизма, что на практике означает подмену марксизма «идеями Мао Цзэдуна». Возникновение маоизма (как и вообще «национальных» теорий коммунизма) изображается исторически неизбежным явлением, а значит, преследуется цель лишить коммунизм статуса науки.

Во-вторых, вновь пропагандируется тезис о «вкладе» Мао Цзэдуна в развитие марксизма. Содержание этого «вклада» трактуется китайскими теоретиками настолько широко, что «идеи Мао Цзэдуна», по существу, изображаются качественно новым этапом в развитии марксизма, «снимающим» результаты предыдущих этапов этого развития.

В-третьих, делается попытка искусственной, прагматической систематизации «идей Мао Цзэдуна», где в «научную систему» включаются не все, а лишь «правильные идеи», которым могут «не соответствовать» и даже «противоречить» прочие его «идеи». Причем эту «систему» подают как результат «коллективной мудрости» группы партийных лидеров, где таким же образом ошибки кого-либо из них не лишают истинности «систему» в целом.

В-четвертых, все настойчивее звучат призывы к дальнейшему «развитию» маоизма, к активному применению «идей Мао Цзэдуна» как в сегодняшней практике осуществления «четырех модернизаций», так и в будущей политике КПК — в ущерб марксистско-ленинскому учению.

В-пятых, все это, вместе взятое, призвано теоретически обосновать

¹⁶ «Хунци», 1981, № 20, с. 30.

необходимость «национального» социализма в Китае и в конечном счете отказа от марксизма как теоретической и идеологической основы деятельности КПК, от марксизма как науки, имеющей интернациональный характер.

Ни одна из перечисленных тенденций не противоречит принципиально взглядам какой-либо группировки в китайском руководстве, так как арсенал «научной системы идей Мао» сейчас значительно расширен и включает в себя «идеи» как «ортодоксального», так и прагматического «вариантов» маоизма. Однако ведущей тенденцией нынешней модификации маоизма следует признать все же прагматическую корректировку, отражающую платформу группы Дэн Сяопина. Перечисленные тенденции могут послужить базой для дальнейших компромиссов между противоборствующими группировками в китайском руководстве, но в них заложен и источник будущего обострения идеологической борьбы в руководстве.

Эти тенденции появились и развиваются в непосредственной связи с курсом на милитаризацию КНР, с разжиганием антисоветизма и великодержавного шовинизма, с откровенным гегемонизмом во внешней политике Китая. Это позволяет сделать вывод, что наблюдаемые сейчас тенденции в идеологическом курсе китайского руководства носят характер модификации все того же, социал-шовинистического содержания маоистской доктрины.

Идеология японского экспансионизма накануне и в годы войны на Тихом океане

*Е. В. Щетинина,
кандидат исторических наук*

Становление империалистической Японии было неразрывно связано с экспансией в Азии. Сокрушительный разгром японского милитаризма в годы второй мировой войны доказал всю бредовость идеи создания японской империи путем войн и порабощения соседних народов. Однако в послевоенные годы по мере наращивания экономической мощи японские монополии все более активно стали проникать в страны Азии. Выход Японии на второе место в капиталистическом мире по уровню экономического развития создал материальные предпосылки для возрождения былых планов превращения этого региона в зону безраздельного влияния Японии.

Разумеется, новая обстановка потребовала разработки новых методов проникновения в страны Азии и новых форм ее идеологического обоснования. На место довоенной идеи создания «Великой Восточно-азиатской сферы процветания» пришла концепция так называемого «Тихоокеанского сообщества», активно пропагандирующаяся в Японии с середины 70-х годов. При всех различиях эти две доктрины направлены на достижение одной и той же цели — обеспечение господствующих позиций Японии в азиатском регионе.

В современных условиях заведомо обречены на провал любые попытки агрессии против соседних народов. Однако в Японии все выше поднимают голову те силы, которые хотели бы повернуть вспять стрелку часов истории. Они толкают страну на пагубный путь милитаризации, все громче говорят о «жизненной необходимости» проникновения Японии в страны Азии.

Идеологи современного японского экспансионизма пытаются маскировать устремления монополий многочисленными заверениями в том, что Япония стремится к миру, дружбе и сотрудничеству со всеми странами. Однако по своей сути и конечным целям многие сегодняшние концепции развития связей Японии со странами Азии уходят своими корнями в доктрины 30-х и 40-х годов, впитывая в себя в приспособленном к новой обстановке виде старые постулаты ведущих идеологов японского экспансионизма.

Япония вступила на путь колониальных захватов вскоре после незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг., что было закономерно обусловлено переходом страны к капитализму. «Это государство — буржуазное, — писал В. И. Ленин о Японии, — а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии...»¹

До конца второй мировой войны экспансионистская политика Японии определялась военно-феодалным характером японского империализма и его особой агрессивностью. На протяжении многих десятилетий объективная необходимость промышленного развития страны теснейшим образом переплеталась с захватническими войнами и аннекси-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 262.

ей чужеземных территорий. «Всякий расход на вооружение является формой инвестиции» — этот тезис Гиндзиро Фудзивара, одного из директоров компании Мицуи, являлся кредо японских монополистов².

Постоянным объектом агрессивных устремлений японских монополий были азиатские государства. Начиная с захвата островов Рюкю и экспедиции на Тайвань, Япония почти непрерывно вела войны или готовилась к ним. Среди ее соседей не было ни одной страны, которую не затрагивали бы захватнические планы японского империализма. Классики марксизма указывали, что «взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общенное...»³. В ходе исторического развития Япония намного опередила окружающие ее азиатские страны; используя преимущества капиталистического способа производства, она стремилась любыми средствами покорить слабые, находящиеся на стадии феодализма государства и добиться гегемонии в азиатском регионе. В то же время, несмотря на быстрые темпы развития, в начале XX в. Япония еще значительно отставала от «старых» капиталистических стран по размерам и техническому уровню промышленности, по степени концентрации производства и капитала, по зрелости и мощи финансовых групп. К концу первой мировой войны Япония превратилась уже в колониальную державу, выполняющую роль «жандарма Азии», но тем не менее она, как указывал В. И. Ленин, «...никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может...»⁴.

Проблемы относительной финансовой и экономической слабости и зависимости японской промышленности и вооруженных сил от внешних источников сырья и топлива сохраняли свою остроту и в период 30—40-х годов, когда Япония развязала военные действия в Маньчжурии, Китае и начала войну на Тихом океане. Разрабатывая стратегию борьбы за господство в Азии, правящие круги страны не могли игнорировать эти факторы в оценке собственных возможностей и перспектив военной конфронтации с СССР, с одной стороны, и с США, Англией — с другой. Япония стремилась избежать затяжной войны и войны на два фронта. Наиболее дальновидные лидеры страны не верили в возможность захвата Китая, а тем более всей Восточной Азии исключительно вооруженным путем и всемерно стремились дополнить силу оружия политической и идеологической борьбой, призванной облегчить выполнение захватнических целей японского империализма. «Один из «секретов» господства угнетателей всегда состоял в том, что прямое физическое насилие над массами они дополняли насилием духовным»⁵. Именно поэтому особое место в стратегии японского гегемонизма в Азии занимали вопросы идеологической обработки населения самой Японии и народов азиатских стран.

В каждую историческую эпоху официальной идеологией является не что иное, как «идеальное выражение господствующих материальных отношений...»⁶. Идеология японского экспансионизма в Азии в 30—40-х годах в полной мере отражала процесс становления милитаризованной системы государственно-монополистического капитализма в Японии, в качестве политического инструмента которой была использована фашистская диктатура. Эта идеология явилась логическим продолжением концепций панasiatизма начала века и доктрины «специ-

² Цит по: Я. А. Певзнер. Монополистический капитал Японии («Дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны. М.—Л., 1950, с. 31.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 19—20.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 227.

⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 6. М., 1978, с. 579—580.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 46.

альных интересов». Однако в 30—40-х годах она приобрела некоторые новые черты, отличающие ее от предыдущих теорий.

Согласно официальной трактовке доктрины «специальных интересов», изложенной в мемуарах японского дипломата Кикудзиро Исии, «под специальными интересами Японии в Китае подразумевались прежде всего политические и, между прочим, экономические интересы»⁷. Отводя экономическим интересам второстепенное значение, Исии стремился замаскировать экспансионистские устремления японского монополистического капитала, только вступавшего тогда в эпоху империализма. В документах более позднего периода, например в инструкциях МИД японским дипломатам и протоколах дипломатических переговоров, в том числе бесед К. Исии с государственным секретарем США Р. Лансингом в 1917 г., область «специальных интересов» толкуется значительно шире. Под ними открывенно понимаются и экономические, и политические интересы, хотя преимущество отдается последним⁸.

В 30—40-х годах экономические мотивы выдвигались в принципе параллельно с соображениями стратегического характера, но занимали все же подчиненное положение по отношению к целям национальной обороны. Иначе говоря, в трактовке ряда японских авторов экономические интересы Японии в Восточной Азии сводились прежде всего к необходимости обеспечения военных нужд страны стратегическим сырьем и топливом.

Идеологические доктрины буржуазных японских политологов, историков, государственных деятелей, юристов и философов того времени были призваны оправдать и обосновать внутренние процессы фашизации и милитаризации страны и внешние захваты и отторжения чужих земель и территорий. Эти идеи были проникнуты духом панasiatизма и ультраимпериализма. Но в зависимости от того, на кого направлялось острее идеологической пропаганды, концепции апологетов японского экспансионизма либо излагались в виде постулатов восточной морали, либо принимали форму политических доктрин по аналогии с буржуазно-демократическими государствами Западной Европы и США. Апеллируя к азиатским народам, японские авторы ссылались на учения древних мудрецов и мыслителей нового времени Индии и Китая. Обращаясь к правительствам и общественному мнению США и Европы, они пытались проводить параллели между американской политикой изоляционизма, с одной стороны, и борьбой за создание так называемой «Великой Восточноазиатской сферы процветания» — с другой.

Одной из первых доктрин, определяющих структуру отношений Японии с континентальной Азией, была выдвинутая в 30-х годах теория «Восточноазиатской федерации» (Тоа рэммэй). Ее авторами являлись полковник Кандзи Исивара и один из высших чиновников концерна ЮМЖД Масаёси Миядзаки. Книга Миядзаки «Теория Восточноазиатской федерации» вышла в свет в 1936 г., когда в агрессивной стратегии правящих кругов Японии официально господствовало еще континентальное направление. Япония, Китай и Маньчжурия (Маньчжоу-го) рассматривались как единое целое, как оплот сосредоточения японских интересов в азиатском регионе.

Идеологически обосновывая эту ортодоксальную военную доктрину, Миядзаки утверждал, что центром развития Востока становится Япония и необходимо создать Восточноазиатскую федерацию, в которую на первом этапе войдут Япония, Маньчжурия и Китай. Цель подобного объединения, в котором будет утвержден «новый порядок», заключа-

⁷ К. Исии. Дипломатические комментарии. Пер. с англ. М., 1942, с. 102.

⁸ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1, с. 105—106.

лась, по мнению Миядзаки, в том, чтобы добиться «разрешения китайско-японского инцидента», то есть полного подчинения Китая, и «обеспечить подготовку к мобилизации для тотальной войны»⁹. Автор имел в виду в первую очередь агрессию против СССР, на которой настаивали японские милитаристы, рассматривая Советский Союз в качестве одной из главных сил, препятствующих экспансии Японии на Азиатском материке.

Вместе с тем Миядзаки считал, что федерация явится оптимальным средством для ликвидации западной империалистической структуры в азиатских странах¹⁰. Оценивая взгляды Миядзаки, американский профессор Дж. Лебра писал: «Главным доводом в пользу федерации было то, что Японии в конце концов придется иметь дело с одной или более западными империалистическими державами, а также и с Советским Союзом. Поэтому Япония должна избегать затяжной войны с Китаем и стремиться создать Федеративный союз с Китаем и Маньчжоу-го. Это была единственная возможность изгнать западный империализм из Восточной Азии»¹¹.

Позиция Миядзаки была типичной для ультраправых идеологов японской буржуазии и находила отражение в декларациях многих политических деятелей Японии того времени. В частности, Общество Восточноазиатской федерации, которое Миядзаки и Исивара организовали в 1939 г. для воплощения своей концепции в жизнь, получило определенную поддержку со стороны премьера А. Коноэ. Однако Тодзио и военная верхушка предпочитали действовать быстрее и откровеннее, абсолютизируя военный метод установления господства. Они не видели необходимости в конкретизации иных форм и способов осуществления экспансии и отнеслись отрицательно к самой постановке вопроса о формировании федерации¹².

В своей работе Миядзаки уделяет большое внимание теоретическому обоснованию необходимости укрепления военной мощи Японии. По его мнению, для того чтобы Япония полностью справилась с задачами лидера и центра консолидации Востока, она прежде всего должна обладать достаточной военной мощью. Миядзаки объясняет зависимость Китая от Западной Европы и США, а также усиление антияпонских настроений в китайском народе исключительно тем, что у Японии «не хватает сил изгнать Европу и Америку из Азии»¹³. Обыгрывая идею об относительной слабости Японии по сравнению с ее потенциальными противниками, автор видит единственный путь укрепления экономики и армии, а также стабилизации политической жизни страны в установлении фашистской диктатуры. Он откровенно выражает настроения военно-фашистских кругов, заявляя, что в Японии «давления военных недостаточно для сдерживания либеральных партий; либералы часто переходят в контратаки, что ведет к расколу общественного мнения. Вместе со вспышкой инцидента (имеется в виду агрессия в Маньчжурии. — Е. Щ.) прозвучал похоронный звон по устаревшему либерализму», — заключает Миядзаки¹⁴.

Вплоть до начала войны на Тихом океане правящим кругам Японии приходилось в большей или меньшей степени считаться с угрозой обострения отношений и разрыва торговых связей со странами Западной Европы и США в результате развертывания агрессии в Китае. Распространение влияния Японии на территорию Южного и Централь-

⁹ In Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere in World War II. Selected Readings and Documents. Ed. by J. C. Lebra. Kuala-Lumpur, 1975. p. 4.

¹⁰ Ibid., p. 6.

¹¹ Ibid., p. 3.

¹² Ibid.

¹³ Ibid., p. 5.

¹⁴ Ibid.

ного Китая и заявление премьера Коноэ от 3 ноября 1938 г. о введении «нового порядка» в Восточной Азии вызвали резкую реакцию со стороны США, которые потребовали соответствующих разъяснений и сохранения в силе «договора девяти держав». В Токио не могли забыть о том, что военные потребности страны более чем наполовину покрываются за счет импорта из других империалистических стран или находящихся под их контролем районов, и прежде всего из Соединенных Штатов. «А поэтому, — писал Рихард Зорге, — кажется, существует намерение применить новую японскую политику в Китае по отношению к Соединенным Штатам эластичнее, чем по отношению к Англии и Франции»¹⁵.

Одним из проявлений подобной «эластичности» явились попытки правящих кругов Японии оправдать свою восточноазиатскую политику участвовавшими ссылками на доктрину американского экспансионизма, выдвинутую президентом Монро в послании конгрессу от 2 декабря 1823 г.¹⁶ Доктрина Монро, основной целью которой являлось устранение всяких препятствий для территориальных захватов США на Американском континенте со стороны европейских держав, по своему духу и направленности полностью отвечала политической стратегии Японии в отношении Восточной Азии.

Один из теоретиков японского варианта доктрины Монро, известный специалист в области истории дипломатии профессор Токийского императорского университета Хикомацу Камикава, выявляя сходные черты во внешнеполитической деятельности обеих стран, пытался использовать аналогию как метод доказательства, чтобы убедить соответствующие слои американского общества в правомочности действий японского империализма в Восточной Азии. Он писал, в частности, в своей статье «Американская и японская доктрины Монро»: «В современной политике Японии в Восточной Азии и американском континентализме много общего. По сути дела, континентальная политика Японии, начиная с маньчжурского инцидента, может быть названа японской доктриной Монро или Восточноазиатской доктриной Монро. Однако, — возмущается автор, — немало западных авторов осуждают японскую доктрину, оправдывая в то же время ее американский прототип»¹⁷.

Пытаясь теоретически обосновать и оправдать политику Японии в Восточной Азии, Х. Камикава намеренно выбирает из доктрины Монро лишь те ее положения, которые могли бы, по его мнению, в позитивном плане объяснить намерения Японии, но при этом стремится отмежеваться от сути этой концепции — ее экспансионизма. Он произвольно выделяет в американском варианте доктрины два фактора: политический и экономический, подразумевая под политическим борьбу против влияния западноевропейских стран на Американском континенте, а под экономическим — собственно экспансионистскую политику США в Латинской Америке¹⁸. Профессор Камикава утверждает, что японская доктрина Монро, следуя исключительно политическому принципу своего оригинала, также включает в себя борьбу против интервенции и колонизации, имея в виду противодействие Японии западному колониализму на Азиатском континенте. «...Если западные державы или США, — пишет Камикава, — осуществят интервенцию и расширят свое политическое влияние на весь регион, то подобные акции должны быть расценены как нарушение мира и порядка в Восточной Азии, которым Япония как региональный опекун мира в этом районе должна решительно противодействовать»¹⁹. Что же касается так назы-

¹⁵ Р. Зорге. Статьи, корреспонденции, рецензии. М., 1971, с. 199.

¹⁶ См. подробнее: Новая история, ч. 1. М., 1978, с. 547—549.

¹⁷ "Contemporary Japan", August 1939, p. 10.

¹⁸ Ibid., p. 11.

¹⁹ Ibid.

ваемого «экономического принципа» американской доктрины, то есть ее экспансионизма, то, по утверждению Камикава, японский вариант доктрины Монро «никогда не взывал к территориальной экспансии, как в случае с американским оригиналом». «Япония не имеет ни малейших территориальных амбиций, — заявляет он. — Эта позиция достаточно разъяснялась в различных публичных заявлениях японского правительства с момента японо-китайских военных действий»²⁰. Автор признает, правда, что Маньчжоу-го была образована с японской помощью, но при этом усиленно подчеркивает, что «это независимая страна, не имеющая отношения к территории собственно Японии»²¹. Профессор Камикава пытается оправдать положениями доктрины Монро и такой шаг японского империализма, как выход из Лиги Наций в знак протеста против принятой 24 февраля 1933 г. резолюции, объявлявшей незаконным захват Маньчжурии. Указывая, что Япония придерживается принципа политической изоляции, завещанного Соединенным Штатам президентом Дж. Вашингтоном и включенного впоследствии в доктрину Монро, Камикава выдвигает его в обоснование выхода Японии из Лиги Наций. «Что касается принципа изоляции, включенного в доктрину Монро, — пишет он, — то Япония также стремится как можно строже придерживаться аналогичного принципа. Она не только вышла из Лиги Наций, но ограничила также свои контакты с европейскими странами лишь теми сферами, которые не имеют отношения к политике»²².

Практическая деятельность японской военщины и дзайбацу далеко выходила, разумеется, за весьма обтекаемые рамки теоретических концепций Камикава. Усиление процессов фашизации внутри страны, подписание «антикоминтерновского пакта», вооруженные провокации на монгольской и советской границах свидетельствовали об откровенно агрессивных намерениях японского империализма, о стремлении Японии к военному союзу с фашистскими режимами в Западной Европе, о подготовке к большой войне.

В этих условиях теоретические построения Камикава призваны были убедить империалистические государства, и в первую очередь США, что Япония не имеет намерения вмешиваться в дела других континентов. «Япония, — пишет Камикава, — ограничивает свою деятельность рамками Восточной Азии, не предпринимая активных попыток вмешиваться в европейские или американские дела»²³. Камикава считал возможным добиться от США и других империалистических стран понимания и сочувствия политике Японии в Восточной Азии. Идентифицируя действия Японии в этом регионе и доктрину Монро, он рассчитывал на то, что сможет убедить «думающих людей в США, которые воспринимают свою доктрину Монро как нечто само собой разумеющееся, признать с позиций равноправия справедливость японского варианта для Восточной Азии»²⁴. Возможно, у него, как и у правящих кругов Японии, были основания полагаться на то, что США были заинтересованы не столько в укреплении своих позиций в Китае, сколько в предотвращении угрозы войны с Японией. Во всяком случае, именно так оценивали американскую политику на Дальнем Востоке в тот период многие американские ученые-историкки²⁵.

Однако объективный процесс нарастания и обострения империалистических противоречий с неумолимостью столкнул оба государства в войне, о которой с гениальной прозорливостью писал в свое время

²⁰ «Contemporary Japan», August 1939, p. 12.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 4, с. 122.

В. И. Ленин, предупреждая, что она «будет такой же империалистической войной, как была война английской группы с германской в 1914 году...»²⁶, что «...она подготовлена десятилетиями, она не случайна... японский капитализм и американский одинаково разбойны»²⁷.

В бурные годы, предшествовавшие началу войны на Тихом океане, японские идеологи сконцентрировали усилия на обосновании необходимости формирования обширной сферы процветания под эгидой Японии. Тэйдзи Ябэ, активный член «мозгового треста» премьера Ф. Коноэ, в меморандуме, подготовленном в 1940 г. для министерства военно-морского флота, настойчиво ратовал, например, за формирование «Восточноазиатской сферы процветания», под которой он понимал создание обширной автономной зоны обеспечения безопасности Японии и снабжения ее необходимыми материальными ресурсами. «Одной из неотъемлемых частей обороны империи и ее национальной структуры является установление сферы автономной обороны или экономической сферы, охватывающей Великую Восточную Азию»²⁸, — писал Ябэ. Он доказывал, что в эту сферу должны быть включены «Северный Сахалин и Курилы на севере, Восточная Сибирь, Маньчжурия, Внутренняя и Внешняя Монголия, Китай и Тибет на западе, Голландская Индия на юге и океан до Гавайских островов на востоке»²⁹. Иначе говоря, Ябэ подчеркивал настоятельную необходимость отторжения территорий других государств для обеспечения безопасности Японии.

Т. Ябэ полагал, что приоритет в присоединении указанных районов к «сфере процветания» должен быть определен в соответствии с реальной обстановкой, и относил решение так называемой проблемы Северного Сахалина и Южных провинций (стран Южных морей) к отдаленному будущему. Однако он не исключал возможности осуществления экспансии в обоих направлениях — на север и на юг, не обуславливая при этом реализацию одного варианта отказом от другого. Ябэ подчеркивал, что «необходимо полностью изучить будущие задачи империи и определить, должна ли она включать в себя страны континента, государства Южных морей или те и другие вместе»³⁰.

В своем меморандуме Ябэ уделяет большое внимание укреплению военной мощи Японии, строительству и переоснащению баз в соответствии с задачами многоплановой агрессии. «Императорская армия, — пишет он, — должна нести свою исконную ответственность. Необходимо укрепить военные базы, которые обеспечивают сухопутные и морские операции на всей территории Великой Восточной Азии. Особенно важно обеспечить контроль в воздухе и подготовить вооружение, пригодное для военных действий в различных районах»³¹. Конкретизируя задачи японской дипломатии в ходе подготовки к большой войне, Ябэ особо ориентирует ее на всестороннее использование преимуществ давления Германии на Советский Союз. Он считает, что не следует преждевременно афишировать претензии Японии в отношении Северного Сахалина, но необходимо ускорить строительство военных баз в Китае, «эффективных и обеспечивающих задачи конфронтации с Советским Союзом»³².

Определяя экономические интересы Японии в «Восточноазиатской сфере процветания», Ябэ исходит в первую очередь из военно-стратегических задач. Он считает, что поставки в Японию сырья, топлива и стратегических материалов из районов, находящихся под управлени-

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 99.

²⁷ Там же, т. 32, с. 284.

²⁸ Cit. in: Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere..., p. 31.

²⁹ Ibid., p. 31—32.

³⁰ Ibid., p. 33.

³¹ Ibid., p. 32.

³² Ibid., p. 33.

ем или влиянием Великобритании и США, ставят оборону Японии в зависимость от этих государств и ограничивают ее потенциальные возможности. Поэтому одну из главных задач «Восточноазиатской сферы процветания» он видит в так называемом освобождении национальной обороны от давления со стороны европейских стран и США и обеспечении ее потребностей за счет внутренних резервов империи (включая Маньчжоу-го и Китай) и расширения торгово-экономических связей с включенными в эту сферу странами Юго-Восточной Азии, а также с Германией и Италией³³.

Таким образом, экономический фактор в трактовке Ябэ приобретает подчиненный характер по отношению к военно-политическому. В этой концепции нашли отчетливое отражение превалирующее влияние военщины в государственном аппарате, ее относительная самостоятельность и стремление играть ведущую роль в сложных отношениях с монополистическим капиталом.

Теоретические концепции были призваны подвести идеологическую базу под официально принятый в 1940 г. курс на создание «Великой Восточноазиатской сферы процветания», то есть на экспансию Японии в Юго-Восточную Азию. Ортодоксальная военная доктрина, ставившая во главу угла утверждение Японии на Азиатском континенте путем захвата в первую очередь Китая, претерпела серьезные изменения. Японский империализм стал на путь новой грандиозной авантюры. Но политика агрессии, нацеленная на порабощение народов, всегда кончается крахом. Освободительная борьба народов, разгром японского милитаризма Советской Армией привели к сокрушительному провалу и этой авантюры японской военщины.

Оценивая позиции японских военных и промышленников, которые получили свое теоретическое обобщение, в частности, в работах Ябэ, американский политолог В. Магистретти отмечал, что, «хотя продвижение Японии на юг, без сомнения, вызвано необходимостью компенсировать незначительные успехи в Китае и использовать преимущества войны в Европе, тем не менее оно происходит также из старой и прочно установившейся традиции. Традиция эта заключается в том, что Япония имеет два главных направления экспансии: одно — на Азиатском континенте, в Китае и Сибири, и другое — на юге Тихого океана за счет колониальных империй и интересов Великобритании, Америки, Франции и Голландии. Эти два направления, — подчеркивал Магистретти, — не обязательно являться альтернативой, они не исключают друг друга, могут осуществляться одновременно»³⁴.

Трудно с достаточной степенью достоверности определить, насколько веские основания были у американского публициста заявлять о существовании традиции южного направления японской экспансии. Ссылки на японских авторов, которые он приводит, свидетельствуют лишь об исключительно важном значении, придаваемом в те годы странам Южных морей как источнику стратегических материалов, необходимых для ведения войны в Китае, и ресурсов для обеспечения японской экономики в целом. Более существенным, вероятно, является то, что южное направление японской экспансии, утвердившись в официальной политике начала 40-х годов, сохранило и приумножило свою актуальность в послевоенные годы. В других условиях и на качественно новом уровне Юго-Восточная Азия продолжает оставаться одним из главных направлений экспансии Японии, превратившись в традиционную сферу деятельности японского империализма.

По мере затягивания войны в Китае в работах идеологов японского экспансионизма все больше внимания уделяется разработке различных

³³ In: *Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere...*, p. 35.

³⁴ "Pacific Affairs", July 1941, p. 67.

предложений, направленных на скорейшее разрешение китайского вопроса, то есть на достижение целей японского империализма с минимальной затратой сил и средств.

Один из старейших японских политологов профессор Масамити Рояма, сторонник и советник премьера А. Коноэ, доказывал в своей книге «Восточная Азия и мир», вышедшей в 1941 г., что путь к скорейшему урегулированию японо-китайских противоречий лежит в установлении «нового порядка» в Восточной Азии. Под «новым порядком» Рояма подразумевал объединение Японии, Маньчжоу-го и Китая, основанное на принципах «кооперации и сотрудничества». При этом Рояма особо подчеркивал, что функции «обеспечения самообороны» явятся необходимым атрибутом планируемого сообщества³⁵. В обоснование своей теории профессор Рояма утверждал, что поскольку Япония якобы никогда не предполагала завоевать Китай и никогда не верила, что может это сделать, а Китай со своей стороны не в состоянии самостоятельно противостоять Японии, то единственным средством обеспечения стабильности на Дальнем Востоке является установление «нового порядка», отвечающего интересам обеих сторон³⁶. В этом утверждении М. Рояма интересно то, что он откровенно признает невозможность для Японии вооруженным путем подчинить Китай и видит в создании сообщества в Восточной Азии единственно приемлемый для японского империализма выход.

С начала войны на Тихом океане теоретики японского экспансионизма на передний план стали выдвигать обоснование «освободительной миссии» японского империализма в Азии, призванное замаскировать истинные цели агрессии и подвести идеологическую базу под оккупационную политику Японии. Известный экономист и публицист Камэкичи Такахаси в своих работах, опубликованных в 1942—1945 гг., особое внимание уделял, например, противопоставлению политики Японии в Восточной Азии колониализму США и стран Западной Европы. Он утверждал, что, оккупируя страны Азии, Япония ликвидирует свою экономическую зависимость от США и Британии и в то же время несет освобождение восточноазиатским народам. Он писал: «Япония должна была мириться с давлением Британии и США, осуществляемым в виде экономической блокады, вплоть до того времени, пока не вспыхнула Тихоокеанская война. До этого момента Восточная Азия не была полностью независимым сообществом ни в политическом, ни в экономическом плане, фактически она подчинялась Британии, США и их союзникам. Теперь, когда Восточная Азия вернула себе политическую и экономическую независимость, очевидно, что Япония должна попытаться сделать все возможное, чтобы укрепить эту независимость путем установления сферы совместного процветания, охватывающей народы Великой Восточной Азии»³⁷.

Пытаясь доказывать, что народы стран Восточной Азии обретут «независимость и свободу» под эгидой Японии, Такахаси, однако, тут же подчеркивает, развивая концепции, выдвинутые в работах Тэйдзи Ябэ, что при всех условиях приоритет должен быть предоставлен задачам «обеспечения национальной обороны», поэтому сохранение самостоятельности маленьких государств, от природных ресурсов которых зависят великие державы, допустимо лишь до тех пор, пока нет какой-либо угрозы вмешательства извне и нанесения ущерба «национальной обороне» зависимой от поставок сырья великой державы, то есть Японии.

Такахаси выступал также как один из самых активных идеологов концепции раздела мира на сферы влияния, в каждой из которых

³⁵ См.: М. Р о я м а. Тоа то сэкай (Восточная Азия и мир). Токио, 1941, с. 14.

³⁶ См. там же, с. 15.

³⁷ "The Japan Times and Advertiser", November 2, 1942.

должен быть установлен «новый порядок». Он писал, что, помимо Великой Восточной Азии, «белый мир, вероятно, тоже будет иметь сферы совместного процветания» в Европе и в западном полушарии. «Но суть состоит в том, что каждая из этих сфер будет отличаться по своему характеру в соответствии с расовыми, географическими, культурными, экономическими и стратегическими особенностями. Комбинация этих различных сфер приведет к формированию нового международного порядка»³⁸. Бредовые идеи организации всемирного «нового порядка» под эгидой Германии, Италии и Японии, развивавшиеся в работах К. Такахаси и других идеологов военно-фашистского режима, широко использовались правящей верхушкой для обоснования политики агрессии и порабощения народов оккупированных стран.

Теоретики японского экспансионизма придавали большое значение вопросу идеологической обработки населения азиатских стран с целью привлечь их на сторону Японии в борьбе с европейским колониализмом. Они пытались отмежеваться от империалистической политики, отнести ее исключительно на счет Западной Европы и США, затушевать ее экспансионистскую сущность и обелить собственные агрессивные действия, представив их как борьбу за свободу и независимость стран Востока.

Ратуя за создание Федерации стран Восточной Азии под эгидой Японии, Масаяси Миядзаки обрушивался с резкой критикой на империалистическую политику США и стран Западной Европы и демагогически уверял, что федерация «полностью откажется от следования колониальной политике западноевропейского империализма и освободит Восточную Азию». Он подчеркивал необходимость широкой идеологической обработки населения оккупированных стран, чтобы обеспечить поддержку японской политики. «Не будет преувеличением сказать, — писал Миядзаки, — что ключ к успеху Восточноазиатской федерации лежит в организации единых выступлений народных масс»³⁹. Автор имел в виду спровоцированное Японией движение в Маньчжурии за отделение от Китая и считал целесообразной деятельность прояпонских «общественных» организаций, проявивших активность в этом плане.

Эту же систему аргументов развивал в своих работах профессор Камикава, доказывая, что Япония стремится к созданию экономического блока, который будет лишен какой-либо империалистической окраски и будет в равной степени отвечать интересам и Японии, и других его участников. «В экономической сфере, — писал Камикава, — японская доктрина Монро может быть определена как восточноазиатский континентализм, который представляет собой движение, основанное на географической, расовой, культурной и экономической солидарности стран Восточной Азии... Япония находится в стадии индустриального развития, в то время как другие страны региона все еще пребывают на ступени аграрной экономики, в связи с чем они дополняют друг друга, устанавливая отношения взаимной помощи»⁴⁰.

Инцидентальная природа и эксплуататорский характер капитализма объективно исключают возможность равноправных отношений между государствами с различными уровнями экономического развития. Японские дзайбацу за короткий срок оккупации азиатских стран значительно превзошли европейские метрополии в степени эксплуатации местного населения и грабежа захваченных территорий. Тем не менее Камикава пытается доказывать, что «нет совершенно никаких оснований называть японскую доктрину Монро доктриной империализма»⁴¹.

³⁸ "The Japan Times and Advertiser", November 2, 1942.

³⁹ Cit. in: Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere..., p. 5.

⁴⁰ "Contemporary Japan", August 1939, p. 12.

⁴¹ Ibid.

Решительно отрицал империалистическую сущность идеи создания «Восточноазиатской сферы процветания» и такой видный пропагандист агрессивной политики Японии, как Тэйдзи Ябэ. Он утверждал, что «учреждение автономной сферы Великой Восточной Азии настоятельно требует формирования экономической общности. Этот экономический союз не должен носить империалистический, эксплуататорский характер, он будет строиться на основах сосуществования и процветания в соответствии со всемирным новым порядком»⁴².

М. Миядзакэ идет еще дальше. Корея, которую, по образному выражению В. И. Ленина, Япония «грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»⁴³, изображается в книге Миядзакэ благоденствующей под эгидой Японии. К «успехам» континентальной политики Японии Миядзакэ относит создание так называемого «гармоничного союза» между корейским и японским народами⁴⁴.

Миядзакэ стремится также убедить азиатскую общественность в благородстве целей Японии, сражающейся в Китае, по его словам, исключительно против западноевропейского ига. «Мы чувствуем, — подчеркивает автор, — что западный империализм пытается любым путем взять реванш. Западные форпосты в Восточной Азии являются врагом нашего движения за федерацию, они осуществляют политику мирового доминирования белой расы, установившегося на протяжении прошлого столетия. Формально мы боремся против Чан Кайши, его армии в Китае, — пишет Миядзакэ, — но на самом деле мы сражаемся против британского и французского империализма..., который умело использует в своих интересах народное движение в Китае»⁴⁵. Позиция Миядзакэ полностью соответствовала официальной линии Токно. «Япония то и дело подчеркивает, — писал в газете «Франкфуртер цайтунг» Р. Зорге, — что она воюет в Китае не ради покорения китайского народа и завоевания китайской области. Целью должна быть готовность страны к сотрудничеству в осуществлении азиатской миссии Японии...»⁴⁶

Одним из поборников «нового порядка» в Азии был юрист по образованию, фашист по убеждениям, участник многих ультранационалистических организаций Сюмэй Окава. Он окончил философский факультет Токийского императорского университета, занимал посты директора исследовательского бюро ЮМЖД и члена правления ЮМЖД. Основатель ультранационалистической организации «Дзиммукай», Сюмэй Окава принимал самое активное участие в движении молодого офицерства и был одним из организаторов заговоров против негодных фашистам так называемых «либеральных» бюрократов, политиков и финансистов. Проповедуемые Окава идеи паназиятизма и национализма пользовались большой популярностью среди фашиствующего офицерства. В своей книге «Формирование нового порядка в Великой Восточной Азии», опубликованной в 1943 г., он пытался подвести идеиную основу под процесс формирования «Великой Восточноазиатской сферы процветания» во главе с Японией. Существенное внимание в этой работе Сюмэй Окава уделяет выявлению азиатской специфики, которая, по его мнению, должна быть присуща большинству народов Востока в отличие от европейских стран. Он поднимает на щит историю Азии с ее героями древности, мифы, древнюю философию и культуру, противопоставляя «тысячелетнее величие Востока» несравненно менее значимому, по его мнению, Западу.

⁴² Cit. in: Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere..., p. 43.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 61.

⁴⁴ Cit. in: Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere..., p. 6.

⁴⁵ Ibid., p. 7.

⁴⁶ Р. Зорге. Статьи, корреспонденции, рецензии, с. 143.

Окава утверждает, что основой азиатского единства является особый «восточный дух». «Большая часть Востока, — пишет Окава, — поработана современной Европой, его культура деградировала, его дух унижен, непосредственность и самобытность древности утрачена. Но мы не можем отрицать восточный дух из-за этого»⁴⁷. Исходя из этой предпосылки, он делает вывод, что те, кто не признает существование «восточного духа», «относятся с пренебрежением сами к себе, они не в состоянии понять сосредоточенную в них самих наиболее жизненную сущность Азии»⁴⁸.

Рассуждения о «восточном духе» нужны автору в первую очередь для того, чтобы попытаться обосновать особую миссию Японии в азиатском регионе. Оценивая заслуги Индии и Китая в формировании культуры, в развитии философии и науки на древнем Востоке, он подчеркивает роль Японии как преемника этих двух центров азиатского величия. «Нет необходимости повторять, что Япония многое взяла у Китая и Индии, — пишет Окава, — мысль и культура двух наций, которые были великими центрами Востока, объединились, слились в нашем духе»⁴⁹. Далее автор делает вывод, что так как Япония абсорбировала достижения тысячелетних цивилизаций, определявших суть азиатского образа жизни и мышления в отличие от европейского, то, следовательно, восточный дух есть не что иное, как японский дух. «Поскольку мы, — пишет Окава, — впитывали в себя Китай и Индию на протяжении тысячи лет существования, то японский дух может быть понимаем только как дух Востока»⁵⁰. Таким образом, автор наряду с понятием «восточный дух» вводит термин «японский дух» и ставит между ними знак равенства. Опираясь на провозглашенное им единство восточного и японского духа, Окава пытается обосновать военные действия Японии на Азиатском континенте как направленные на возрождение Востока и доказать необходимость подчинения азиатских народов «естественному лидеру» — Японии.

Пропаганда «японского духа» была очень популярна в Японии в период фашизации страны. Прогрессивный японский философ-материалист Ёсиногэ Кодзани подчеркивал, что «японский дух «периода Сёва» как по форме, так и по содержанию был лозунгом авантюристической войны, которую вело агрессивное империалистическое государство»⁵¹. Это определение объективно отражает суть доктрин, развиваемых Окава.

В работах идеологов японского экспансионизма разрабатывались и пропагандировались всевозможные модели и типы сообществ в азиатском регионе от Восточноазиатской федерации до Великой Восточноазиатской сферы процветания. Каждый из авторов превозносил свои принципы создания планируемой организации, но все они преследовали общую цель — установление гегемонии Японии в Азии. Профессор Масамити Рояма, например, исходил из теории регионализма. Он считал, что «новый порядок» в Восточной Азии — это одна из форм международной региональной организации, внутри которой взаимоотношения стран-участниц строятся на основах сотрудничества и сосуществования. Они должны быть более тесными, чем связи между отдельными штатами в составе единого государства. Профессор Рояма особо подчеркивал, что «в условиях «нового порядка» суверенитет, независимость и свобода должны уважаться в полном смысле слова»⁵².

⁴⁷ С. Окава. Дай Тоа тиндзё кэнсэцу (Формирование нового порядка в Восточной Азии). Токио, 1943, с. 39.

⁴⁸ Там же, с. 40.

⁴⁹ Там же, с. 39.

⁵⁰ Там же, с. 40.

⁵¹ Ё. Кодзани. Современная философия. Заметки о духе Ямато. М., 1970, с. 124.

⁵² М. Рояма. Тоа то сэкай, с. 16.

Подобные утверждения, естественно, носили чисто пропагандистский характер. Они абсолютно не конкретизировались, а главное — автор был не в состоянии указать гарантии практического внедрения декларируемых принципов в жизнь.

Еще более фальшивы аналогичные высказывания Масаёси Миядзаки. Он пытался доказывать возможность добровольного вступления азиатских стран в федерацию под руководством Японии и обещал предоставить им право свободного выхода из этой организации в случае несовпадения с японской политикой. Но параллельно он требовал распространить опыт отношений Японии с Маньчжоу-го на весь Китай и считал необходимым вести переговоры с китайским правительством только на основе военной оккупации⁵³. Под «опытом отношений с Маньчжоу-го» подразумевалось создание прояпонского марионеточного режима, который предлагалось установить на всей территории Китая. Заверения Миядзаки относительно гарантий определенных свобод в рамках федерации вступали также в явное противоречие с его фашистской идеологией и категорическим отрицанием всех постулатов буржуазного либерализма. «Западные идеи свободы, равенства, демократии, — писал Миядзаки, — базируются на концепциях расовой и классовой дифференциации. Поэтому «новая структура» в Восточной Азии заменит западные концепции свободы восточными концепциями морали»⁵⁴.

Более конкретно и откровенно о системе взаимоотношений стран в рамках «сферы процветания» писал К. Такахаси. В отличие от Рояма и Миядзаки он значительно шире трактовал географические рамки сообщества, включая в него, помимо Китая и Маньчжоу-го, страны Южных морей. Такахаси подчеркивал, что все эти государства дифференцируются по уровню развития экономики, культуры, по численности населения и т. д., поэтому к каждой из них нужен особый подход. Но при этом он указывал на необходимость жесткого контроля со стороны лидера — Японии и строгого распределения функций управления торговыми и дипломатическими отношениями данных государств, их экономикой, финансами и т. д. с условием, разумеется, что значительную часть этих функций возьмет на себя Япония. Такахаси откровенно признавал, что «сфера процветания» жизненно важна для Японии, что само существование Японии зависит от добрососедских отношений с государствами Восточной Азии. Однако реальной гарантией подобных отношений, по его мнению, могли бы быть только гегемония и стабильное господство Японии в данном регионе. Исходя из этих соображений, он, как и Окава, настаивал на полной ликвидации всех проявлений западного влияния в странах Востока. «В той степени, в какой это касается Великой Восточной Азии, — писал Такахаси, — крайне необходимо, чтобы западный образ мышления был изгнан и был восстановлен азиатский дух в его исконной форме»⁵⁵. Аналогичной позиции придерживался и Тэйдзи Ябэ. «Автономная сфера Великой Восточной Азии исключает неазиатские, вторгшиеся извне державы и будет избегать зависимости от Европы и Америки»⁵⁶, — отмечал Ябэ.

Придавая жизненно важное значение восточноазиатским странам с военно-стратегической точки зрения и с позиции обеспечения нужд экономики Японии, идеологи японского экспансионизма пытались убедить правительство и военные круги в необходимости проводить более гибкую политику на оккупированных территориях. Они считали, что истинные цели Японии должны быть тщательно завуалированы, что нужно использовать националистические чувства местного населения, стремящегося сбросить иго «белого колониализма», терпеливо создавать ор-

⁵³ In: Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere..., p. 5.

⁵⁴ Ibid., p. 7.

⁵⁵ "The Japan Times and Advertiser", November 2, 1942.

⁵⁶ Cit. in: Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere..., p. 32.

ганизации и группы, проявляющие готовность сотрудничать с японскими оккупационными властями. Однако конкретная разработка принципов административного управления не успевала за темпами военных захватов. Японская военщина не всегда считала нужным считаться с рекомендациями идеологов экспансионизма, полагаясь в первую очередь на методы насилия и террора. Всей гигантской пропагандистской машине Японии не удалось убедить народы оккупированных стран во взаимовыгодном характере «сферы сопроцветания».

Теперь это уже история. Но понимание настоящего во многом зависит от объема и уровня знаний о прошлом. «Всякое осмысление человеческой истории, — писал Н. И. Конрад, — по необходимости строится на том, что мы выводим из пережитого человечеством опыта и что на этой основе мы можем предвидеть в будущем»⁵⁷. Опыт прошлого свидетельствует о длительной борьбе японского империализма за создание сферы влияния в Восточной Азии, о перманентном экспансионизме, о том, что японский фашизм и милитаризм явились источником напряженности и развязывания войны на Дальнем Востоке. Опыт прошлого раскрывает империалистическую сущность идеи создания «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания», широко пропагандировавшейся и осуществлявшейся в 30—40-х годах, и заставляет задуматься над идеей создания пресловутого «Тихоокеанского сообщества». Опыт прошлого обращает современников к истокам агрессивности японского империализма, опиравшегося долгие годы на «монополию военной силы» на Дальнем Востоке и пытающегося в настоящее время использовать в аналогичных целях монополию экономической мощи.

⁵⁷ Н. И. Конрад. Избр. труды. История. М., 1974, с. 293.

Хань Суинь — апологет маоизма и китайского национализма

М. В. Коваль,

кандидат экономических наук

Хань Суинь (псевдоним Розали Чжоу) — весьма известная на Западе и в Китае личность. Она автор целого ряда объемистых книг и статей о Китае, написанных на протяжении 50—80-х годов.

Хань Суинь родилась в 1917 г. в Китае, в провинции Сычуань, ее отец, Чжоу Яньдун, — китаец, мать — бельгийка, но сама она считает себя истинной китайкой. Хань Суинь постоянно поддерживала связь с отцом в Пекине, вплоть до его смерти в 1958 г., и со своей многочисленной родней по линии отца — типичными представителями национальной китайской буржуазии (их занятия — торговля и банковское дело). В 1938 г. она вышла замуж за гоминьдановского офицера Тан Баохуаня, который стал потом генералом и был убит в 1945 г. своими же чанкайшистскими солдатами. Образование Хань Суинь получила в Яньцзиньском университете в Пекине и за границей (в Бельгии).

Хань Суинь, медик по образованию, долго жила в Гонконге, Сингапуре, Малайзии и других странах Юго-Восточной Азии, постоянно общалась с китайской эмиграцией, через своих родственников и других хуацяо установила широкие связи с учеными, писателями, политическими деятелями США, Англии, Франции, Индии, а также стран ЮВА.

Используя эти связи, в частности знакомство с английским политическим эмиссаром в Индии Малькольмом Макдональдом, она получила возможность общения с Дж. Неру, познакомилась с известным индийским дипломатом (бывшим послом Индии в Китае, СССР, США) Т. Н. Каулем и через него достала визу для поездки в Китай в 1956 г.¹

Впоследствии она неоднократно использовала в этих целях также свое старое знакомство с Гун Пэн — первой женой Цяо Гуаньхуа, тогдашнего министра иностранных дел КНР, близкого помощника Чжоу Эньлая.

Именно Гун Пэн устроила Хань Суинь ее первое интервью с Чжоу Эньлаем в 1956 г. и ввела ее в дом Чжоу Эньлая, где та бывала впоследствии неоднократно; Гун Пэн присылала ей приглашения на приемы, сессии ВСНП, другие политически важные заседания и мероприятия правительства Пекина. С помощью Гун Пэн Хань Суинь была приглашена к Сун Цинлинь, встречалась с Мао Дунем, Лао Шэ, Го Можо, с министром юстиции Ши Лян, с министром здравоохранения Ли Дэцюань, с председателем комиссии по делам зарубежных китайцев Хэ Сяньин, а также с Чэнь И, который уже тогда попытался прозондировать возможность использования Хань Суинь в качестве посредника для установления контактов с тайваньским руководством.

Круг знакомых Хань Суинь в 1956 г. включал американцев Ма Хай-

¹ Китайскую революцию Хань Суинь встретила в Гонконге и не сразу решилась ехать в Китай после образования КНР, по ее собственному выражению, она «ждала, пока в Китае уляжется пыль».

дэ — врача ливанского происхождения, проживавшего в Китае с 1936 г. (настоящее имя Джордж Хатем, его услугами врача и консультанта пользовался Мао Цзэдун в Яньани), журналистов А. Смедли, А.-Л. Стронг, Р. Алли, а также других иностранцев, длительное время находящихся в Китае. Проамериканские симпатии Хань Суинь уже тогда давали о себе знать, хотя она всюду навязчиво твердила о своей любви к Китаю. И впоследствии она неоднократно встречалась с Э. Сноу, Г. Солсбери (из «Нью-Йорк таймс») и другими деятелями.

Хань Суинь, постоянно работая как врач (у нее собственные клиники в Малайе, в Сингапуре), одновременно занимается писательским трудом. Берется за любую тему, связанную с Китаем, и с поразительной легкостью судит о сложных политических проблемах страны, о китайской революции, о жизни и взглядах политических деятелей Китая и стран Юго-Восточной Азии, попутно рассказывает сомнительные подробности собственной семейной жизни, свои любовные приключения.

Книги ее в целом не представляют научного интереса, это скорее бестселлеры, которым она дает броские заголовки: «Искалеченное дерево», «Ужасный цветок», «Юность гор», «Утренний ливень» и др.

Содержание ее книг сумбурно, противоречиво, личные эмоции автора все время довлеют над фактами истории, выводы и суждения проинкнуты откровенным антисоветизмом и промаонистским духом, особенно в «Лето без птиц», «Утренний ливень», «Китай в 2001 году», «Азия сегодня», «Ветер в башне».

Общая концепция всех работ Хань Суинь порочна в силу ее откровенного антикоммунистического настроения и сильных националистических чувств, пронизывающих каждый абзац, каждую фразу.

В этой связи понятный интерес вызвала новая объемистая книга Хань Суинь, опубликованная в Лондоне в 1980 г., — «В моем доме две двери. Китай. Автобиография. История»².

Эта работа, написанная уже после смерти Мао Цзэдуна, свержения и разоблачения «банды четырех», когда усилилась борьба в руководстве КНР, укрепились позиции Дэн Сяопина в политической жизни Китая, является внешне как бы отрицанием прежней концепции автора, изложенной в предыдущих работах.

Как образно выразился старый знакомый Хань Суинь по Гонконгу бельгийский китаевед Симон Лей (псевдоним Пьера Рикмана, специалиста по литературе и культуре Китая), концепция ее новой книги «напоминает те одежды, которые можно всегда вывернуть наизнанку и носить на обе стороны, в зависимости от настроения и погоды, то есть представляет своего рода «реверсивную модель», как это называется в торговле»³.

Действительно, если сравнить политические оценки и высказывания Хань Суинь в ее последней книге и в многочисленных трудах, опубликованных до смерти Мао Цзэдуна, то можно без тени сомнения заключить, что Хань Суинь, как гоголевская унтер-офицерская вдова, «сама себя высекла». И в этом плане символичен даже сам заголовок книги — «В моем доме две двери». Автор как бы сама подчеркивает отсутствие у нее какого-либо принципиального подхода к историческим событиям и фактам, говорит о возможности истолкования их и так и эдак, в зависимости от симпатий и антипатий автора и от ситуации. Другими словами, Хань Суинь просто умеет «держат нос по ветру», как говорит она сама, причем этот крайне сомнительный тезис выдается за писательское кредо.

Поэтому не удивительно, что если в работах до 1976 г. Суинь дает

² Han Suyin. My House Has Two Doors. China. Autobiography. History. London, 1980.

³ Simon Leys on Han Suyin. — "Far Eastern Economic Review", 1.1.1981.

положительные оценки «культурной революции», деятельности Цзян Цин, Линь Бяо, оправдывает бесконечное цитирование Мао Цзэдуна, поклонение ему, восхваляет действия хунвэйбинов, то в своей последней книге она тем же самым явлениям дает противоположные оценки. Это наглядно показал в упомянутой выше статье Симон Лей, процитировав и сравнив ряд мест из прежних работ и из новой книги Хань Суинь⁴.

Но дело здесь не только в потрясающей беспринципности Хань Суинь, хотя этот факт уже сам по себе характеризует скользкую позицию автора, но и в том, что беспринципность стала «второй натурой» Хань Суинь, она служит ей для оправдания ее прокитайского национализма. Она всегда лояльна к тем лицам, которые стоят у власти в Китае и определяют его политику, преследуя националистические цели. Так, в 30-е годы она была вполне лояльна к Чан Кайши, искренне восхищалась им, считая его «истинным патриотом», борцом за освобождение Китая; в 50—60-е и в начале 70-х годов она безудержно восхваляла Мао Цзэдуна и маоизм, заявляла, что он «олицетворял собой всю китайскую революцию», «воплотил в себе надежды, нужды, желания нации и всего народа», «не колеблясь, отдал всего себя делу революции, делу народа и стал его лидером, национальным героем»⁵.

Не затрудняя себя анализом фактов, не пытаясь исследовать события и доказать свои положения, Хань Суинь с легкостью необычайной просто искажает позицию Мао Цзэдуна на ранней стадии коммунистического движения в Китае, то объявляя его «вождем пролетариата», «верным ленинцем», «твердым сторонником» политики единого фронта в Китае, то заявляя, что его деятельность среди крестьян «предвосхитила решения VI пленума ЦК Коминтерна», а резолюция пленума якобы «как эхо отразила идеи и мысли Мао»⁶.

Попутно Хань Суинь порочит рекомендации Коминтерна по китайскому вопросу, деятельность работников Коминтерна в Китае, которые, как она пишет, «не разбирались в ситуации, не понимали событий».

С усердием ученого попугая Хань Суинь вслед за маоистами излагала их концепции китайской революции: вооруженной крестьянской борьбы, народной войны, окружения города деревней, создания сельских баз и т. д. И разумеется, она приветствовала маоистский «большой скачок», «народные коммуны» в конце 50-х годов, а позднее и «культурную революцию», утверждая, что это «единственный путь к тому, чтобы дать рабочему классу руководство, а массам — наибольшую демократию», путь «подготовки Китая... к строительству социалистической системы»⁷.

Что касается отдельных политических деятелей, то до 1966 г. она восхваляла Лю Шаоци, до 1971 г. — Линь Бяо, а до 1976 г. — Цзян Цин и всех ее помощников и хунвэйбинов; затем она отдала дань Хуа Гофэну. В последней же работе все симпатии Хань Суинь уже на стороне Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, а острие ее критики прямо направлено теперь против Цзян Цин, «банды четырех», Кан Шэна, Чэнь Бода и др.

Это, однако, не мешает Хань Суинь упорно пропагандировать важнейшие маоистские установки и доктрины, сохраненные новым пекинским руководством, и походя клеветать на Советский Союз и советских людей, бескорыстно помогавших в 50-е годы Китаю⁸. Таким образом, отрицая теперь многие факты и события или по-иному оценивая их, Хань Суинь

⁴ In: Simon Leys on Han Suyin, p. 32.

⁵ Han Suyin. The Morning Deluge. Mao Tsetung and the Chinese Revolution. 1893—1954. Boston — Toronto, 1972, p. 4.

⁶ Ibid., p. 92, 97, 108, 130.

⁷ In: Han Suyin. Asia Today. London, 1969, p. 71; Han Suyin. China in the Year 2001. London, 1967, p. 204.

⁸ In: Han Suyin. My House Has Two Doors, p. 156.

вовсе не отказывается от националистической концепции маонизма — концепции китайской исключительности, специфики китайского пути развития. Как она отмечает, говоря о своем пребывании в Китае в 1956 г., ей еще тогда казалось, что Китай изобретает «новый, свой собственный образец социализма», что кампания «ста цветов» означала отход Китая от коммунизма и что Чжоу Эньлай якобы пытался еще в 1956 г. «либерализовать Китай» в том плане, как это будто бы делалось в конце 70-х годов. Речь Чжоу Эньлая на сессии ВСНП в 1956 г. она истолковала как «отход от общепринятого тогда тезиса о строительстве социалистического государства»⁹.

Эта речь Чжоу Эньлая, которую Хань Суинь прямо увязывает с выступлением Мао Цзэдуна в апреле 1956 г. (опубликованным позднее, в 1977 г., под названием «О десяти важнейших взаимоотношениях»), закладывала, по ее мнению, «фундамент демократического Китая» с отказом «от советского ярма»¹⁰. А Чжоу Эньлай, который тогда принял Хань Суинь у себя дома в Чжуннанхае и беседовал с ней более трех часов о проблемах китайской революции, в основном сокрушался по поводу того, что «Запад нас не понимает»¹¹. То есть можно предполагать, что Чжоу Эньлай уже тогда стал направлять Хань Суинь на поиски путей для установления связей Китая с Западом.

Однако Хань Суинь в роли посредника терпит на первых порах ряд неудач. Хотя ей и удалось весной 1957 г. попасть в Индию и побеседовать с Неру, последний не принял ее посредничества и не захотел обсуждать с ней китайско-индийские отношения.

В сентябре 1957 г. Хань Суинь вновь направляется в Пекин, где в это время развертывается широкая кампания по разоблачению «правых элементов». Но, освещая теперь этот период, Хань Суинь явно лавирует, она не хочет осуждать Мао Цзэдуна за новую кампанию по избиению интеллигенции и партийных кадров, пытается все отрицательные моменты этой кампании свалить... на Советский Союз. «Сильное давление со стороны СССР», утверждает она, якобы заставило китайское руководство пойти на борьбу с «правыми», а СССР «все время был против весеннего ветра в Китае» (так она называет кампанию «ста цветов»)¹².

Подобные тенденциозные оценки китайско-советских отношений отнюдь не случайны и не единичны. Ими насыщена вся работа Хань Суинь. В то же время о печальных последствиях борьбы Мао с «правыми» она говорит крайне сдержанно и в качестве примера приводит лишь случай с Цяо Гуаньхуа, который тоже «был объявлен правым», но его тогда спас «лично Чжоу Эньлай»¹³. О других многочисленных жертвах репрессивной политики Мао (например, о Гао Гане, Жао Шуши и др.) Хань Суинь умалчивает. И это не случайно. Известно, что дэнсяопиновская группировка и в настоящее время противится реабилитации этих деятелей КПК, ибо как раз Дэн Сяопин был одним из организаторов травли Гао Гана в те годы и благодаря этому выдвинулся в политбюро и стал генеральным секретарем ЦК партии¹⁴.

В марте 1958 г. Хань Суинь посещает Пекин в связи со смертью отца¹⁵ и становится свидетельницей начала «большого скачка». Ныне, не

⁹ Han Suyin. My House Has Two Doors, p. 151, 163—165.

¹⁰ Ibid., p. 165—166.

¹¹ Ibid., p. 171.

¹² Ibid., p. 202.

¹³ Ibid., p. 204.

¹⁴ См.: О. Б. Борисов. XXVI съезд КПСС и некоторые проблемы исторических исследований по Китаю. — «ПДВ», 1981, № 3, с. 11.

¹⁵ Ее отца, пишет Хань Суинь, с почестями похоронили на кладбище Бабаошань, где хоронят революционеров и видных политических деятелей КНР, хотя он не был членом КПК. О его смерти было сообщено в «Жэньминь жибао». — См.: Han Suyin. My House Has Two Doors, p. 206—208.

успев полностью перестроиться, она занимает двойственную позицию: отмечая некоторые отрицательные стороны «большого скачка», оправдывает эту политику, говоря, что «скачок» достиг своей основной цели и даже «помог индустриальному развитию» Китая. Провалы и неудачи китайской экономики в годы «скачка» Хань Суинь пытается, как и большинство маоистских руководителей, объяснить стихийными бедствиями¹⁶.

Хань Суинь подчеркивает свою близость к официальным кругам китайского руководства, как бы афиширует попытки Пекина использовать ее для формирования общественного мнения о Китае за границей, и в первую очередь в Азиатском регионе. Она действительно была весьма удобной для этого фигурой — помимо личных знакомств со многими политическими деятелями, в частности в странах Южной и Юго-Восточной Азии¹⁷, она играла заметную роль в общественной жизни этих стран, была связана с различными кругами интеллигенции. Так, известно, что она состояла членом Малайского научно-исследовательского института социологии, принимала участие в создании в Сингапуре Наньянского (китайского) университета, который, по замыслу финансирующих его американских деятелей, должен был стать «бастионом против коммунизма»¹⁸. В 1959 г. она вела курс по современной литературе стран Азии в Наньянском университете, где до этого работала университетским врачом и была в курсе всей студенческой жизни.

Хань Суинь всегда проявляла также большой интерес к положению китайских эмигрантов в Индонезии, неоднократно высказывалась против дискриминационных мер Сукарно в отношении хуацяо. Ее можно считать типичным представителем «пятой колонны» Пекина в странах Юго-Восточной Азии. Фактически она и сама не скрывает этой своей роли.

Выдавая себя за специалиста-международника и опытного дипломата, Хань Суинь довольно беззастенчиво рекламирует также свою деятельность по «урегулированию» китайско-индийского пограничного конфликта. Она не скрывает, что занимала откровенно прокитайскую позицию в период обострения китайско-индийских отношений. Ее отношение к конфликту выявилось уже на конференции Китаеведов в Торонто в августе 1959 г., на которой Хань Суинь присутствовала в качестве неофициального лица, поэтому она, по ее словам, «не смогла противостоять обвинениям Китая в воинственности, агрессивности, жестокости и пр.»¹⁹. Без колебаний она оправдывает действия КНР по строительству дороги через Аксай Чин, утверждая, будто этот район на индийских картах всегда обозначался как «ничейный» и не включался в состав Индии. Она будто бы никак не может понять, почему это в индийском парламенте «начался шум» из-за строительства китайцами дороги через Аксай Чин, который вдруг (!) стал считаться «священной землей Индии»²⁰.

Усилия Хань Суинь и ее прокитайская позиция не остались не оцененными в Пекине — через четыре дня после публикации в канадской прессе ее статей в защиту позиции КНР пекинские руководители прислали ей визу для посещения Китая, хотя до этого ее туда не пускали.

И в этот раз с ней обстоятельно беседовал Чжоу Эньлай, причем главной темой как раз и был китайско-индийский пограничный конфликт. Чжоу Эньлай явно одобрял позицию Хань Суинь и подсаживал ей линию дальнейших действий. Он осудил «странное поведение» Неру,

¹⁶ In: Han Suyin, *My House Has Two Doors*, p. 246, 342—343.

¹⁷ Помимо Дж. Неру, она была знакома также с И. Ганди, Ли Куан Ю, с Н. Санадум, Айантом, Сукарно и др.

¹⁸ In: Han Suyin, *My House Has Two Doors*, p. 88—89.

¹⁹ *Ibid.*, p. 236.

²⁰ *Ibid.*, p. 237.

его «непонятную» позицию по поводу китайско-индийской границы, внушил мысль, что «Индия и Китай — надежда третьего мира», выступил против мирного сосуществования, утверждал, что «нельзя продавать народы третьего мира за так называемый мир»²¹.

После подобной накачки в прямом националистическом китаецентристском духе (причем на высшем уровне) Хань Суинь с картами, документами и письмом Чжоу Эньлая в руках едет в ноябре 1959 г. в Индию, к Неру. Однако ее миссия вновь потерпела крах, хотя мадам Хань Суинь честно «отрабатывала свой хлеб» и очень старалась, расхваливая «миролюбие» китайцев, их «скромность» и «порядочность» по отношению к Индии. К ее удивлению, Д. Неру «почему-то не захотел» пойти на переговоры с Китаем и не поверил ее эмоциональным и «убедительным» доводам. К тому же, сетует Хань Суинь, ей в переговорах опять «помешали русские», которые якобы использовали китайско-индийские пограничные инциденты «для сбалансирования своих позиций с индийским правительством»²². И несмотря на все ее дальнейшие усилия, Хань Суинь и после визита Чжоу Эньлая в Индию в апреле 1960 г. пыталась «сдвинуть» Неру, действуя через писательские, научные круги, индийскую интеллигенцию, ей не удалось все же убедить Неру в миролюбии китайцев. В результате она бездоказательно обвинила Неру и бывшего министра обороны Индии Кришна Менона в том, что «они сами спровоцировали конфликт», ибо проводили «упреждающую политику» на китайско-индийской границе.

Позиция Хань Суинь по вопросу о вооруженном конфликте на границе осенью 1962 г. полностью смыкается с позицией небезызвестного английского журналиста Невилла Максвелла, на книгу которого о китайско-индийской войне она и ссылается²³.

Характерно, что в этот же период резко активизируется деятельность западных журналистов вокруг Китая. В Пекин приезжают Феликс Грин, которому Хань Суинь с помощью Гун Пэн помогла в 1960 г. достать визу, и Эдгар Сноу, который получает разрешение госдепартамента США посетить Китай в качестве корреспондента журнала «Лук». Именно на этих деятелей, а также на А.-Л. Стронг, А. Смедли и Хань Суинь легла задача установить в начале 60-х годов «лучшее взаимопонимание между Китаем и Западом», добиться, чтобы Китай занял «достойное место под солнцем» и стал «равным среди других наций мира»²⁴.

Так излагает дело сама Хань Суинь. Она не скрывает, что она неоднократно встречалась в Пекине со Сноу. Грин и что они обсуждали эти проблемы, сообщает, что Грин взял в сентябре 1960 г. телеинтервью у Чжоу Эньлая, а 22 октября Э. Сноу брал интервью у Мао Цзэдуна, а также беседовал и с Чжоу Эньлаем. Хань Суинь не упускает случая попутно похвалить Чжоу Эньлая, который якобы «все взваливает на свои плечи», и призывает, «как и Дэн Сяопин», бороться с бахвальством, «опираться только на факты»²⁵.

Характерная деталь: осенью 1960 г., то есть в период резкого ухудшения китайско-индийских отношений, Хань Суинь вдруг проявляет необычный интерес к проблемам национальных меньшинств в Китае, к исламу, буддизму, экспедициям Чжэн Хэ, изучает положение дел в окраинных регионах КНР, в том числе в Тибете, постоянно обсуждает с Чэнь И и Чжоу Эньлаем проблемы отношений Китая со странами «третьего мира». Хань Суинь присутствует в Пекине на приеме Н. Снанука в 1961 г., присутствует (как наблюдатель) на конференции по Лаосу в Женеве, на 2-й Афро-Азиатской конференции писателей в Каире (фев-

²¹ Han Suyin. *My House Has Two Doors*, p. 257—258.

²² *Ibid.*, p. 262.

²³ *Ibid.*, p. 268—270.

²⁴ *Ibid.*, p. 279.

²⁵ *Ibid.*, p. 299.

раль 1962 г.). В кулуарных беседах она активно отстаивала основные маоистские положения о войне, мире, мирном сосуществовании, старалась опорочить политику СССР в отношении национально-освободительного движения. В общем, на этих и на многих других афро-азиатских форумах Хань Суинь действовала как маоистка, используя эти встречи для завязывания тесных контактов с деятелями молодых, независимых стран Азии и Африки.

Ознакомление с рассуждениями и деятельностью Хань Суинь приводит к выводу, что она старательно придерживалась линии пекинского руководства в отношении хуацяо: быть посредником в налаживании связей с внешним миром, в том числе и с развивающимися странами, всемерно способствовать росту авторитета КНР за границей. С этой целью Хань Суинь старательно приукрашивает китайскую действительность в начале 60-х годов. Так, ссылаясь на собственные впечатления (по ее словам, она объездила в 1962—1963 гг. «весь Китай», «обошла 8 провинций»), Хань Суинь уверяла, что ни в городе, ни в деревне «нигде уже не было признаков голода», хотя приводимые ею же факты (например, о том, что все жители, даже горожане, держали повсюду кур — «на балконах, в кухнях, на лестничных площадках») свидетельствовали о неблагоприятном положении с продовольствием в Китае.

Появляясь у нее и новые оценки отдельных личностей в истории Китая. Так, описывая свое посещение Цзинганшани в начале 60-х годов, Хань Суинь по-прежнему характеризует это место как «первую красную базу, основанную Мао», как «орлиное гнездо в горах» и т. д. Однако она явно акцентирует роль Чжу Дэ, пришедшего сюда со своим отрядом, «без которого не было бы революции»²⁶. Она сообщает также интересную деталь: во время «культурной революции» памятник Чжу Дэ в Цзинганшани был снят, а картина встречи Мао и Чжу Дэ в 1927 г. была тогда же переписана: вместо Чжу Дэ на ней изобраили Линь Бяо.

Но и осуждая «культурную революцию», Хань Суинь пытается дезориентировать читателя и как-то оправдать саму идею «культурной революции». Она утверждает, например, что «культурная революция» в Китае выросла якобы из движения «за социалистическое образование», развернутого в январе 1965 г. на основе сформулированных Мао Цзэдуном «23 пунктов о социалистическом образовании» и нацеленного на разрушение старой системы образования в Китае, которая строилась «по лозетскому образцу»²⁷.

В это же время Хань Суинь развертывает широкую пропагандистскую деятельность в пользу Китая за рубежом. В США она читает лекции о Китае (в синагоге в Лос-Анжелесе, в ряде женских организаций), встречается с различными политическими деятелями (сенаторами Фулбрайтом, Голдбергом), со своими единомышленниками — Ф. Грином, Э. Сноу и др.

Не меньшую активность развивает Хань Суинь и в Англии — вместе с Ванес Редгрейв организует в Лондоне Общество англо-китайского взаимопонимания (SACU), выступает на семинаре в Оксфорде и т. д.²⁸

В июле 1965 г. она побывала в Танзании, где установила контакты с китайским и американским послами, обсуждала с ними вопрос о строительстве ТАНЗАМ, а также познакомилась «с одним из лидеров сопротивления Анголы и его женой-американкой» (то есть с лидером реакционного антинародного движения ФНЛА Х. Роберто, которого впоследствии активно поддерживали и Пекин, и США).

²⁶ Ibid., p. 358—359.

²⁷ Ibid., p. 389, 392—393.

²⁸ Ibid., p. 408. Хань Суинь пишет, что в последующие 14 лет она выступала с лекциями о Китае повсюду — в Европе, Америке, Канаде, Мексике, Австралии, Японии, Африке, Индии, в том числе в Парижской военной академии, в военном колледже в Индии (с. 404).

Хань Суинь посетила также Кению, собиралась присутствовать на 2-й Афро-Азиатской конференции глав государств в Алжире, созыв которой был сорван фактически по вине Китая²⁹.

В сентябре 1965 г. Хань Суинь вновь (в 7-й раз!) встретила с Чжоу Эньлай, причем на беседе присутствовала только Гун Пэн. Главными проблемами, которые они обсуждали в этот раз, были осложнение внутренней ситуации в Китае, намечавшийся открытый «разрыв Мао с Лю Шаоци», а также «возможные изменения» в китайско-американских отношениях.

По мнению Хань Суинь, Чжоу Эньлай уже тогда «предвидел коренные перемены» в политике США в отношении Китая и настойчиво искал пути сближения с Америкой. Вслед за китайским премьером она также считает, что Китай именно в то время «повернулся к Западу» и полностью уже рассчитывал на его помощь. В середине 60-х годов в Китай приезжало много английских, японских, канадских и других бизнесменов и журналистов³⁰.

После этой встречи Хань Суинь стала считать Чжоу Эньлая своим «руководителем в жизни», провозгласила себя его «верной последовательницей» и поклялась быть преданной ему «всю оставшуюся жизнь»³¹. По совету Чжоу Эньлая она едет в феврале 1966 г. в Чикаго на симпозиум по Китаю, где встречается с Г. Солсбери (с которым у нее установилось полное взаимопонимание) и с другими американскими учеными: М. Гэйном, Муртоном Гальперином и пр.³²

В мае 1966 г., то есть в разгар «культурной революции», Хань Суинь возвращается в Китай, наблюдает деятельность Цзян Цин, которую, по ее словам, «сделал знаменитой» Линь Бяо, ибо именно он на конференции по литературе и искусству, проходившей в Шанхае в феврале 1966 г. (после полного разрыва Мао Цзэдуна с Лю Шаоци), назначил Цзян Цин руководить искусством и литературой в армии.

Как уже говорилось, Хань Суинь в своей книге «В моем доме две двери» осуждает деятельность хунвэйбинов, преследования интеллигенции, насилия и террор во время «культурной революции». Она с сочувствием пишет теперь о страданиях многих китайских революционеров, ученых, писателей, артистов, рассказывает подробно о мучениях и смерти Лао Шэ, об издевательствах хунвэйбинов над Чжао Шули, о преследованиях Ло Жуйцина, Чжу Дэ, Хэ Луна, о страданиях зятя Е Цзяньина, известного пианиста Лю Шикуня. Самого Е Цзяньина не трогали только потому, пишет Хань Суинь, что он «спас жизнь Мао во время Великого похода»³³. Она отмечает, что и Цяо Гуаньхуа пострадал — был приговорен хунвэйбинами в конце 1966 г. «продавать газеты на центральных улицах» Пекина, что дошла очередь и до Чжоу Эньлая, который до этого только и делал, что спасал многих политических деятелей и ученых, «особенно в области атомной энергии»³⁴.

Подчеркивая всегда позитивную роль Чжоу Эньлая для судеб Китая в период «культурной революции», восторгаясь его «гигантской работоспособностью», выдержкой, его глубоким интеллектом, Хань Суинь вопреки своим прежним утверждениям о лидирующей роли Мао Цзэдуна в китайской революции заявляет теперь, что именно Чжоу Эньлай основал организацию КПК «задолго до того, как Мао объявился в качест-

²⁹ Разумеется, сама Хань Суинь утверждает другое: «...что конференция не состоялась из-за происков Индии, которая поддержала кандидатуру Советского Союза» (с. 410).

³⁰ Han Suyin My House Has Two Doors, p. 388.

³¹ Ibid., p. 414.

³² Известно, что у нее были тесные связи также с французскими политическими деятелями (Андре Мальро и др.), а также с цейлонской троцкисткой Тедже Гунавардене.

³³ Han Suyin. My House Has Two Doors, p. 463.

³⁴ Ibid., p. 464.

ве лидера в 1935 г.», что только Чжоу уговорил Чан Кайши вступить в единый фронт с коммунистами в 1937 г. и что он один «был архитектором внешней политики Пекина» до, во время и после «культурной революции». Хань Суинь все время подчеркивает, что Чжоу Эньлай еще со времен Бандунга «проводил политику открытых дверей в отношениях со всеми странами, включая США»³⁵. Хань Суинь намеренно не замечает разницы во внешней политике КНР в ее первое десятилетие и в последующие годы, старается вместе с нынешними маонистами одобрить политику периода «культурной революции», — политику, в основе которой лежал откровенный антисоветизм.

Превознося заслуги и действия Чжоу Эньлая, Хань Суинь ставит теперь задачу разоблачить Кан Шэна и Цзян Цин как главных преследователей Чжоу Эньлая. Она старается представить Цзян Цин в самом черном свете, пишет, что та была «тщеславной, завистливой, подозрительной, властолюбивой», страдала паранойей; придя к власти, Цзян Цин уничтожила все фильмы, фотографии, газеты, где было упоминание о ней как об актрисе Лань Пин, о том, что она арестовала и посадила в тюрьму своих прежних знакомых и подруг. Хань Суинь сообщает, что в это время были арестованы и посажены в тюрьмы Р. Алли, Ма Хайдэ и другие «сверхреволюционные иностранцы», в конце 1967 г. саму Хань Суинь и Перл Бака также заклеили как «агентов американского империализма», но, к счастью Хань Суинь, ее в это время не было в Пекине. Она знала, когда можно и когда не следовало приезжать в Китай³⁶.

Но тогда, в январе 1968 г., Хань Суинь вместе с Э. Сноу «и другими известными синологами» участвовала в симпозиуме по Китаю в университете Северной Каролины (США), где выступала как сторонница «культурной революции». А в октябре 1968 г. она читала в Монреале лекции по Китаю, безудержно восхваляя действия хунвэйбинов и «культурную революцию».

Теперь Хань Суинь признает, что ее утверждения и оценки в этих «лекциях» в 1968 г. были «во многом преувеличенными» и «ультрареволюционными», что она тогда проявила «мелкобуржуазный радикализм», но что ее можно понять: она просто, как и «многие другие известные ученые», «заразилась эйфорией» в связи с «культурной революцией» и к тому же у нее якобы были «трудности с получением объективной информации»³⁷.

Да, действительно, Хань Суинь действует как двуликий Янус — она с ловкостью хамелеона легко меняет «левую» окраску на «правую». Ведь нельзя же на самом деле считать серьезной причиной ее мнимых «заблуждений» в отношении «культурной революции» отсутствие «объективной информации» о Китае: именно Хань Суинь получала как раз наиболее достоверную информацию из первых рук — от своей ближайшей приятельницы Гун Пэн. Она сама неоднократно подчеркивала этот момент. Поэтому можно понять сарказм С. Лея, спрашивающего в своей статье, каким образом эта «весьма одаренная и весьма информированная женщина, имевшая такие привилегии в смысле доступа к китайским руководителям», вдруг так позорно села в лужу³⁸.

Начиная с 1969 г. Хань Суинь последовательно играла отведенную ей Пекином роль посредника между китайскими руководителями и политическими кругами США, всеми силами стремясь навести «мосты дружбы» между ними. Она помогает Э. Сноу «пробить» визу для поездки в Китай в 1970 г., вновь встречается в Париже с Г. Солсбери, который тогда ак-

³⁵ Ibid., p. 534.

³⁶ Советы по этому поводу она неоднократно получала все от той же Гун Пэн — доверенного лица Чжоу Эньлая. — См. там же, с. 479.

³⁷ Ibid., p. 482—483.

³⁸ Simon Leys on Han Suyin, p. 35.

тивно ратовал за нормализацию китайско-американских отношений. Кстати, пишет Хань Суинь, Мао Цзэдуи очень тепло встретил Сноу в декабре 1970 г. и сказал ему, что давно «хотел видеть своего хорошего друга Эдгара Сноу», но «некоторые ультралевые» не разрешали ему увидеться с ним³⁹.

Сама Хань Суинь приезжает в 1970 г. в Китай со своим будущим мужем, индийцем Винсентом; она заявляет, что этот визит был организован с помощью Т. Н. Кауля и что Винсент был «первым индийским неофициальным лицом, попавшим в Китай после 1959 г.» и имевшим беседу с Чжоу Эньлаем о пограничных проблемах⁴⁰.

Хань Суинь не стесняется писать, что в этот период она довольно активно общается с Цзян Цин, а также с Кан Шэном и другими приверженцами будущей «банды четырех». Она переводит оперы Цзян Цин на английский язык, сидит с ней в одной ложе в театре, сообщает, что она удостоилась «высшей чести» — Цзян Цин подарила ей блузку «со своего плеча», рассчитывая, что Хань Суинь станет ее личным биографом (как Э. Сноу у Мао Цзэдуна)⁴¹.

Хань Суинь излагает также официальную маоистскую версию разрыва Мао с Линь Бяо и гибели последнего, хотя и не удерживается от изложения сенсационных слухов, широко распространенных в то время в Пекине, о том, что падение Линь Бяо было организовано Чжоу Эньлаем, который якобы сам (?) задушил Линь Бяо в темном коридоре на вилле в Бэйдайхэ⁴².

Тем не менее Хань Суинь вновь восхваляет деятельность Чжоу Эньлая на внешнеполитической арене в 1971—1972 гг., его методы управления Китаем, причем соединяет политику Чжоу Эньлая по налаживанию контактов с США (пинг-понговая дипломатия, визит Никсона в Китай) с применением лозунга Мао Цзэдуна «иностранные — на службу Китаю», — лозунга, который «открыл Западу дверь в Китай»⁴³.

Именно тогда, по мере расширения контактов и связей Китая с империалистическими странами, начала, по ее мнению, особенно расти популярность Чжоу Эньлая в народе, который стал называть его «наш любимый премьер Чжоу».

Что касается Цзян Цин, то ее, пишет Хань Суинь, «терпели из-за Мао и Чжоу Эньлая», не подозревая, какой реальной силой она располагала в Шанхае, в пропагандистском аппарате, а все акты насилия над руководящими кадрами, дипломатами приписывали Линь Бяо и Лю Шаоци⁴⁴.

Именно в этот период Хань Суинь, следуя рекомендациям Чжоу Эньлая, развивает бурную деятельность во внешнеполитических кругах США. Действуя совместно с Хуан Хуа (постоянный представитель КНР в ООН, теперь — министр иностранных дел Китая), с которым они когда-то вместе учились в Яньцзиньском университете и который был переводчиком Э. Сноу в Яньани, Хань Суинь старалась, как она пишет, «вдолбить служащим госдепартамента США» мысль о необходимости быстрой нормализации отношений США с КНР, утверждая, что отсрочка приведет к «давлению на внешнюю политику Чжоу Эньлая и Мао». Но и здесь ее миссия терпит неудачу — на этот раз ей помешал Уотергейт.

³⁹ In: Han Suyin. My House Has Two Doors, p. 522.

⁴⁰ Показательно, что теперь роль «связного» между Чжоу Эньлаем и Н. Ганди должен был выполнять Винсент. — См. там же, с. 529.

⁴¹ Однако ее опередила Роксана Витке (историк США), интервьюировавшая Цзян Цин в августе 1972 г. и написавшая о ней книгу. — См.: R. Witke. Comrade Chiang Ching. Boston, 1977.

⁴² In: Han Suyin. My House Has Two Doors, p. 567.

⁴³ Ibid., p. 577.

⁴⁴ Ibid., p. 579.

В сентябре 1973 г. «шанхайская мафия», как пишет Хань Суинь, начала атаку на Чжоу Эньлая в форме «кампании против Конфуция», затем, в апреле 1974 г., у него обнаружили рак. Его госпитализировали, но как следует не лечили, а, напротив, мешали, дергали, нервировали. По распоряжению Цзян Цин к нему не допускали американских врачей — специалистов по раку (Дж. У и Ли Пина), которых пригласила для Чжоу Эньлая Хань Суинь⁴⁵. Именно с этого периода на авансцену в Пекине выходит Дэн Сяопин, которого в народе из-за его маленького роста «стали любовно называть бутылочкой»⁴⁶. Хань Суинь пишет, что она сразу же после смерти Чжоу Эньлая предсказала, кто его заменит, что уже с этого времени «все ее надежды были связаны с Дэном». События на площади Тяньаньмэнь в апреле 1974 г. Хань Суинь изображает как стихийный бунт против «четверки», в защиту Чжоу Эньлая, умалчивая, что они отражали борьбу за власть между группировкой Дэн Сяопина и «четверкой»⁴⁷. Но она выдает себя, когда называет эти события «исторической вехой» в истории Китая, наравне с известным «движением 4-го мая», сравнивает их даже со взятием Бастилии во времена французской революции или с «Бостонским чаепитием» в годы американской революции⁴⁸.

Осуждая действия «четверки» после смерти Мао Цзэдуна, Хань Суинь действует в полном согласии со сторонниками Дэн Сяопина, подчеркивает роль Е Цзяньпина в аресте Цзян Цин и ее сторонников, яростно критикует Цяо Гуаньхуа за то, что он стал «приверженцем четверки» и «предал Чжоу Эньлая», обвиняет Чжан Чуньцяо в том, что он хотел «пролезть в премьеры» в феврале 1976 г., а позднее руководил группой «историков», переписавшей историю Китая, опорочившей в ней всех, кто участвовал в Великом походе, и особо подчеркнувшей роль Цзян Цин в китайской революции⁴⁹.

И тщетно было бы искать в книге Хань Суинь какой-нибудь объективности, последовательности в оценках. Тенденциозна сама ее методология. Хань Суинь явно рассчитывает на нетребовательную аудиторию, которой легко «затуманить мозги» эмоциональными восклицаниями и частыми лирическими отступлениями. На самом деле она все время соотносит свою позицию со взглядами тех, кто находится в данный момент власти в Китае. Сейчас она «шагает в ногу» с группировкой Дэн Сяопина. Соответственно она оценивает и роль Мао Цзэдуна и маоизма для Китая.

Отдав дань критике Мао Цзэдуна (дэновские 20 % ошибок), она заканчивает свою книгу новыми дифирамбами Мао, называет его «великим освободителем Китая», категорически заявляет, что в Китае «не будет никакой демаонизации», что место Мао в китайской истории «не может быть никем оспорено»⁵⁰. Приветствуя планы модернизации Китая, она по-прежнему поддерживает концепцию о специфическом пути развития Китая, заявляет, что Китай пойдет «своим путем», который она называет путем социалистического развития. Но это, добавляет Хань Суинь, будет социализм, «приспособленный к условиям Китая», и в этом «социализме» будут использоваться «некоторые методы из опыта капитализма»⁵¹. Следовательно, и в данном случае Хань Суинь протаскивает в свои сочинения порочную дэнсяопиновскую идею о возможности сочетания социализма и капитализма.

⁴⁵ Ип: Нап Суинь. *My House Two Doors*, p. 601, 621—622.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 608, 620.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 627—628.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 646.

⁴⁹ По версии Чжан Чуньцяо, революцию совершил Мао Цзэдун, вдохновленный Цзян Цин (с. 633, 639).

⁵⁰ *Ibid.*, p. 649.

⁵¹ *Ibid.*, p. 648.

Хань Суинь в настоящее время возлагает все надежды на прозападное направление в КПК, возглавляемое Дэн Сяопином, и выводы ее последней книги вполне согласуются с решениями VI пленума ЦК КПК, с концепцией Дэн Сяопина о сохранении главных основ маоизма — «китаизированного марксизма, гегемонизма и антисоветизма».

Но, как и многие буржуазные синологи, она не замечает несостоятельности, порочности политики нового руководства, не замечает, что «двери» в ее «доме» слишком сильно скрипят и хлопают.

Главный порок работ Хань Суинь состоит в отсутствии у нее собственной твердой позиции в оценке событий в Китае, она все время приспособливается к мнению промаоистского крыла западной синологии, к пропагандистским лозунгам китайских лидеров. Одновременно она умалчивает о событиях, не укладывающихся в ее схему, либо сочиняет небылицы и прямо клеветает на Советский Союз и социалистические страны, называя их виновниками всех трудностей, переживаемых Китаем. Как было показано выше, автор не затрудняет себя аргументацией, у нее попросту нет фактов.

Сочинения Хань Суинь сами по себе, вероятно, и не заслуживали бы специального внимания, если бы они не отражали, как в зеркале, националистические амбиции китайских руководителей и промаоистские тенденции буржуазного китаеведения.

Однако не приходится сомневаться, что новые оценки Хань Суинь будут также быстро опровергнуты жизнью, как и ее прежние утверждения. Сколько еще дверей появится в доме Хань Суинь?

К вопросу о совещании в Цзуньи

(по поводу статьи У Сюцюаня)

*В. И. Глушкн,
доктор исторических наук
А. С. Титов*

В последние двадцать лет жизни и деятельности Мао Цзэдуна с особой наглядностью проявилось банкротство маоизма. Его пагубное влияние сказалось на всей жизни китайского народа. Страна погрузилась в пучину глубокого политического, социального и экономического кризиса, из которого до сих пор не найдено эффективного выхода. Катастрофические последствия маоистского курса вынуждены были признать и наследники Мао Цзэдуна, сменившие его у кормила власти. Такие признания содержатся в ряде официальных документов ЦК КПК и правительственных органов КНР, в материалах китайской прессы. Сложившаяся ситуация не могла не вызвать острой борьбы вокруг маоистского наследия, по вопросу о путях дальнейшего развития Китая, которая идет с 1976 г. внутри КПК и в различных слоях китайского общества. Одним из свидетельств и промежуточных итогов этой борьбы является принятое в июне 1981 г. на VI пленуме ЦК КПК решение по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР, а также развернутая после пленума пропагандистская кампания.

Указанный документ уже получил всестороннюю оценку в советской печати. При всей своей компромиссности и противоречивости он является типично маоистским, призван канонизировать маоизм как руководящую идеологию и политику партии и государства, сбить волну критики Мао Цзэдуна и его последователей, не допустить распространения в КПК марксистского подхода к истории партии и к решению современных проблем Китая. Маоистский характер нового решения по вопросам истории КПК проявляется и в том, что оно воспроизводит основные положения аналогичного документа, принятого в апреле 1945 г., истолковывая его в слегка подправленном виде, но в еще более обнаженном националистическом духе, и в беззастенчивом искажении истории, фальсификациях событий и фактов¹.

Грубое насилие над историей, подтасовка исторических фактов, произвол в их истолковании всегда были одной из характернейших черт политического стиля Мао Цзэдуна. Подобный стиль десятилетиями внедрялся в сознание партийных кадров, в историко-партийную документацию и литературу КПК. Одним из наиболее ярких образчиков сфабрикованных Мао Цзэдуном фальшивок является принятая в апреле 1945 г. оценка совещания в Цзуньи как «перелома» в жизни КПК, имевшего «крупнейшее историческое значение»². Эта оценка, которой сам Мао Цзэдун придавал принципиальное значение, воспроизведена и в решении VI пленума ЦК КПК. Обоснованию правомерности такой оценки и ее защиты от тех, кто в партии «выступает против этого исторического вывода» маоистов, посвящена статья заместителя

¹ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 3, с. 88—99.

² См.: Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 4, М., 1953, с. 319.

начальника генерального штаба китайской армии У Сюцюаня, опубликованная в теоретическом органе ЦК КПК журнале «Хунци» (№ 21 за 1981 г.) под примечательным заголовком «Не допустить, чтобы сияние совещания в Цзуньи померкло. Осуждаем попытки Ли Дэ запятнать совещание в Цзуньи».

Речь идет о расширенном совещании политбюро ЦК КПК, которое было созвано по настоянию Мао Цзэдуна и его сторонников 6—8 января 1935 г. в городе Цзуньи (провинция Гуйчжоу) во время Западного похода главных сил 1-го фронта Красной армии Центрального советского района. Это совещание стало крупным шагом в длительной фракционной борьбе Мао Цзэдуна за овладение безраздельным руководством партией и армией, которую он фактически вел после расширенного совещания Бюро ЦК КПК Центрального советского района в городе Нинду (провинция Цзянси) в августе 1932 г., когда он был снят со всех руководящих постов³. Он активизировал эту фракционную борьбу с весны 1934 г., когда военная обстановка в Центральном советском районе крайне обострилась в связи с полным окружением этого района чанкайшистскими войсками во время пятого «карательного похода», начавшегося осенью 1933 г. Отдельные военные неудачи, промахи и ошибки во время отражения пятого «карательного похода» Мао Цзэдун использовал для нападков на руководство ЦК КПК и прежде всего на генерального секретаря ЦК Бо Гу (Цинь Бансяня), председателя Военного совета ЦК КПК и политкомиссара Чжоу Эньлая, а также военного советника при ЦК КПК немецкого коммуниста-интернационалиста Отто Брауна (Ли Дэ). Мао Цзэдун стремился всячески дискредитировать их в глазах руководящих работников ЦК КПК и особенно в глазах военных и политических работников китайской Красной армии. В этих целях преднамеренно не только выискивались отдельные промахи и ошибки Бо Гу, Чжоу Эньлая и Отто Брауна, но и фабриковались и распространялись различные клеветнические измышления против них, особенно против Отто Брауна. Играя на националистических чувствах и склонности к ксенофобии некоторых деятелей КПК, Мао Цзэдун утверждал, что «чужеземец» Отто Браун плохо знает специфику и особенности борьбы китайской Красной армии, что, используя авторитет Коминтерна среди китайских коммунистов, он будто бы узурпировал военное руководство в ЦК КПК, единолично решал все военные вопросы, неправильно руководил военными действиями Красной армии по отражению пятого «карательного похода» Чан Кайши, в результате чего якобы по его вине пришлось оставить Центральный советский район и Красная армия понесла огромные потери, и т. д. Все это была чистейшая ложь и клевета.

Статья У Сюцюаня не добавляет ничего нового к стандартному набору облыжных обвинений в адрес политических противников, состряпанных в свое время Мао Цзэдуном и с унылым однообразием повторяемых до сих пор в китайской историко-партийной литературе. Общий уровень статьи не поднимается выше заурядной и довольно низкопробной пропагандистской поделки. Не удивляет и типичный для маоистов грубый, злопахательский тон статьи. Ее можно было бы спокойно оставить без внимания, если бы не то обстоятельство, что под ней стоит подпись У Сюцюаня. Дело в том, что автор статьи — один из немногих оставшихся в живых участников совещания в Цзуньи, человек, в молодости несколько лет проживший бок о бок с Отто Брауном в качестве его переводчика, а впоследствии, в годы «культурной революции», подвергшийся опале и, как говорится, на собственной шкуре

³ См.: А. С. Титов. Поражение Мао Цзэдуна на совещании в Нинду. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2, с. 112—117.

вместе с миллионами соотечественников познавший истинную цену зашумительской маоистской «критики». Все это, вероятно, должно было придать «свидетельскому» выступлению У Сюцюаня видимость особой достоверности в глазах китайских и иностранных читателей. Мы, однако, берем на себя смелость утверждать, что в данном случае У Сюцюань объективно выступает в малопочтенной роли лжесвидетеля.

Нас побудила взяться за перо и светлая память о товарище Отто Брауне, необходимость защитить от злобного поругания незапятнанное имя человека безукоризненной честности, мужественного бойца-интернационалиста, вся жизнь которого может служить образцом бескорыстного самоотверженного служения борьбе за идеалы коммунизма. Он приехал в Китай не ради выгоды и славы, а движимый долгом пролетарского интернационализма, глубоким сочувствием революционному делу китайских коммунистов, которое он воспринимал как свое личное дело. Нелегкие и смертельно опасные в тогдашних условиях обязанности военного советника ЦК КПК он выполнял с величайшей добросовестностью и блестящим профессиональным мастерством, деля со своими китайскими соратниками все тяготы и невзгоды суровой гражданской войны, легендарного Великого похода.

Вот что писал о человеческих качествах Отто Брауна друг и биограф Мао Цзэдуна американский журналист Эдгар Сноу: «Личное мужество и стоический героизм этого человека, перенесшего суровые испытания Великого похода, гораздо более тяжелые для иностранца, чем для китайца, должны вызвать восхищение людей любых политических убеждений, и эти качества останутся вызовом кабинетным революционерам всех стран мира»⁴. Но в статье У Сюцюаня, политические убеждения которого предельно ясны и не нуждаются сейчас в обсуждении, нет ни малейшего намека не только на восхищение или хотя бы простое уважение, но даже на элементарную порядочность, требующую отдать должное бывшему товарищу по оружию, сделавшего так много для конечного торжества китайской революции. Вся статья У Сюцюаня проникнута слепой националистической злобой к немецкому интернационалисту, к интернационализму вообще, к Коминтерну и Советскому Союзу, густо нашпигована клеветническими измышлениями и бранью в адрес Отто Брауна.

У Сюцюань обвиняет Отто Брауна в «антикитайской деятельности» за то, что тот в серии статей и особенно в известной книге «Китайские записки» выступил с убедительными разоблачениями маоистских фальсификаций истории КПК, с осуждением теории и практики маоизма. Этот прием не нов, он внедрялся еще при жизни Мао Цзэдуна, когда любая критика маоизма или отклонение от маоистской линии немедленно клеймились как «предательство» и «измена Родине», и даже простая перепечатка в иностранной прессе появлявшихся в самом Китае материалов с осуждением некоторых негативных сторон китайской действительности расценивалась как «антикитайская деятельность». Последовавшая вскоре после смерти Мао Цзэдуна волна реабилитации партийных и государственных деятелей, кадровых работников, репрессированных во времена «культурной революции» за «предательство» и «измену», показала всему миру, чего стоят подобные обвинения. Сейчас в Китае даже разрешена строго дозированная критика отдельных ошибок Мао Цзэдуна. Но клеймо «антикитайской деятельности», как видим, отнюдь не снято с вооружения китайской пропаганды.

Нам нет необходимости детально опровергать фальсификаторские упражнения У Сюцюаня. Такая работа была основательно и с блеском

⁴ E. Snow. Red Star over China. New York, 1961, p. 420.

проделана самим Отто Брауном. Его книга «Китайские записки, 1932—1939 гг.», вышедшая в 1974 г. в ГДР и в 1975 г. в СССР, представляет собой не обычное произведение мемуарного жанра, а фундаментальное научное исследование, выполненное на высшем профессиональном уровне. Автор отчетливо представлял себе всю сложность и ответственность задачи описания и интерпретации событий, свидетелем и непосредственным участником которых он являлся. Поэтому подавляющая масса фактов и оценок, содержащихся в его книге, подвергнута многократной перекрестной проверке документальными источниками и всей доступной ему литературой. Те же факты, события и впечатления, которые сохранились в его цепкой и точной памяти, но не поддавались документальной проверке, он специально оговаривает и трактует с особой осторожностью.

Научная и политическая добросовестность Отто Брауна — исследователя и мемуариста проявилась также в том, что его книга лишена каких-либо признаков саморекламы или самооправдания, не столь уж редких в мемуарной литературе. Напротив, многие страницы его «Записок» посвящены самокритичному разбору допущенных им как военным советником ЦК КПК тактических и оперативных ошибок, часть которых была замечена или исправлена уже тогда, в разгар гражданской войны, а часть выявилась только впоследствии, в свете многолетней ретроспективы. Более того, он берет на себя долю ответственности даже за те отдельные ошибочные решения ЦК КПК, которые, строго говоря, выходили за пределы его компетенции и принимались без его непосредственного участия. В этом проявилось его неизменное чувство причастности к общему революционному делу борьбы за социальное и национальное освобождение Китая, которому он отдал восемь лет своей жизни. Если же говорить об общей тенденции книги, то у любого непредубежденного читателя не останется никакого сомнения, что написана она человеком, стоявшим на позициях подлинного пролетарского интернационализма, активной коммунистической партийности, испытывавшим глубокое уважение к китайскому народу, по-настоящему ценившим тяжкий ратный труд солдат и командиров китайской Красной армии, восхищавшимся их героическими подвигами.

Все это вместе взятое придает «Китайским запискам» Отто Брауна несокрушимую силу убедительности и достоверности. Судя по некоторым материалам китайской печати, включая и статью У Сюцюаня, «Записки» произвели нежелательное для нынешнего китайского руководства впечатление на тех партийных и научных работников в Китае, которые имеют доступ к ним. В этом, возможно, заключается одна из побудительных причин диверсионной пропагандистской вылазки У Сюцюаня против Ли Дэ — Отто Брауна.

У Сюцюань утверждает, будто он в своих «разоблачениях» всевозможных прегрешений, приписанных Отто Брауну, опирается на некие безымянные «официальные исторические записки». Но вот что примечательно: в статье, специально посвященной совещанию в Цзуньи, нет ни одной цитаты из такой «официальной исторической записки», как решение этого совещания. Та же самая картина наблюдается и в других китайских историко-партийных изданиях (например, в книге Ху Хуа, одного из наиболее авторитетных китайских историков). В лучшем случае (как в книге под редакцией Хэ Ганьчжи) авторы ограничиваются пересказом наиболее «выигрышных» для маоистской доктрины мест из указанного решения. И это далеко не случайно. Дело в том, что решение совещания в Цзуньи, навязанное фракционной группировкой Мао Цзэдуна, сработано настолько топорно и сумбурно, содержит столько вопиющих переделок и противоречий, настолько не вяжется с последующими, тоже маоистскими, оценками, что цитирование его основных положений

привело бы к саморазоблачению маоистов⁵. Так, решение совещания в Цзуньи обвинило Бо Гу, Чжоу Эньляя и Отто Брауна в «правом оппортунизме», выразившемся якобы в «переоценке объективных трудностей», «недооценке нынешней революционной ситуации», «недооценке собственных сил и особенно сил советских районов и Красной армии»⁶. А в решении VII пленума ЦК КПК, принятом десять лет спустя, Бо Гу и другие «догматики» были обвинены уже в «левом» оппортунизме, в том, что возглавляемый ими ЦК «слишком переоценил размеры кризиса гоминьдановского режима и роста революционных сил в стране», что они якобы отрицали то обстоятельство, что «враг силен, а мы слабы», и «считали даже, что Красная армия сильнее всей гоминьдановской армии в целом» и т. д.⁷ Не вдаваясь в детальный спор с У Сююанем и подвергая себя риску быть обвиненными в «антикитайской деятельности», мы все же позволим себе привести некоторые выдержки из таких «исторических записок», как решение самого совещания в Цзуньи, из суждений Мао Цзэдуна, а также статьи тогдашнего и нынешнего члена Политбюро ЦК КПК Чэнь Юня (Ши Пина) «Геронический поход» и книги Эдгара Сноу «Красная звезда над Китаем».

Известно, что в начале 30-х годов в генштабе Чан Кайши работали многочисленные американские и германские военно-технические специалисты и советники, в частности бывший командующий рейхсвером генерал фон Сект. Именно фон Секту было поручено разработать военный план пятого «карательного похода» против советских районов и китайской Красной армии, и он стал автором так называемой войны блокгаузов, смысл которой заключался в том, чтобы, продвигаясь шаг за шагом и создавая систему блокгаузов (крепостей), окружить советские районы, лишит Красную армию возможности маневренных действий и полностью уничтожить их. В результате главным силам 1-го фронта Красной армии в конце концов пришлось оставить Центральный советский район, чтобы сохранить живую силу и боеспособность. И в том, что первоначальный план фон Секта и Чан Кайши сорвался, была немалая заслуга Отто Брауна.

Вот что писал о военной деятельности Отто Брауна Эдгар Сноу: «Ли Дэ был, несомненно, исключительно талантливым военным тактиком и стратегом. Он отличился в рядах германской армии во время первой мировой войны, а позднее был командиром в Красной Армии в России и учился в первой академии Красной Армии в Москве. Поскольку он был немцем, красные (то есть китайские коммунисты. — Авт.) с вниманием прислушивались также к его анализу стратегии и тактики, которую немецкие советники рекомендовали генералиссимусу Чан Кайши. Последующие события подтвердили правильность такого отношения. Когда нанкинские генералы нашли некоторые работы Ли Дэ, в которых он объяснял их тактику, они с удивлением признали, что он в точности предвосхищал каждый этап их наступления. Тем не менее красные командиры, с которыми я разговаривал, считали, что главная причина их поражения во время пятого похода заключалась в том, что была изменена их собственная тактика, и, естественно, полагали, что главную ответственность за это несет Ли Дэ. Но какими бы ошибочными ни были суждения Ли Дэ, бесспорно, что его длительное и близкое знакомство с китайскими

⁵ Текст решения впервые был опубликован в 1948 г. в «Избранных произведениях» Мао Цзэдуна, изданных бюро ЦК КПК в пограничном районе Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, но в последующие канонизированные издания не включался. После образования КНР решение издавалось в полужакрытых сборниках документов, предназначенных для узкого круга кадровых партийных работников и специалистов-историков.

⁶ Справочные материалы по истории китайской революции, т. 3. Пекин, 1959, с. 120—121, 133—134 (на кит. яз.).

⁷ См.: Мао Цзэдуни. Избр. произв., т. 4, с. 343, 369, 374.

методами ведения военных действий, причем на китайской территории, делает его сегодня одним из наиболее компетентных западных военных авторов по Китаю»⁸.

На совещании в Цзуньи с докладом об итогах борьбы против пятого вражеского похода и первом этапе Западного похода главных сил 1-го фронта Красной армии выступил Бо Гу, а с содокладом по военным вопросам — Чжоу Эньлай. Докладчики считали, что политическое и военно-стратегическое руководство ЦК КПК во время борьбы против пятого похода Чан Кайши в общем было правильным, а объективными и субъективными причинами, вынудившими главные силы 1-го фронта Красной армии оставить Центральный советский район в Цзянси, были: 1. Усиление помощи Чан Кайши со стороны империалистов займами, военной техникой, военными специалистами и пр.; слабость революционного движения в гоминьдановских районах. 2. Слабость работы КПК среди населения гоминьдановских районов; слабость партизанских действий; военные ошибки тактического порядка.

Однако в выступлениях Мао Цзэдуна и его сторонников и в решении совещания в Цзуньи, подготовленном Мао Цзэдуном, выводы Бо Гу и Чжоу Эньлая были признаны неправильными. В решении совещания было записано, что «военное руководство, стратегия и тактика в своей основе были ошибочными», и в этом усматривали «главную причину того, почему Красная армия вынуждена была покинуть Центральный советский район» и почему не удалось разгромить «„карательный поход“ в Центральном советском районе», хотя для этого якобы имелись возможности. В то же время решение признавало, что Красная армия имеет «правильное оперативное командование» и что «прежние ошибки партии в военном руководстве являются лишь частичными ошибками, если говорить о линии партии в целом»⁹. В решении приводились также ссылки на рекомендации Коминтерна по военным вопросам от октября 1933 г., марта 1934 г. и 25 июня 1934 г., которые оценивались как «совершенно правильные», а Бо Гу, Чжоу Эньлай и Ли Дэ лицемерно критиковались за «фактический отказ от правильных указаний Коминтерна» о военной стратегии и тактике КПК¹⁰. Из этих противоречивых и путаных утверждений делался вывод, что при наличии «правильного» военного командования коммунисты «смогли бы разбить «поход» в самом Центральном советском районе»¹¹.

С этой оценкой Мао Цзэдуна не согласился даже его «американский друг» Эдгар Сноу. Описывая со слов Мао Цзэдуна и его сторонников борьбу китайской Красной армии против пятого «похода» Чан Кайши, он был вынужден признать, что, «каким бы ни было гениальным командование, почти невозможно поверить, что красные могли выйти победителями из этой борьбы со значительно превосходящими силами, которые противостояли им в течение целого года во время пятого похода»¹².

Решение совещания в Цзуньи заканчивалось оптимистическим утверждением, что утрата Центрального советского района и других советских районов — это «лишь частичная неудача всего советского революционного движения» и что «в целом советская революция в Китае идет вперед»¹³. Развивая этот вывод, Мао Цзэдун год спустя следующим образом оценивал утрату основных советских районов и значительное ослабление Красной армии к концу Великого похода. «Если рассматривать всю обстановку под этим углом зрения, то противник одержал вре-

⁸ E. Snow. Op. cit., p. 419—420.

⁹ См.: Постановление ЦК КПК об итогах борьбы против пятого «карательного похода» противника. — В кн.: Справочные материалы по истории китайской революции, т. 3, с. 120—121 (на кит. яз.).

¹⁰ См. там же, с. 123—125, 131.

¹¹ Там же, с. 120—121, 126—127.

¹² E. Snow. Op. cit., p. 421.

¹³ Справочные материалы по истории китайской революции, т. 3, с. 137.

менную и частичную победу, а мы потерпели временное и частичное поражение. Верно ли такое утверждение? Я полагаю, что верно, ибо это — факт. Однако кое-кто (например, Чжан Готао) утверждает, что Красная армия Центрального района потерпела поражение. Верно ли это? Неверно, ибо это не соответствует фактам... Мы говорим, что Красная армия в одном смысле (в смысле сохранения своих прежних позиций) потерпела поражение, в другом же смысле (в смысле завершения Великого похода) одержала победу. Противник же в одном смысле (в смысле захвата наших прежних позиций) одержал победу, в другом же смысле (в смысле достижения цели его «карательных походов») потерпел поражение. Только такая постановка вопроса и будет верной, потому что Великий поход мы все-таки совершили»¹⁴. У Сюцюань в своем стремлении во что бы то ни стало оболгать Отто Брауна и линию Коминтерна, преднамеренно «забыл» о приведенных оценках совещания в Цзуньи, высказываниях Мао Цзэдуна и фактически присоединился к оценке Чжан Готао, заявив в своей статье, что сражение против пятого «карательного похода» Чан Кайши было «проиграно на все сто процентов, это факт, и его никто не может отрицать». Вот к чему приводит усердие не по разуму.

На совещании в Цзуньи обсуждались лишь военные вопросы, и политическая линия партии в дискуссии не затрагивалась. Почему же совещание формально ограничилось обсуждением только военных вопросов? На этот вопрос решение совещания и У Сюцюань дают разноречивые ответы. В решении записано, что «политическая линия ЦК партии, несомненно, является правильной», что «мы имеем правильное партийное руководство»¹⁵, из чего следует, что в обсуждении политических вопросов вроде бы не было никакой необходимости. У Сюцюань признает, что «совещание в Цзуньи, действительно, сконцентрировалось на критике и решении военных вопросов и не занималось политическими вопросами». Но сделано это было, по его мнению, потому, что, во-первых, необходимо было срочно и кардинально изменить военно-стратегическое руководство, чтобы предотвратить полный разгром Центральной армейской группы, предотвратить «угрозу ее существованию» и тем самым «спасти партию и армию»; во-вторых, из чисто тактических соображений фракционной группировки Мао Цзэдуна. У Сюцюань приводит рассказ «одного старого товарища» о его беседе с Мао Цзэдуном вскоре после совещания в Цзуньи, в которой Мао Цзэдун признал, что если бы он поднял на совещании политические вопросы, то «партия расколосась бы, мы нанесли бы удар сами по себе». И здесь У Сюцюань выдал с головой Мао Цзэдуна. Выступив на совещании в Цзуньи против военного руководства ЦК, Мао одновременно метил и в политическое руководство: прекрасно понимая, что во время гражданской войны военные вопросы неразрывно связаны с политическими, он из тактических соображений фракционной борьбы временно воздержался от постановки политических вопросов. В то время общая политическая линия ЦК КПК, как, кстати, и военная, в целом соответствовала линии Коминтерна. И если бы Мао Цзэдун во время совещания поднял также и политические вопросы, то его фракция наверняка не получила бы поддержки большинства участников совещания и потерпела бы сокрушительное поражение. Подтверждением такого вывода служит тот факт, что, когда Мао Цзэдун, окрыленный первым успехом, сразу же после совещания в Цзуньи повел наступление на политическое руководство ЦК, добившись смещения Бо Гу с поста генерального секретаря и заменив его своим ставленником Чжан Вэньтянем, он быстро довел дело до первого в истории партии открытого раскола, который был преодолен лишь в результате энер-

¹⁴ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 1. М., 1952, с. 271—272.

¹⁵ Справочные материалы по истории китайской революции, т. 3, с. 135.

гичного вмешательства Коминтерна. Но дело заключалось не только в тогдашней слабости политических позиций фракционной группировки Мао Цзэдуна, но и в том, что Мао Цзэдун тогда не имел и потому не мог предложить совещанию никакой альтернативной политической линии. Принципиальные основы нового политического курса КПК в связи с изменением политической ситуации в стране были заложены на VII Конгрессе Коминтерна.

Среди обвинений У Сюцюаня против Отто Брауна, Бо Гу и других фигурируют и утверждения, будто они во время пятого «похода» Чан Кайши «от авантюризма в наступлении в Центральном советском районе перешли к дезертирству при отступлении», то есть к бегству из Центрального советского района. Как же обстояло дело в действительности? Обратимся к статье члена Политбюро и секретаря ЦК КПК Чэнь Юня, который участвовал в подготовке Западного похода главных сил 1-го фронта Красной армии, в самом походе и в совещании в Цзуньи. Вот что он пишет об организации отступления из Центрального советского района: «...когда противник в 1934 г. окружил наш бывший Центральный советский район и стеснил нас на небольшой сравнительно территории, компартия с целью сохранения живой силы Красной армии эвакуировала главные силы из бывшего Центрального советского района, чтобы создать новую территориальную базу на широких просторах Западного Китая. С этой целью китайская компартия организовала знаменитый героический поход Красной армии из провинции Цзянси в Западный Китай. Все наши планы подготовки похода должны были быть выполнены в течение трех месяцев, но ввиду серьезности положения наше командование вынуждено было сократить этот срок до двух месяцев. И все же эта подготовительная работа была проведена образцово»¹⁶.

У Сюцюань обвиняет Отто Брауна и в том, что он якобы искажил факты, говоря об успешном прорыве главными силами 1-го фронта Красной армии четырех линий блокгаузов, воздвигнутых войсками Чан Кайши. Но обратимся опять к статье Чэнь Юня. «Первым этапом нашего похода, — пишет Чэнь Юнь, — был путь от провинции Цзянси до границы Гуйчжоу. Этот этап нужно считать победоносным, потому что мы с боем прорвались через четыре заградительные линии противника, укрепленные бетонными сооружениями, пулеметными гнездами. Вообще эти полосы считались непроходимыми. Мы прошли все четыре линии укреплений, опрокинули на своем пути все препятствия, разбили войска противника, засевшие в бетонных укреплениях, и прорвали их цепи»¹⁷. Далее Чэнь Юнь подробно описывает, как были прорваны эти четыре заградительные линии: «Между третьей и четвертой линиями находится сплошная цепь гор. Именно в этом месте Чан Кайши собирался нас уничтожить. Мы сразу заняли 6 уездов: Линьфу, Цзяхо, Ланьшань, Цзянхуа, Даочжоу, Юнмин. Таким образом, мы быстро форсировали и четвертую линию. Это означало фактически провал планов Чан Кайши, провал его попытки окружить нас и уничтожить. Мы вышли из этой местности вопреки всем ожиданиям противника»¹⁸.

По словам У Сюцюаня за прорыв четырех линий блокады противника было заплачено слишком дорого — погибло около 50 тыс. бойцов из более чем 80 тыс. Но и здесь не обошлось без извращения фактов. Присутствуя на совещании в Цзуньи, У Сюцюань, безусловно, слушал военный доклад Чжоу Эньлая, в котором он говорил, что из 70 тыс. бойцов в начале Западного похода в Цзуньи пришло 45 тыс., что в ос-

¹⁶ Ши Пин. Героический поход. — «Коммунистический интернационал», 1935, № 33—34, с. 26.

¹⁷ Там же, с. 27.

¹⁸ Там же, с. 27—28.

новном была сохранена живая сила и боеспособность 1-го, 3-го и 5-го корпусов Красной армии, которые составляли костяк главных сил 1-го фронта, что потери были главным образом за счет новобранцев, необстрелянных бойцов, часть из которых, испугавшись трудностей, дезертировала. В то же время известно, что когда главные силы 1-го фронта Красной армии в июне 1935 г., то есть через пять месяцев после перехода военного руководства к Мао Цзэдуну, соединились в Сычуань-Сиканском советском пограничном районе с войсками 4-го фронта Красной армии, они насчитывали всего около 10 тыс. человек, из них не более 8 тыс. боеспособных, включая комсостав¹⁹. Так в действительности обстояло дело с потерями, без которых, безусловно, нельзя было обойтись, воюя с превосходящими и хорошо вооруженными силами противника.

У Сююань обвиняет Отто Брауна также в том, что будто бы он по-прежнему придерживался первоначального плана слияния главных сил 1-го фронта Красной армии со 2-м и 6-м корпусами Сяо Кэ и Хэ Луна, которые находились в провинции Хунань, где Чан Кайши сосредоточил несколько сотен тысяч солдат. По его словам, «Мао Цзэдун своей властью отменил первоначальный план и решил двигаться в Гуйчжоу, где у противника были незначительные силы». Но и это утверждение противоречит свидетельству Чэнь Юнь. «На границе Хунани и Гуйчжоу, — пишет Чэнь Юнь, — противник сконцентрировал в ожидании нас в 5—6 раз больше войск, чем у нас, полагая, что мы пойдем по старому маршруту 6-го корпуса. Гуансийские войска наступали на наш арьергард с юга. Кроме того, нас преследовала большая армия противника. Вся Красная армия стояла на той точке зрения, что нужно прорвать слабое звено, т. е. идти туда, где противник слабее и где мы сможем получить новые пополнения. Было принято решение изменить старое направление. На этом заканчивается первый этап нашего похода. В общем он длился 100 дней. Когда мы добрались до провинции Гуйчжоу, Красная армия уже перестала быть перемещающимся объектом нападения и в свою очередь стала действующей силой, способной нападать на противника»²⁰.

Решение об изменении направления движения главных сил 1-го фронта Красной армии было принято 15 декабря 1934 г. на расширенном совещании Политбюро и командования Красной армии в городе Липине в восточной части провинции Гуйчжоу, а не единоличной властью Мао Цзэдуну. На этом же совещании, по свидетельству Чэнь Юнь, были исправлены отдельные ошибки, которые имели место в ходе первого этапа Западного похода. В частности, было решено избавиться от слишком громоздкого обоза — тяжелых машин из арсенала, типографских машин, машин для изготовления денежных знаков и т. д., который затруднял военные действия. «Почему мы таскали с собой такой тяжелый обоз?» — задавал вопрос Чэнь Юнь. И отвечал: «Это было следствием политически неправильного и наивного представления, что создание новой советской базы есть простое переселение с одного пункта на другой и что оно не потребует новой упорной борьбы и больших усилий»²¹.

Таким образом, уже на совещании в Липине были решены важные военные вопросы, и особой необходимости созыва нового совещания в Цзуньи не было, ибо главные силы 1-го фронта Красной армии, как подчеркивал Чэнь Юнь, уже перестали быть «перемещающимся объектом нападения» и в свою очередь стали «действующей силой, способной

¹⁹ См.: А. С. Титов. Из истории борьбы и раскола в руководстве КПК, 1935—1936 гг. М., 1979, с. 39—40.

²⁰ Ш и Пин. Указ. соч., с. 28.

²¹ Там же, с. 28.

нападать на противника». Поэтому не случайно Чэнь Юнь, присутствовавший на совещании в Цзуньи, не считал нужным даже упомянуть о нем в своей вышеуказанной статье. На вопрос Ван Мина, ознакомившегося с рукописью статьи Чэнь Юня, почему он не упомянул в ней о заседании Политбюро ЦК КПК в Цзуньи, Чэнь Юнь ответил: «Ведь это был не общепартийный съезд, не пленум ЦК, а всего лишь одно из часто проводившихся заседаний Политбюро; какая может быть особая надобность сообщать об этом?»²²

Да и сам Мао Цзэдун долго молчал об этом совещании. Так, во время доверительных бесед с Эдгаром Сноу летом и осенью 1936 г. в Баоани, во время которых он подробно информировал его о своей деятельности в КПК, ни слова не было сказано о совещании в Цзуньи. Не упоминали о совещании в Цзуньи и другие руководители КПК, с которыми тогда беседовал Эдгар Сноу. Впервые Мао Цзэдун коснулся совещания в Цзуньи на VI пленуме ЦК КПК 6-го созыва осенью 1938 г. Во время «кампании по упорядочению стиля» («чжэнфэн») в 1941—1945 гг. Мао Цзэдун и его сторонники окончательно сфабриковали версию о совещании в Цзуньи, опираясь на которую и писал свою статью У Сююань.

В связи с решением VI пленума ЦК КПК по некоторым вопросам истории партии и статьей У Сююаня уместно поставить вопрос о причинах той настойчивости, с которой маоисты пропагандируют «великое историческое значение», «сияние» совещания в Цзуньи, оцениваемого как «переломный момент» в истории КПК. Анализ маоистской литературы об этом совещании выявляет два основных взаимообусловленных аспекта — внутренний и внешний.

Первый связан с захватом Мао Цзэдуном руководства армией и партией. На совещании в Цзуньи, говорится в решении VI пленума ЦК КПК, «было утверждено руководящее положение товарища Мао Цзэдуна в Красной армии и ЦК партии, что дало возможность Красной армии и ЦК партии в критический момент сохранить свои силы и впоследствии пресечь раскольнические действия Чжан Готао, победоносно завершить Великий поход и открыть новые перспективы в развитии китайской революции. Это явилось переломным моментом в истории партии, от которого зависело само ее существование». Приведенный пассаж представляет собой всего лишь перефразировку соответствующего места из аналогичного решения 1945 г. В данном случае, как, впрочем, и в других частях решения VI пленума, последовательно соблюдается преемственность маоистской традиции.

«На спасительной» миссии Мао Цзэдуна стоит остановиться подробнее, тем более что она тесно связана с упоминавшейся выше маоистской трактовкой причин военных и политических поражений КПК в 1934—1936 гг. Партия в эти годы, действительно, переживала тяжелый кризис, усугубленный расколом в результате беспринципной борьбы за власть между Мао Цзэдуном и Чжан Готао. В силу ряда объективных обстоятельств (стабилизация гоминьдановского режима, расширение японской агрессии в Китае и др.) революционное движение под лозунгом Советов оказалось в изоляции и потерпело поражение. Прежние советские районы были захвачены гоминьдановскими войсками, а остатки Красной армии загнаны в глухой северо-западный угол страны на стыке провинций Шэньси — Ганьсу — Нинся.

В новом поражении КПК сыграли свою роль и субъективные факторы, отдельные просчеты ее руководства, но главной причиной, как и в 1927 г., явилось крайне неблагоприятное для коммунистов соотношение сил. Общественное мнение страны было взбудоражено растущей японской угрозой, требовало прекращения гражданской войны, сплоче-

²² Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна. М., 1975, с. 30.

ния всех национальных сил для отпора японской агрессии. Глубоко проанализировав изменение обстановки в Китае в свете решений VII Конгресса Коминтерна, ИККИ совместно с делегацией КПК, возглавлявшейся Ван Минном, разработал новую политическую линию партии, стержнем которой стала тактика единого антияпонского национального фронта.

Совместные меры ИККИ, марксистско-ленинского ядра КПК, советской дипломатии, а также давление самых широких кругов китайской общественности, включая некоторые гоминьдановские милитаристские кланы, привели к тому, что к 1937 г. правительство Чан Кайши приостановило военные действия против Красной армии. Начало японо-китайской войны позволило закрепить этот успех и снять угрозу полного разгрома Красной армии. Таким образом, Компартию Китая спасли в действительно критический для нее момент не Мао Цзэдун и его группа, а изменившиеся исторические обстоятельства, своевременная политическая реакция Коминтерна, а также тех сил внутри КПК, которые совместно с Коминтерном разрабатывали и претворяли в жизнь новую политическую линию партии в упорной борьбе с авантюристической группировкой Мао Цзедуна. Этот вывод советской историографии основан на тщательном изучении и сопоставлении обширного круга документальных источников.

Что касается внешнего аспекта маонистской легенды о совещании в Цзуньи, то о нем достаточно откровенно поведал У Сюцюань. В заключительном абзаце своей статьи он пишет: «Совещание в Цзуньи было первым совещанием, на котором наша партия с независимых (от Коминтерна. — Авт.) марксистско-ленинских (!) позиций выработала основные положения своей линии, курса и политики», и «в этом заключается великое значение совещания в Цзуньи». Автора статьи ничуть не смущает его предшествующее признание, что совещание в Цзуньи «не занималось политическими вопросами» и, следовательно, никак не могло выработать «основные положения линии, курса и политики» КПК. Главное для него — это «независимость» от международного коммунистического движения, от накопленного им практического и теоретического опыта классовой борьбы пролетариата всех континентов, опыта строительства нового общества в Советском Союзе и странах социалистического содружества. И «если каждая партия», поучает У Сюцюань мировое коммунистическое движение, не будет придерживаться такой же «независимости», которую практиковал и проповедовал Мао Цзэдун, «то у нее не может быть никакой надежды на победу». Националистический, раскольнический смысл этих сентенций У Сюцюаня не нуждается в комментариях. Они вполне соответствуют великодержавно-гегемонистскому, антисоветскому и проимпериалистическому внешнеполитическому курсу нынешнего руководства КПК. Участвующая в последние годы публикация в КНР фальсификаторских псевдонаучных и чисто пропагандистских материалов по истории взаимоотношений между КПК и Коминтерном (к таким материалам относится и статья У Сюцюаня) лишь подтверждает намерение китайского руководства и впредь продолжать такую политику. Выступление У Сюцюаня объективно направлено также против тех приверженцев научного коммунизма в КНР и тех кругов китайской общественности, которые выступают против продолжающейся фальсификации истории КПК, за объективную оценку роли и значения помощи Коминтерна и Советского Союза в национально-освободительной и революционной борьбе китайского народа, за нормализацию отношений с СССР, за возвращение Китая на путь нормального социалистического развития.

Маоистская фальсификация

«битвы ста полков»

А. С. Титов
М. Ф. Юрьев,
профессор

Практически все крупные события в истории Коммунистической партии Китая и китайского революционного движения в новейшее время, в том числе и те, инициатором которых был Мао Цзэдун, подверглись в Китае грубейшей фальсификации. К таким событиям относится и осуществленная в 1940 году войсками КПК «битва ста полков» против японских войск — крупнейшая в антияпонской войне операция 8-й армии. Ее цель заключалась в том, чтобы внезапным ударом вывести из строя коммуникации противника, дезорганизовать его тылы, деблокировать некоторые части 129-й и 115-й дивизий 8-й армии, действовавшие в Северном Китае, установить связь с другими антияпонскими базами, предотвратить готовившееся японцами наступление на Сиань и Чунцин. В то же время операция «ста полков» имела главным образом политический характер. Перед ней ставилась задача «оживить» антияпонскую войну, укрепить веру народа всей страны в окончательную победу над японскими захватчиками и приостановить «мутную волну соглашательства и капитулянтства»¹.

Для того чтобы лучше понять значение «битвы ста полков» и отношение к ней Мао Цзэдуна, необходимо рассмотреть международную обстановку и внутреннюю ситуацию в стране накануне этого события.

«Битва ста полков» была предпринята в то время, когда внутриполитическое и международное положение Китая значительно осложнилось: с 20 июня 1940 г. были прекращены поставки военных материалов Китаю через границу с Индокитаем, а с 18 июля Англия закрыла дорогу Бирма — Китай, в результате чего китайское правительство лишилось годового запаса боеприпасов, вооружения, а также выхода к морским портам, что не могло не сказаться на ходе антияпонской войны. В связи с этим усилились капитулянтские настроения в гоминьдане и китайском правительстве, активизировалась деятельность прояпонских и наиболее реакционных элементов, требовавших мира с Японией, что на деле означало бы полную капитуляцию Китая перед Японией.

Японцы со своей стороны, пытаясь принудить Китай к капитуляции, стали готовить наступление на Северо-Запад Китая — города Лоян, Тунгуань и Сиань, с тем чтобы овладеть западным участком Лунхайской железной дороги и тем самым лишить центральные провинции Китая связи с Ланьчжоу — основной базой снабжения оружием, поступавшим из Советского Союза². Генштаб гоминьдановской армии направил срочную директиву командующему 2-го военного района, губернатору провинции Шаньси Янь Сишаню и его заместителю Вэй Лихуану

¹ См.: Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков (пер. с кит.). М., 1957, с. 139.

² См.: А. Я. Калягин. По незнакомым дорогам. Записки военного советника в Китае, М., 1979, с. 431.

и специальную телеграмму Чжу Дэ с требованием усилить оборону Лояншеской и Тунгуаньского направлений и принять меры к срыву готовящейся японцами наступательной операции³.

Японцы одновременно готовили наступление на временную столицу Китая — город Чунцин, усилили его бомбардировку. Таким образом, объективная обстановка в стране требовала активизации военных действий китайских войск, в том числе и вооруженных сил КПК, которые до этого фактически не вели крупных операций против японцев.

Кроме того, внутривластное положение в Китае усугублялось кризисом единого национального антияпонского фронта, обострением отношений между гоминьданом и КПК, началом междоусобицы, особенно в Северном Китае, где вооруженные столкновения между гоминьдановскими войсками и частями 8-й армии приняли довольно широкие масштабы. Известную роль в этих конфликтах сыграла деятельность прояпонских элементов и японской агентуры, направленная на раскол единого национального антияпонского фронта. Тем не менее основную вину за столкновения несли обе конфликтующие стороны. С самого начала японо-китайской войны Мао Цзэдун и его фракция, не веря в способность Китая оказать вооруженное сопротивление Японии, заняли враждебную позицию по отношению к единому национальному антияпонскому фронту, особенно по отношению к его основе — сотрудничеству КПК с гоминьданом, а также по отношению к стратегии и тактике активных действий вооруженных сил КПК против японских захватчиков.

Еще на лочуаньском совещании Политбюро ЦК КПК в августе 1937 г. они выдвинули свой особый авантюристический курс — добиться в ходе японо-китайской войны одновременного поражения Японии и гоминьдановского режима Чан Кайши. Группа Мао Цзэдуна считала, что рано или поздно гоминьдан капитулирует перед Японией, после чего начнется японо-советская война, в ходе которой будут разгромлены и Япония, и гоминьдановский режим Чан Кайши. Поэтому, утверждали они, не следует идти ни на какие уступки гоминьдану; КПК, наоборот, должна действовать совершенно независимо и самостоятельно как в политическом, так и в военном отношении и даже выступать против него при первой же благоприятной возможности⁴.

Однако война против Японии развивалась не так, как рассчитывал Мао Цзэдун. Ожидаемое нападение Японии на Советский Союз откладывалось. Выступая на VI пленуме ЦК КПК в октябре 1938 г., Мао Цзэдун был вынужден признать это, заявив: «Когда произошли события у озера Хасан, часть нашей общественности обрадовалась, полагая, что если вспыхнет японо-советская война, то Китай сможет перейти в контрнаступление и тогда не понадобится затяжная война»⁵. Поэтому начиная с 1939 г. Мао активизировал свою провокационную деятельность, направленную на срыв сотрудничества КПК с гоминьданом. При этом он широко использовал то обстоятельство, что в гоминьдане также имелись противники сотрудничества с КПК, которые фактически действовали в одном с ним направлении.

Характеризуя стратегический курс Мао Цзэдуна во время антияпонской войны, связанной Коминтерна. П. П. Владимиров указывал: «Мао Цзэдун рвется к гражданской войне... Расчет тут сложный: и поживиться территориально за счет гоминьдана, и поглубже втянуть в конфликт КПК и ГМД Советский Союз, а при случае заставить СССР воевать и с Чан Кайши, и с японцами, укрепляясь самим при этом.

³ См. там же.

⁴ См.: О. Браун. Китайские записки 1932—1939. М., 1974, с. 284—285.

⁵ Мао Цзэдун. О новом этапе. Яньань, 1938, с. 24 (на кит. яз.).

Стоит за всем этим и выработка своей политической платформы для КПК...»⁶

В 1940 г. Мао Цзэдун считал, что после заключения советско-финляндского мирного договора Советский Союз вполне способен оказать помощь КПК, чтобы расправиться с гоминьданом и одновременно с Японией.

Когда начались вооруженные конфликты между КПК и гоминьданом, Мао Цзэдун, свалив всю вину за них на Чан Кайши, выдвинул установку «на трения отвечать трениями» и «пока нас не трогают, и мы не тронем, но если нас тронут — мы не останемся в долгу»⁷. Мао Цзэдун использовал эту установку прежде всего для борьбы с гоминьдановскими войсками, которые были специально направлены в японский тыл для ведения партизанской войны. «В Северном Китае, — писал П. П. Владимиров, — ...вооруженные силы КПК яростно вышибают (это даже не назовешь вытеснением) или начисто истребляют целые части центрального правительства. О какой борьбе с японцами тут может быть речь! Японцы, наоборот, довольны междоусобицей... В ряде пунктов они даже практически без потерь улучшили свои позиции»⁸.

В октябре 1939 г. Мао Цзэдун в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу сделал заявление явно провокационного характера. Он сказал: «Районы, находящиеся в настоящее время под контролем коммунистических войск, в административном отношении независимы от правительства Чан Кайши. Китай не может быть полностью объединен до уничтожения гоминьдановской диктатуры и замены ее демократическим правительством коммунистов и других»⁹.

Акцентируя все внимание на активизации антикоммунистических тенденций в гоминьдане, Мао Цзэдун настойчиво доказывал, что чанкайшистская группировка якобы неизбежно капитулирует перед Японией, а отдельные гоминьдановские руководители (например, губернатор провинции Шаньси Янь Сишань, стоявший за отпор Японии) будто бы уже перешли на сторону врага. Поэтому он предлагал перейти в наступление на гоминьдановские войска. Результат такой политики вскоре сказался на деле. В декабре 1939 г. произошло вооруженное столкновение руководимой КПК Новой шаньсийской армии, находившейся в составе войск Янь Сишаня, с другими его частями. Новая шаньсийская армия совместно с частями 8-й армии разгромила ряд подразделений армии Янь Сишаня¹⁰.

Вооруженный конфликт в Шаньси продолжался до начала марта 1940 г. Мао Цзэдун стремился полностью ликвидировать войска Янь Сишаня, союзника по единому антияпонскому фронту, и превратить провинцию Шаньси в свою опорную базу. Однако вмешалась армия Чан Кайши, и в результате конфликт был урегулирован. Серьезная опасность разрыва отношений между гоминьданом и компартией была, таким образом, устранена.

Японцы внимательно следили за обострением отношений между двумя партиями и вооруженным конфликтом в провинции Шаньси. Газета «Асахи» в феврале 1940 г. писала: «В связи с постоянным ослаблением китайского национального правительства КПК начинает использовать это обстоятельство. Неоднократно циркулировали слухи об обострении в их отношениях, но каждый раз благодаря искусной тактике удавалось избежать разрыва. Теперь каждая партия использует все возможности для увеличения своей силы... Не исключена возмож-

⁶ П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973, с. 123, 201.

⁷ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 3. М., 1953, с. 362.

⁸ П. П. Владимиров. Указ. соч., с. 201.

⁹ «Daily Herald», 21.X.1939; Новейшая история Китая (1917—1970). М., 1972, с. 194.

¹⁰ См.: Новейшая история Китая, с. 194—195.

ность серьезного изменения в отношениях между гоминьданом и КПК. Поэтому надо очень внимательно следить за ситуацией. Коммунистическая 8-я армия, расположенная в Шаньси, имела недавно столкновение с войсками гоминьдана и Янь Спшаня. Недавно имело место столкновение между коммунистами и чунцинскими войсками в провинции Шаньдун. Сообщают о столкновениях в провинциях Хунань и Цзянси. Когда происходят столкновения, национальное правительство предлагает все усилия, чтобы тем или иным путем восстановить мир»¹¹.

После урегулирования вооруженного конфликта в Шаньси Мао Цзэдун предпринял новую авантюру. Центр борьбы против сил чунцинского правительства он решил перенести из Северного Китая, где вооруженные силы КПК фактически уже доминировали над силами гоминьдана, в Центральный Китай, который в прошлом являлся опорой Чан Кайши и его ближайшего окружения. Этой акцией Мао Цзэдун хотел вновь обострить отношения КПК с гоминьданом, так как понимал, что Чан Кайши и его окружение не согласятся с увеличением войск КПК в Центральном Китае, тем более с расширением там партизанских баз КПК.

С другой стороны, Мао Цзэдун хотел подчинить своему контролю действовавшую в Центральном Китае Новую 4-ю армию, которую возглавлял член Политбюро и Секретариата ЦК КПК Сян Ин. Командование Новой 4-й армии под руководством Сян Ина строго придерживалось политики единого национального антияпонского фронта и сотрудничества с гоминьданом в борьбе против общего врага — японских захватчиков и отвергало авантюристические установки Мао Цзэдуна¹².

В кругу своих приближенных Мао Цзэдун говорил, что гоминьдан фактически примирился с господством КПК в Северном Китае и теперь необходимо, чтобы он признал в будущем права КПК не только на Северный Китай, но и на часть Центрального Китая.

Чтобы осуществить свои замыслы, Мао Цзэдун стал направлять части 8-й армии из Северного Китая в Центральный Китай. Еще в июле 1939 г. он приказал колонне 8-й армии под командованием Пэн Сюэфэна перебазироваться из восточной части провинции Хэнань в северо-западную часть провинции Аньхой и создать там партизанскую базу. Эта колонна была включена в Новую 4-ю армию в качестве 6-го отряда. В начале 1940 г. 6-й отряд обосновался в северной части провинции Аньхой в Гояне, где разросся до 6400 бойцов и стал наиболее мощным подразделением Новой 4-й армии в районе к северу от реки Янцзы. Одновременно через своих эмиссаров Мао Цзэдун склонял на свою сторону Чэнь И и некоторых других командиров Новой 4-й армии. В конце 1939 г. Мао Цзэдун создал южноцзянский штаб командования во главе с Чэнь И и штаб командования войсками, действовавшими к северу от реки Янцзы, во главе с Чжан Юньи. Эти штабы подчинялись непосредственно Мао Цзэдуну и Бюро ЦК Центральной равнины, созданному в 1939 г., а не Юго-Восточному бюро ЦК КПК, возглавлявшемуся Сян Ином. Таким образом, командование Новой 4-й армии фактически отстранялось от руководства большей частью своих войск¹³.

В январе 1940 г. Мао Цзэдун перебросил из Северного Китая в Центральный Китай, в северную часть провинции Цзянсу, 20 тыс. бойцов 8-й армии¹⁴.

¹¹ «Асахи», 26.II.1940.

¹² Подробно см.: А. С. Титов. Мужественный сын китайского рабочего класса (к 80-летию со дня рождения Сян Ина). — «Проблемы Дальнего Востока», 1978, № 2, с. 137—147.

¹³ См.: Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков, с. 113; Т. Катаока. Resistance and Revolution in China. Berkeley, 1974, p. 195.

¹⁴ См.: Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 3, с. 380.

4 мая 1940 г. Мао Цзэдун направил секретную директиву Юго-Восточному бюро ЦК КПК с требованием «не считаться с ограничениями, которые ставит гоминьдан, выходить за те рамки, на которые гоминьдан может согласиться, не ждать назначений от кого-либо другого, не рассчитывать на получение материального довольствия сверху; действуя независимо и самостоятельно, смелее развертывать воинские части, решительно создавать новые базы...»¹⁵.

Эта явно авантюристическая, провокационная установка мотивировалась тем, что в условиях, «когда антикоммунистическая клика твердолобых гоминьдановцев (то есть Чан Кайши. — Авт.) упорно проводит политику «предотвращения деятельности коммунистов», «ограничения коммунистов» и борьбы с коммунистами и таким образом готовит капитуляцию перед Японией, мы должны делать упор на борьбу, а отнюдь не на единство; делать упор на единство было бы грубейшей ошибкой»¹⁶. Фактически это означало отказ от сотрудничества с гоминьданом в борьбе против общего врага — японских оккупантов. При этом Мао Цзэдун считал, что развязывание гражданской войны в Китае может повлечь за собой полную капитуляцию гоминьдана перед Японией и в конечном итоге нападение Японии на СССР.

Маскируя этот свой авантюристический стратегический замысел, Мао Цзэдун демагогически утверждал, что «чем больше будут 8-я армия, Новая 4-я армия и партизанские отряды Южного Китая развертывать свою (так называемую независимую и самостоятельную. — Авт.) деятельность на Северо-Западе, в Северном, Центральном и Южном Китае», тем будто бы «больше будет шансов преодолеть опасность капитуляции и обеспечить поворот к лучшему в нынешней обстановке, тем легче будет нашей партии делать свое дело во всей стране». Одновременно он заявлял, что будто бы такие действия КПК и ее вооруженных сил, направленные главным образом против гоминьдана, не приведут к разрыву сотрудничества между КПК и ГМД в масштабе всей страны¹⁷.

Хотя Чан Кайши в той обстановке не стремился к развязыванию гражданской войны против коммунистов, он не исключал и такую возможность. Он утверждал, что гоминьдан в состоянии одновременно вести войну и против японских захватчиков, и против китайских коммунистов. Об этом он прямо заявил Чжоу Эньлаю в одной из бесед в 1940 г. При этом Чан Кайши сослался на опыт 1927—1928 гг., когда он одновременно вел борьбу и против китайских коммунистов, и против северных милитаристов, успешно разгромив их во время Северного похода. В то же время Чан Кайши понимал, что без сохранения мирных отношений с КПК он не сможет рассчитывать на получение материальной и военной помощи от Советского Союза, в которой он был крайне заинтересован, так как ни США, ни Англия, несмотря на все просьбы китайского правительства, такую помощь Китаю не оказывали. К тому же он был предупрежден советской стороной, что предоставляемое Советским Союзом вооружение никоим образом не должно быть использовано для подавления демократического движения, возглавляемого КПК. Именно поэтому он предпочитал искать мирные пути решения так называемой коммунистической проблемы в Китае и урегулирования отношений с КПК. В этой связи весной 1940 г. Чан Кайши предложил военному министру Хэ Инциню, заместителю начальника генштаба Бай Чунси и председателю Законодательного юаня Сунь Фо (который считался либералом, выступавшим за хорошие отношения с Советским Союзом) каждому в отдельности разработать предложения по решению «коммунистической проблемы» в Китае и предотвращению столкновений между гоминьдановскими войсками и войсками КПК.

¹⁵ Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 3, с. 371.

¹⁶ Там же, т. 3, с. 372—373.

¹⁷ См. там же, с. 376.

Бай Чунси и Сунь Фо представили свои предложения, суть которых сводилась к тому, что все войска КПК (8-я и Новая 4-я армии) должны быть сконцентрированы в Северном Китае к северо-востоку от реки Хуанхэ и им должно быть предоставлено право распространять свое влияние в японском тылу к северо-востоку от Хуанхэ, включая Маньчжурию. Кроме того, Сунь Фо выступил с предложением разрешить 8-й армии получать оружие непосредственно от СССР. Хэ Инцинь своих предложений не представил. Чан Кайши в принципе одобрил предложения Бай Чунси и Сунь Фо относительно передислокации войск 8-й и Новой 4-й армий из Центрального Китая в Северный Китай.

В начале июня 1940 г. по приглашению Чан Кайши в Чунцин прибыл Чжоу Эньлай для переговоров с центральными властями об урегулировании спорных вопросов между КПК и гоминьданом. Он вручил чунцинскому правительству так называемые «июньские предложения» 1940 г., которые должны были составить базу переговоров между КПК и гоминьданом. По мнению некоторых буржуазных историков, автором «июньских предложений» был Мао Цзэдун. «Он хотел заставить гоминьдан официально признать Северную Цзянсу за КПК»¹⁸.

Первая часть «июньских предложений» касалась предоставления народу и партиям, в том числе и КПК, больших демократических свобод. Вторая часть, наиболее существенная, касалась 18-й армейской группы (8-й армии), Новой 4-й армии и Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся. Суть этих предложений состояла в следующем: а) Особый район утверждается в составе 23 уездов, председателем правительства Особого района назначается Линь Цзухань; б) 18-я АГ реорганизуется в три армии — 9 пехотных дивизий; существующие и в дальнейшем организованные партизанские отряды считать отрядами усиления, которые имеет каждая АГ; в) Новая 4-я армия реорганизуется в семь отрядов; г) во избежание дальнейших недоразумений между войсками разграничиваются районы между ними и указываются районы, в которых должны действовать 18-я АГ и Новая 4-я армия; д) снабжение частей 18-й АГ и Новой 4-й армии будет производиться по нормам и положениям, установленным для снабжения войск центрального правительства¹⁹.

2 июля 1940 г. руководство гоминьдана передало Чжоу Эньлаю свои предложения. После этого между гоминьданом и КПК начались переговоры. Со стороны гоминьдана в переговорах участвовали Хэ Инцинь и Бай Чунси, со стороны КПК — Чжоу Эньлай и Е Цзяньнин. «16 июля 1940 г., — писал позднее Чан Кайши, — Центральное правительство с целью предотвращения дальнейших столкновений в различных районах страны выработало соглашение с коммунистами, представленными Чжоу Эньлаем и Е Цзяньнином. Это соглашение позднее было вручено Чжоу Эньлаю, который выехал с ним 24 июля в Северную Шэньси для претворения его в жизнь»²⁰.

Содержание переданного Чжоу Эньлаю документа в основном сводилось к следующему: а) в вопросе демократических свобод исходить из установок 26-й статьи Программы войны сопротивления и строительства страны²¹; б) пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся утверждается в составе 18 уездов (конкретно указанных в документе) и переименовывается в Административный район Северной Шэньси; ад-

¹⁸ In: T. Kataoka. Op. cit., p. 208—209.

¹⁹ См.: Канчжань лунь вэньцзи (Сборник материалов по антияпонской войне) [Б. м., б. г.], с. 6—7.

²⁰ Chiang Kaishek. Soviet Russia in China. New York, 1957, p. 93.

²¹ Статья 26 гласила: «В период войны сопротивления свобода слова, печати, организаций и собраний будет иметь законную защиту, если она не нарушает высших основных трех народных принципов и не выходит за пределы постановлений Центрального правительства».

министративный орган этого района должен именоваться Канцелярией Административного района Северной Шэньси и временно подчиняться Исполнительному юаню, однако будет находиться под управлением Шэньсийского провинциального правительства. Приказы по Административному району исходят исключительно от Центрального правительства. На территории района не разрешается выпуск денежных знаков. Гарнизонные войска 18-й АГ, находящиеся в провинциях Шэньси, Ганьсу, Нинся, полностью переводятся в Административный район; в) об оперативном районе действий 18-й АГ и Новой 4-й армии: упраздняется Хэбэй-Чахарский военный район. Провинции Хэбэй, Чахар и часть территории Шаньдуна (36 уездов), находящиеся к северу от реки Хуанхэ, вливаются во второй военный район. Главкомандующим вторым военным районом остается генерал Янь Сишань, его помощниками — Вэй Лихуан и Чжу Дэ.

В документе далее указывалось, что «для удобства ведения военных операций» ответственность за юго-восточную часть провинции Шаньси возлагается на генерала Вэй Лихуана; за Хэбэй, Чахар, Северный Шаньдун и Северную Шаньси — на Чжу Дэ; за юго-западную часть Шаньси — на Янь Сишаня. Таким образом, почти весь Северный Китай «для ведения военных операций» передавался Чжу Дэ. 18-й АГ и Новой 4-й армии предлагалось полностью перейти в указанный район (то есть под командование Чжу Дэ) в течение одного месяца с момента получения приказа. Войскам 18-й АГ и Новой 4-й армии не разрешалось без приказов военного комитета чунцинского правительства переходить границы отведенного для них оперативного района и создавать вне этого района воинские подразделения. Остатки гоминьдановских войск выводились из района, находящегося под командованием Чжу Дэ. Таким способом предполагалось избежать вооруженных столкновений между войсками гоминьдана и КПК.

В документе указывалось, что Центральное правительство назначает председателя провинциального правительства Хэбэй—Чахар. Чжу Дэ предоставлялось право рекомендовать от 3 до 5 человек в члены правительства. Временным местопребыванием провинциального правительства Хэбэй—Чахар намечался район Дамин—Вэйсянь провинции Хэбэй. 18-й АГ, кроме трех армий в составе шести дивизий и трех полков пополнения, разрешалось иметь еще два полка пополнения. Новая 4-я армия утверждалась в составе двух полных дивизий, состоявших из двух бригад и четырех полков каждая. В отношении содержания командования и рядового состава предлагалось исходить из соответствующих установлений Центрального правительства по статьям доверия, при исчислении расходов за единицу принималась армия; за содержанием предлагалось обращаться непосредственно в управление по делам снабжения.

Чжоу Эньлай в основном одобрил это соглашение, но Мао Цзэдун выступил против, так как оно расстраивало все его замыслы. Под предлогом получения дальнейших уступок от гоминьдана Мао Цзэдун фактически дезавуировал достигнутое с гоминьданом соглашение. Он утверждал, что это соглашение лишь начало уступок со стороны Чан Кайши и гоминьдана, которые вследствие прекращения внешних связей через Южный и Юго-Западный Китай после закрытия индо-китайской границы и бирманской дороги вынуждены идти на сближение с Советским Союзом, чтобы получить от него крайне необходимую материальную и военную помощь. Поэтому, по словам Мао Цзэдуна, Чан Кайши и гоминьдан могли бы пойти на еще большие уступки КПК и признать за ней право не только на большую часть Северного Китая, но и на часть Центрального Китая. Мао Цзэдун говорил, что Чан Кайши, понимая, что между китайско-советскими отношениями и отношениями между гоминьданом и КПК существует непосредственная связь, попы-

тается прежде всего разрешить вопросы отношений между гоминьданом и КПК, чтобы тем самым облегчить дальнейшее сближение с СССР. Во внутривнутрипартийных документах Мао Цзэдун стал употреблять даже такие выражения, как «просоветская группа» Чан Кайши. Исходя из этой оценки, он решил не выполнять достигнутое с гоминьданом соглашение, а продолжать переговоры с целью получения дальнейших уступок. В августе 1940 г. он вновь отправил Чжоу Эньляя в Чунцин для продолжения переговоров с гоминьданом, выдвинув контрпредложения к ранее достигнутой договоренности. Они сводились к следующему: а) расширить второй военный район, включив в него целиком провинцию Шаньдун и часть провинции Суйюань; б) производить выдачу содержания из расчета полкового состава 18-й АГ и Новой 4-й армии и партизанских отрядов, находящихся в различных местах (именно поэтому начатые вскоре военные действия 8-й армии в Северном Китае получили наименование «битвы ста полков». — Авт.); в) установить партизанским отрядам, находившимся в различных военных районах, границы действий, с тем чтобы они могли самостоятельно вести борьбу против врага. Кроме того, в контрпредложениях содержалось требование увеличить 18-ю АГ до 9 дивизий, а Новую 4-ю армию — до 3 дивизий, предоставить командованию 18-й АГ право назначать губернаторов провинций Хэбэй и Чахар. Только на таких условиях Мао Цзэдун соглашался вывести войска 18-й АГ и Новой 4-й армии из Центрального Китая²².

Выдвигая эти контрпредложения, Мао Цзэдун хорошо понимал, что они не будут приняты гоминьданом, а лишь вызовут дальнейшее обострение отношений между двумя партиями и усилят позиции капитулянтских элементов в гоминьдане. Он рассчитывал использовать такой ход событий для дискредитации политики Коминтерна и интернационалистов в КПК, направленной на укрепление сотрудничества с гоминьданом в борьбе с Японией.

В связи с этими установками надо рассматривать и его отношение к «битве ста полков». По данным П. П. Владимирова, Мао Цзэдун информировал Коминтерн об операции, предпринимаемой ради срыва «второго Мюнхена» (изоляции капитулянтских элементов правого крыла гоминьдана) и готовящегося нового японского наступления²³.

Казалось, осуществление такой крупной операции противоречило позиции Мао Цзэдуна и его сторонников, выступавших против «траты сил» на военные действия с Японией и считавших главной задачей накопление сил для последующей решающей схватки с гоминьданом за власть в Китае. Однако в данном случае было сделано исключение. Такое решение, видимо, объяснялось несколькими причинами. Во-первых, «битва ста полков», по расчетам Мао Цзэдуна, должна была отвлечь внимание от перенесения центра борьбы вооруженных сил КПК против гоминьдана из Северного в Центральный Китай, где по его приказу части 18-й АГ и Новой 4-й армии уже начали боевые действия против гоминьдановских войск губернатора провинции Цзянсу Хань Дэциня и создание там партизанских баз, что не могло не вызвать значительного ухудшения взаимоотношений КПК с гоминьданом. Армия Хань Дэциня насчитывала 60—70 тыс. человек. Кроме того, он контролировал и некоторые местные отряды. В конце июня — начале июля 1940 г. произошло первое столкновение между вооруженными силами КПК и войсками Хань Дэциня в местечке Хуанцяо, в 25 км севернее города Тайсин в провинции Цзянсу. 1 августа 1940 г. между ними вновь произошло крупное сражение. Бои продолжались в сентябре и октябре. В результате войска Хань Дэциня потерпели полное поражение. Подразде-

²² См.: Сборник материалов по антияпонской войне, с. 18—21; Т. Катаока. *Op. cit.*, p. 212—213.

²³ См.: П. П. Владимиров. Указ. соч., с. 551.

ления 8-й и Новой 4-й армий взяли в плен свыше 8 тыс. солдат и офицеров и захватили большие трофеи. Обе стороны понесли большие потери²⁴, обвиняли друг друга в вероломстве, но эти события широкой огласки не получили. Чан Кайши и его окружение не давали в печать информацию об этих событиях, так как считали, что это будет только на руку японцам, вацзинивэевцам и прояпонским элементам в самом гоминьдане. Мао Цзэдун также не был заинтересован в афишировании событий в Цзянсу. В то же время его расчет на обострение отношений с гоминьданом и подчинение большей части войск Новой 4-й армии своему контролю оправдался.

Во-вторых, «битва ста полков», по мнению Мао Цзэдуна, должна была поднять в глазах общественности внутри страны и за ее пределами авторитет и роль КПК, ее вооруженных сил, опровергнуть или приглушить разговоры (имевшие под собой серьезные основания) о раскольнической деятельности Мао Цзэдуна и его окружения, а также о фактическом срыве достигнутой между представителями КПК и гоминьдана договоренности в Чунцине в июле 1940 г.

В-третьих, предпринимая «битву ста полков», Мао Цзэдун рассчитывал, что она должна продемонстрировать всему миру, и прежде всего Советскому Союзу, что не гоминьдан, а КПК становится решающей силой в борьбе против японских захватчиков, что должно было бы побудить Советский Союз отказаться от оказания помощи гоминьдану в пользу КПК. Одновременно по указанию Мао Цзэдуна усиленно распространялись утверждения о том, что будто бы против вооруженных сил КПК действуют уже 17 японских дивизий, то есть больше половины японской оккупационной армии в Китае, и тем не менее не могут добиться успеха.

План операции был составлен за месяц до ее начала под непосредственным руководством Чжу Дэ и Пэн Дэхуая, которые контролировали подготовку всех военных округов освобожденных районов Северного Китая к общему наступлению.

«Битва ста полков» началась неожиданно для японского командования 20 августа 1940 г. 21 августа Чжу Дэ направил Чан Кайши телеграмму следующего содержания: «Получил Ваше сообщение о том, что противник сосредоточил до двух пехотных дивизий в районе Тайюань и имеет намерение перейти в наступление на Тунгуань и Лоян. Эти же сведения получил от своих частей, которые подтверждают подготовку противника к наступлению с целью перерезать наши пути сообщения. Чтобы сорвать это наступление, удержать Северо-Запад в наших руках и разбить противника, части 18-й группы армии после сосредоточения в составе ста полков перешли в общее наступление. Задача наступления: а) окончательно порвать всякую связь противника по линии Север—Юг; б) обеспечить Вам общее руководство на всем фронте борьбы с Японией. Наступление готовилось в течение месяца, но я боюсь, что наша секретная служба работает не совсем хорошо, поэтому сообщая Вам следующее: а) мы назвали это наступление — «наступлением ста полков». В наступлении участвуют 115, 120 и 129-я пехотные дивизии и части, находящиеся в провинциях Чахар, Хэбэй, Шаньси; б) такого наступления еще не было на протяжении всей войны Китая с Японией. Наступление началось 20 августа в 20.00. Бои развертываются с каждым шагом нашего продвижения. Сейчас уже могу доложить, что связь противника на Чжэндин-Тайюаньской железной дороге полностью прервана. Подробности боев донесу после завершения наступления. Чжу Дэ»²⁵.

²⁴ In: C. A. Johnson. *Reasant Nationalism and Communist Power. The Emergence of Revolutionary China 1937—1945*. Stanford, 1962, p. 57.

²⁵ Цит. по: А. Я. Калягин. *По незнакомым дорогам*, с. 432—433.

По данным политуправления 8-й армии, подготовка к наступлению началась за месяц, то есть в 20-х числах июля, когда Мао Цзэдуу стали известны итоги переговоров Чжоу Эньлая и Е Цзяньина с гоминьданом. По тем же данным, в нем участвовало «115 полков 8-й армии общей численностью 400 тысяч человек совместно с многочисленными отрядами народного ополчения»²⁶. Видимо, цифра завышена из пропагандистских соображений. По данным А. Я. Калягина, в «битва ста полков» было вовлечено в общей сложности более 300 тыс. китайских войск, в том числе некоторые гоминьдановские части²⁷.

В китайских публикациях вся операция делится на три этапа. Три недели, с 20 августа по 10 сентября, составили первый этап — удар по пяти дивизиям и девяти отдельным бригадам противника (около 200 тыс. солдат и офицеров), дислоцированным на 11 железных дорогах Северного Китая, а также на ряде важнейших шоссейных дорог. В операции участвовали 46 полков Шаньси-Чахар-Хэбэйского района под командованием зам. командира 115-й дивизии Не Жунчжэня; 47 полков Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнаньского района (командующий — командир 129-й дивизии Лю Бочэн); 22 полка Шаньси-Суйюаньского района (командующий — командир 120-й дивизии Хэ Лун). Главный удар был нанесен по Чжэндин-Тайюаньской железной дороге. Расположенные на ней японские гарнизоны, особенно в Няньцзыгуане, препятствовали связи между войсками Шаньси-Чахар-Хэбэйского района на севере и полевой ставкой 8-й армии во главе с Пэн Дэхуаем на юге Шаньси (в районе действий 129-й дивизии). Части Не Жунчжэня атаковали участок Пиндин-Шицзячжуан, а 129-я дивизия и Новая Шаньсийская армия — участок западнее Пиндина. Одновременно 120-я дивизия ударила по северному участку железной дороги Датун-Пучжоу, чтобы лишить противника возможности перебросить отсюда подкрепления на Чжэндин-Тайюаньскую железную дорогу. Наряду с атаками против японских гарнизонов и сотен выдвинутых постов (от взвода до батальона) были разрушены коммуникации (железнодорожные и шоссейные пути, мосты, линии телефонной связи), что затрудняло противнику организацию перегруппировки и контрударов. Части Шаньси-Чахар-Хэбэйского района взяли важный опорный пункт противника Няньцзыгуань, сильно укрепленный врагом за три года оккупации, и уничтожили его гарнизон. Они же захватили и разрушили угольные шахты в Цзинсине, окруженные 22 дотами, а уголь, большая часть которого вывозилась в Японию, был сожжен.

Население активно поддерживало войска 8-й армии. Так, в разрушении дороги Шицзячжуан-Дэчжоу участвовало свыше 30 тыс. местных жителей.

К 10 сентября задачи первого этапа операции были выполнены и начался ее второй этап, длившийся по первую декаду октября и заключающийся в уничтожении укрепленных пунктов противника, глубоко врезавшихся в территорию антияпонских опорных баз КПК. Так, была уничтожена линия фортов и дотов на шоссе Юйшэ — Ляюэ, проходившего через центральную часть Тайханского района, руководимого КПК.

Солдаты и командиры 8-й армии, партизаны, ополченцы проявили высокий героизм, самоотверженность в выполнении трудных боевых задач. Однако у войск КПК было мало оружия, особенно тяжелого, не хватало взрывчатки, а качество ее оставляло желать лучшего. Это повлияло на дальнейшее развитие борьбы. В первой декаде октября японская армия перешла к активным наступательным действиям. Начался третий этап «битвы ста полков», для 8-й армии — оборонительный. Он продлился до 5 декабря.

²⁶ Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков, с. 128—129.

²⁷ См.: А. Я. Калягин. Указ. соч., с. 433.

Всего за три с половиной месяца было проведено 1824 боя, убито и ранено более 20 тыс. японских солдат и офицеров, более 18 400 солдат и офицеров марионеточных войск, уничтожено 2993 укрепленных пункта, захвачено более 5400 винтовок и карабинов, свыше 200 тяжелых и легких пулеметов и большое количество другого вооружения и боеприпасов, разрушено 948 ли железнодорожного пути и 3000 ли шоссе дорог, свыше 260 мостов, туннелей и железнодорожных станций, освобождено более 10 тыс. рабочих угольных шахт, две с лишним тысячи железнодорожников и более 600 соотечественников, согнанных на строительство и ремонт дорог. Бойцы и командиры, участвовавшие в «битве ста полков», несмотря на огромные трудности, проявили исключительный героизм и успешно выполнили боевые задачи²⁸.

«Но самым важным боевым успехом, — подчеркивали в годы анти-японской войны китайские коммунисты, — было то, что наши войска сорвали вражескую тактику «блокады», сковали крупные воинские силы противника в глубоком тылу и остановили мутную волну соглашательства и капитулянтства... Эти наступательные операции, невиданные по своим размерам с начала войны Китая против японских захватчиков, воодушевили весь народ и армию; многие газеты в большом тылу посвятили этой победе специальные передовые, население в тылу японских войск присылало нам многочисленные письма, в которых выражало свою признательность и благодарность нашим бойцам»²⁹.

Согласно данным Политуправления 8-й армии, потери 8-й армии «ранеными, отравленными газами и погибшими на поле боя составили 22 с лишним тысячи человек»³⁰.

По признанию японцев, «битва ста полков» «внезапно продемонстрировала, как активны еще китайские войска» в то время, когда японская армия готовилась к наступлению на юг, в Индокитай и дальше. Она нанесла огромный ущерб японским оккупационным силам в Северном Китае. Им пришлось предпринять решительные действия, чтобы помешать дальнейшему партизанскому наступлению, и потратить много времени и средств для восстановления разрушенных линий связи, железных и шоссе дорог, угольных шахт и других объектов³¹.

Поскольку «битва ста полков» не принесла Мао Цзэдуну ожидавшихся результатов, он и его приверженцы расценили ее впоследствии как «стратегическую ошибку». Так, Не Жунчжэнь на VII съезде КПК в 1945 г., подпевая Мао Цзэдуну, говорил: «„Стополковая операция“ — стратегическая ошибка! При помощи 100 полков нельзя изменить политическую обстановку. «Битва 100 полков» была предпринята для предотвращения возможной японской агрессии против еще кого-то (под «еще кого-то» Не Жунчжэнь подразумевает Советский Союз. — Прим. П. П. Владимиров). В этой операции мы понесли крупные потери и навлекли на себя... ответные действия японцев. 100 полков не могли нанести ощутимый урон противнику, а мы пострадали. Таким образом, правильная линия в военном вопросе — линия товарища Мао Цзэдуна»³².

Не Жунчжэня на VII съезде поддержали Лу Динъи, Ян Шанкунь и другие приверженцы Мао Цзэдуна.

В противоположность этим выступлениям Чжу Дэ в докладе на съезде по военному вопросу высказался против отрицания успехов и значения «битвы ста полков». Он назвал ее «мощной», конечным рубежом первого периода боевых действий вооруженных сил КПК. Одновременно он признал, что оценка соотношения сил перед началом опе-

²⁸ См.: Народно-освободительная армия Китая..., с. 129—136.

²⁹ Там же, с. 139.

³⁰ Там же.

³¹ Ип: С. А. Johnson. Op. cit., p. 57—59.

³² П. П. Владимиров. Особый район Китая, с. 543.

рации была дана неправильно и были допущены ошибки во время операции³³.

На VII съезде КПК конкретных «виновников» «битвы ста полков» не называли, хотя, по словам Чэнь Бода, еще во время этой операции Мао Цзэдун будто бы «подверг серьезной критике ошибочные методы Пэн Дэхуая», заявив: «Пэн Дэхуай не посоветовался со мной даже в таком большом деле. Наши силы выставлены напоказ, а последствия будут плачевны»³⁴. Правда, это было сказано во время пресловутой «культурной революции», когда против Пэн Дэхуая было выдвинуто обвинение в том, что он будто бы произвольно начал операцию «ста полков» в поддержку Чан Кайши и гоминьдана, не поставив в известность Мао Цзэдуна³⁵. Тогда же в причастности к «битве ста полков» обвинялся и Дэн Сяопин. «Дэн Сяопин, — говорилось в хунвэйбинской газете, — ...прекрасно понимал, что эти действия противоречат стратегическим идеям и военной линии председателя Мао Цзэдуна. Тем не менее он активно поддерживал и проводил крайне ошибочную линию Пэн Дэхуая... В результате этого наши главные силы в Северном Китае понесли большие и совершенно ненужные потери»³⁶.

В публикациях китайских коммунистов 40—50-х годов «битва ста полков» получала высокую оценку как сильный удар по планам агрессоров и по капитулянтским настроениям в гоминьдане. Однако после лушаньского пленума ЦК КПК (1959), на котором Пэн Дэхуай за смелую критику маоистской авантюры «большого скачка» был объявлен «правым оппортунистом», «о битве ста полков» в КНР не упоминалось.

Лишь на состоявшемся после смерти Мао Цзэдуна III пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), на котором был «реабилитирован» Пэн Дэхуай, одновременно была «реабилитирована» и «битва ста полков». Однако сейчас наследники Мао Цзэдуна, пытаясь обелить своего «кормчего» в этом вопросе, возлагают вину за искажение исторической правды о «битве ста полков» на Линь Бяо и «банду четверых». Эта позиция отразилась, в частности, в статье «Восстановить подлинный облик «битвы ста полков», в которой говорится, что до конца 50-х годов «битве ста полков» давалась положительная оценка, но затем она была изменена, и «битва ста полков» подверглась фальсификации, особенно в период господства Линь Бяо и «четверки». В статье указывается, что ЦК КПК и Мао Цзэдун знали о проведении «битвы ста полков», а Мао Цзэдун даже послал Пэн Дэхуаю телеграмму, в которой поздравил его с победой³⁷.

Из всего изложенного видно, что «битва ста полков» была не «стратегической ошибкой», а важным событием антияпонской войны и свидетельством того, что вооруженные силы КПК могли вести крупномасштабные успешные военные действия против японских захватчиков. Однако это не входило в планы Мао Цзэдуна, поэтому он в ложном свете представил эту операцию, чтобы оправдать свой курс на отказ от активных военных действий против японских империалистов.

³³ См.: Ч жу Дэ. Лунь цзефаншюй чжанчан (О стратегическом плацдарме освобожденных районов). Далянь, 1945, с. 12.

³⁴ The Case of Peng Tehhuai 1959—1968. Hong Kong, 1968, p. 192—193.

³⁵ Ibid.

³⁶ «Вэйдун», № 52, 1.IV.1967, с. 5—7 (орган хунвэйбинов Нанькайского университета города Тяньцзиня).

³⁷ См.: Цзинь Чуньмин. Хай байтуань дачжань и бэйлай мяньму (Восстановить подлинный облик «битвы ста полков»). «Ляонин дасюэ сюэбао» (Шэньян), 1979, № 6.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Страница биографии ученого

[к 90-летию со дня рождения Н. А. Невского]

*Л. Л. Громковская,
кандидат филологических наук*

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения Николая Александровича Невского и 20 лет со дня присуждения ему Ленинской премии (посмертно), которой он был удостоен за выдающееся научное открытие — дешифровку тангутской письменности. Но тангутика не сразу стала основным направлением научного творчества Н. А. Невского. Он известен как разносторонний ученый, его труды по японской диалектологии и этнографии, по айнскому фольклору, по языку аборигенов острова Тайвань общепризнаны и у нас в стране и за рубежом.

* * *

Сегодня почти забыто, что по образованию Н. А. Невский был в равной мере и японистом и китаистом. Его дипломное сочинение, посвященное поэзии Ли Бо и выполненное под руководством В. М. Алексеева, позволяло думать, что делом своей жизни Невский изберет синологию. Но этого не случилось. Дипломное сочинение осталось единственным свидетельством его занятий китаистикой. Однако, совершив своего рода «отступничество» по отношению к В. М. Алексееву, Николай Александрович неизменно долгие годы пользовался исключительным расположением своего учителя и платил ему тем же. Отношения двух выдающихся востоковедов зафиксированы в письмах, документах, воспоминаниях, с их помощью воссоздается одна из страниц нашей науки.

...Молодой приват-доцент В. М. Алексеев вернулся в 1910 г. из командировки в Китай, полный звук китайской речи и стремления по-новому обучать студентов. И в самом деле, постановка преподавания на Восточном факультете Петербургского университета в то время нуждалась в реорганизации. В статье С. И. Игнатьева «Наши востоковеды», помещенной в августовском номере «Исторического вестника» за 1910 г., приведен следующий диалог:

«— Ну, а все-таки за четыре года изучения китайского языка в здешнем университете чего-нибудь достигают?»

— Да как вам сказать? Почти что ничего...

— Быть не может! Ведь четыре года все же чему-нибудь да учатся по-китайски?

— Учатся, конечно. Но так выходит, что если кто из окончивших курс в китайском отделении получит место в нашей китайской миссии, то ни он не понимает китайцев, ни они его.

Вот что вы обыкновенно услышите, поговоривши откровенно со студентами нашего Восточного факультета».

Разумеется, мы не будем придавать излишне большого значения этому свидетельству, но «дыма без огня не бывает».

Итак, Василий Михайлович приступил к преподаванию. Одним из его нововведений была, в частности, фонетическая студия. Но после первого года занятий стало ясно, что студенты не приняли его начинания. Алексеев понимал, что они по своему правы, ведь, как говорилось в той же статье, «чиновники на Востоке набираются вовсе не из окончивших курсы в официальных школах восточных языков, а из людей, не имеющих ровно ничего общего с Востоком, зато обладающих протекцией». К чему же было, скажем, упражняться в фонетике пекинского диалекта?

И все-таки В. М. Алексеев сохранил студию и на второй год преподавания, ее «спас» студент-первокурсник Николай Невский, который занимался «с восторгом». С этого момента и начинается отсчет лет дружбы Н. А. Невского с В. М. Алексеевым, продолжавшейся более четверти века. Среди университетских учителей Н. А. Невского были Л. В. Щерба, А. И. Иванов, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, но первым должен быть назван все же Василий Михайлович Алексеев.

Явные лингвистические склонности Н. А. Невского, «спасшие» фонетическую студию, не мешали ему быть и ценителем поэзии. Впоследствии он создал непревзойденные поэтические переводы древних японских молитвословий — синтоист-

ских гимнов «норито». И уже с юношеских лет Н. А. Невский, по его собственному выражению, всегда «жаждал поэзии». Он любил Брюсова, называя его стихи «железными», говорил о «чудной музыке» стихов Северянина, восторгался Блоком, поэзия Бальмонта представлялась ему «светло-солнечной». Вспоминая о любви Н. А. Невского к поэзии, Н. И. Конрад говорил: «Я прекрасно помню, как он с торжеством вошел в мою комнату в общежитии и положил на стол маленькую книжечку. И сказал: «Вот, читайте!» Это был «Камень» Мандельштама. Оценить в то время Мандельштама могли очень немногие... И с большим удовольствием он всегда цитировал Велемира Хлебникова»¹.

Не удивительно, что когда на Восточный факультет вместе с В. М. Алексеевым пришло увлечение китайским искусством, литературой и в особенности классической поэзией, великолепно преподносимой, Невский поддался обаянию этой поэзии. Тема дипломного сочинения, несомненно, тоже была подсказана Василием Михайловичем. Во вступлении к работе читаем: «Я остановился на Ли Бо вследствие того, что много был слышан об этом гении от своих университетских учителей. Незадолго до этого, в 1911 г. появились переводы «Стихотворений в прозе» Ли Бо, выполненные В. М. Алексеевым.

Дипломному сочинению Н. А. Невский придавал исключительное значение: «Должен заметить, что считаю работу своим «я», так как, насколько позволяло время и мои слабые способности, я вложил в нее все свое знание в области китайского языка, приобретенное за три с лишним года пребывания в университете. Эта работа, сказал бы я, является моей автобиографией, по которой мои учителя смогут точно восстановить интеллектуальный облик ее автора». Вся дальнейшая жизнь Н. А. Невского будет подтверждением этих его слов — в свои работы он вкладывал всего себя, и сегодня мы можем с уверенностью сказать, что биография ученого — в его трудах. Но думается, тогда, в студенческие годы, эта полная самоотдача имела своей причиной и преданность учителю.

Тема сочинения была сформулирована так: «Дать двойной перевод (дословный и парафраз) пятнадцати стихотворений Ли Бо, проследить в них картинность в описании природы, сравнить по мере надобности с другими поэтами и дать основательный разбор некоторых иностранных переводов»². В. М. Алексеев оценил работу дипломанта как «весьма удовлетворительную» и обратился к своему ученику со словами: «Работа Ваша выполнена прекрасно. Усилия, употребленные на понимание трудных, оторванных от контекста стихов и на создание искусного перевода, увенчались полным успехом, особенно благодаря добросовестному отношению Вашему к каждому слову и выражению. Погрешности, отмеченные на полях, имеют характер более нежели извинительный, ибо обязаны только вполне понятному недостатку опытности».

В 1915 г. университет изыскал средства для отправки Н. А. Невского в Японию на двухгодичную стажировку, вменив ему в обязанность получить основательную филологическую подготовку для того, чтобы в дальнейшем вести преподавательскую работу на факультете. Помимо этого, была и еще сугубо научная цель: исследование проблем, связанных с национальной японской религией — синтоизмом. Возможно, что именно командировка в Японию повлияла на окончательный выбор Невского — он стал японоведом.

В течение всего срока стажировки Н. А. Невский поддерживает переписку с В. М. Алексеевым. И хотя интересы его ученика теперь переместились в совершенно другие сферы, далекие от китайской поэзии, В. М. Алексеев не оставляет его своими заботами. Он как бы спешит заверить, что все по-прежнему, что он продолжает считать Н. А. Невского своим учеником и близким человеком. В одном из писем (1917 г.) он пишет: «Я в Вас вижу все самое лучшее. Вы — лучший из моих учеников... В Вас горит энтузиазм и свет науки. Вам принадлежит будущее. Со способностями Вы соединили редкую любовь к труду и знанию, окрашенные в идеальный колорит, бескорыстный, честный, молодой и яркий. Когда мне Елисеев (С. Г. Елисеев — известный японовед. — Л. Г.) говорит о том, сколь высокого мнения о Вас японские ученые, то я верю и не удивляюсь. Еще был Разве можно не восхищаться Вами! Однако помните мой завет: ищите тех ученых друзей, которые лучше Вас, а не равны Вам. В этом отношении нужно быть крайним эгоистом». И тут же, рядом с прочувствованным панегириком — деловитый совет: «Спишитесь с Борисом Леонидовичем Богаевским, профессором Пермского университета, упомянув меня и прося выслать Вам его работы по земледельческой религии Афин, библиографически, во всяком случае, великолепно оборудованные. Вы оба увлекаетесь одним и тем же, а это редко и приятно». Но не только похвалы и советы содержатся в письме, есть в нем и упреки. Так, Василий Михайлович попенял Н. А. Невскому, который сделал известную работу Дж. Фрэнзера настольной книгой: «Увлекаетесь, милый, „Золотой ветвью“». И не может удержаться от сожаления: «А как жаль, что Вы не китайск и не можете воспользоваться трудами моей жизни...» Далее следуют знаменательные слова: «Я счастлив был и остаюсь тем, что Вы были моим учеником. В качестве

¹ Магнитофонная запись выступления Н. И. Конрада. Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР.

² Дипломная работа Н. А. Невского хранится в Ленинграде, в Архиве АН СССР.

лучшего пожелания скажу: да будет и у Вас такой же! Опыт подсказывает мне, что это больше раз может и не быть».

Невский прожил в Японии четырнадцать лет. После того как в 1917 г. университет прекратил ему выплату содержания, он вынужден был поступить на работу, чтобы иметь средства существования, связав себя контрактом. Начавшаяся в России гражданская война, японская интервенция на Дальнем Востоке отодвинули возможность возвращения на неопределенный срок. Но Н. А. Невский постоянно стремился вернуться на Родину. И В. М. Алексеев, конечно, не мог остаться в стороне, он пытается всеми средствами помочь Невскому. В нашем распоряжении документ, относящийся к 1922 г., это письмо В. М. Алексеева в директивные органы: «Во время прохождения университетского курса он выказал исключительные дарования, большую начитанность и серьезность научного энтузиазма. Оставленный при университете при кафедре японской словесности для подготовки к профессорскому званию, он в 1915 году командирован университетом в Японию, где и пребывает по сей день, не имея возможности вернуться в Россию сначала из-за отсутствия средств, а затем из-за политических осложнений на Дальнем Востоке.

Судя по отчетам, усомниться в действительности которых ни один из его бывших учителей и руководителей не имеет никаких оснований, а равно судя по отзывам столь компетентных людей, как С. Г. Елисеев, бывший преподаватель Петроградского университета, теперь профессор Парижского университета, как покойный О. О. Розенберг, бывший профессор Петроградского университета, Н. И. Конрад, состоящий ныне преподавателем того же университета, и многих других лиц, могущих в письменной форме заверить свои слова, успехи Н. А. Невского как в области технического усвоения языка, так и в филологической науке японологического типа превышают все, что-либо доселе виденное. В настоящее время он располагает огромным первоклассным научным материалом в области японской этнографии и литературы, подлежащим обработке на русской территории и в русском университете.

Точный список трудов Н. А. Невского, написанных пока на японском языке, дан быть не может, но у пишущего этот отзыв нет сомнения, что молодой ученый сумеет при должных условиях поделиться ими с аудиторией и сделать ими вклад в науку русского японоведения.

Ввиду всего изложенного я считаю своим долгом засвидетельствовать необходимость принять спешные меры к облегчению Н. А. Невскому доступа в Россию и материального ему вспоможения на проезд, требующий расходов, не оправдываемых его более чем скромными ресурсами преподавателя русского языка в Японской школе иностранных языков (Осака).

Профессор китайской филологии Вас. Алексеев..

27 декабря 1922 г.:

Но вопрос о возвращении Н. А. Невского на родину решился еще не скоро. Между тем рос его авторитет в научных кругах Японии, он печатался в японских журналах, преподавал в высших учебных заведениях — и не только русский язык. Киотский университет пригласил его прочитать курс лекций по айноведению. Невский совершал диалектологические экспедиции на острова южного архипелага Мияко, на Формозу — тогдашнюю японскую колонию. Его научные интересы углублялись и расширялись. В середине 20-х годов он уже приступил к изучению проблемы тангутской письменности. Как всегда, Василий Михайлович в курсе всех дел Невского, помогает советами, присылает книги и статьи. В письме от 26 января 1929 г. Н. А. Невский обращается с просьбой: «Хотелось бы слышать Ваше конкретное мнение относительно способа составления словаря и расположения в нем идеографов».

Вернувшись в Советский Союз в 1929 г., Н. А. Невский поселился в квартире Алексеева, где ему была предоставлена отдельная удобная комната.

На сессии Академии наук в мае 1930 г. В. М. Алексеев выступил с докладом «Об организации изучения тангутского фонда в связи с новейшими успехами китайской историографии». В докладе, в частности, говорилось: «Надо обратиться к помощи живых потомков тангутов со словарем, который имеется у Невского, и при этом можно многое твердое и определенное найти, во всяком случае иметь определенную канву». Тангутоведение, таким образом, было поставлено в ряд актуальных проблем науки, к исследованиям Н. А. Невского было привлечено внимание.

Николай Александрович не оставляет и японоведения, он обрабатывает материалы, собранные им в Японии, готовит к печати «Айнский фольклор», «Материалы по говорам языка цоу», преподает в университете. Он еще молод, ему едва перевалило за сорок, когда в 1934 г. по инициативе В. М. Алексеева в Академию наук была подана «Записка о предлагаемом нижеподписавшимися к избранию в действительные члены АН СССР профессором Николае Александровиче Невском». В. М. Алексеев, который был автором «Записки», писал о том, что «благодаря своим исключительным научным качествам Николай Александрович выработал из себя крайне редкий для японистов-неяпонцев тип исследователя наиболее трудных и редко стоящих на очереди этнографических и лингвистических проблем, при этом не тех, что выглядят наиболее эффектно в японологической информации для неспециалистов, но именно..

тех, которые занимают японских исследователей, вследствие чего, обращенные именно к этой аудитории, его работы чаще всего написаны на японском языке, которым он владеет в совершенстве, являя нам пример редкого овладения стихией иностранного языка вплоть до полного ее индивидуального претворения в родной язык... Этнографические его исследования, основание которым было положено его общением с известным нашим оригинальным и широким этнографом Л. Я. Штернбергом, полны новых открытий. Как, например, этюд № 1 «О мертвой и живой воде» на японо-рюкюской почве, этюд о заклинании на полях животных, обновивший вопрос данными личного наблюдения им данного обряда на полях Формозы, этюд о магических фигурах из соломы, тоже датированный личными наблюдениями, опровергающий принятое толкование танца «сисимаи» как танца льва и возводящий этот танец в древнюю концепцию оленя. Но главным его достижением в этой области является собрание материалов по языку и фольклору айнов, достижение, признанное японскими учеными, пригласившими его читать по этому предмету лекции в Киотоском университете. Огромный, отлично отработанный материал этот, вместе со столь многими другими, ждет только печати... Итак, принимая его достижение, что в лице Н. А. Невского мы имеем, во-первых, первого в СССР знатока японского языка и его диалектов, языка цоу, языка айнов и тангутской письменности и, кроме того, первоклассного китаиста, во-вторых, знатока японского языка, овладевшего им как стихией, в-третьих, методологически зрелого исследователя научных этнографических и лингвистических (чаще всего соединенным подходом) проблем, весьма далеких от информационного показа, в-четвертых, исследователя, изобилующего исключительными материалами, которому должна быть предоставлена полная возможность этот материал опубликовать, мы, нижеподписавшиеся действительные члены Академии наук СССР, как свидетели научной деятельности и научной квалификации профессора Николая Александровича Невского, считаем своей обязанностью представить его к избранию в действительные члены АН СССР по востоковедению.

Н. А. Невский не был избран в академики, но «Записка» В. М. Алексеева, написанная характерным для него литературным стилем, важна для нас как свидетельство высокой оценки научной деятельности Николая Александровича, оценки, предвосхитившей посмертную славу ученого. Японский коллега и друг Невского, известный тангутовед Исихама Дзюнтаро писал: «Невский должен быть оценен лучше, и не только в России и в Японии, но и во всем мире». Эти слова стали пророческими; за двадцатилетие, минувшее после присуждения автору «Тангутской филологии» Ленинской премии, учеными Советского Союза и Японии осуществляется широкая разработка научного наследия Н. А. Невского, выходят труды о нем. Сам Николай Александрович писал когда-то: «Для науки слава не имеет никакого значения. Имя ученого не важно. Важна цель — исчерпывающе осветить проблему». Это не было просто фразой, он действительно немало не заботился о личной славе, но такова логика истинно великого — время и расстояние укрупняют его масштабы. Именно поэтому мы сегодня хотим бережно сохранить каждый штрих жизни Николая Александровича Невского, пройти даже малыми тропами, чтобы полнее воссоздать его облик. Думается, что общение с В. М. Алексеевым, крупнейшим ученым и человеком высочайших нравственных качеств, — существенная грань жизни Невского. Их отношения выходят за рамки личного, частного и становятся необходимым достоянием истории науки, одной из ярких ее страниц.

Го Можо — «герой» или жертва «культурной революции»?

*А. Н. Желоховцев,
кандидат филологических наук*

Китайская интеллигенция подверглась небывалому в истории испытанию — прошла через маоистскую «культурную революцию». В эту тяжелую пору большинство честных деятелей культуры не признали инкриминированные им «ошибки» и пали жертвами маоистского произвола: Дэн То, У Хань, Тянь Хань, Лао Шэ, Чжао Шули...

Во время «культурной революции» Го Можо занял особую позицию. Всемирно известный историк и археолог, крупнейший поэт, драматург и каллиграф, президент Академии наук Китая, Го Можо сделал все, чтобы уцелеть и выжить в условиях феодально-фашистской диктатуры Мао Цзэдуна. У него была надежда на то, что ему это удастся. Он был издавна лично знаком с Мао Цзэдуном; неоднократно удостоивался его похвал за выражение «идей» Мао в своих произведениях; в поэзии он занял особое положение официального комментатора стихов Мао Цзэдуна.

Буря «культурной революции» обошла Го Можо стороной, хунвэйбинщина не коснулась его. В разгар «невиданного в истории погрома» он имел возможность жить и творить.

Как поэт, Го Можо продолжал писать стихи, восхваляя Мао Цзэдуна и его «идеи». Ему, прославленному поэту, всю жизнь писавшему стихи в «новом стиле», то есть в современной манере, пришлось на склоне лет, подражая Мао Цзэдуну, сменить стиль и перейти на формы классической поэзии. Больше того, чтобы убедить себя, ему приходилось славословия Мао Цзэдуну перемежать антисоветскими выпадами. Он пошел и на это. Лесть с бранью пополам — вот во что обратились его поздние стихи, в которых уже не оставалось поэзии.

В 1971 г. Го Можо издал книгу о великих поэтах средневекового Китая Ли Бо и Ду Фу. Написанная в духе «идей Мао Цзэдуна», она означала разрыв с научной истиной, извращение фактов и произвольный субъективистский их подбор. Книга эта стала памятником личного унижения и моральной опустошенности Го Можо.

За столь «верную службу» Мао Цзэдуна не тронул своего комментатора и корреспондента (они обменивались стихотворными посланиями); но в условиях «культурной революции» даже этого оказалось недостаточно.

Когда Цзян Цин в 1971 г. попыталась вовлечь Го Можо в инспирированную ею кампанию против премьеры Чжоу Эньлая, его отказ от участия навлек на него немилость всеисильной тогда «четверки». Жизнь старого поэта оказалась под угрозой. Здоровье Го Можо не выдержало. Близкие к нему деятели культуры убеждены, что его смерть была преждевременной.

Деятельность Го Можо в последние годы показывает, что он был морально раздавлен задолго до кончины. Взятый им на себя груз беззаветной преданности Мао Цзэдуну оказался слишком тяжел. Нелегко давались поэту славословия в честь «творца» «культурной революции». Он не мог не видеть, как гибли вокруг него бывшие сподвижники, писатели, поэты, работники культуры. Погиб писатель Лао Шэ, гордость китайской литературы. «Лао Шэ испытал изоляцию, брань, унижения, побои... Ему разбили в кровь лицо», — сообщают уцелевшие¹. Го Можо избежал этого, его не били и не оплевывали, не водили в позорном колпаке по улицам. Он продолжал занимать высокий пост, посещать приемы, произносить официальные речи по торжественным случаям и славословить Мао Цзэдуна. Но как поэт и ученый Го Можо более не существовал. Его авторитет держался только на прежних заслугах и политическом покровительстве, которое ставило его вне всякой критики.

Го Можо продолжал в своих сочинениях делать вид, что занимается научной деятельностью. Его книга «Ли Бо и Ду Фу» — это резкая полемика со взглядами видных ученых Фэн Чжи, Сяо Дифэя и других, но его оппоненты хранили молчание, потому что не могли говорить, а не потому, что им нечего было сказать.

Однако последние десять лет Го Можо, по существу, переживал творческую смерть — это было уже не прежний Го Можо, автор многих томов сочинений. А после падения «четверки» он был слишком измучен и слаб, чтобы воскреснуть. Выбран-

¹ Прошлое и скорбь. Шанхай, 1979, с. 80.

ный им путь завел его в гущик, и он изнемог в дороге. В изданной в Шанхае книге, где собраны материалы о погибших от рук маонистов деятелях китайской культуры, Го Можо поставлен на первое место, и с этим можно согласиться, если помнить, что он был моральной жертвой. «Иден» Мао Цзэдуна сгубили даже такого гиганта и разносторонне одаренного человека, каким был Го Можо с его огромной работоспособностью и разносторонним дарованием. В узких догматических рамках «идей» Мао Цзэдуна Го Можо задохнулся, его творчеству не хватило кислорода в удушливой атмосфере маонистского Китая.

К моменту своей кончины на 86-м году жизни, 12 июня 1978 г., он являлся членом ЦК КПК, заместителем председателя ПК ВСНП, заместителем председателя Всекитайского комитета НПКСК, президентом Академии наук Китая, председателем Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства. Ныне в Пекине переизданы двадцать томов его собрания сочинений.

Ему устроили торжественные похороны, в траурных речах и статьях его называли «несгибаемым революционером и выдающимся бойцом пролетарской культуры, выдающимся писателем, поэтом и драматургом, историком-марксистом и специалистом по древней эпиграфике»². О нем говорили как об основателе новой китайской поэзии, расхваливали его исторические пьесы, одна из которых — «Просвещенная госпожа Цай» — возобновлена постановкой в Пекине, хвалили за сатирические памфлеты против Чан Кайши, восторженно отзывались об эрудиции ученого. Его сравнивали с Лу Синем и Гёте, называли колоссом культуры и гордостью нации. Го Можо действительно оставил свой след в истории, культуре и литературе Китая.

Когда-то он был другом СССР. Его тепло принимали у нас в стране. Советские читатели знакомы с лучшими его литературными, историческими и историко-философскими сочинениями. Дружеские связи с советской общественностью Го Можо прервал по собственной воле. Он выбрал Мао Цзэдуна и пошел за ним.

Личная дружба Го Можо и Мао Цзэдуна имеет давние корни. Еще в 1926 г. в Гуанчжоу Го Можо встретил Мао Цзэдуна, который пригласил его читать лекции на курсах крестьянского движения³. Затем история разлучила их. Го Можо уехал в Японию, потом жил в гоминьдановских районах и не бывал в Яньани у Мао Цзэдуна. В Чунцине Го Можо поддерживал постоянный контакт с Чжоу Эньлаем, который в начале 40-х годов был представителем КПК при правительстве Чан Кайши. Писатель Лю Байюй теперь так вспоминает об этом периоде: «Премьер почитал гений Го. В туманном Чунцине Го написал несколько исторических пьес: премьер не только посмотрел каждую, но и часто высказывал свои блестящие замечания, и Го их очень уважал. Премьер уделил большое внимание статье «Трехсотлетие года цзяшэнь». Он специально отвез ее в Яньань для издания»⁴. Тогда Чжоу Эньлай еще не был премьером, и Лю Байюй называет его так по китайскому обычаю именовать человека по высшей должности, хотя пост этот Чжоу Эньлай занял только после образования КНР. Но сочинение Го Можо, посвященное событиям 1644 г. — года цзяшэнь, — во многом способствовало его сближению с Мао Цзэдуном. В ноябре 1944 г. он писал Го Можо из Яньани: «После нашего расставания в Учане я сплошь занят грудой дел, и у меня нет возможности читать и исследовать; к вашим успехам поэтому испытываю зависть. Ваше сочинение «Трехсотлетие года цзяшэнь» мы рассматриваем как документ движения чжэнфэн... Ваши статьи по истории и исторические пьесы приносят огромную пользу китайскому народу, чем их больше будет, тем лучше. Это вовсе не напрасная трата духовных сил, надеюсь, что вы продолжите свои труды»⁵.

Оценка Мао Цзэдуна требует комментария. Историческую статью «Трехсотлетие года цзяшэнь» Го Можо завершил в Чунцине 10 марта 1944 г. и девять дней спустя опубликовал в четырех номерах газеты «Синьхуа жибао». Гоминьдановская «Чжунъян жибао» поместила 24 марта редакционную статью против Го Можо. Затем статья Го Можо была напечатана в Яньани, сначала в газете⁶, а потом издана отдельной брошюрой⁷. По настоянию Мао Цзэдуна она была причислена к обязательному материалу для партийной учебы в рамках пресловутой кампании чжэнфэн.

Суть событий 1644 г. в том, что они привели Китай к национальной трагедии. В стране воцарилась иноземная, маньчжурская династия Цин. Такой поворот истории стал возможным из-за внутренней гражданской войны в самом Китае. Тогда императорская столица Пекин была захвачена крестьянскими повстанцами под руководством Ли Цычэна. Он провозгласил себя китайским императором под девизом Дашунь, низложив династию Мин. Минский император Чунчжэнь покончил жизнь самоубийством. Однако минские войска, находившиеся на маньчжурской границе под начальством У Саньгуя, отказались признать Ли Цычэна императором. У Сань-

² «Жэньминь жибао», 19.VI.1978.

³ См.: Прошлое и скорбь, с. 31.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ «Жэньминь жибао», 1.I.1979.

⁶ «Цзефан жибао» (Яньань), 18 и 19.IV.1944.

⁷ Су Чуань, Ни Бо. Хронологический список трудов и переводов Го Можо. 1979. приложение, с. 63.

гуй предпочел покориться маньчжурам, а не крестьянскому вождю. Объединенные силы чужеземцев маньчжур и минского полководца У Саньгуя, совершившего национальное предательство, нанесли армии Ли Цзычэна поражение, взяли Пекин, передали трон маньчжурам. Ли Цзычэн погиб, в Китае воцарились чужеземцы.

Эти исторические события хорошо известны, но напоминание о них в статье оказалось в высшей степени своевременным. Вдобавок в статье проводилась четкая аналогия с современными событиями. Именно аналогия и параллели, а не отдельные факты интересовали Го Можо. Вождя крестьянского восстания Ли Цзычэна автор уподобил находившемуся в Яньани Мао Цзэду, в алчно взиравшим на Китай маньчжурских завоевателей видел аналогию с японской оккупационной армией, вторгшейся в Китай; У Саньгуй и минские сановники воспринимались как чунцинское гоминьдановское правительство Чан Кайши.

Го Можо стремился извлечь урок из истории и озабочен был тем, чтобы она не повторилась. Парадоксально, но очевидного предателя У Саньгуя он не винит, а даже благодарит. Виновниками поражения Китая в его статье оказываются минский император, который не сумел провести необходимые реформы, и один из сподвижников Ли Цзычэна. Сам Ли Цзычэн также не виновен в национальном унижении. Его ошибка в том, что ему следовало вовремя перевести войну в национальный план, отказать от казней минских вельмож и переманить на свою сторону У Саньгуя. Поскольку это не было сделано, Китай оказался во власти чужеземцев.

Концепция Го Можо, его трактовка исторических событий 330-летней давности встретила у Мао Цзэдуна восторженный отклик. С одной стороны, ему импонировала критика отказавшегося от реформ минского императора — он видел в этом критику несговорчивого Чан Кайши. Лестно было сравнение с национальным героем крестьянской войны Ли Цзычэном. С другой стороны, проблема национальной независимости Китая в статье Го Можо решалась в особо благоприятном для Мао Цзэдуна плане. Идея сплочения китайцев против иноземцев у Го Можо внешне была обращена против японских оккупантов Китая и казалась очевидной, лежащей на поверхности аналогией. Но в Яньани 40-х годов она была призвана сыграть особую роль в ходе кампании чжэнфэн. Это так называемое движение за исправление стиля в работе имело целью разгром интернационалистских сил внутри КПК и подчинение партии воле Мао Цзэдуна и его группы. Обсуждая статью Го Можо, маоисты старались придавать исторической аналогии не только антияпонскую, но и антисоветскую направленность. Исторический урок событий 1644 г. Мао Цзэдун видел прежде всего в том, что главным должна быть национальная победа Китая. От всего остального, в том числе и от классовой борьбы, ради такой цели можно и должно отказаться: ведь исторический Ли Цзычэн, преследовавший беспощадно сановников свергнутой минской династии, сам создал против себя мощную коалицию внутренних и внешних сил, которая и привела к завоеванию Китая маньчжурами. Призыв к отказу от классовых принципов ради националистических целей плюс уподобление Мао Цзэдуна историческому герою Ли Цзычэну вполне отвечали личной политике Мао Цзэдуна как внутри КПК, так и в борьбе за власть в стране.

В условиях особого курса Мао Цзэдуна наиболее жгучие вопросы — такие, как характер политического режима и будущее страны, — нельзя было обсуждать открыто, на современном материале, и Го Можо вновь прибег к излюбленному им методу исторической аналогии, которым он, надо сказать, владел в совершенстве. Его исторические пьесы «Просвещенная госпожа Цай» (1959) и «У Цзэтянь» (1960) имеют общее идейное содержание: это историческая аналогия существовавшему тогда в КНР режиму личной власти Мао Цзэдуна.

В основе сюжета пьес лежат события, происходившие во время правления двух деспотов, прославившихся в истории, — Цао Цао (III в.) и У Цзэтянь (VII в.). В противовес исторической традиции драматург воспел их правление как якобы полезное в историческом смысле для государства и народа. Тем самым восхвалялся жестокий режим личной власти Мао Цзэдуна, который справедливо называли в КНР деспотическим. Всякая жестокость и любое преступление может быть оправдано заботой самодержавного правителя о благе государства, просвещении народа и справедливости. Неограниченная власть Мао Цзэдуна должна была представляться благом всякому китайцу — такова главная мысль этих двух исторических пьес.

«Вклад в политическое и культурное развитие китайской нации» — вот критерий Го Можо, когда он судит об историческом деятеле. Свободный от морали, опустошивший и обезлюдивший страну в междоусобной войне за власть деспот Цао Цао оказывается в его изображении прогрессивным и полезным для будущей единой нации.

Гонконгский автор Линь Маньшу оценил «Просвещенную госпожу Цай» как неудачную пьесу, поскольку попытка «реабилитировать Цао Цао», по его мнению, не может стать здоровой основой для пьесы⁸. Однако Линь Маньшу то ли не заметил аналогий, которые вызывает пьеса у китайского читателя и зрителя, то ли воздержался от суждения о них. Иначе подошел Линь Маньшу к пьесе «У Цзэтянь».

⁸ Линь Маньшу. Критика книги Го Можо «Ли Бо и Ду Фу». Сянган, 1974, с. 138.

Считая, что стремление автора представить ее безупречным властителем — безусловная идеализация, Линь Маньшу старается одновременно доказать, что устами У Цзэтянь драматург призывал Мао Цзэдуна прислушиваться к советам, использовать одаренных людей, проводить политику в интересах народа⁹. Иными словами, Линь Маньшу оценивает эту пьесу как попытку увещевать Мао Цзэдуна, как призыв смягчить режим. Возможно, Линь Маньшу прав. Во всяком случае, такой оппозиционный режиму Мао Цзэдуна деятель, как драматург У Хань, автор исторической драмы «Разжалование Хай Жуня», приветствовал эту пьесу Го Можо¹⁰.

В отличие от У Ханя Го Можо нигде ни открыто, ни в инскалательной форме не осуждает деспотизм. Он старается привлечь Мао Цзэдуна позитивным историческим примером прогрессивной политики У Цзэтянь. По мнению Линь Маньшу, образ главной героини пьесы отражает собственные размышления, чаяния и идеалы автора¹¹.

В 60-е годы Го Можо становится официальным комментатором стихов Мао Цзэдуна, обильно насыщая свои комментарии антисоветскими инсинуациями. Признанный основоположник новой китайской поэзии, он в угоду Мао Цзэдуну начинает публиковать стихи в старом стиле, перекликающиеся тематически с маоцзэдуновской поэзией. Казалось, положение Го Можо было исключительным и его безопасность гарантировалась личной дружбой и доверительными отношениями с самим «великим кормчим». Но даже это не спасло Го Можо от унижения: он был вынужден произнести покаянную позорную речь, в которой объявлял себя готовым сжечь свои прежние сочинения и вывалиться в грязь во имя «идей Мао Цзэдуна»¹².

Японский исследователь Минору Такэути полагает, что Го Можо сознательно предпочел поэзии политику, сделав этот выбор подобно древнему поэту Цай Юаню, о котором сам писал прежде¹³. Однако Го Можо не удалось подняться до вершины, несмотря на крайнее самоуничижение. Но какой был смысл в покаянной речи Го Можо, когда он высказал готовность сжечь свои стихи? Для чего сжигать, если и так молодежи была лишена возможность читать их? На склоне лет Го Можо стал комментатором Мао Цзэдуна и всячески превозносил его. Но уже в ранних стихах он обнаружил, по мнению Минору Такэути, склонность к воспеванию личности. Впрочем, тогда это касалось его собственной персоны: молодой Го Можо прославлял себя в стихах так, что это был настоящий «культ собственной личности», а не обычное для многих поэтов несколько гиперболизированное представление о себе¹⁴.

Дорогой ценой Го Можо сохранил общественное положение и жизнь, но лишился способности творить; его последние годы оказались бесплодными. За ним не последовала китайская интеллигенция, которая не приняла капитулянтства перед «идеями Мао Цзэдуна». Оказавшийся в изоляции, Го Можо никогда не чувствовал себя в безопасности. В 1972 г., когда положение его, казалось, пошатнулось, он порывался уехать из столицы в добровольную ссылку, чтобы «избежать худшего». «Я должен с горечью сказать, что Го рано покинул нас,— пишет драматург Ся Янь,— и одной из причин была клевета и преследования... В 1974 г. Цзянь Цин хотела повлечь его в советники группы «Лян Сяо». По словам Юй Лицунь (жена Го Можо. — А. Ж.), с того времени его здоровье ухудшилось»¹⁵. Писатель Лю Байюй подтверждает: «В феврале 1974 года Цзянь Цин приехала к нему домой и потребовала написать статью с критикой Люй Бувэя (ум. в 235 г. до н. э., был министром при правителе царства Цинь. — А. Ж.). Это была бы критика премьера. Го решительно отказался. Он слег в больницу. С тех пор преследования стали нарастать»¹⁶. Жена Го Можо свидетельствует: «"Четверка" отняла у него здоровье. Еще в 1973 году Цзянь Цин отела создать в Пекинском университете группу для открытой критики Го. Весной 1974 года она трижды приходила к Го и говорила, что его отношение к Цинь Шихуану и Конфуцию такое же, что и у Линь Бяо. Они требовали признать, что его сочинения и пьесы, написанные с риском для жизни в период антияпонской войны и разоблачающие диктатуру Чан Кайши, были порождением линии Ван Мина против председателя Мао; они требовали от него статьи против «министра Цинь Шихуана»... Глубокие печали и беспощадное давление подорвали его здоровье»¹⁷. В определенном смысле можно говорить о том, что и Го Можо стал жертвой «культурной революции» — его не уничтожили физически, но раздавили морально.

Наиболее отчетливо бесперспективность избранного Го Можо пути — служение Мао Цзэдуну — сказалась на его работах. «Ли Бо и Ду Фу», его последнее заметное сочинение, выявило невозможность даже для такого крупного дарования говорить в оковах маоистской догмы. Критика этого сочинения уже дана и советским

⁹ См. там же, с. 154—157.

¹⁰ См.: У Хань. Весна. Пекин, 1961.

¹¹ См.: Линь Маньшу. Указ. соч., с. 156.

¹² См.: «Литературная газета», 5.V.1966.

¹³ См.: Минору Такэути. Поэзия и революция. Китай, в котором жил Го Можо. — «Тюо корон» (Токио), 1978, № 8, с. 66.

¹⁴ См. там же, с. 68.

¹⁵ Прошлое и скорбь, с. 6.

¹⁶ Там же, с. 14.

¹⁷ Там же, с. 29—30.

китаеведением¹⁸, и в китайском литературоведении Сяо Дифэем¹⁹. В угоду постулатам, предписанным «идеями Мао Цзэдуна», Го Можо искусственно отлучил обоих великих поэтов древности от народа, пытался противопоставить их друг другу, что, собственно, не являлось новым в истории китайской литературы и было далеко от истины.

Когда в 1980 г. стало возможным обсуждать в печати достоинства и недостатки трудов Го Можо, критика выступила в первую очередь против упрощенческого, исходящего из маоиздунской догмы подхода к классической китайской поэзии в книге «Ли Бо и Ду Фу».

Критик Гао Цзяньчжун прямо назвал эту книгу необъективной и несправедливой²⁰. Он считает, во-первых, что политическая оценка произведений древних авторов является односторонней. Например, отношение древнего поэта к крестьянскому восстанию определяет для Го Можо его народность, подменяет анализ его отношения к народу. Во-вторых, критик находит в книге Го Можо сильную тенденцию предрьявлять к древним такие требования, которые являются антиисторическими. Выразив неудовлетворение обличительными стихами Ду Фу, Го Можо упрекнул древнего поэта, что в VIII в. он не смог указать «выход» из постигших народ бедствий, не смог «дать ответ» на поставленные им самим вопросы. Наконец, книга Го Можо крайне субъективна. Эта субъективность открыто служит подтверждению априорных тезисов. Так, рассказывая биографию Ду Фу, Го Можо делает акцент на его помещичьем происхождении и замалчивает его полную лишений и невзгод жизнь. Он всячески акцентирует религиозные настроения Ду Фу, считая, что тем самым демонстрирует реакционность поэта. Напротив, автор подчеркивает отрицательное отношение Ли Бо к древнему придворному поэту Сун Юю, чтобы показать различие между Ли Бо и «проникнутым феодальной идеологией» Ду Фу. В действительности отношение Ли Бо к Сун Юю было совсем иным, о чем свидетельствуют его поэтические, вполне в духе того времени высказывания, которые автором книги просто не учитываются, сбрасываются со счетов. Субъективистский произвол в толкованиях, искажения и извращения смысла, намеренное перенесение акцента, лакуны в аргументации и противоречия — таковы недостатки книги Го Можо, отмеченные Гао Цзяньчуном. «Исходить из субъективных желаний, кромсать объективные данные, изменять принципам исторического материализма в научных исследованиях — как это вредит нашей практической работе! Под таким влиянием даже перо выдающегося, стяжавшего заслуги ученого неизбежно оставляет чувство разочарования и сожаления», — заключает свою статью критик²¹.

Естественно, китайский критик не называет основную причину, породившую субъективизм, который привел Го Можо к творческому провалу в его последней работе. Но можно с уверенностью предположить, что и Гао Цзяньчжун, и Сяо Дифэй осознали причину провала: идеино-теоретическая основа «идей» Мао Цзэдуна в силу ее эклектичности и антинаучности скомпрометировала «прославленного успехами» ученого. Го Можо сам на себе поставил эксперимент, который наглядно доказал бесперспективность «идей Мао Цзэдуна» в филологической науке, их пустопорожний вульгарный субъективизм, полную антинаучность.

В современных китайских критических статьях часто говорится, что в книге Го Можо «восхваляется Ли Бо и принижается Ду Фу». Это не совсем верно, потому что даже Ли Бо автор не считает народным поэтом, оба корифея танской поэзии для него лишь выходцы из помещичьего класса, в разной мере проникнутые — Ли Бо меньше, Ду Фу больше — феодальной идеологией. Народным же поэтом Го Можо назвал безвестного забытого Су Хуаня, от которого сохранилось четыре посредственные стихотворения. Делая такой выбор, Го Можо хотел подкрепить теоретически «бунтарский дух идей Мао Цзэдуна»: Су Хуань, с точки зрения Го Можо, велик по единственной причине: он — правильный философ и бунтарь; Ли Бо и Ду Фу, следовательно, не могут быть великими, как доказывает автор книги, «они хотя и поэты, но не годятся в бунтари, в цзаофани», — приходил к выводу И. С. Голубев в своей статье. Так что, помимо субъективизма, отмеченного, кстати, и китайскими современными критиками, книга Го Можо еще страдает от «модернизации», попытки подогнать исторический материал под «идеи Мао Цзэдуна». Работа Го Можо не может быть признана научной. Однако сегодня она может быть полезной для китайского литературоведения как печальный пример тупика, в который заводят ученых «идеи Мао Цзэдуна». Это предостерегающий пример на будущее для всей китайской науки, печальный, трагичный, дорогостоящий общественный опыт.

Таковы научные результаты деятельности Го Можо. Но он и в поэзии демонстрировал беспомощность. В 1971 г. он публиковал стихи в старых формах классической поэзии, полностью подражая Мао Цзэдуну: «Председатель Мао — великий главно-

¹⁸ См.: И. С. Голубев, Го Можо: «Возрождение» из пепла. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 2, с. 190—198.

¹⁹ См.: «Синьхуа юэбао вэньчжай бань», 1979, № 5.

²⁰ См.: Гао Цзяньчжун. Критика «Ли Бо и Ду Фу». — «Вэньсюэ пинлунь», 1980, № 3, с. 121—130.

²¹ Там же, с. 130.

командующий... Приказ — и горные реки меняют русло, исчезают все преграды...»²² и т. п. Это была поэтическая деградация таланта.

После устранения «четверки» Го Можо продолжал оставаться первым официальным поэтом Китая. Его стихи печатались по случаю праздников или торжественных событий, однако носили протокольный характер и не могут быть причислены к творческим достижениям.

С 1979 г. началась переоценка отдельных произведений Го Можо, критика его взглядов по научным вопросам, которая ранее была невозможна. Критикуя Го Можо, его оппоненты признают значительность им сделанного; речь не идет о полном отрицании его вклада в китайскую культуру, но занимаемое им прежде особое положение, недостижимое для критики, делает неизбежным и актуальным разговор о его реальных достижениях.

Наиболее позитивным представляется вклад Го Можо в кигайскую историческую драматургию. Статей на эту тему появилось уже немало; предлагалось даже создать всекитайскую конференцию по вопросам исторической драматургии. Именно Го Можо, как отмечалось в статье критика Ван Цзяньцуня, использовал ее для иносказательного отображения действительности²³. В подтверждение он цитирует прямое высказывание Го Можо из его малоизвестной статьи «Об исторической драматургии», опубликованной в шанхайской газете «Вэньхуэйбао» 26 июня 1946 г.: «После 30-го года республики (1941 г. — А. Ж.) историческая драматургия заняла очень важное место в театре. Причинами такой тенденции было то, что Шанхай тогда находился в руках врага и марионеток, и мрачную действительность лучше всего могла отображать историческая драматургия. А в глубоком тылу? Тоже, чтобы избежать расследования и прочего, по большей части прибегали к исторической драматургии»²⁴. Го Можо решительно возражал тем, кто именовал историческую драматурию «уходом от действительности», и указал, что ключ к решению проблемы не в теме, а в ее «правильном освещении». Иными словами, Го Можо считал трактовку исторической темы основой успеха всего произведения, и эта трактовка должна была быть актуальной, должна была отвечать на самые острые, злободневные вопросы. Сегодняшний критик Ван Цзяньцун совершенно с ним согласен: «В Китае за долгий период господства феодального абсолютизма писатели не смели открыто высказывать политические взгляды; им было несподручно говорить прямо, так как за это сажали в тюрьму или рубили головы; оставалось прибегать к аллегориям и говорить иносказательно»²⁵. Для Го Можо и той традиции, которую он представлял в китайской драматургии, можно сказать, не существовало интереса к истории самой по себе без выхода на актуальную сегодняшнюю политику. Он писал: «Общий принцип творчества в исторической драматургии — использование древности ради современности». Редко бывает, чтобы историческую пьесу писали ради нее самой. Фактически исторический драматург уже до начала процесса творчества ясно осознает свои мотивы и цели. Произведение же, лишенное познавательного, воспитательного и эстетического значения, бессмысленно»²⁶.

В собственных произведениях Го Можо старался избежать модернизации, хотя, с нашей точки зрения, это ему не всегда удавалось. Но сознательной установки на модернизирование у него не было.

В лучших произведениях Го Можо присутствует острый, злободневный политический смысл, но актуальность их не ведет к модернизации древности. В созданной в 1942 г. в Чунцине пьесе «Цюй Юань» Го Можо использовал политическую ситуацию IV в. до н. э. для соотнесения с современной действительностью. Острота пьесы, таким образом, не в модернизации, а в контексте, хотя современное политическое звучание было для драматурга сверхзадачей. Позднее в предисловии к русскому изданию «Цюй Юаня» Го Можо писал: «Я использовал описание эпохи Цюй Юаня для символического отображения современности».

Повинуясь такой сверхзадаче, Го Можо отбросил за пределы пьесы многое из исторических свидетельств и народных легенд о Цюй Юане, которые не служили конкретно его замыслу. Например, в его пьесе не упоминается о самоубийстве Цюй Юаня, хотя оно является наиболее популярным в народе мотивом, связанным с его именем.

«Цюй Юань» был поставлен на сцене Чунцина — столицы воюющего гоминьдановского Китая — в то время, когда страна была разделена на три части: оккупированную Японией зону с марионеточными властями, гоминьдановский Китай и Особый район в Яньани, управлявшийся КПК. Из трех враждующих сторон Япония тогда была сильнейшей, а гоминьдан и КПК официально проводили политику единого фронта, которая едва прикрывала острое соперничество.

В качестве аналогии этой ситуации в пьесе Го Можо сильнейшее царство древнего Китая, Цинь, пытается разорвать союзы другого царства — Чу, соблазняя его уступкой территории в 600 ли. Именно так поступало правительство Японии, пытаясь

²² «Жэньминь жибао», 19.IX.1971.

²³ См.: «Чжуншань дасюэ сюэбао», 1980, № 2, с. 89—97.

²⁴ Там же, с. 89.

²⁵ Там же, с. 91.

²⁶ Там же, с. 92.

склонить гоминьдан к переходу на свою сторону, к капитуляции и расторжению единого фронта с КПК, обещая в награду гоминьдановским властям Особый район, находившийся под властью КПК, который, как известно, и был той территорией площадью 600 ли. Для гоминьдановских реакционеров японское предложение выглядело соблазнительным и сулило уничтожение коммунистической власти в Китае. Пьеса Го Можо на историческом примере показывала, что принятие такого коварного предложения в будущем вело к потере национальной независимости и поражению: исторически царство Цинь сумело покорить соблазнившееся территориальной подачкой Чу, изолировав его от союзников.

Не удивительно, что в Чунцине в разгар тайных закулисных переговоров гоминьдана с Японией появление на театральной сцене пьесы об аналогичных событиях IV в. до н. э. произвело политический эффект разорвавшейся бомбы. В результате чанкайшисты так и не решились на сговор с империалистической Японией. Надо заметить, что выступление с подобной исторической пьесой в то время было связано с немалым риском для жизни.

Нет сомнения, что творческое наследие Го Можо, в частности его историческая драматургия, за 50 лет его работы породило немало вопросов для серьезного научного разговора. И кое-что в этой области уже делается. Словацкий ученый Мариан Галик оценил развитие литературно-критических взглядов Го Можо в ранний период его деятельности как путь от эстетико-импрессионистской критики к пролетарской²⁷.

Три года назад об исторической теме в китайской литературе был сделан доклад на конференции в Институте Дальнего Востока²⁸.

Совершенно очевидно также, что поэтические сочинения и статьи Го Можо периода «культурной революции», пронизанные низкопоклонством перед Мао Цзэдуном и антисоветизмом, неприемлемы и должны быть отвергнуты как однодневные агитки. Такие опусы лишь доказывают масштаб моральной жертвы, которую принес Го Можо в последние годы жизни Мао Цзэдуна. Пересмотр более раннего наследия Го Можо выявит то действительно ценное, что сохранится в китайской культуре. Но и сейчас можно сказать, что пьеса «Цюй Юань» и другие исторические пьесы 40-х годов, рассказы и стихотворения, написанные до 1949 г., четырехтомная автобиография, путевые записки, написанные во время поездки в СССР в 1945 г., — все это является важным вкладом в современную китайскую культуру и достойно конкретного исследования. Многие из этих произведений Го Можо уже переводились на русский язык, пьесы ставились на советской театральной сцене, они знакомы советскому читателю и зрителю и сохраняют для нас творческий облик Го Можо периода его расцвета, когда пагубное воздействие маоистской идеологии еще не разрушило его талант и не опустошило его личность.

²⁷ In: M. Galik. The Genesis of Modern Chinese Literary Criticism (1917—1930). London — Bratislava, 1980, p. 28—62.

²⁸ А. Н. Желоховцев. Функция исторической темы в современной китайской литературе. — Третья научная конференция ИДВ АН СССР по проблемам истории Китая в новейшее время. Тезисы докладов. М., 1978, с. 277—279.

Радио КНР — рупор маоистской пропаганды

Г. С. Лонцаков,
кандидат исторических наук

Радиовещание в КНР до настоящего времени остается основным средством массового идеологического воздействия почти на миллиардное население страны, это единственный источник информации для 400 млн. неграмотных и малограмотных граждан КНР. Развитие телевидения, несмотря на усилия китайского руководства, еще весьма далеко от уровня, который охватил бы столь огромную аудиторию. Более того, роль радио будет и далее расти, «число неграмотных и малограмотных среди молодежи и людей среднего возраста возросло, поскольку начальное образование не стало всеобщим. В 50-е годы велась активная кампания по ликвидации неграмотности. Однако в связи с тем, что произошло в Китае за последние двадцать лет, неграмотность не сократилась, а возросла»¹.

Китайское руководство рассматривает радиовещание как самое важное оружие КПК на идеологическом и политическом фронтах, как самый важный канал коммуникации.

На территории Китая первая беспроводная радиостанция мощностью 50 ватт была построена в Шанхае американским коммерсантом П. Осборном в 1927 г. Накануне победы народно-демократической революции по всему Китаю насчитывалось 42 государственных и 90 частных и иностранных, главным образом американских и английских, радиостанций. Из общего их числа 40 радиостанций находилось в Шанхае. Число радиоприемников при населении 600 млн. человек составляло 1,5 млн. единиц, то есть примерно 2,5 приемника на одну тысячу жителей².

Еще в годы антияпонской войны руководство КПК приняло решение о создании народного радиовещания³. В 1940 г. ЦК КПК создал комитет по радиовещанию во главе с Чжоу Эньлаем. Радиопередатчик мощностью всего 300 ватт был смонтирован в одной из пещер яньаньских гор. Зимой 1940 г. яньаньская радиостанция Синьхуа начала свои пробные передачи, содержанием которых были новости и газетные статьи. Официальные передачи начались 5 сентября 1945 г., сразу же после разгрома японского милитаризма. В марте 1947 г. в связи с переездом ЦК КПК из Яньани радиостанция была передислоцирована в Ваяобао и смонтирована в помещении местного храма, расположенного в одном из горных ущелий, и переименована в Шэньбэйскую радиостанцию Синьхуа. В мае 1949 г. она была переведена в Пекин, а в декабре переименована в Центральную народную радиостанцию. Начали работать радиостанции также в Чжанцзякоу, Харбине и Ханьдане; к концу 1948 г. в освобожденных районах насчитывалось 16 радиовещательных станций.

После провозглашения КНР все радиостанции страны были национализированы и объединены под эгидой Центральной народной радиостанции в Пекине. Решение о расширении и создании современной сети радиовещания было принято отделом радиовещания Ассоциации печати Китая в апреле 1950 г.⁴ Вслед за этим в провинциях и городах одна за другой стали создаваться местные народные радиостанции. В январе 1953 г. было созвано первое всекитайское совещание по работе сети радиовещания, на котором было решено конфисковать все еще сохранявшиеся к тому времени 12 частных радиостанций и включить их в систему местных народных радиостанций. С этого времени вся сеть радиостанций КНР была объединена Управлением по делам радиовещания. О темпах развития сети радиовещания в первое десятилетие после провозглашения КНР можно судить по следующим данным:

Год	1951	1952	1953	1958	1959	1961	1962
Число радиостанций	54	71	73	97	122	138	141

Распределялись эти радиостанции по провинциям следующим образом: провинции Цзянсу — 11, Хэбэй — 11, Внутренняя Монголия — 10, Ляонин — 10, Хэйлуцзян — 9.

¹ «Гуанмин жибао», 22.IV.1980.

² In: F. T. C. Yu. Mass Persuasion in Communist China. New York—London, 1964, p. 124.

³ «Жэньминь жибао», 31.XII.1961.

⁴ «People's China», № 22, November 16, 1953, p. 53.

Цзилнь — 8, Хэнаш — 7, Хунань — 7, Аньхой — 5, Чжэцзян — 5, Синьцзян — 2, Цзянси — 5, Шаньси — 5, Гуанси — 5, Хубэй — 4, Фуцзянь — 4, Шэньси — 4, Шаньдун — 4, Гуандун — 4, Сычуань — 4, Гуйчжоу — 3, Цинхай — 3, Юньнань — 2, Тибет — 1⁵.

В последующие годы китайские руководители продолжали уделять пристальное внимание развитию сети радиовещания в масштабах всей страны, делая упор на радиофикацию сельской местности. Задачи по развитию радиосети в деревне были поставлены в статье Мао Цзэдуна «Дискуссия по кооперированию сельского хозяйства и нынешняя классовая борьба». К этому вопросу он вновь возвращается в декабре того же года в работе «Сбор мнений относительно 17 пунктов в области сельского хозяйства». А в 1956 г., когда Мао Цзэдун и его группа готовились к форсированию сельскохозяйственного производства, был специально разработан перспективный план развития проводной радиосети в сельской местности. Управлению по радиовещанию было дано указание «вернуться лицом к деревне» и активно развернуть в плановом порядке строительство сельских радиостанций. В период наиболее интенсивной коммунизации сельского хозяйства (1957—1958) мощность радиостанций была доведена до 2,5 тыс. кВт. Ниже приводятся данные о численности сельских проводных радиовещательных станций и громкоговорителей, установленных в деревнях в период с 1949 по 1964 г.⁶

Год	Число радиостанций	Число радиоточек
1949	8	500
1950	51	2 200
1951	183	6 100
1952	327	16 200
1953	541	31 800
1954	577	47 500
1955	835	90 500
1956	1 490	515 700
1957	1 700	993 200
1958	6 772	2 987 500
1959	11 124	4 570 000
1963	—	450 000
1964	1975	—

Китайские руководители никогда не ставили перед радиовещанием задачи систематического, целенаправленного воспитания трудящихся на подлинно марксистско-ленинской идеологии. Маоисты рассматривали радио всего лишь как инструмент манипуляции сознанием народных масс в интересах укрепления своей власти. Чжоу Ян, тогдашний заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, в 1958 г. заявил: «Все средства пропаганды должны быть подчинены нуждам ситуации, потому что они являются инструментом классовой борьбы и должны все время служить политике... У радиовещания не может быть никакой другой миссии, не связанной с потребностями текущего момента... Мы определяем политические задачи в соответствии с ситуацией, а пропагандистские задачи мы решаем, исходя из политических задач»⁷.

Начиная с 1955 г. развитие радиовещания в КНР шло главным образом по пути создания проводной радиосети. Развитие беспроводного радиовещания сдерживается существованием в стране языкового барьера в ряде провинций, отсутствием электроэнергии во многих районах страны и прежде всего дефицитом самого необходимого радиооборудования. В своих усилиях развить проводное радиовещание пекинское руководство исходило также из политических соображений. Проводная система позволяет строго контролировать передачи, лишая аудиторию возможности выбора программы, вынуждая прослушивать программы центральных пропагандистских органов.

Агентство Синьхуа сообщало, что в 1975 г. все уезды и города имели свои радиотрансляционные станции, а радиотрансляционные узлы были оборудованы в каждой коммуне, 90,2 % производственных бригад охвачены радиовещанием, а в 70 % крестьянских домов установлены радиоточки. По оценочным данным, общее число проводных радиотрансляционных станций и узлов уездного уровня в настоящее время достигает 2200 единиц. Проводная система радиовещания продолжает расширяться, охватывая ныне 2/3 всех семей, проживающих в сельской местности, а в некоторых провинциях радиофицированы почти все дома.

В процессе формирования радиосети в масштабе всей страны сложилось три уровня радиовещания: центральное, провинциальное и местное.

⁵ Chao Tsejen. A Study of Chinese Communist Broadcasting. Taipei. 1962.

⁶ См. Великое десятилетие. Пекин, 1960, с. 208; «Communist China Digest», № 20, July 26, 1960, p. 56; «Жэньминь жибао», 21.XI.1964. За 1960—1962 гг. данные не опубликованы.

⁷ «Синьвэнь чжаньсянь», 1958, № 5, с. 18.

Вся система радиовещания КНР в настоящее время находится в ведении Главного управления по радиовещанию, которое до 1978 г. на правах государственного комитета находилось при Госсовете КНР, а с 1978 г. переведено в непосредственное подчинение ЦК КПК.

Центральным звеном в работе всей радиосети страны является Центральная народная станция в Пекине, связанная с местными народными радиостанциями провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, а также с трансляционными и ретрансляционными станциями самых отдаленных районов. Передающая система этой станции находится в Лянсянчжэне, расположенном в 20 км юго-западнее Пекина. Центральная народная радиостанция осуществляет трансляцию также и на зарубежные страны.

До последнего времени китайские руководители используют радио в качестве основного средства идеологического воздействия на массы в условиях следующих одна за другой политико-идеологических кампаний. С целью более успешного манипулирования сознанием огромной массы малограмотных или вовсе безграмотных людей маоистские пропагандисты вплоть до последнего времени использовали радиовещание главным образом для коллективного прослушивания передач. В ходе этих мероприятий массы людей оказываются под наблюдением кадровых работников, а пекинские руководители могут быть уверены, что до сведения населения доводится именно то, что им нужно.

Если в Китае с помощью радио оказывается возможным преодоление в какой-то мере барьера неграмотности, то препятствием на пути использования радиовещания наряду с недостаточным числом радиоточек остаются существенные диалектальные различия в языке. На конференции по стандартизации китайского языка в 1955 г. представитель радиовещания заявил, что из 55 провинциальных и городских беспроводных радиостанций 15 вынуждены, помимо передач на официальном пекинском наречии, вести также передачи еще на 18 диалектах. Согласно данным Вэньчжоуской городской радиостанции провинции Чжэцзян, только около 5 % аудитории в состоянии понимать официальное пекинское наречие китайского языка. При этом даже вэньчжоуский диалект понимается только аудиторией, находящейся в радиусе, не превышающем 65 км⁸. Радиостанция Гуанси-Чжуанского автономного района вынуждена одну и ту же программу передавать в трех вариантах: на пекинском, гуандунском и местном диалектах. В крупных городах, где рабочие собраны из многих частей страны, местные радиостанции часто оказываются в крайне затруднительном положении при выборе языка, понятного если не для всей аудитории, то хотя бы для ее большинства⁹.

Радио в КНР остается не только важнейшим средством массовой коммуникации, но и средством, способствующим распространению общенационального языка.

В крупных районах или районах, имеющих, с точки зрения пекинского руководства, особое значение, существует по две и более вещательных радиостанций. Наибольшее количество радиостанций (8) в провинции Цзянсу. К провинциям и городам, в которых насчитывается две и более радиовещательных станций, относятся Ляонин (5), Гуандун (5), Чжэцзян (5), Хэбэй (4), Фуцзянь (3), Внутренняя Монголия (2), Хэйлуцзян (2), Шаньдун (2), Хэнань (2), Хунань (2), Гуанси (2), Шанхай (2). К концу 1979 г. в КНР насчитывалось 99 центральных и местных широкоэвещательных и 320 ретрансляционных беспроводных радиостанций.

Продолжает развиваться и проводная радиовещательная сеть. К концу 1979 г. эта сеть располагала 2560 проводными радиовещательными станциями. Свыше 2300 таких станций находятся в уездах. Примерно в 88,4 % народных коммун ныне существует более 49 тыс. радиоусилительных станций, позволяющих охватить проводным радиовещанием до 93 % больших производственных бригад и 88 % производственных бригад. По всей стране к концу 1979 г. установлено 10,7 млн. репродукторов, причем 65 % крестьянских семей имеют репродукторы в индивидуальном пользовании.

Наряду с увеличением числа широкоэвещательных и местных радиостанций ныне создана и сравнительно развитая промышленность по производству радиооборудования, аппаратуры и радиоприемников. Радиопромышленность, продолжая выпуск ламповых приемников различных классов, также освоила производство транзисторных приемников нескольких классов. В настоящее время в КНР ежегодно производится 14 млн. приемников более 200 марок. В 1979 г. из радиоприемников и телевизионных приемников, производимых в 25 провинциях страны, 74 марки радиоприемников были отмечены грамотами 4-го министерства машиностроения и Главного управления по радиовещанию и телевидению¹⁰. Официальные данные о числе радиоприемников, имеющих доступ к населению Китая, никогда не публиковались. По оценочным же данным, их число составляет более 85 млн.

Китайское руководство предпринимает меры, направленные на повышение эффективности радиопропаганды, как внутренней, так и направленной на зарубежные страны. В этой связи в последнее время в КНР большое внимание уделяется подготовке кадров для радио и телевидения. Построены новые учебные корпуса для Пекинского института радиовещания. С 6 ноября 1978 г. программы вещания китайских радиостанций увеличи-

⁸ A. Liu, *Communications and National Integration in Communist China*. Berkeley, 1974, p. 127.

⁹ Ting Ifeng, *Some Suggestions on the Problem of Standardization of the Chinese Language*. (A Collection of Materials Presented at the Modern Chinese Language). Peking, 1956, p. 149.

¹⁰ «Цзинцзи даобао» (Сянган), 1979, № 49, с. 25—26.

ли число политических рубрик, упорядочили подачу информации, которая стала оперативнее и более свободной от демагогических шаблонов. КНР в 1971 г. вступила в Международный союз связи, а в декабре 1973 г. — в Азиатский союз по радиовещанию. КНР также признала решение Международного союза электросвязи, принятое в 1975 г., об изменении диапазона широковещательных станций, работающих на средних волнах. Однако выбор частот используемых радиоволн для своих радиостанций КНР производит с таким расчетом, чтобы воспрепятствовать прослушиванию передач зарубежного радио. С целью устранения помех, создаваемых зарубежным радиовещанием, на определенные районы Китая концентрированно направляются волны 3—4 частот.

Центральная народная радиостанция ведет внутреннее вещание по пяти программам 90 часов в сутки. Первая и вторая программы ведут трансляции на общепринятом языке «путунхуа» на всю страну. Третья программа центрального радиовещания предназначена для аудитории на острове Тайвань. Вещание ведется на языке «путунхуа», южнофузянском и хаккском диалектах. Общий суточный объем вещания на Тайвань составляет 20 часов.

Для вещания на районы, населенные национальными меньшинствами, предназначена 4-я программа, ведущая передачи на монгольском, тибетском, уйгурском, казахском и корейском языках общим объемом 12 часов в сутки.

Радиостанции провинций, городов центрального подчинения и автономных районов в определенное время и в различных объемах ретранслируют программы Центральной радиостанции из Пекина: Тяньцзинь — 1,5 часа, радиостанция провинции Хэйлуньцзян — 1 час, а радиостанция округа Большой Хинган в той же провинции лишь 40 минут отводит для передачи материалов на местные темы, все же остальное время ретранслирует программы пекинского радио. Обязательной для всех радиостанций страны является ретрансляция двух традиционных передач Центральной радиостанции — «Новости и обзор газет» и «Трансляция на местные радиостанции».

Примерно 80 % времени внутреннего вещания КНР отводится политическим передачам. Отличительной чертой всех политических рубрик является широкое использование приемов спекуляции на неосведомленности, малограмотности и неграмотности населения страны. Основной формой манипуляции общественным сознанием широких народных масс КНР с помощью радиовещания является 20-минутная так называемая «теоретическая» рубрика «Учеба» Центральной радиостанции, которая ретранслируется большинством местных радиостанций страны. Аналогичные рубрики существуют и в программах радиостанций провинциального уровня. В программу вещания радиостанции провинции Цзилинь аналогичная рубрика включена под названием «Теория и практика», в автономном районе Внутренняя Монголия — «Изучение теории» и т. д.

В последние годы, главным образом после III (декабрь 1978 г.), IV (сентябрь 1979 г.) и V (февраль 1980 г.) пленумов ЦК КПК 11-го созыва, в рубриках «Учеба», «Изучение теории» и им подобных радиопропаганда концентрируется на установках, связанных с осуществлением программы «четыре модернизации», то есть обеспечения форсированного развития военно-промышленного комплекса. В материалах этой рубрики делаются попытки «теоретического» освещения таких вопросов, как урегулирование экономики, ограничение рождаемости, «раскрепощение сознания», борьба против «идейного наследия» Линь Бяо и «банды четырех» и т. д. Нередко та или иная тема преподносится в виде циклов бесед, таких, например, как «Работать в соответствии с объективными экономическими законами, ускорять темпы социалистической модернизации», «Проблемы взаимоотношений между классово-борьбой и материальной заинтересованностью» и т. д.

Значительное место в радиопрограммах для внутреннего вещания отводится передаче для военнослужащих и «народных ополченцев», которая именуется «Жизнь Народно-освободительной армии». В программе радиовещания провинций, автономных районов и городов центрального подчинения эта рубрика именуется «Для Народно-освободительной армии и народного ополчения». Наряду с этими специальными рубриками оперативная информация о жизни армии постоянно включается в рубрики «Новости», «Трансляция на местные радиостанции» и «Новости и обзор газет» как центрального радиовещания, так и всех радиостанций провинциального уровня.

Нынешние китайские руководители стремятся использовать НОАК не только как опору своего военно-бюрократического режима, но и как ударную силу в реализации гегемонистских планов. Сегодня уже нет в пропаганде нескончаемых призывов к изучению «идей Мао Цзэдуна» или следованию военной доктрине «народной войны». Китайские лидеры стремятся увлечь армию программой модернизации вооруженных сил. Усиливается стремление к мобилизации личного состава НОАК не только на политико-идеологическую подготовку, но и на ужесточение дисциплины, усиление боевой подготовки и военно-техническое обучение. Все пропагандистские материалы китайского радио, предназначенные для НОАК, призваны воспитывать у военнослужащих не черты пролетарского интернационализма, а милитаристские, антисоветские настроения, чувства неприязни и ненависти к миролюбивой политике стран социалистического содружества во главе с Советским Союзом.

В арсенале средств радиопропаганды КНР используются традиционные тематические программы для рабочих и жителей села. Некоторые радиостанции страны имеют рубрики с собственными названиями. Пекинская городская радиостанция именуется эту рубрику «Для рабочих столицы». Многие провинциальные и городские станции имеют свои местные рубрики «Для села». Со смертью Мао Цзэдуна и арестом «банды четырех» содержа-

ние этих рубрик претерпело изменения. Ныне китайских трудящихся призывают главным образом к упорному труду во имя реализации честолюбивых планов пекинских лидеров по «модернизации» страны с целью превращения ее в мощную военную державу к концу текущего века. Как правило, все передачи, носящие политический характер, сопровождаются антисоветскими, антисоциалистическими выпадами.

Политическая информация в Китае преподносится в различных жанрах и формах. Основными рубриками являются 30-минутные передачи «Новости и обзор газет» и «Трансляция на местные радиостанции». Задачи этих рубрик — охват главных общественно-политических событий текущего дня в маоистской интерпретации. В конце этих программ обязательно подается информация на международные темы. Как правило, эта информация носит строго направленный характер, чаще всего антисоветского, антикубинского и антивьетнамского содержания. В этих же рубриках проходят важные сообщения, даются объявления о внеочередных передачах, передаются важнейшие директивные документы ЦК КПК, Госсовета КНР, заявления, ноты и меморандумы китайского правительства и МИД КНР, выступления китайских представителей в ООН и других международных организациях, телеграммы китайских руководителей, адресованные правительствам и лидерам других стран, освещаются версии, беседы и переговоры китайских лидеров с деятелями зарубежных стран, мероприятия, носящие всекитайский характер, съезды, заседания, конференции, совещания и т. п.

«Новости» и «Краткие новости» — это две рубрики, относящиеся к наиболее традиционной форме пропаганды радиовещания КНР. Программы этих передач выходят в эфир семью выпусками и предназначаются для оперативной информации. Цель этих рубрик — активизация политической и трудовой деятельности людей на производстве, привлечение их к политико-идеологическим кампаниям и движениям. С точки зрения содержания эти рубрики являются наиболее насыщенными информацией о событиях на местах. С 1 сентября 1979 г. в рубрику «Новости» внедрена новая подрубрика — «Краткие международные новости», зачастую содержащая материалы антисоветского характера. Кроме этого, ежедневно в четырех выпусках передается специальная программа на международную тематику — «Международные новости». Информационные функции с ярко выраженными антисоветскими и антисоциалистическими направлениями выполняет ежедневная 15-минутная передача «Международная хроника». Для аргументации антисоветских вымыслов радио КНР, как правило, прибегает к тенденциозным подборкам цитат и высказываний лидеров, заимствованных из печати недружественных по отношению к СССР стран, промаоистских и крайне реакционных печатных органов.

Музыкальное творчество, и в первую очередь песенный жанр, еще два с лишним года назад рассматривалось в Китае исключительно как средство массового идеологического воздействия. Этот жанр и ныне в определенной степени продолжает служить этим целям. Вплоть до последнего времени в эфире еще звучали песни, прославляющие КПК и ее лидеров. Однако в ходе политических кампаний последних двух лет произошли значительные сдвиги в популяризации как китайской, так и зарубежной музыки. Отражением политических перемен, связанных с усиленной милитаризацией страны, явилась пропаганда «национально-патриотических» идей. Отдавая дань все более тесным политическим и экономическим связям КНР с ФРГ, Австралией, США и рядом других стран, китайское радио стало знакомить своих слушателей с музыкальными произведениями этих стран.

Вместе с тем особое место в музыкальных передачах отводится военной песне. В числе таковых в самое последнее время следует упомянуть двенадцать песен, посвященных «героям боев во Вьетнаме» и опубликованных в ноябрьском номере журнала «Песни НОАК» за 1979 г. В последнее время чаще других песен в эфире звучали такие, как «Прочные узы между армией и населением», «Красная армия еще вернется к нам», «Красной армии не страшен поход». Общий объем музыкальных программ составляет от 3 до 4 часов в сутки.

В освещении внутренней и зарубежной спортивной жизни радио КНР не имеет сложившихся форм оперативной информации. Пятнадцатиминутная спортивная программа впервые была введена в вещание Центральной радиостанции 16 мая 1972 г. Ныне она выходит один раз в течение вещательного дня. Не лишена тенденциозности и эта рубрика. Как правило, передача состоит из двух частей: первоначально даются сообщения из стран, с которыми КНР поддерживает «дружественные» отношения, и информация о достижениях китайских спортсменов. Вторая часть рубрики включает один-два пропагандистских материала, популяризирующие мероприятия, связанные с военной подготовкой. Не является редкостью использование дискриминационных приемов в отношении «некитайских» чемпионов. Как правило, команды и фамилии спортсменов Советского Союза, социалистических стран, занимающих призовые места, могут совсем опускаться или же выноситься в конец сообщения.

Радиовещанию на зарубежные страны китайские руководители начали придавать значение с первых месяцев создания КНР. Уже в апреле 1950 г. были приняты меры для дальнейшего комплектования радиооборудования, предназначенного для вещания на зарубежные страны. В 1953 г. пекинская радиостанция вещала на 7 иностранных языках: английском, японском, корейском, вьетнамском, индонезийском, бирманском и языке тая. Кроме того, радиостанция вещала для китайских эмигрантов — хуацяо — в течение 11,5 часа в сутки. В 1960 г. вещание на зарубежные страны Пекин уже вел на 19 языках. В дальнейшем амбициозные притязания китайских лидеров на роль вождей международного коммунистического и национально-освободительного движения привели к то-

му, что число иностранных языков и объем вещания неуклонно возрастали. В последние годы общий объем вещания на зарубежные страны составляет 132,5 часа в сутки на 39 языках¹¹.

Передачи Пекина для зарубежных радиослушателей ведутся на следующих языках: на японском, кхмерском, лаосском, тайском, бирманском, малайском, индонезийском, тагальском, урду, бенгали, хинди, тамильском, сингалезском, непальском, пушту, монгольском, английском, французском и эсперанто — на страны Азии; на страны Африки и Ближнего Востока — на арабском языке, языке хауса, суахили, французском, персидском, турецком, испанском, португальском, итальянском, английском; на страны Латинской Америки вещание ведется на испанском, португальском и языке кечуа; на страны Европы — на русском, немецком, албанском, румынском, польском, чешском, болгарском, сербском, английском, французском, итальянском, испанском, португальском и языке эсперанто. На Северную Америку и Океанию все передачи ведутся на английском языке. Объем радиовещания на тот или иной регион, на том или ином иностранном языке варьируется от политической ситуации и намерений китайского руководства. Для китайских эмигрантов, проживающих за границей, главным образом в Юго-Восточной Азии, ежедневно ведется вещание общим объемом 18,5 часа в сутки на пяти диалектах китайского языка: пекинском, кантонском, чжао-чжоуском, амойском и хаккском.

Объем вещания из КНР на русском языке в настоящее время составляет 19 часов 15 минут в сутки, а с учетом языков народов СССР (на районы Советской Средней Азии) общий объем китайских передач на нашу страну составляет 56 часов в сутки. Таким образом, примерно треть вещания на зарубежные страны из КНР направлена на Советский Союз. Для сравнения следует отметить, что общий объем вещания на зарубежные страны в сутки на английском языке на Северную Америку (6 часов), на Австралию и Новую Зеландию (2 часа), на Юго-Восточную Азию (3 часа), на Африку (4 часа) и Европу (2 часа) составляет меньше, чем на одну нашу страну.

Анализ программ передач китайского радио на зарубежные страны показывает, что в большинстве случаев они включают идентичные рубрики: «Китай на стройке», «В народной коммуне», «Культура в Китае», «По стране», «Почтовый ящик радиослушателей». Обычно это часовые радиопередачи с многократным повторением. Открываются они, как правило, тенденциозной подборкой новостей, включают беседы, интервью, заметки и комментарии.

Для китайской внешней радиопропаганды свойственно использование самых нечистоплотных приемов фальсификации фактов. В этих материалах преобладает грубый назидательный тон, клеветнические выпады, назойливость, выражающаяся в многократном повторении одного и того же тезиса.

Особенно это заметно по передачам на русском языке. Материалы изобилуют преднамеренными искажениями и злостными нападками на советский образ жизни, «подкрепляемыми» произвольно выхваченными цитатами и ссылками на газеты «Правда», «Советская Россия», «Труд», «Заря Востока» и др., где говорится о существующих в нашей стране проблемах. Цель радиопропаганды, направляемой на Советский Союз, — попытаться негативно воздействовать на политическую сознательность советских людей. Все без исключения передачи пекинского радио на русском языке содержат элементы дезинформации слушателей, носят диверсионный характер, извращают внутреннюю и внешнюю политику СССР, без зазрения совести манипулируют марксистско-ленинской терминологией, подтасовывают факты. Информация, статьи и комментарии с прямыми и завуалированными нападками на Советский Союз и другие социалистические страны занимают более трети времени трансляции пекинского радио за рубеж.

Внешнеполитическая пропаганда нового китайского руководства является составной частью его внешней политики, одним из важнейших средств для достижения гегемонистских целей на международной арене. Ее организация и содержание находятся в тесной зависимости от внутренней и международной обстановки, служат экспансионистским устремлениям нынешнего маоистского руководства.

Радиовещание КНР в первые годы после победы народно-демократической революции сыграло роль в формировании сознания китайских трудящихся в духе марксистско-ленинской идеологии и пролетарского интернационализма, способствовало закладке основ социалистического общества в Китае. Однако китайское руководство, порвав с марксизмом-ленинизмом, встав на путь гегемонизма и экспансии, превратило этот важнейший канал массовой коммуникации в инструмент культивирования ненависти к странам реального социализма во главе с Советским Союзом, в средство раскола международного коммунистического и национально-освободительного движений.

¹¹ Чжунго байкэ няньцзянь. Пекин — Шанхай, 1980, с. 605.

Вьетнамский язык как средство межнационального общения в СРВ

И. И. Глебова,
кандидат филологических наук

Вьетнамский язык является общегосударственным языком СРВ — многонационального социалистического государства, которое в своей национальной политике широко использует опыт Советского Союза.

Среди 54 языков Вьетнама, подавляющее большинство которых автохтонны, имеются представители по крайней мере четырех семей и двух самостоятельных групп языков. Аустроазиатская семья языков представлена во Вьетнаме мон-кхмерскими и вьетмыонгскими языками. Мон-кхмерских языков, на которых говорят народности Вьетнама, насчитывается 21: на кхмерском говорят 687 тыс. человек, на языке бахнар — 81 тыс., на языке зе — 69 тыс., на кохо — 64 тыс., на хре — 57 тыс., на седанг — 53 тыс., на мнонг — 47 тыс., на стиенг — 35 тыс., на бру-ванкьеу — 29 тыс., на кату — 23 тыс., на ма и таой-по — 22 тыс. (к мон-кхмерским языкам относятся также языки кхму, ко, брао, кханг, ксинмул, манг и некоторые другие, число говорящих на которых во Вьетнаме невелико). Вьетмыонгские языки, которые могут быть с некоторыми оговорками отнесены к аустроазиатской семье, представлены четырьмя языками: вьетнамским, на котором говорят 42—43,5 млн. человек (не считая двуязычных представителей нацменьшинств), мыонгским, на котором говорят 649 тыс. человек, а также языками тхо и тьят. Аустронезийская, или малайско-полинезийская, семья языков представлена во Вьетнаме несколькими индонезийскими языками: на джарай говорят 165 тыс. человек, на эде (раде) — 144 тыс., на чам — 66 тыс., на раглай — 38 тыс. Китайско-тибетская семья языков представлена во Вьетнаме китайским языком этнических китайцев — выходцев из Китая, численность которых в 1976 г. составляла 1228 тыс. (около 1 млн. на юге и более 200 тыс. на севере страны), и шестью тибето-бирманскими языками (число говорящих на них во Вьетнаме невелико). Среди нацменьшинств Вьетнама наиболее многочисленны народы, говорящие на тайских языках, выделяемых в самостоятельную группу: на языке тай говорят 825 тыс. человек, на тхай — 686 тыс., на нунг — 524 тыс., на шанском языке (одном из его диалектов) — 53 тыс., на зяй (жай) — 26 тыс. (к тайским относятся также языки лаосский, лы, бон, на которых во Вьетнаме говорят немногочисленные этнические группы). В общей сложности на тайских языках во Вьетнаме говорит более 2 млн. человек. И наконец, языки мяо-яо, также выделяемые в самостоятельную группу, представлены во Вьетнаме тремя языками: мео, на котором говорят 373 тыс. человек, зао (яо), на котором говорят 311 тыс. человек, и патхен¹.

Вьетнамский язык, на котором говорят собственно вьетнамцы (кини, или вьеты), составляющие 84—87 % населения страны, является доминирующим автохтонным языком². Это язык ведущего в политической и культурной области национального большинства, а также язык, которым в той или иной степени владеют многочисленные малые народы Вьетнама.

На разных этапах истории Вьетнама вьетнамский язык выступал в качестве важного консолидирующего фактора в борьбе с иноземными захватчиками. В войнах сопротивления (вьетнамские историки насчитывают 13 таких войн) наряду с собственно вьетами принимали участие и иноязычные народы Вьетнама (по этому вопросу имеется обширная литература на вьетнамском языке, однако в советской вьетнамистике вопрос освещен слабо).

В XX в. интегрирующая функция вьетнамского языка получила мощное развитие, что прямым образом связано с целым рядом важнейших событий, которые произошли во Вьетнаме.

¹ Вышеприведенные сведения о языках народов Вьетнама заимствованы из специального постановления ЦСУ СРВ от 2—3.1.1979 (см.: «Этнохолок», 1979, № 1, с. 58—63) и из опубликованного в СРВ в 1977 г. справочника, в котором приводятся официальные статистические данные по состоянию на 1976 г. См.: Вьетнам. Значение цифр. Ханой, 1977, с. 17.

² Предки вьетнамцев жили на территории современного Вьетнама по крайней мере с середины I тысячелетия до н. э.

Одним из таких событий явилось создание в феврале 1930 г. Коммунистической партии Индокитая (КПИ), которая с первых дней существования в своей национальной политике руководствовалась марксистско-ленинскими принципами. Эти принципы провозглашаются во многих партийных документах³. Еще до победы Августовской революции 1945 г., когда Вьетнам находился под колониальным гнетом, были четко сформулированы основные установки партии в языковой политике: расширение диапазона функционирования вьетнамского языка путем внедрения его в сферу среднего и высшего образования, в научное общение, в сферу политики, администрации и т. д.; демократизация вьетнамского языка путем очищения его от китаизмов и галлицизмов, дублирующих «свои» слова; популяризация вьетнамского латинизированного письма кукинг среди нацменьшинств; расширение диапазона функционирования языков малых народов Вьетнама путем предоставления им права пользоваться родным языком в политической, экономической и культурной жизни, в том числе и в школе; оказание нацменьшинствам помощи в создании письменности. Установки в отношении языков нацменьшинств были сформулированы уже в 1935 г. в решениях I съезда КПИ⁴, в 1940 г. — в решениях 7-го пленума ЦК КПИ⁵ и в 1941 г. — в решениях 8-го пленума ЦК КПИ⁶.

Важнейшим событием явилась победа Августовской революции 1945 г., создавшая условия для реализации курса на сближение народностей Демократической Республики Вьетнам — первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян.

После победы революции важнейшие принципы национальной политики партии нашли отражение в первой вьетнамской демократической конституции, принятой в ноябре 1946 г., которая гарантировала равноправие нацменьшинствам, населяющим Вьетнам. Конституция предусматривала введение в стране обязательного бесплатного начального обучения, причем нацменьшинства получали право обучения в школах на родном языке. Для обеспечения этого права потребовались огромные усилия, так как среди нацменьшинств в то время почти не было грамотных, а многие народы к тому же не имели своей письменности.

Всенародная война Сопrotивления 1946—1954 гг. против французских колонизаторов способствовала повышению роли вьетнамского языка как средства межнационального общения, то есть способствовала формированию билингвизма среди нацменьшинств: борясь против колонизаторов плечом к плечу с вьетами, представители нацменьшинств овладевали вьетнамским языком, учились читать и писать по-вьетнамски, приобщались к политической и другой литературе на вьетнамском языке. С другой стороны, парработникам, направляемым в горные районы, предписывалось изучать местные языки. Популяриность вьетнамского языка росла по мере проведения социально-демократических и экономических преобразований в горных районах, по ликвидации неграмотности и т. д.

Политика всенародного единения и привлечения малых народов к участию в общем деле в годы войны Сопrotивления 1946—1954 гг. и в последующий период сыграла огромную роль в формировании у нацменьшинств патриотизма супраэтнического типа.

К началу 1958 г. закончился период восстановления народного хозяйства страны и начался период планового строительства основ социализма. Важным консолидирующим фактором явилось принятие в декабре 1959 г. новой конституции, в которой ДРВ характеризуется как многонациональное государство, проводящее политику вовлечения всех народностей в государственное, экономическое и культурное строительство. В конституции 1959 г. специально подчеркивалось, что государство оказывает помощь в создании письменности для бесписьменных народов (в соответствующих инструкциях оговаривалось, что создание письменности признается целесообразным, если народность не слишком малочисленна, проживает компактной группой и говорит на относительно едином языке). После III съезда ПТВ (сентябрь 1960 г.) страна приступила к выполнению первого пятилетнего плана (1961—1965), что привело к дальнейшему повышению роли вьетнамского языка как средства межнационального общения. Мирное строительство было прервано войной Сопrotивления 1965—1976 гг., закончившейся блестящей победой вьетнамского народа и воссоединением страны.

После освобождения в мае 1975 г. Южного Вьетнама и образования в июне 1976 г. СРВ интегрирующая функция вьетнамского языка получила всестороннее развитие в масштабе всей страны. В конституции СРВ, принятой в 1980 г., гражданам всех национальностей, проживающим в СРВ, гарантируются равные права и обязанности, право пользоваться родным языком и письменностью, право сохранять национальные обычаи и развивать национальную культуру. Основным направлением национальной политики СРВ на данном этапе является привлечение малых народов Вьетнама к максимально активному участию в строительстве социализма, в выравнивании культурного уровня и в сближении народов Вьетнама во всех областях.

³ См.: Документы партии по национальному вопросу. Ханой, 1965.

⁴ См.: Партийные документы (с 27.X.1929 по 7.IV.1935). Ханой, 1964, с. 481.

⁵ См.: Партийные документы (с 25.I.1939 по 2.IX.1945). Ханой, 1963, с. 154.

⁶ См. там же, с. 194.

Как показывает опыт Советского Союза и других многонациональных социалистических стран, в том числе и СРВ, строительство социализма создает условия для максимально полного развития интегрирующей функции общегосударственного (общенационального) языка, при этом расширяется диапазон функционирования и местных языков с относительно большим числом говорящих на них, что приводит к развитию этих языков, обогащению их лексического запаса и стилистических средств. Однако диапазон функционирования бесписьменных языков слишком малочисленных народностей может не только не расширяться, но еще более сузиться — вплоть до вытеснения таких языков либо общегосударственным, либо доминирующим местным, либо контактирующим местным языком.

Усиление интегрирующей роли общегосударственного (общенационального) языка органически связано с развитием его культурно-просветительной функции, в том числе и функции посредника в распространении знаний среди других народов.

Вьетнамский язык выступает в качестве основного средства межнационального общения благодаря тому, что среди малых народов Вьетнама широко распространен билингвизм. Говоря о билингвизме, следует заметить, что во Вьетнаме в качестве средства межнационального общения выступают также многие местные языки, например тай и нунг во Вьетбаке, тхай в Тэйбаке, однако наиболее распространенный среди нацменьшинств Вьетнама тип билингвизма — это использование вьетнамского языка в общественной жизни, а родного в семейно-бытовой. Такие языки, как тай, кхмерский, тхай, мыонгский, нунг, мео, зао (яо), джарай, эде, бахнар, играют более или менее важную роль с точки зрения числа говорящих на них, тем не менее их коммуникативная значимость не идет ни в какое сравнение с коммуникативной значимостью вьетнамского языка.

Вьетнамские преподаватели, лингвисты, этнографы отмечают, что уровень владения вьетнамским языком у билингвов тем выше, чем выше их общеобразовательный уровень. Специальные обследования показали, что иноязычные учащиеся в достаточной мере овладевают вьетнамским языком лишь в школах 3-й ступени⁷, то есть решающим фактором в целенаправленном формировании билингвизма является обучение в общеобразовательных школах 2-й и 3-й ступеней, в которых основным средством обучения является вьетнамский язык, а не родной. Во Вьетнаме признается целесообразным обучение на родном языке в начальных классах с последующей заменой родного языка вьетнамским: в школах 2-й и 3-й ступеней (то есть в средних и старших классах) основным средством обучения становится вьетнамский язык, однако обязательным предметом является родной язык и родная литература (фольклор, а также письменная литература, если она имеется). Кстати, в национальных школах РСФСР, начиная со средних классов, основным средством обучения становится русский язык, а не родной. В союзных и автономных республиках функционируют школы с обучением как на родном, так и на русском языке (представители нерусских национальностей могут выбрать любую школу).

Ныне в районах Вьетнама, населенных нацменьшинствами, в школах 1-й ступени (до 4-го класса) проходят обучение почти все дети. Они имеют реальные возможности для продолжения учебы в школах 2-й и 3-й ступеней. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ле Зуана на IV съезде КПВ (декабрь 1976 г.) отмечается, что школа 2-й ступени имеется в каждой общине социалистического Севера, а школа 3-й ступени — в каждом уезде⁸. Успехи СРВ в области народного образования огромны. В 1955/56 учебном году число учащихся общеобразовательных школ в ДРВ составило лишь 710 тыс., в 1964/65 учебном году оно выросло до 2666 тыс., а в 1974/75 учебном году достигло 5147 тыс.⁹. До революции во Вьетнаме функционировал специальный лицей в Лангшоне, в котором обучались дети привилегированной верхушки наиболее крупных народностей (тай, нунг, мыонг, тхай). Функционирование этого лицея никак не решало проблемы ликвидации неграмотности среди нацменьшинств. В 1968/69 учебном году в одной только горной провинции Лангшон функционировало 623 школы, а в 1978/79 учебном году — 672 школы¹⁰. В 1968/69 учебном году в этой провинции обучалось 81 022 ребенка школьного возраста, а в 1978/79 учебном году — 139 539¹¹. Заметим для сравнения, что в лицее Лангшона за все время его существования обучение прошли 15 тыс. человек. Теперь во всех горных провинциях есть училища по подготовке учителей для национальных школ (они стали открываться уже с 1953 г.), а училища по подготовке учителей для начальных школ имеются во всех горных уездах. Правительство ДРВ своевременно позаботилось и о подготовке преподавателей для педучилищ: уже в 1951 г., то есть в труднейшие годы войны Спротивления, в Высшее педагогическое училище было принято 150 преподавателей нацменьшинств. В 1964 г. число учителей — выходцев из нацменьшинств составляло

⁷ См.: «Энтокхок», 1979, № 3, с. 62.

⁸ См.: Ле Зуан. — Политический доклад Центрального Комитета партии. IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. Основные документы. Ханой, 1977, с. 36.

⁹ См.: «Нянзан», I.X.1980. По другим данным, в 1955/56 учебном году в школах обучалось 716 тыс. человек, в 1964/65 — 2 673 900, а в 1975/76 — 5 307 400. — См.: Вьетнам. Значение цифр, с. 33.

¹⁰ См.: «Нянзан», 16.XII.1980.

¹¹ См. там же.

5854 человека, а в 1974 г. — 12 653, в том числе 143 с высшим образованием¹². Методисты Вьетнама уделяют много внимания повышению эффективности преподавания вьетнамского языка в национальных школах с учетом особенностей интерференции родного языка, а также усовершенствованию учебных программ по вьетнамскому языку и учебников вьетнамского языка для билингвов, поскольку создание условий для активного овладения нацменьшинствами общенациональным языком входит в официальную языковую политику. Лингвист Буй Кхань Тхе говорит о необходимости воспитывать у иноязычных граждан СРВ стремление к сознательному изучению вьетнамского языка¹³. Такая постановка вопроса правомерна, поскольку массовое формирование билингвизма среди нацменьшинств отвечает интересам самих нацменьшинств, открывает перед иноязычной молодежью широкие возможности для получения высшего образования, в том числе и с дальнейшим обучением в аспирантуре (во Вьетнаме или за рубежом). Если в 1956 г. в вузах ДРВ обучалось всего 16 студентов из нацменьшинств, то в 1967/68 учебном году их было уже 1435 человек¹⁴, а к 1975 г. в вузах обучалось 3200 выходцев из нацменьшинств, в том числе 200 за рубежом¹⁵.

Успешное овладение вьетнамским языком в национальной школе рассматривается во Вьетнаме как одно из значительных завоеваний революции (так же как в Советском Союзе массовое овладение русским языком в стенах национальной школы является одним из важнейших завоеваний Советской власти).

Степень владения билингвами вьетнамским языком зависит не только от экстралингвистических факторов; немалое значение имеет и такой интралингвистический фактор, как родство языков. Например, мьонги овладевают вьетнамским языком очень легко (но и в этом случае имеет место интерференция родного языка, хотя она имеет свою специфику).

Широкое распространение во Вьетнаме двуязычия и многоязычия стимулирует развитие языковых контактов, что приводит к взаимному обогащению и сближению языков. Общественно-политическая, общественно-экономическая, а также специальная терминология формируется в языках малых народов преимущественно путем заимствования лексики из вьетнамского языка, в том числе и через речь образованных билингвов. В таких старописьменных языках, как тай, нунг, чам и др., происходит стихийный процесс замены старых терминов новыми, то есть заимствуемыми из вьетнамского языка в наши дни¹⁶. В этих языках активно формируется вьет-тайская, вьет-нунгская, вьет-чамская лексика (как во вьетнамском языке формировалась в свое время хан-вьетская лексика, то есть лексика китайского происхождения). Процесс заимствования вьетнамским языком огромного числа слов из китайского языка не привел к ассимиляции вьетнамского языка китайским, точно так же процесс заимствования малыми народами Вьетнама большого числа слов из вьетнамского языка не означает ассимиляции этих языков вьетнамским. Вместе с тем возможны феномены ассимиляции бесписьменных языков контактирующими местными языками.

Это происходит в тех случаях, когда бесписьменный язык малочисленной народности начинает вытесняться контактирующим языком даже из сферы семейно-бытового общения. Так, например, по свидетельству вьетнамских авторов, носители языка тонг, который относится к группе тайских языков¹⁷, фактически перешли на язык зао (относится к группе языков мяо-яо) даже в сфере семейно-бытового общения, что привело к исчезновению языка тонг¹⁸.

При вхождении в языки малых народов многосложные вьетнамские слова (особенно хан-вьетские) перестают члениться на слогоморфемы. Иными словами, для большинства языков малых народов Вьетнама характерен наплыв готовых многосложных слов, не членящихся на слогоморфемы.

Усиление культурно-просветительной функции вьетнамского языка связано и с проведением установки на использование вьетнамского латинизированного письма куокнгы при разработке письменности для бесписьменных языков, что помогает малым народам овладевать вьетнамским языком¹⁹. Примечательно, что вскоре после образования КПИ по инициативе ЦК КПИ было учреждено Общество по распространению письма куокнгы, которое развернуло активную деятельность в 1936—1939 гг. Общество занималось организацией движения за ликвидацию неграмотности как среди вьетов, так и среди нацменьшинств. Во Вьетнаме поощряется тенденция к замене традиционного письма письмом куокнгы.

В 1961 г. было официально утверждено латинизированное письмо для языков тай, нунг и языка мео (старое нероглифическое письмо не получило среди народностей тай и нунг сколько-нибудь широкого распространения в силу его чрезвычайной

¹² См. там же.

¹³ См.: «Нгонггы», 1979, № 1, с. 18.

¹⁴ См.: Ньят Хунг. Образование на службе национальных меньшинств. — В кн.: Национальные меньшинства ДРВ на пути к социализму. Ханой, 1974, с. 53.

¹⁵ См.: «Нянзан», 16.XII.1980.

¹⁶ См.: «Нгонггы», 1979, № 1, с. 15; «Зэнткокхок», 1979, № 3, с. 59.

¹⁷ См.: «Зэнткокхок», 1976, № 4, с. 19.

¹⁸ См. там же, с. 31.

¹⁹ См.: Документы партии по национальному вопросу. Ханой, 1965, с. 54.

сложности). Преподавание на языках тай, нунг и на языке мео в начальных школах уже имеет свои традиции, есть учебники, подготовлен отряд учителей, созданы словари, на этих языках ведутся радиопередачи, эти языки частично используются в деле производства местных административных органов.

В том же 1961 г. был утвержден проект усовершенствования древнего письма народностей тхай, которое было решено сохранить, но несколько усовершенствовать. Однако затем возобладало мнение, что сохранение письменности палийского происхождения затруднит развитие культурных связей между народностью тхай, собственно вьетнамцами и другими народами Вьетнама и осложнит обучение детей в школе, поэтому в 1969 г. был утвержден проект латинизированного письма для языка тхай, которое затем стало внедряться в школьную практику.

Народности эде, джарай, бахнар, кохо продолжают пользоваться латинизированной письменностью, которая была создана еще до революции.

Кхмеры пользуются письменностью палийского происхождения, у чамов также имеется своя письменность палийского происхождения (новые поколения чамов переходят на письмо куокнгы).

Нацменьшинства, у которых еще нет официально утвержденной письменности, широко пользуются письмом куокнгы (с необходимыми поправками). Письмом куокнгы успешно пользуются мыонги, а также многочисленные народы Центрального и Южного Вьетнама. Примечательно, что уже с 1957—1958 гг., то есть задолго до воссоединения страны, в освобожденных районах Южного Вьетнама в труднейших условиях борьбы в джунглях была проведена большая работа по созданию первых вариантов письма на основе куокнгы для таких народов, как хре, седанг, мюнг, стинг, бру-ванкьеу, кату, раглай и др. Уже в те годы латинизированным письмом стали пользоваться 14 народностей Южного Вьетнама²⁰.

Своей письменностью (иероглифической) пользуются этнические китайцы (хуацяо). Готовность части хуацяо действовать по указке Пекина в ущерб интересам строительства социализма в СРВ послужила одной из причин упразднения в начале 1976 г. автономных районов Тэйбак и Вьетбак, расположенных вблизи вьетнамско-китайской границы. Как известно, еще в 1965 г., во время визита в Ханой, Дэн Сяопин, разгневанный негативным отношением вьетнамского руководства к предложению Пекина отказаться от дружбы с Советским Союзом и от советской помощи, пригрозил дестабилизировать положение в Северном Вьетнаме, используя для этой цели хуацяо, а в конце 60-х годов, то есть в годы эскалации американской агрессии во Вьетнаме, Пекин попытался привести в исполнение свою угрозу²¹. В августе того же 1965 г. на заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун сказал: «Мы обязательно должны заполучить ЮВА, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур»²².

После объединения Вьетнама к 200—300 тыс. северовьетнамских хуацяо (из них 160 тыс. проживало в граничащей с Китаем провинции Куангбинь, 33 тыс. — в Хайфоне, 13 тыс. — в Ханое²³) прибавился еще почти миллион южновьетнамских хуацяо, значительную часть которых составляла буржуазия, сосредоточившая в своих руках главные рычаги южновьетнамской экономики и находившаяся под контролем Пекина: ко времени освобождения Южного Вьетнама буржуазия китайского происхождения держала в руках 80 % перерабатывающей промышленности, всю оптовую и 50 % розничной торговли, 90 % экспортно-импортных операций²⁴. Существование вблизи вьетнамско-китайской границы автономных зон могло быть использовано центробежными силами, поддерживаемыми Пекином. Следует подчеркнуть, что автономные зоны были упразднены только тогда, когда у Вьетнама не осталось никаких сомнений, что в обозримом будущем Пекин будет продолжать проводить в отношении Вьетнама крайне враждебную политику²⁵. Дальнейший ход событий показал, что у вьетнамского руководства были серьезные основания для такого шага. Как известно, в 1978 г. Пекин в целях дестабилизации положения в СРВ организовал шумную кампанию за возвращение хуацяо в Китай, которая нанесла немалый урон вьетнамской экономике, а 17 февраля 1979 г. Пекин вероломно напал на Вьетнам, еще раз про-

²⁰ См.: «Нгонггы», 1970, № 1, с. 8, 52.

²¹ Как известно, усиление подрывных действий северовьетнамских хуацяо, целью которых была дестабилизация положения в ДРВ, совпало по времени с вооруженной провокацией, предпринятой Пекином на советско-китайской границе (март 1969 г.).

²² Цит. по: Вьетнам в борьбе. М., 1981, с. 156.

²³ См.: Об этнических китайцах во Вьетнаме. М., 1979, с. 27.

²⁴ См. там же, с. 88.

²⁵ Статус автономных зон был обнародован правительством ДРВ в апреле 1955 г., то есть вскоре после восстановления мира в Индокитае, тогда же был создан автономный район Тхаймео (Тэйбак), а в апреле 1956 г. — автономный район Вьетбак. Право нацменьшинств, проживающих относительно крупными компактными группами, на образование автономных районов было подтверждено конституцией 1959 г. В начале 1976 г. было установлено новое административное деление в пределах всего объединенного Вьетнама, которое предусматривало упразднение автономных зон.

демонстрировав американским империалистам, что он способен совершить вооруженное нападение на социалистическое государство²⁶.

Надо сказать, что антивьетнамские акции хуацяо, спровоцированные Пекином, не нарушили братского сотрудничества между вьетнамскими гражданами различных национальностей, образующих большую семью народов социалистического Вьетнама.

Вернемся к вопросу о том, какие факторы способствуют расширению диапазона функционирования языков малых народов Вьетнама и какие факторы сдерживают этот процесс.

Использование родного языка в качестве средства обучения на начальном этапе образования расширяет диапазон функционирования языков малых народов Вьетнама (как родственных, так и неродственных вьетнамскому языку), но отнюдь не является залогом того, что эти языки в обозримом будущем смогут обеспечивать все современное общение. По мнению Ф. П. Филина, язык обеспечивает современное общение, если он способен выразить все знания, накопленные человечеством во всех сферах его деятельности²⁷. Обеспечивающий современное общение язык обязательно располагает необходимым запасом научно-технической терминологии, который непрерывно пополняется. (Вслед за Ф. П. Филиным мы считаем, что специальная стандартизированная терминология входит в состав литературного языка и является важнейшим источником его пополнения.) Формирование специальной научно-технической терминологии вряд ли возможно в языках, не обслуживающих сферы современного научного общения и не используемых в качестве средства обучения ни в школах 2-й и 3-й ступеней, ни тем более в вузах. Некоторые вьетнамские лингвисты даже склоняются к мысли о том, что при отсутствии реальной возможности внедрить тот или иной язык в сферу высшего образования вообще нецелесообразно предпринимать какие-либо усилия для создания в этих языках специальной научной терминологии²⁸. По-видимому, такой подход правомерен, поскольку условием закрепления термина в языке является его употребление в научном общении. Несомненно, что приобщение малых народов Вьетнама к сокровищнице мировой культуры (в том числе и вьетнамской), к науке, к высшему образованию будет по-прежнему осуществляться преимущественно через вьетнамский язык и лишь отчасти — через родные языки. Просветительная функция вьетнамского языка получит еще большее развитие, что приведет к дальнейшему развитию его интегрирующей роли.

Наличие письменности, безусловно, благоприятствует развитию письменной литературы малых народов Вьетнама. На данном этапе затруднительно прогнозировать пути формирования литературных языков народов Вьетнама, если вслед за Р. А. Будаговым понимать под литературным языком обработанную форму общенародного языка, обладающую в большей или меньшей степени письменно закрепленными нормами²⁹. Еще сложнее ответить на вопрос о том, возможно ли формирование национально-литературных языков более или менее многочисленных народов Вьетнама, если исходить из того, что литературный язык становится общенациональным лишь в эпоху формирования нации.

В отличие от языков малых народов Вьетнама вьетнамский язык сейчас успешно обслуживает все сферы современного общения, хотя еще несколько десятилетий назад диапазон его функционирования был значительно уже: в период колониальной зависимости расширение сферы функционирования вьетнамского языка насильственно сдерживалось политикой колониализма. В частности, вьетнамский язык не был принят в высших звеньях колониального управления, как средство обучения использовался преимущественно на начальном этапе образования, почти не использовался в сфере научного, особенно научно-технического общения. Хотя ограниченное функционирование вьетнамского языка замедлило его внутривидовое развитие, тем не менее при появлении благоприятных экстралингвистических факторов он быстро реализовал заложенные в нем внутривидовые резервы в сфере словообразования, то есть оказался внутренне подготовленным для быстрого расширения диапазона функционирования. В частности, став средством обучения на всех ступенях разветвленной системы образования, вьетнамский язык чрезвычайно быстро превратился в язык с развитой научно-технической терминологией. К настоящему времени в СРВ имеются двуязычные терминологические словари по всем отраслям знаний. На повестке дня стоит вопрос об унификации и стандартизации терминологии. Современный вьетнамский язык — это язык с высокой коммуникативной эффективностью, успешно обслуживающий все внутрисоциальное общение, внутринациональное и межнациональное.

²⁶ Напомним, что 7 января 1979 г. рухнул кровавый пропекинский полпотовский режим, что привело в бешенство пекинское руководство, не говоря уже о том, что к тому времени Пекин потерял всякую надежду сохранить во Вьетнаме свою опору в лице южновьетнамской буржуазии китайского происхождения.

²⁷ См.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 267.

²⁸ См.: «Нгонггы», 1970, № 1, с. 31.

²⁹ См.: Р. А. Будагов. К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике. — «Вопросы языкознания», 1981, № 3, с. 15.

Всесоюзная конференция китаеведов

25 — 27 января в Москве состоялась Всесоюзная конференция китаеведов, организованная Научным советом АН СССР по проблемам зарубежного Дальнего Востока. В работе конференции приняло участие около трехсот ученых, занимающихся изучением Китая и представляющих научные и учебные центры Москвы, Ленинграда, Владивостока, Новосибирска, Улан-Удэ, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе и других городов страны.

С вступительным словом к участникам конференции обратился вице-президент Академии наук СССР академик П. Н. Федосеев. Он отметил, что за время, прошедшее с первой Всесоюзной научной конференции китаеведов (ноябрь 1971 г.), в мире произошло много важных событий, в сложной международной обстановке наша партия и все прогрессивное человечество вели решительную борьбу за дело мира, разрядки и международной безопасности. В эти годы силы империализма пытались сорвать разрядку, толкнуть человечество к новой мировой войне. Китайские руководители, блокируясь с империалистическими кругами, пытались и пытаются подключить Китай к антисоветскому, антисоциалистическому альянсу. Нельзя не признать, что для империалистических кругов политика пекинского руководства является находкой, она действительно оказывает существенные услуги мировой реакции и наносит огромный ущерб делу мира, национального освобождения и социального прогресса.

В этих условиях наша партия неизменно уделяла первостепенное внимание китайской проблематике. Мы делаем это, исходя из интересов мира, с учетом коренных интересов и китайского народа, во имя возвращения Китая на путь социалистического развития.

Советские китаеведческие центры, среди которых ведущее место занимает Институт Дальнего Востока АН СССР, проделали весьма полезную для партии и государства работу. В научных трудах, которые были созданы в минувшем десятилетии, сделаны многие важные политические и научные выводы, даны оценки обстановки в современном Китае и прогноз развития КНР, ее курса в мировых делах на 80-е годы. Определяющей линией этих трудов, содержащихся в них выводов и оценок были решения съездов КПСС, пленумов ЦК КПСС, указания Генерального секретаря ЦК КПСС. Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева по вопросам внешней политики СССР, советско-китайских отношений и борьбы с антисоветским, антисоциалистическим курсом Пекина. Жизнь полностью подтвердила правильность линии нашей партии в отношении Китая.

С докладом «Задачи советского китаеведения в свете современного положения КНР» на конференции выступил Первый заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС доктор исторических наук О. Б. Рахманин. Он подчеркнул, что Центральный Комитет нашей партии уделяет постоянное внимание развитию советского китаеведения. Об этом свидетельствуют и создание Института Дальнего Востока, и расширение Дальневосточного научного центра, и рост Института стран Азии и Африки, готовящего кадры для китаеведения. Об этом говорит и укрепление научного потенциала советского китаеведения. Можно привести такие факты: за последние 10 лет в СССР выпущено более 550 фундаментальных книг и брошюр по Китаю, защищено около 200 кандидатских и докторских диссертаций, опубликованы тысячи научных статей. Советское китаеведение имеет специализированный журнал «Проблемы Дальнего Востока».

Сейчас наряду с Институтом Дальнего Востока, этим главным координационным центром советского китаеведения, и Институтом востоковедения, где также работает солидный отряд китаеведов, исследования по Китаю и подготовка кадров ведутся во многих научно-исследовательских институтах Москвы, Ленинграда, Владивостока, Новосибирска, Киева, Алма-Аты, Фрунзе, Хабаровска, Читы, Иркутска и других городов Советского Союза.

ЦК партии и Советское правительство проявляют неустанную заботу и об укреплении материальной базы советского китаеведения, об улучшении условий нелегкого труда китаеведов.

Наши синологи делами отвечают на заботу о развитии этой важной отрасли знаний. Так, советское китаеведение внесло весомый вклад в исследование истории Китая и КПК, китайской революции и советско-китайских отношений, международной политики КНР, а также в изучение экономического потенциала, культурного и идейного наследия китайского народа.

Вся работа в области китаеведения как комплексной страноведческой науки происходит в тесной и неразрывной связи с политической практикой. Это возлагает большую ответственность на работников китаеведческого фронта. О. Б. Рахманин подчеркнул такое важное достижение марксистско-ленинского китаеведения, как точная оценка происходивших в 60—70-е годы и происходящих в 80-е годы в Китае событий, выявление главных тенденций развития обстановки и верный научный прогноз эволюции китайской внешней и внутренней политики.

О. Б. Рахманин особо остановился на интернациональном аспекте деятельности советского китаеведения. Он отметил, что значение борьбы КПСС против маоизма, политической доктрины и практики нынешнего пекинского руководства выходит далеко за рамки двусторонних советско-китайских отношений. Ведь речь идет об идеологической ориентации международного революционного движения, об основополагающих принципах марксистско-ленинского учения, о творческом применении на практике общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства.

Общие закономерности строительства социализма, аккумулированные в совокупном международном опыте реального социализма, — это достояние мирового коммунистического движения, всего прогрессивного человечества. Умение творчески применять эти закономерности и этот опыт в каждой социалистической стране — одна из важнейших гарантий успеха созидательной работы коммунистов. И, наоборот, отход от этих закономерностей, игнорирование исторического опыта социализма приводят к тяжелым последствиям. Кризисная ситуация, возникшая в Китае, — наглядное тому свидетельство.

КПСС вместе с другими марксистско-ленинскими партиями решительно выступает против любых отступлений от основополагающих принципов социализма, ведет непримиримую борьбу с оппортунистическими и реакционно-националистическими концепциями.

Борьба против политической и идеологической доктрины Пекина, его извращений научного социализма (сейчас и в прошлом) позволяет эффективно противодействовать другим формам оппортунизма.

В заключение О. Б. Рахманин выразил уверенность, что советские китаеведы, подвергнув на конференции требовательному партийному анализу успехи и недостатки в развитии исследований по Китаю, вскроют новые резервы в своей работе и отличным трудом оправдают доверие, оказываемое им партией.

Член-корреспондент АН СССР, директор Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковский посвятил свой доклад состоянию и задачам советского китаеведения. В своем выступлении он всесторонне проанализировал основные направления современных исследований по Китаю, ведущихся в нашей стране. Советское китаеведение, подчеркнул он, ставит своей задачей быть помощником партии, отвечать на вопросы, возникающие в меняющейся обстановке в Китае, знакомить советскую общественность с китайской проблемой, активно участвовать в борьбе с враждебной социализму идеологией маоизма, разоблачать опасность великоханьского маоцзэдуновского курса как для миролюбивых народов мира, так и для самого китайского народа.

В минувшее десятилетие сфера исследований советских китаеведов значительно расширилась. Появились новые направления, темы которых в прошлом находили отражение лишь в отдельных трудах без достаточной увязки с другими смежными проблемами либо вовсе оставались вне поля наблюдения. Комплексность, системность исследований стали необходимым требованием дальнейшего развития советского китаеведения. Жизнь показала, что ни одну современную проблему Китая нельзя изучить в отрыве от истории, даже древней, без привлечения исторических данных нельзя понять многие современные общественные явления в жизни китайского народа.

В нынешних условиях, подчеркнул М. И. Сладковский, большое значение имеет расширение географии советского китаеведения. За минувшее десятилетие китаеведение получило заметное развитие в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, на Дальнем Востоке, в Сибири и других местах. Задачей всех китаеведов является всестороннее содействие этому позитивному процессу.

В последние годы значительно расширились международные связи советских китаеведческих центров с зарубежными центрами. С социалистическими странами связи и сотрудничество планомерно осуществляются через Международную комиссию, в работе которой с советской стороны принимают участие Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения, Институт мировой социалистической системы, Институт научной информации по общественным наукам, а со стороны социалистических стран — китаеведческие центры Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, МНР, Польши и Чехословакии.

За минувшее десятилетие при посредстве Международной комиссии был проведен ряд конференций и симпозиумов с участием советских китаеведов в социалистических странах: в Болгарии состоялся две встречи, в Венгрии — две, ГДР — пять, МНР —

две, Польше — две, Чехословакии — три. В Советском Союзе с участием китайцев социалистических стран было проведено 15 конференций и встреч.

Советские китайеды систематически участвуют в международных востоковедческих конгрессах. В минувшее десятилетие состоялось 6 конгрессов: в Англии — 1, Италии — 1, Франции — 2, Швейцарии — 1, Голландии — 1. На этих конгрессах советские китайеды выступали с докладами по проблемам современного и старого Китая. Советские китайеды участвовали в различных конференциях в США, Японии, Бельгии, Австралии, Мексике и некоторых других странах.

Подводя итоги, М. И. Сладковский сказал, что в минувшее десятилетие советские китайеды достойно выполняли свой долг перед нашей партией, страной, выполняли и свой интернациональный долг перед китайским народом.

Доктор исторических наук профессор М. С. Капица в своем докладе «Проблемы советско-китайских отношений» отметил, что не по вине советской стороны отношения между КНР и СССР остаются сложными.

С трибуны XXVI съезда КПСС было сказано, что «Советский Союз не искал и не ищет конфронтации с Китайской Народной Республикой. Мы следуем курсу, определенному XXIV и XXV съездами КПСС, и хотели бы строить связи с ней на добрососедской основе. Остаются в силе наши предложения, направленные на нормализацию отношений с Китаем, как остаются неизменными наши чувства уважения и дружбы к китайскому народу».

7 марта 1981 г. Посольством СССР было передано в МИД КНР предложение обсудить совместно вопрос об осуществлении мер доверия на Дальнем Востоке, которые могли бы привести к ослаблению напряженности и укреплению мира в этом важном районе земного шара. Правительство КНР отклонило это предложение.

25 сентября 1981 г. МИД СССР передал Посольству КНР ноту, в которой, указав на то, что последний раунд переговоров по пограничным вопросам состоялся в 1978 г., предложил продолжить переговоры в Москве в четвертом квартале 1981 г. или в любое другое приемлемое для китайской стороны время. МИД КНР в ответной ноте от 26 декабря 1981 г., согласившись с тем, что переговоры по пограничным вопросам должны быть продолжены, предложил, однако, отложить их на неопределенное время под предлогом необходимости для обеих сторон провести «основательную подготовку» к их возобновлению. Комментарий к позиции китайской стороны в отношении советских инициатив излишен.

Ясно, что нынешнее состояние советско-китайских отношений не идет на пользу ни КНР, ни СССР, оно противоречит интересам всех народов. Жизнь подтверждает правильность линии, одобренной на XXIV, XXV и XXVI съездах КПСС, линии на разоблачение враждебной социализму и миру политики китайского руководства с одновременными поисками путей к возвращению отношений между Советским Союзом и Китаем к добрососедству.

С докладом «Задачи изучения китайской литературы» выступил член-корреспондент АН СССР Н. Т. Федоренко. Исследование китайской литературы и языка, подчеркнул он, стоит в ряду актуальных проблем отечественной науки. Весьма существенно, что в то время, когда в ходе пресловутой «культурной революции» в Китае закрывались университеты и научные учреждения, литературные творения творческого гения китайского народа предавались анафеме как «ядовитые сорняки» и сжигались на кострах, в Советском Союзе не только не прекращались исследование и популяризация китайского литературного наследия, но, напротив, все с большей ответственностью продолжались и углублялись. Известно, с каким остревением хунвэйбины, вдохновляемые маоизмом, выкорчевывали наследие прошлого, великие ценности классики, создававшейся китайским народом на протяжении веков, бессмертные произведения китайских и зарубежных художников слова.

В свете этих событий, сказал Н. Т. Федоренко, научную деятельность Института Дальнего Востока АН СССР поистине трудно переоценить. Речь фактически идет не просто о синологической деятельности в рамках национальных научных задач, но о значительно большем — о выполнении советскими востоковедами своего интернационального долга. Н. Т. Федоренко выразил уверенность, что наступит день, когда труды советских ориенталистов будут по достоинству оценены также и в Китае, хотя мы убеждены, что настоящие китайские ученые и теперь не могут не видеть, какой вклад вносят советские китайеды в сокровищницу мировой синологии.

Большое внимание уделили участники конференции научно-организационным вопросам в советском Китаеведении, в частности проблемам подготовки и эффективного использования кадров, координации научных исследований, состоянию и перспективам издательской деятельности.

На секционных заседаниях были заслушаны выступления по наиболее важным и актуальным вопросам истории, экономики, внутренней и внешней политики, идеологии, литературы и искусства, языка и письменности Китая.

Пекин: углубление альянса с империализмом

(к итогам совещания в Канкуне)

*А. С. Красильников,
кандидат исторических наук*

В октябре 1981 г. китайская делегация во главе с премьером Госсовета КНР Чжао Цзяньном приняла участие в международной встрече по сотрудничеству и развитию в рамках так называемого «диалога Север—Юг», которая состоялась в мексиканском курортном городе Канкуне. Наряду с китайской делегацией в ней участвовали делегации освободившихся государств: Индии, Бангладеш, Саудовской Аравии, Филиппин, Алжира, Нигерии, Танзании, Берега Слоновой Кости, Мексики, Бразилии, Венесуэлы, Гайаны, а также Югославии; развитых капиталистических стран: США, Японии, Великобритании, ФРГ, Франции, Канады, Австрии, Швеции. Подавляющее большинство делегаций возглавлялось главами государств или правительствами.

Основной темой встречи в Канкуне был вопрос об отношении промышленно развитых капиталистических государств к требованию развивающихся стран установить новый международный экономический порядок, перестроить международные экономические отношения на справедливой основе. Идея встречи «возникла» в 1980 г. вследствие obstructивной позиции США, ряда других капиталистических государств и Пекина на XI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по экономическим вопросам, которая не смогла утвердить международную стратегию развития на 80-е годы и принять решение о начале в 1981 г. переговоров в рамках ООН по проблемам сырья, торговли, энергетики, развития и валютно-финансовых отношений, получивших название «глобальные переговоры». Этот вопрос стоял и на рассмотрении XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Требование установить новый международный экономический порядок обрело в мире такую силу, что империалистические державы не могут его игнорировать. Ныне они вынуждены идти на переговоры о перестройке международных экономических отношений, но при этом всячески стараются затянуть их, помешать принятию конкретных решений. США и их союзники маневрируют, предпринимают энергичные попытки перенести обсуждение основных проблем экономических отношений с освободившимися странами из ООН в те международные организации, на форумы с ограниченным числом участников, где позиции развивающихся стран не так сильны, как в ООН, и где они лишены поддержки государств социалистического содружества. Эта тенденция нашла отражение в созыве встречи в Канкуне в рамках так называемого «диалога Север — Юг». Позиция Советского Союза в отношении подобных форумов была изложена министром иностранных дел СССР А. А. Громыко в выступлении на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «...Никакой форум не даст положительных результатов, если развитые капиталистические государства не изменят в корне своего подхода к развивающимся странам, не прекратят дискриминацию в экономи-

ческих связях с ними, не откажутся от экономического грабежа этих стран»¹.

Пойдя на проведение канкунского совещания, Запад намеревался в первую очередь сбить накал борьбы за новый экономический порядок, не допустить принятия на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи ООН нежелательных для него решений, посеять иллюзии среди развивающихся стран в отношении возможности решить их экономические проблемы «в узком кругу». Западные средства массовой информации и китайская печать в преддверии встречи в Канкуне пытались создать впечатление, будто Соединенные Штаты поддались на уговоры западноевропейских стран и согласились обсудить так называемую проблему «Север — Юг» на многосторонней основе.

Китайская делегация прибыла в Канкун с явным намерением представлять на встрече развивающиеся страны — государства так называемого «Юга». Стремясь сблизиться с государствами Азии, Африки, Латинской Америки и навязать им свое лидерство, представители Пекина заявляли, что Китай якобы «дышит одним дыханием и живет одной судьбой с другими развивающимися странами». Чжао Цзыян на встрече с президентом Танзании Дж. Ньерере пытался убедить танзанийских представителей в том, что Китай «занимает сторону Танзании и других развивающихся стран» и приложит свои усилия для достижения успеха в Канкуне². Однако эти и им подобные заявления были опровергнуты всей деятельностью китайской делегации на канкунской встрече, которая продемонстрировала, что Пекин по-прежнему делает ставку на сближение с империалистическими державами, в первую очередь с США и Японией, в ущерб коренным интересам освободившихся стран, всех прогрессивных сил мира.

Китай принял самое активное участие в проведении канкунской встречи. Он безоговорочно признал буржуазную концепцию «Север — Юг», подменяющую политические и классовые критерии географическими понятиями. Анализ деятельности делегации КНР, заявлений Чжао Цзыяна и публикаций китайской печати о встрече в Канкуне приводит к выводу, что позиция Пекина в целом отвечала интересам развитых капиталистических государств. Деятельность китайской делегации, как и делегации США, имела целью выхолостить антиимпериалистическое содержание требований развивающихся стран, касающихся перестройки международных экономических отношений, отвести от развитых капиталистических государств обвинения в том, что на них лежит ответственность за экономическую отсталость освободившихся стран, за продолжающееся разграбление их природных богатств.

В Канкуне китайская делегация открыто выступила на стороне тех, кто пытается искусственно разделить государства на «богатые и бедные», на «Север и Юг», с тем чтобы подтолкнуть развивающиеся страны к признанию тезиса об «общей ответственности» всех развитых стран, в том числе социалистических, за существующее тяжелое экономическое положение бывших колоний и полуколоний. Тем самым Пекин еще раз продемонстрировал Западу свою готовность и впредь действовать совместно с ним в деле подрыва сотрудничества развивающихся и социалистических стран, в проведении в жизнь одного из главных направлений стратегии неоколониализма.

СССР принципиально отвергает предъявляемое ему требование наравне с империалистическими странами выделять в помощь развивающимся странам фиксированную часть валового национального продукта. Ни в прошлом, в эпоху колониализма, ни в современных условиях Советский Союз не принимал и не принимает участия в империалистиче-

¹ «Правда», 23.IX.1981.

² См.: «Жэньминь жибао», 23.X.1981.

ской эксплуатации развивающихся стран, следствием которой является их экономическая отсталость. Социалистические государства не причастны и к тем тяжелым явлениям, которые вызываются функционированием капиталистической экономики, кризисами, инфляцией и другими потрясениями капиталистической мировой системы хозяйства³.

Спекулируя на неучастии Советского Союза в канкунской встрече, китайская сторона пыталась очернить советскую позицию в деле перестройки международных экономических отношений, оказания помощи освободившимся странам. Пекин наряду с Вашингтоном стремился использовать встречу в Канкуне для навязывания развивающимся государствам своих антисоветских концепций. Тон в этом задавал Чжао Цзыян, который еще до начала совещания выступил с антисоветскими выпадами. На самом канкунском форуме Чжао Цзыян призвал освободившиеся страны бороться не против империализма, а против «гегемонизма»⁴, под которым в Пекине подразумевают Советский Союз. Однако антисоветизм Китая не нашел какой-либо поддержки у представителей освободившихся стран — участников встречи. Китайская печать не смогла сослаться ни на одно высказывание представителей развивающихся стран в поддержку антисоветской позиции Пекина и Вашингтона.

Отсутствие на совещании Советского Союза лишило китайскую сторону возможности свалить на него вину за то, что в Канкуне не было достигнуто каких-либо значительных позитивных результатов и задачи борьбы за новый экономический порядок остались не менее сложными, чем раньше. Как мыльный пузырь лопнул и китайский тезис о так называемой борьбе «двух сверхдержав», которая якобы препятствует достижению решений, подрывает борьбу народов за перестройку международных экономических отношений. Канкун ясно показал, что именно Вашингтон не считается с законными требованиями освободившихся стран, не намерен допустить установления нового экономического порядка. И немалое влияние на сохранение этой негативной позиции США оказал Пекин, поддержавший в Канкуне Р. Рейгана по большинству вопросов, выступавший с примиренческих позиций в отношении Запада.

В странах Азии, Африки и Латинской Америки наблюдается явное разочарование итогами встречи. Результаты совещания показывают, как отметил вице-президент Индонезии А. Малик, что оно не смогло выработать даже минимальных практических мер, направленных на утверждение более справедливого мирового экономического порядка⁵. Зимбабвейская газета «Геральд» 27 октября 1981 г. писала, что встреча в Канкуне подтвердила заинтересованность монополистических кругов лишь в беспрепятственном вывозе прибылей из развивающихся стран.

Однако Чжао Цзыян и Р. Рейган, а следом за ними китайская и американская печать стремились представить канкунское совещание как шаг вперед на пути к установлению нового экономического порядка. Чжао Цзыян, например, утверждал, что встреча в Канкуне «достигла некоторых успехов»⁶. «Крисчен сайенс монитор» утверждала 26 октября, что канкунское совещание в верхах стало триумфом прагматизма над идеологией. Этот вывод в основном базируется на положении заключительной декларации, что главы государств и правительств подтвердили целесообразность поддержки в ООН единого мнения о начале глобальных переговоров на обоюдно согласованной основе.

Выступив на словах за глобальные переговоры, Вашингтон и Пекин в то же время продемонстрировали свое негативное отношение к ним. По сути дела, уже само проведение канкунской встречи явилось отсроч-

³ См.: Р. Ульяновский. Равноправные партнеры. — «Правда», 28.IX.1981.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 20, 24.X.1981.

⁵ См.: «Мердека», 27.X.1981.

⁶ «Жэньминь жибао», 27.X.1981.

кой глобальных переговоров, узакониванием диалога в рамках «Север—Юг». Формально Вашингтон в Канкуне дал согласие на участие в переговорах в ООН, но при этом выдвинул ряд жестких условий, заранее сводящих на нет возможные позитивные результаты таких переговоров для развивающихся стран. Пекин в свою очередь, декларируя необходимость проведения глобальных переговоров, исключил возможность их проведения в своих «пяти принципах содействия мировому сотрудничеству во имя развития», выдвинутых в Канкуне. В пятом принципе, например, содержится требование содействовать скорейшему проведению переговоров «Север—Юг», которые якобы имеют своей целью улучшение экономического положения развивающихся стран⁷. Выступая за продолжение «диалога Север—Юг», Пекин тем самым подрывает борьбу освободившихся стран за проведение глобальных переговоров в рамках ООН и помогает Западу в его намерении разобщить страны Азии, Африки и Латинской Америки, исключить большинство их из числа полноправных участников переговоров о новом экономическом порядке. А именно этого и добиваются силы империализма, которые настойчиво сужают круг развивающихся стран даже на переговорах «Север—Юг». Так, если в 1975 г. в подобных переговорах участвовало 19 освободившихся государств, то в 1981 г.—14, включая Китай и Югославию. Круг участников канкунской встречи, представлявших «Юг», в основном был определен произвольно. Под давлением сил империализма, например, не была приглашена Куба, возглавляющая ныне координационное бюро движения неприсоединения, внесшая большой вклад в борьбу освободившихся стран за перестройку международных экономических отношений.

Совещание в Канкуне выявило обоюдную заинтересованность Соединенных Штатов и Китая в том, чтобы перечеркнуть успехи освободившихся стран в борьбе за новый экономический порядок, которых они добились при поддержке государств социалистического содружества. Это нашло отражение в том, что и Пекин, и Вашингтон игнорировали не только уже существующие справедливые, равноправные экономические связи в рамках СЭВ, демократические взаимовыгодные отношения стран социалистического содружества с освободившимися государствами, но и принятые ООН Хартию экономических прав и обязанностей государств, Декларацию об установлении нового международного порядка, а также Декларацию министров иностранных дел «группы 77» (1981), документы движения неприсоединения, относящиеся к данной области. И это не случайно, ибо, несмотря на некоторую непоследовательность указанных документов, в них содержится требование устранить любые проявления дискриминации, диктата и эксплуатации, ограничить деятельность транснациональных монополий, утверждается право стран распоряжаться собственными ресурсами.

Вместо этих и других основополагающих принципов Пекин и Вашингтон предложили в Канкуне свои принципы «мирового сотрудничества» (пять американских и пять китайских), в которых не нашлось места положениям о полном суверенитете, праве стран на национализацию, ограничение деятельности иностранных монополий и т. д. Китайские «принципы», хотя и не содержат положений о свободе частного предпринимательства — основы американских «принципов», в то же время нацелены на оказание содействия Западу. В них содержатся положения о равенстве, справедливости, взаимной выгоде, но улучшение экономического положения развивающихся стран они связывают с интересами «развития мировой экономики», которая в западном мире, как известно, контролируется монополистическим капиталом.

По сути дела, Пекин в Канкуне предложил развивающимся странам

⁷ «Жэньминь жибао», 24.X.1981.

известную буржуазную концепцию «взаимозависимости» развитых капиталистических и освободившихся стран, суть которой идеологи Запада сводят в конечном итоге к неизбежной зависимости развивающихся стран от стран капитала. Отсюда делается вывод, что решение экономических проблем освободившихся государств лежит якобы исключительно на путях сотрудничества с Западом. Одновременно этот тезис «выражает стремление оттеснить Советский Союз и мировую социалистическую систему от участия в решении проблем современной мировой экономики и призван в конечном счете противостоять активным действиям самих освободившихся стран против транснациональных монополий»⁸.

Фактически китайские «принципы» — это беспринципный отказ от борьбы за перестройку международных экономических отношений, которую в Пекине в угоду империализму стали скромно именовать «реформой международной экономической структуры». Этой реформы, как утверждает китайская печать, можно добиться, если «развивающиеся страны теснее сплотятся с развитыми (капиталистическими. — А. С.) государствами»⁹. В этом нетрудно увидеть пропаганду нынешнего курса самого Китая, который на путях альянса с империализмом пытается осуществить «программу четырех модернизаций».

Китайские «пять принципов содействия мировому сотрудничеству во имя развития» выдвинуты и в качестве своего рода контрпредложения сформулированным Л. И. Брежневым в апреле 1981 г. пяти основополагающим принципам в отношениях с освободившимися странами — «кодексу поведения», которому Советский Союз неуклонно следует и призывает к тому же Китай, Соединенные Штаты, других постоянных членов Совета Безопасности, все государства мира. «Кодекс поведения» — это признание права каждого народа самому, без вмешательства извне, решать свои внутренние дела; строгое уважение территориальной целостности этих стран, неприкосновенности их границ; безоговорочное признание права каждого государства Африки, Азии и Латинской Америки на равноправное участие в международной жизни, на развитие отношений с любыми странами мира; полное и безоговорочное признание суверенитета этих государств над своими природными ресурсами, а также признание на деле их полного равноправия в международных экономических отношениях; уважение статуса неприсоединения, избранного большинством государств Африки, Азии и Латинской Америки, отказ от попыток вовлечения их в военно-политические блоки¹⁰. На этот «кодекс поведения», поддержанный освободившимися странами, в Пекине сразу же ополчились, безуспешно пытались его опорочить¹¹.

Китайские «пять принципов» направлены на затушевывание главных препятствий, стоящих на пути к экономическому освобождению, перестройке международных экономических отношений: агрессивных действий империализма, гонки вооружений, остатков колониализма и неоколониализма, расовой дискриминации, гегемонизма, империалистической эксплуатации. Основному направлению, на котором страны социалистического содружества концентрируют экономическое и техническое сотрудничество с освободившимися государствами, — укреплению позиций государственного и кооперативного секторов в их экономике с целью мобилизовать внутренние и внешние ресурсы — китайская делегация противопоставила в Канкуне расплывчатый принцип поддержки развивающихся стран «во всех их усилиях, направленных на развитие

⁸ Р. Ульяновский. Ограбление под маской «взаимозависимости». — «Коммунист», 1981, № 16, с. 79.

⁹ «Жэньминь жибао», 26.X.1981.

¹⁰ См.: «Правда», 28.IV.1981, 5.V.1981.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 29.IV.1981.

национальной экономики, достижение экономической независимости». Этот внешне привлекательный для развивающихся стран принцип полностью лишен социального содержания и уже широко используется империализмом и Пекином для оказания всемерной помощи чилийской хунте, режимам Пакистана, Египта, Сомали и им подобным. Не случайно, а закономерно, что Чжао Цзыян высоко оценил политику бывшего президента Египта А. Садата, который якобы «прилагал неустанные усилия к защите государственного суверенитета, развитию национальной экономики» и даже «защите мира во всем мире»¹².

В выступлении Чжао Цзыяна на встрече в Канкуне, как и в выступлениях представителей капиталистических стран, полностью был обойден вопрос о тесной связи между перестройкой международных экономических отношений и прогрессом в деле ограничения гонки вооружений, упрочения мира. А ведь развитие самого международного экономического сотрудничества, в том числе ускоренный рост экономики освободившихся стран, прямо зависит от укрепления всеобщего мира, обуздания сил агрессии и войны, гонки вооружений. Дополнительные ресурсы на цели развития, на которые столько надежд возлагают развивающиеся страны, должны быть изысканы прежде всего за счет принятия эффективных мер в области реального разоружения. Но об этом в Канкуне развивающиеся страны ничего не услышали ни от Вашингтона, ни от Пекина.

Пекин совместно с Западом оставил без внимания открытое письмо 76 видных общественных и политических деятелей африканских стран, в котором они призвали участников канкунской встречи рассматривать проблемы нового экономического порядка в теснейшей увязке с мерами по укреплению международного мира и безопасности. Страны Запада, отмечалось в письме, должны отказаться от гегемонистской политики в отношении развивающихся стран, от использования оружия для репрессии¹³. Вопреки этому призыву, документам движения неприсоединения, «группы 77», требующих не обуславливать международное экономическое сотрудничество политическими соображениями, касающимися отношений между Востоком и Западом, Пекин в угоду Вашингтону пытался доказать в Канкуне, будто бы улучшение отношений между развивающимися и развитыми капиталистическими странами тесно связано с борьбой против Советского Союза¹⁴. Тем самым Пекин поддержал позицию тех западных стран, которые развитие экономических отношений с освободившимися странами обуславливают требованием прекращения связей с социалистическими государствами.

Учитывая важность проблемы перестройки международных экономических отношений, китайская делегация в Канкуне стремилась максимально использовать совещание в своих интересах. Причисляя себя к «Югу», «третьему миру», Пекин рассчитывает получить те преимущества, которых добиваются развивающиеся страны от Запада в торговле, международных программах развития, а также в доступе к достижениям передовой науки и технологии. На канкунском совещании он стремился любыми способами пробить себе путь к займам и кредитам международных фондов, на которые возлагают надежды развивающиеся государства. В 1979 г. Китаю впервые было предоставлено 15 млн. долл. из средств Программы развития ООН (ПРООН). В 1980 г. КНР получила из Международного валютного фонда специальных прав заимствования (СПЗ) кредит на сумму 450 млн. (552,8 млн. долл.) и одновременно от МВФ заем траст-фонда на 309,5 млн. СПЗ. В 1981 г. Международный банк реконструкции и развития предоставил КНР заем на сумму

¹² «Жэньминь жибао», 20.X.1981.

¹³ См.: «Эль-Муджахид», 22.X.1981.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 24.X.1981.

200 млн. долл.¹⁵. Объективно Китай все больше выступает конкурентом развивающихся стран и не только в получении кредитов на льготных условиях от международных организаций, но и в привлечении капиталовложений и займов из развитых капиталистических государств.

Очевидно, этот фактор сыграл свою роль в переходе Китая в Канкуне на позиции США по многим проблемам. Китайская делегация не поддержала освободившиеся страны в вопросе о Намибии, не выступила за предоставление этой стране независимости, не осудила агрессию Претории против Анголы, деятельность транснациональных монополий, наносящую огромный ущерб экономической независимости Африки. Совместно с Соединенными Штатами Пекин упорно добивался смягчения противоречий между Западом и развивающимися странами, пытался создать видимость того, что западные государства готовы пойти на серьезные уступки.

Выдавая себя за развивающуюся страну, поддерживая на словах отдельные требования «третьего мира», китайская делегация в Канкуне сосредоточила свои усилия на сближении с Вашингтоном, пыталась убедить развивающиеся страны активнее сотрудничать с Западом. По мнению Пекина, развивающиеся страны смогут добиться успехов, если «теснее сплотятся с развитыми государствами»¹⁶. Этот призыв к «тесному сплочению» имел целью оказать всемерную поддержку политике США в отношении развивающихся стран, заставить последние шире распахнуть двери перед транснациональными корпорациями, перед иностранным капиталом.

На совещании в Канкуне китайская делегация применила тактику дифференцированного подхода к представителям развивающихся стран. Китайская сторона не проявила какого-либо интереса к встрече с делегациями Бразилии, Гайаны, Венесуэлы, Нигерии, Берега Слоновой Кости, Саудовской Аравии, провела краткие переговоры с Алжиром, Танзанией, Филиппинами, Бангладеш. Лишь Индии и Мексике — хозяйке встречи — Чжао Цзыян уделил внимание.

Иным был подход Китая к представителям западных стран. Чжао Цзыян встретился с каждым из них. Специально для глав делегаций западноевропейских стран и Канады китайская сторона устроила прием. Первые встречи Чжао Цзыян провел с Р. Рейганом и Дз. Судзуки, с которыми была достигнута договоренность об обмене в 1982 г. визитами, а с японской стороной было также принято решение о проведении второй японо-китайской встречи на уровне министров в Токио 15—16 декабря 1981 г. Во время встреч с ними китайская делегация упорно и настойчиво подчеркивала «близость стратегических интересов» Пекина и Вашингтона с его союзниками. Чжао Цзыян прямо-таки набивался в «старые друзья» к Р. Рейгану. 22 октября 1981 г. на завтраке, устроенном президентом США в честь премьера Госсовета КНР, последний заявил, что, хотя они встречаются впервые, он надеется, что оба будут чувствовать себя как «старые друзья». На китайско-американской встрече стороны провели, как сообщала китайская печать, «дружеское, искреннее и свободное обсуждение по вопросам стратегической обстановки в сегодняшнем мире»¹⁷. Сближаясь с империализмом на антисоциалистической основе, Пекин полагает, как отмечал китайский журнал «Баньюэтань» в сентябре 1981 г., что «стратегические отношения» между Китаем и Соединенными Штатами — это «объективное требование» внешней политики Вашингтона, направленной на усиление сотрудничества со всеми, кто выступает против Советского Союза. Откровенно проявляя заинтересованность в создании антисоциалистического альянса с США, Пекин на канкунском совещании пытался получить от Вашингтона

¹⁵ См.: «Правда», 25.VI.1981.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 26.X.1981.

¹⁷ Там же, 23.X.1981.

за свою проимпериалистическую позицию уступки в тайваньском вопросе — добивался отмены поставок оружия тайваньскому режиму. Однако американская сторона, как заявил 23 октября 1981 г. государственный секретарь А. Хейг, ответила, что Китай должен понимать обязательства США «в отношении народа Тайваня». Тем самым Вашингтон продемонстрировал свою заинтересованность в дальнейшем развитии связей с режимом Тайваня.

Последовавший за канкунской встречей в конце октября визит министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в США показал, что переговоры Р. Рейгана с Чжао Цзыяном имеют далеко идущие последствия. Хуан Хуа заявил в Вашингтоне, что «дружественные отношения» между Китаем и Соединенными Штатами — все равно что судно в море: если стороны будут придерживаться принципов, принятых ими совместно, это судно выдержит натиск бури и будет успешно двигаться вперед. На переговорах Хуан Хуа с А. Хейгом вновь были обсуждены «общие стратегические интересы». Встречи Чжао Цзыяна и Хуан Хуа с лидерами американской администрации показали, что сделан новый, весьма опасный для судеб мира шаг, ведущий к открытому сколачиванию стратегического альянса между американским империализмом и пекинским гегемонизмом.

Канкунская встреча продемонстрировала усиление проимпериалистических тенденций в политике Китая, его нежелание содействовать борьбе освободившихся стран за перестройку международных экономических отношений, явное стремление Пекина использовать эту борьбу в своих гегемонистских интересах, ради получения займов и кредитов Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, других финансовых организаций Запада, как и самих западных стран. Она показала также усиливающиеся противоречия между Пекином и большинством освободившихся государств, всеми силами мира и социального прогресса.

Взаимодействие империалистической реакции и пекинского гегемонизма представляет угрозу миру

*Ю. И. Огнев,
кандидат исторических наук*

Нынешняя международная обстановка, в том числе в Азии, характеризуется ростом напряженности, вызываемой агрессивными происками сил империализма, милитаризма и гегемонизма. Политика империалистической экспансии в отношении развивающихся государств, эскалация гонки вооружений, авантюристический гегемонистский курс внешней политики Пекина, в основе которого лежит оголтелый антисоветизм, — все это создает реальную и серьезную угрозу независимости и суверенитету государств, миру и безопасности прежде всего народов Азии. Развитию такой опасной тенденции твердо противостоят социалистические страны. В масштабных и конструктивных предложениях Советского Союза и других социалистических стран важное место отводится мерам, направленным на сохранение и укрепление мира и безопасности народов и этого континента.

Провокации Вашингтона и Пекина в отношении стран Индокитая

События последнего времени дают новые свидетельства непрекращающегося грубого вмешательства империалистических и гегемонистских сил во внутренние дела Вьетнама, Лаоса и Кампучии. Взаимодействие США и Китая в этом регионе нашло в последнее время свое выражение в стремлении навязать странам — членам АСЕАН курс на усиление гонки вооружений, на жесткую конфронтацию с государствами Индокитая, в сколачивании антикампучийского так называемого коалиционного правительства, в организации вооруженных провокаций против СРВ со стороны Китая и против НРК с территории Таиланда.

Китайские власти не прекращают нагнетать напряженность на границах с социалистическим Вьетнамом. Приграничные районы северных провинций Вьетнама подвергаются массированным обстрелам китайской артиллерии. Вооруженные группы китайских солдат совершают бандитские нападения на пограничные посты и мирные селения, терроризируя мирное население. Как сообщало вьетнамское информационное агентство ВИА, участились случаи нарушения территориальных вод республики китайскими вооруженными судами, препятствующими промыслу вьетнамских рыбаков. Напряженная обстановка сохраняется и на границах НРК. Подталкиваемая Пекином и Вашингтоном, таиландская военщина использует свои вооруженные силы, грубо нарушая суверенитет и территориальную целостность НРК. Как сообщало кампучийское информационное агентство СПК, таиландская артиллерия обстреливает пограничные районы Кампучии в то время, когда полпотовские банды пыта-

ются проникнуть на ее территорию. Имеют место нарушения Таиландом воздушного и морского пространства НРК.

Одновременно правящие круги США в союзе с пекинскими лидерами не оставляют попыток сколотить так называемое коалиционное правительство несуществующей «демократической Кампучии», в состав которого предполагается включить представителей кампучийских эмигрантских групп, выброшенных из страны кампучийским народом: монархистов, правых генералов и полпотовцев.

По сообщениям из Бангкока, в ноябре там состоялась очередная, девятая по счету после сентября 1981 г. встреча представителей реакционной кхмерской эмиграции. Эти марионетки и стоящие за их спиной Пекин и Вашингтон никак не могут договориться о том, кому должна принадлежать ведущая роль в так называемом коалиционном правительстве в изгнании. Пекин по-прежнему рассчитывает восстановить свои господствующие позиции в Кампучии, выдвигая на первые роли своих ставленников — клику Пол Пота — Иенг Сари. Некоторые страны АСЕАН, США и Япония усиленно проталкивают реакционного деятеля, бывшего премьер-министра Кампучии Сон Санна. Они намереваются сформировать такую «коалицию», в которой полпотовцы должны быть отодвинуты на задний план, чтобы не напоминать общественному мнению об их преступлениях против кампучийского народа. Активизируется и бывший глава государства, бывший пленник полпотовцев, а ныне их политический соратник принц Сианук.

Все эти враждебные Кампучии группировки рвутся в бой, рассчитывая на щедрые подачки Вашингтона и Пекина, на американское и китайское оружие. «Возможно, временно, но у меня нет другого выбора, кроме войны», — заявил в Брюсселе бывший принц, собирающийся начать войну против своей родины во имя интересов империалистов и китайских гегемонистов.

Главарь полпотовских сил и их пекинские хозяева прибегли к новому маневру, опубликовав заявление о роспуске промаонистской «коммунистической партии Кампучии». Не случайно этот трюк был разыгран после того, как Пол Пот побывал в Пекине.

Орган ЦК КПВ газета «Нян зан» следующим образом расценила очередной маневр полпотовцев: «Главарь полпотовских недобитков, все еще не оставляющие надежду вернуться к власти, и их пекинские хозяева пускаются на новые уловки, пытаются обелить себя, уйти от ответственности за совершенные преступления. Цели, которые они преследуют, заявляя о роспуске организации «Ангка»¹, совершенно очевидны: обмануть общественное мнение, в первую очередь в странах АСЕАН, перетянуть эти страны на свою сторону и, заручившись их поддержкой, сколотить так называемое коалиционное правительство, чтобы продолжать действия, направленные на подрыв завоеваний кампучийской революции... Пол Пот и его подручные по-прежнему остаются прислужниками китайского экспансионизма и гегемонизма»².

Не может не вызвать сожаления тот факт, что империалистическим и гегемонистским силам удастся привлекать отдельные государства АСЕАН к осуществлению своих экспансионистских планов в отношении стран Индокитая. Недавно в Таиланде, например, состоялось чрезвычайное совещание министров иностранных дел стран — членов АСЕАН, в повестку дня которого были включены вопросы участия АСЕАН в сколачивании антикампучийского «коалиционного правительства», а также «изучение возможности военного сотрудничества» стран АСЕАН с этим контрреволюционным отребьем. Столь грубое вмешательство АСЕАН во внутренние дела суверенного государства на руку тем, кто хотел бы

¹ «Ангка» — название бывшей промаонистской «компартии Кампучии».

² «Нян зан», 9.XII.1981.

вновь разжечь войну на земле Индокитая и вовлечь другие страны ЮВА в орбиту своей империалистической, гегемонистской политики. И неудивительно, что между участниками этого совещания в Таиланде обнаружались серьезные разногласия. Судя по сообщениям печати, сдержанную позицию по этим вопросам заняли, в частности, Индонезия и Малайзия. Хотя министры иностранных дел этих стран и приехали в Бангкок, однако они отказались сделать какие-либо заявления относительно предоставления военной помощи кхмерской реакции. Обе эти страны выступают за урегулирование проблем Индокитая мирными средствами, путем переговоров.

Пекин и Вашингтон оказывают грубый нажим на страны АСЕАН, рассчитывая толкнуть их на путь конфронтации, вражды и недоверия в отношениях с СРВ, ЛНДР и НРК. Этот опасный курс противоречит интересам стран Юго-Восточной Азии. А эти интересы настоятельно требуют, чтобы упечение безопасности в регионе стало общей целью расположенных здесь государств. Именно этому и служат последние инициативы трех стран Индокитая. Новым свидетельством конструктивности их позиций явился распространенный на прошедшей сессии Генеральной Ассамблеи ООН меморандум МИД ЛНДР «Основные принципы мирного сосуществования между группами стран — Индокитая и АСЕАН — в целях мира, стабильности, дружбы и сотрудничества в Юго-Восточной Азии». Инициатива МИД ЛНДР, выработанная в результате консультаций с СРВ и НРК, явилась логическим продолжением конструктивных предложений, выдвинутых тремя странами Индокитая ранее. Страны Индокитая вновь предложили начать конструктивные переговоры между заинтересованными сторонами, исключаящие какое бы то ни было вмешательство извне, на основе уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности государств Индокитая и АСЕАН, разрешения споров и разногласий между государствами региона мирными средствами, путем переговоров. «Страны, находящиеся за пределами Юго-Восточной Азии, — указано в меморандуме МИД ЛНДР, — должны уважать территориальную целостность стран региона. Должен быть положен конец всем формам давления и угроз извне. Эти страны возьмут обязательство не разрешать любой другой стране использовать свою территорию в качестве базы для прямой или косвенной агрессии и интервенции».

Было предложено также создать постоянный орган для проведения диалога и консультаций между тремя странами Индокитая и АСЕАН, который способствовал бы развитию отношений между ними на принципах мирного сосуществования.

Афганистан — объект провокаций со стороны сил империализма и пекинского гегемонизма

Продолжающиеся агрессивные действия против ДРА являются важным составным элементом широкого плана дестабилизации обстановки в обширном регионе Южной и Юго-Западной Азии, осуществляемого силами международного империализма во взаимодействии с китайскими гегемонистами. Решение Белого дома открыто финансировать бандитские антиафганские формирования, проходящие подготовку в специальных лагерях, расположенных главным образом на территории Пакистана, еще более вдохновило силы афганской контрреволюции. Как стало известно, на ведение необъявленной войны против Афганистана силами афганских наемников Вашингтон в 1981 г. выделил почти 100 млн. долл. и договорился с Пекином о снабжении афганских контрреволюционеров современным американским стрелковым оружием через территорию Китая.

Демократический Афганистан оказывает твердый и решительный отпор внешней агрессии, подрывной деятельности империалистических держав и Китая. По последним сообщениям афганского агентства Бахтар, в результате успешных операций народных вооруженных сил в ряде районов были ликвидированы крупные подпольные центры контрреволюции. В провинции Нангархор было захвачено большое количество стрелкового оружия, противотанковых ракет, минометы американского и китайского производства, сотни противотанковых мин. Сообщалось также, что служба безопасности ДРА провела успешную операцию по ликвидации контрреволюционных банд в провинции Джузджан, где также было захвачено много оружия и боеприпасов, уничтожены десятки подпольных убежищ басмачей, освобождены сотни мирных жителей — женщин, стариков и детей, — которых держали там в качестве заложников. В ходе этой операции, сообщало агентство Бахтар, были изъяты документы, свидетельствующие о связях контрреволюционеров с империалистическими разведками и пекинским режимом.

Провокации Вашингтона и Пекина против Афганистана, как и прежде, сопровождаются клеветнической антиафганской кампанией средств массовой информации США, ряда других западных стран, а также Китая. Она нашла свое отражение и на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которой империалистические и гегемонистские силы навязали обсуждение так называемого «афганского вопроса».

«Демократическая Республика Афганистан служит мишенью широкого международного заговора, вдохновителями которого являются Соединенные Штаты и Китай, — сказал в своем выступлении на этой сессии постоянный представитель ДРА при ООН Фарид Зариф. — Мы решительно отвергаем обсуждение так называемого «афганского вопроса» в ООН, что является грубым нарушением Устава Организации. Мы считаем, что Генеральная Ассамблея выполнила бы свой долг, если бы выступила с резким осуждением все усиливающейся агрессии извне, направляемой силами империализма и гегемонизма. Что касается ДРА, то она, напротив, стремится к скорейшему политическому урегулированию обстановки в регионе».

Пакистан — плацдарм агрессии США и Китая

Роль пособника американского империализма и пекинского гегемонизма в деле нагнетания напряженности в Южной и Юго-Западной Азии продолжает выполнять режим генерала Зия-уль-Хака, который, по замыслам Вашингтона, превращается в некое подобие Израиля для данного региона. Территория Пакистана уже давно превращена в плацдарм для ведения необъявленной войны против суверенного Афганистана.

Как известно, нынешняя администрация США обязалась предоставить Пакистану военно-экономическую помощь в размере 3,2 млрд. долл., руководствуясь при этом стремлением поднять роль Пакистана в осуществлении своих планов политического и военного давления на независимые от империализма государства региона, и прежде всего на Афганистан и Индию. В счет этой помощи предусмотрены поставки новейших истребителей-бомбардировщиков F-16, танков M-60, бронетранспортеров и другой боевой техники.

В начале декабря 1981 г. в Вашингтоне было подписано соглашение о поставках Пакистану 40 самолетов F-16. Причем поставки боевых самолетов, по сообщению журнала «Авиэйшн уик энд спейс технолоджи», осуществляются сверх заключенной ранее крупнейшей пакистано-американской сделки. По сообщению корреспондента Франс Пресс, средства для оплаты поставок Пакистану новейших американских боевых самолетов обещает предоставить, в частности, Саудовская Аравия. Поми-

мо самолетов, Пентагон предусматривает поставки Пакистану самоходных 155-миллиметровых гаубиц. Выступая недавно перед журналистами в Визирабаде, Зия-уль-Хак заявил, что правительство США выразило готовность удовлетворить и другие запросы Исламабада в области современных американских вооружений, поставить любую военную технику для модернизации вооруженных сил Пакистана. В ответ на это «благодарный» военный режим Исламабада уже согласился предоставить Пентагону пакистанскую территорию для размещения американских воинских частей «быстрого развертывания».

В полном соответствии с планами империализма в отношении пакистанского режима действует и Пекин, координирующий с Вашингтоном свою политику в регионе, в том числе провокационную деятельность по оказанию помощи афганской контрреволюции и ведению необъявленной войны против демократического Афганистана.

В ноябре 1981 г. состоялся визит в Пакистан начальника генштаба китайской армии Ян Дэчжи. Пекинский эмиссар провел переговоры с председателем объединенного комитета начальников штабов Пакистана и другими руководителями пакистанских военных ведомств по вопросам, представляющим «взаимный интерес». Его визит, как и многие прежние поездки высокопоставленных военных и политических деятелей Китая в Исламабад, преследовал цель глубже втянуть Пакистан в осуществление гегемонистской политики Пекина в Азии.

Наблюдатели обратили внимание на тот факт, что нынешний визит пекинского эмиссара в Пакистан освещался буржуазной печатью более чем скромно. Объяснялось это тем, что поездка высокопоставленного военного деятеля Китая в Пакистан преследовала не пропагандистские, а чисто «деловые» цели. Ян Дэчжи, по сообщению агентства Франс Пресс, посетил районы, граничащие с Афганистаном, чтобы дать «квалифицированные советы» афганским контрреволюционерам, проходящим там военную подготовку.

Пекин, так же как и Вашингтон, продолжает оказывать военную помощь Исламабаду. Режим Пакистана является крупнейшим покупателем китайского оружия, включая самолеты и ракеты. Недавно в Пакистане состоялось торжественное открытие крупного комплекса по ремонту боевых самолетов в районе Камре — одного из объектов китайско-пакистанского сотрудничества.

Наращивание Пакистаном новейших вооружений и усиление его военных связей с Соединенными Штатами и Китаем создают угрозу безопасности независимым странам Южной Азии. «В условиях возрастающей угрозы внешней агрессии,— заявила премьер-министр Индии И. Ганди на встрече с активистами правящей партии ИНК (И) в штате Махараштра,— правительство принимает надлежащие меры для поддержания высокой обороноспособности страны». И. Ганди призвала вооруженные силы страны быть готовыми дать отпор любым проискам враждебных сил на границах Индии. Об этом же говорил и начальник Штаба индийских вооруженных сил генерал армии Кришна Рао. В беседе с журналистами он отметил, что совершенствование боеспособности Китая и Пакистана вынуждает Индию принимать необходимые ответные меры.

Дипломатические маневры империализма и гегемонизма вокруг Индии

Усиленное вооружение Пакистана, усиление китайско-пакистанского военного альянса являются, несомненно, одним из важнейших рычагов в стратегических планах Вашингтона и Пекина, направленных на оказание военно-политического нажима на независимые неприсоединившиеся

страны региона. Однако последнее время Вашингтон и Пекин сочетают грубый военно-политический нажим на Индию с активными дипломатическими маневрами. Об этом свидетельствуют некоторые политические акции американской администрации, в том числе встреча Р. Рейгана с И. Ганди в Канкуне, его обещания «великих благ» от сотрудничества Индии с Международным валютным фондом и другими финансово-экономическими органами, контролируруемыми империалистическими державами. В этом же свете можно рассматривать и инициативы Китая, пытающегося использовать заинтересованность Индии в урегулировании вопроса о китайско-индийской границе. Неизвестно, кто был действительным инициатором сделанного недавно Пакистаном предложения Индии заключить «договор о ненападении». Нетрудно, однако, понять, что все подобного рода шаги Вашингтона, Пекина и их пакистанского пособника, совпавшие по времени, преследуют единую цель — наряду с военным нажимом на Индию создать у ее руководства ложное впечатление доброжелательного отношения Вашингтона и Пекина к Индии. Индийское руководство с большой осторожностью подошло к рассмотрению этого предложения Исламабада. Как говорила в этой связи премьер-министр Индии И. Ганди, «нельзя проводить подготовку к войне и одновременно говорить о пакте ненападения». Хотя перевооружение Пакистана происходит под пропагандистскую шумиху о «советской угрозе», однако всем ясно, что на деле Пакистан собирается воевать не с Советским Союзом и его военные приготовления, если учесть все геополитические факторы и предысторию индийско-пакистанских отношений, как отмечают западные комментаторы, направлены прежде всего против Индии. «Массированные поставки американского оружия Пакистану, — отмечала индийская газета «Нэшнл геральд», — не только ведут к возрастанию напряженности в регионе, но и несут прямую угрозу возникновения военного конфликта».

В такой обстановке заключение с Пакистаном пакта о ненападении, по мнению индийских комментаторов, могло бы служить Исламабаду только удобной ширмой для дальнейшего наращивания вооружений, для реализации его ядерной программы и превращения пакистанской территории в военный плацдарм империалистических и гегемонистских сил.

В таком же плане можно, видимо, рассматривать дипломатическую активность в отношении Индии и со стороны пекинских лидеров, которые последнее время не скупятся на заверения в том, что имеют «определенную заинтересованность» в нормализации отношений со своим южным соседом.

Следует отметить, что Индия со своей стороны стремится к нормализации отношений с Китаем. Она заинтересована в мирном решении вопросов о 36 тыс. кв. км индийской территории, оккупированной Китаем.

8 декабря 1981 г. в Пекин для переговоров с китайской стороной прибыла индийская делегация во главе с секретарем по делам Восточной Азии МИД Индии Э. Гонсальвесом. Китайскую делегацию на переговорах возглавил заместитель министра иностранных дел КНР Хань Нянлун. Китайско-индийские переговоры, однако, не привели к каким-либо существенным результатам. И это естественно. Как отмечали индийские комментаторы, Индия и Китай по-разному представляют себе приемлемые условия нормализации отношений между ними. Индия стремится к урегулированию в первую очередь пограничного вопроса, а в Пекине, судя по всему, хотели бы отложить его решение в долгий ящик или же навязать Индии свой план урегулирования пограничного вопроса, рассчитывая, как сообщал индийский еженедельник «Нью уэйв», оставить за Китаем около 36 тыс. кв. км оккупированной им индийской территории и выдвигая, кроме того, претензии на более чем 90 тыс. кв. км других

индийских земель. «Освобождение всех захваченных Китаем индийских земель, его отказ от необоснованных территориальных притязаний,— указывал «Нью уйэв»,— неременное условие проведения серьезного диалога в целях взаимоприемлемого урегулирования пограничной проблемы»³.

Китайские лидеры, как показывают события, не собираются отказываться от своей гегемонистской политики в отношении Индии. В последнее время, отмечает индийская печать, Китай усилил военные приготовления в приграничных с Индией районах. По имеющимся сведениям, Китай разместил в районе Тибета установки для запуска ракет средней дальности, которые нацелены на индийские города, увеличена огневая мощь китайских воинских частей в этом районе. Об этом говорил государственный министр обороны Индии Шиврадж Патил, выступая в индийском парламенте.

Из Китая в северо-восточные штаты Индии засылаются диверсионные группы и бандитские отряды, занимающиеся антиправительственными провокациями. Китай ставит своей целью всемерную дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в северо-восточных штатах Индии, рассматривая эту деятельность как один из рычагов давления на нее.

Идя на переговоры с Индией, пекинские лидеры хотели бы прежде всего добиться отхода Индии от антиимпериалистических позиций, вбить клин в советско-индийские отношения. Однако подобные усилия Пекина напрасны. Недавно вице-президент Индии Мохаммед Хидайятулла на обеде в Дели в честь делегации Верховного Совета СССР, которую возглавлял кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, сказал: «Индийско-советское сотрудничество выдержало испытание временем».

Советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, подписанный в августе 1971 г., открыл новую главу в истории наших отношений. Этот документ, подтверждающий дружбу между народами двух стран и их решимость продолжать борьбу за мир и международное сотрудничество, заложил прочную основу для дальнейшего углубления отношений наших государств. Он приобретает особо важное значение в условиях обострения международной обстановки, когда мир находится в большой опасности и над человечеством нависла угроза войны».

Неуклонно укрепляющиеся дружественные отношения между СССР и Республикой Индией служат важным фактором сохранения и упрочения мира в Азии и во всем мире.

«Общность стратегических интересов» США и Китая и развитие их сотрудничества

В развитии отношений с империалистическими государствами Пекин отдает приоритет Соединенным Штатам, с помощью которых рассчитывает обеспечивать гегемонистские позиции Китая на международной арене и разрешать внутренние, особенно экономические, задачи. Соединенные Штаты в свою очередь стремятся использовать Китай для осуществления агрессивной политики в отношении социалистического мира, национально-освободительных движений и независимых развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Именно этими интересами руководствуются Пекин и Вашингтон, стремясь к развитию двусторонних отношений в военно-политической и экономической областях. И это вновь подтвердили последние китайско-американские кон-

³ «New Wave», 4.XI.1981.

такты на высоком уровне, в частности встреча премьеры Госсовета КНР Чжао Цзыяна с президентом США Р. Рейганом в Канкуне. Она стала первым непосредственным контактом представителя высшего китайского руководства с президентом США. Как сообщало агентство Синьхуа, оба руководителя провели в Канкуне беседу о стратегической ситуации в современном мире и о двусторонних отношениях. Президент Р. Рейган пригласил премьеру Чжао Цзыяна посетить США в подходящее для него время. Чжао с благодарностью принял это приглашение и со своей стороны пригласил Рейгана посетить Китай. Президент США остался весьма доволен встречей.

Вскоре после встречи в Канкуне с официальным визитом в Вашингтоне в конце октября побывал министр иностранных дел Китая Хуан Хуа. Состоялись встречи, «откровенные и дружественные» беседы Хуан Хуа с президентом Рейганом, государственным секретарем А. Хейгом, министром обороны Уайнбергером и рядом других деятелей вашигтонской администрации.

По сообщению представителя Белого дома, на встрече Р. Рейгана и Хуан Хуа было «достигнуто согласие и выражена общая точка зрения по большинству ключевых проблем международного положения», высказано обеими сторонами мнение о том, что поддержание тесных китайско-американских отношений важно для обеих стран, а главное — выражено сходство точек зрения относительно «советской угрозы». Обсуждались также вопросы расширения торговли и обмена технологией между США и КНР.

На приеме, устроенном госсекретарем А. Хейгом в честь Хуан Хуа, последний заявил, что «в нынешней еще более беспокойной международной ситуации важно рассматривать и налаживать двусторонние отношения между Китаем и США со стратегической точки зрения». В том же ключе высказался и А. Хейг, который подчеркнул, что «мощь и жизнеспособность» американско-китайского альянса «воплощается в общих стратегических интересах»⁴.

Говорить об общности американско-китайских стратегических интересов в США теперь стало модным. Бывший министр обороны США Г. Браун, выступая перед журналистами в Пекине, куда он прибыл в октябре 1981 г. по приглашению пекинского Института международных стратегических исследований, эту мысль выразил так: «У Китая и Соединенных Штатов параллельные интересы в отношении огромного большинства проблем и необычное совпадение точек зрения в отношении стратегических проблем».

Что же вкладывают руководители США и Китая в понятие «стратегические» интересы или проблемы? Для всех, безусловно, ясно, что имеется в виду прежде всего общая враждебность правящих кругов США и Китая к Советскому Союзу, его друзьям и союзникам.

Эксперт по Советскому Союзу в Совете национальной безопасности США Р. Пайпс в интервью журналу «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» так охарактеризовал «философию» американско-китайского «сотрудничества»: «Сильный в военном отношении Китай весьма соответствует нашим интересам. Кроме того, в любой момент, когда русские начнут угрожать, мы можем еще больше сблизиться с китайцами. Это чудесный рычаг к воплощению общих интересов». Подобной же «философией» характеризуются и высказывания многих других американских политических деятелей. В частности, бывший помощник президента США по национальной безопасности в администрации Картера небезызвестный З. Бжезинский, выступая в дискуссии на тему «Внешняя политика США» 14 ноября 1981 г. в Токио, заявил, что Китай как сегодня, так и в будущем будет играть исключительно важную роль в политике США и что

«Жэньминь жибао», 31.X.1981.

уже «сейчас практически рождаются союзнические отношения между США, Западной Европой, Японией и Китаем».

Однако в американских научных кругах высказываются и достаточно реалистические оценки политики Вашингтона в отношении Китая, опасной для самих Соединенных Штатов. Указывалось, например, что «поставки оружия Китаю, которые не в состоянии существенно изменить различие в военных потенциалах КНР и СССР, могут в то же время обеспечить Китаю благоприятную возможность совершить вооруженное нападение, например, на Тайвань». В этой связи отмечалось также известное расхождение интересов США и Китая в Юго-Восточной Азии и на Корейском полуострове⁵.

С убедительной критикой курса вашингтонской администрации на дальнейшее военное сближение с Китаем выступили некоторые участники семинара, состоявшегося недавно в Центре стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете.

Серьезные сомнения в разумности расширения так называемого «стратегического сотрудничества» между Вашингтоном и Пекином выразил также известный специалист по азиатским делам, сотрудник исследовательской службы конгресса Р. Саттер, который выступил против оказания Соединенными Штатами помощи в перевооружении китайской армии. Саттер отметил при этом, что администрация скрывает от американского народа возможные последствия американо-китайского сближения в военной области.

Тайваньская проблема и развитие китайско-американских отношений

Характер так называемой общности стратегических интересов США и Китая на данном этапе весьма наглядно проявляется в позициях этих стран по ряду острых проблем Дальнего Востока, включая тайваньскую.

В последнее время в западной, и особенно американской, печати много внимания уделялось тайваньской проблеме в связи с рассмотрением администрацией Рейгана вопроса о поставках Тайваню современного американского оружия, в том числе истребителей-бомбардировщиков «FХ», а также пропагандистской кампанией, развернутой средствами массовой информации Китая по вопросу объединения острова с материком.

Несомненно, объявленные Вашингтоном планы продажи Тайваню современных истребителей-бомбардировщиков «FХ» ставят пекинских лидеров в весьма затруднительное положение, прежде всего перед собственным народом. Одним из основных принципов установления дипломатических отношений между двумя странами было признание правительства КНР как единственного правительства, представляющего интересы народа Китая, и разрыв официальных отношений с Тайванем. Вместе с тем в «Законе № 2479 о новых взаимоотношениях с Тайванем», принятом в апреле 1979 г. конгрессом США, официально предусматривалось сохранение всего комплекса связей с Тайванем на прежнем уровне и неприкосновенность там политико-экономических интересов США. Как показывают события, при резком росте всесторонних связей между КНР и США политические и экономические связи США с Тайванем не только не ослабли, но значительно возросли. По данным «Нью-Йорк таймс», за последние годы свыше 200 американских компаний вложили в экономику Тайваня почти 2,5 млрд. долл. Тайвань остается вторым после Японии торговым партнером США в Азии. Как заявил министр экономики Тайваня, объем торговли Тайваня с США возрос с 900 млн. долл. в

⁵ A. Nagorsky. East Asia in 1980. — «Foreign Affairs», 1981, vol. 59, № 3.

1971 г. до 14 млрд. долл. в 1981 г. В соответствии с пятилетней программой военных поставок на 1979—1983 гг. США продолжают насыщать Тайвань современным оружием. Американско-тайваньские связи включают другие различные формы военного сотрудничества: проведение совместных военных маневров, визиты американских судов в порты Тайваня, обучение тайваньского военного персонала в США и на американских военных базах в третьих странах.

Соединенные Штаты и Китай, таким образом, не пришли к согласию в подходе к Тайваню. Устанавливая официальные отношения с Китаем, отмечают наблюдатели, США заявили, что будут и впредь продавать оборонительное оружие Тайваню, а Пекин возражал против этого. США не придают пока серьезного значения этим разногласиям. Там понимают, что пекинские лидеры готовы идти на любые компромиссы ради «стратегического партнерства» с Соединенными Штатами, блокирования против Советского Союза и других социалистических стран.

Только как стремление Пекина к достижению компромисса с США можно расценить новые предложения КНР по воссоединению с Тайванем — так называемую программу из девяти пунктов, которая предусматривает сохранение широкой автономии Тайваня, неприкосновенность его социально-экономической системы, местного самоуправления и даже сохранения Тайванем собственных вооруженных сил, участие тайваньских лидеров в высших органах государственной власти. Ясно, что эти предложения Пекина адресованы не только Тайбэю. В Вашингтоне высоко оценили эту инициативу китайских лидеров. Госсекретарь А. Хейг назвал выдвинутые Пекином девять пунктов «очень важными» и выразил удовлетворение тем, что «они признают федерализм в Тайбэе и его способность сохранять собственную политическую, экономическую и военно-стратегическую структуру».

США со своей стороны, чтобы ослабить протесты Пекина по поводу продажи современного оружия Тайваню, одновременно открыли Китаю широкий доступ к новейшей боевой технике. Как сообщала японская печать, Вашингтон официально уведомил правительство Японии о пересмотре закона о контроле над экспортом оружия в целях снабжения Китая американской военной техникой. В соответствии с новым положением, уже вступившим в силу, США могут не только поставлять смертоносное вооружение и боевую технику китайской армии, но и предоставлять информацию военно-промышленного характера, оказывать военную помощь. Эти шаги администрации Рейгана рассматриваются как качественно новый этап в американско-китайском военном сотрудничестве. «По существу,— отмечала газета «Нихон кэйдзай»,— в вопросах снабжения Китая американским оружием и военной техникой США уравнили Пекин со своими западными союзниками».

Следует, однако, иметь в виду, что компромиссы, достигнутые Пекином и Вашингтоном во имя «общих стратегических интересов», могут лишь на время приглушить длительный спор между КНР и США о Тайване, откладывая его решение на будущее.

Маневры китайских представителей в ООН

Недавно завершила работу очередная, XXXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Подавляющее большинство стран выразило в ходе сессии серьезную озабоченность опасным обострением международной напряженности, усилением гонки ядерных вооружений. Сессия одобрила одно из важнейших для нынешней международной обстановки предложений, которое было внесено Советским Союзом,— «Предотвратить ядерную катастрофу. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН». Генеральная Ассамблея ООН приняла также ряд других не менее важных

политических решений, среди которых — выдвинутая по инициативе Советского Союза и других социалистических стран резолюция, призывающая заключить договор о запрещении размещать в космическом пространстве оружие любого рода, рекомендация заключить конвенцию о запрещении производства, накопления, развертывания и применения нейтронного оружия и ряд других важных решений. Страны — члены ООН высказались за быстрое начало переговоров о прекращении производства ядерного оружия и о постепенном сокращении его запасов, вплоть до полной их ликвидации. Принята резолюция о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия. За эти и многие другие резолюции, направленные на обуздание гонки вооружений, голосовали представители большинства стран — членов ООН. Против них активно выступали Соединенные Штаты со своими ближайшими военными союзниками и маоистский Китай. Китайские представители и здесь проявили активное взаимодействие с делегатами империалистических держав, и прежде всего с представителями США, пытаясь исказить истинные цели предложений социалистических государств, представить в ложном свете намерения Советского Союза, отвлечь внимание участников дискуссии от существа обсуждаемых проблем.

При голосовании важнейших резолюций на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН Соединенные Штаты и их союзники неизменно оказывались в абсолютном меньшинстве. Китайская делегация, как правило, не участвовала в голосовании вообще, заблаговременно покидая зал заседаний. Такую тактику Пекин применяет в последнее время все чаще, не желая противопоставлять себя большинству неприсоединившихся стран, на «дружбу» с которыми он претендует.

Однако Пекин не мог не учитывать, что вокруг предложений Советского Союза по обеспечению безопасности народов, разоружению объединяются все социалистические страны, весь «третий мир» и все миролюбивые силы, о чем свидетельствуют многочисленные резолюции, принятые единодушно на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Поэтому китайские представители в ООН вынуждены были прибегнуть к различного рода маневрам и демагогическим вывертам. На словах пекинские лидеры пытаются изображать свою международную политику чуть ли не как самую миролюбивую и самую конструктивную. На деле же они всячески пытаются ослабить позиции миролюбивых сил, поощрять активизацию агрессивных военных блоков и замкнутых экономических группировок капиталистических государств, блокируют все реальные меры по ограничению и сокращению гонки вооружений и, бросая вызов мировому общественному мнению, продолжают испытания ядерного оружия. Пекин демонстративно пытается подорвать усилия европейских государств по укреплению безопасности и расширению сотрудничества на Европейском континенте, стремится внести раскол в ряды миролюбивых, антиимпериалистических сил. Подобного рода провокационная политика пекинских лидеров, которые под прикрытием «миролюбивых» заверений пытаются поставить заслон на пути ослабления напряженности и практического решения проблемы разоружения, представляет серьезную опасность для дела мира и международной безопасности.

Последствия политических кампаний в КНР

Некоторые высказывания, появившиеся в китайской печати, дают возможность лучше понять, какой ущерб был нанесен не только экономике в целом, но и, в частности, развитию науки и техники в период проведения в КНР различных политических кампаний, таких, как «большой скачок», «культурная революция» и др. Исключение составляла военная область, которая тщательно оберегалась от посягательств всякого рода «бунтовщиков».

Примечателен сам факт, что в течение 21 года не созывались сессии Научного совета Академии наук Китая. После такого длительного перерыва наконец с 11 по 20 мая 1981 г. была проведена 4-я сессия Научного совета. С докладом о работе Академии наук Китая выступал на пленарном заседании сессии заместитель премьера Государственного совета КНР президент Академии наук Китая Фан И. Он обрисовал довольно плачевное положение с научными исследованиями в области естественных и технических наук¹. Если «в 1965 г., накануне «культурной революции», — сказал он, — в системе АН Китая было 106 научно-исследовательских организаций, в которых работало 60 тыс. человек», то «десять лет беспорядков (1966—1976) причинили серьезный ущерб академии. К 1973 г. в системе Академии наук Китая осталась 41 научно-исследовательская организация». Лишь в последние четыре года, то есть после смерти Мао Цзэдуна, началось восстановление и упорядочение деятельности организаций в системе Академии наук Китая. (В настоящее время, по данным, приведенным Фан И, в системе АН Китая насчитывается 117 научно-исследовательских организаций, в которых работают свыше 75 тыс. научных сотрудников и технического персонала. Из них 2 тыс. человек составляют ученые высокой квалификации.)

Фан И признал, что в научно-исследовательской области еще осталось много нерешенных проблем (их он, как это принято сейчас в Китае, отнес за счет «подрывной деятельности» «банды четырех»). «К тому же имеются недостатки и ошибки в нашей собственной работе, — сказал он, — и мы еще далеко не удовлетворяем требованиям, которые к нам предъявляет государство».

Далее Фан И подробно излагает, в чем, по его мнению, это выражается, а именно:

«Прежде всего вследствие «левого» идеологического влияния наши требования к развитию науки были чрезмерно высоки и преждевременны, сооружалось слишком много ударных крупных объектов, и масштабы строительства были чрезмерно велики. Это не соответствует возможностям нашей страны, нашим собственным силам, поэтому мы вынуждены проводить упорядочение. Несмотря на то что были объективные причины этого, однако и у меня самого в голове имелись «левацкие» идеи.

¹ См.: «Гуанмин жибао», 27.V.1981.

В свое время я недооценил серьезности последствий вредительства «банды четырех» и переоценил экономические возможности государства. Основная ответственность за это лежит на мне.

Во-вторых, не организованы должным образом система управления и научное руководство. Централизация власти в научно-исследовательских организациях слишком велика, стиль работы поверхностен, эффективность работы невысока. Поэтому пока еще не произошло заметных сдвигов в устранении диспропорций, существовавших в течение длительного времени. Халатно и несвоевременно решаются на местах вопросы направления научных работ, руководства научными группами, условий работы.

В-третьих, мы еще недостаточно внимательно относимся к важным научно-техническим проблемам, возникающим в процессе государственного строительства.

Имеет место распыление проблем, осуществляется старый подход, повторяется уже известное. Все еще не удается эффективно сосредоточить усилия и предпринять согласованные действия для решения важнейших вопросов. Все это объясняется главным образом тем, что у нас нет инициативной, активной позиции, а связи и сотрудничество с различными министерствами и научно-исследовательскими организациями на местах, особенно с высшими учебными заведениями, еще недостаточно прочные».

О том, какой тяжелый урон политические кампании нанесли развитию науки и техники в КНР, в результате чего народное хозяйство не получило соответствующего технического оснащения и не могло развиваться быстрыми темпами, красноречиво свидетельствует редакционная статья газеты «Жэньминь жибао» от 17 октября 1981 г. под заголовком «Развитию машиностроительной промышленности должно предшествовать развитие науки и техники». В статье указывается, что «современное развитие машиностроительной промышленности далеко не в состоянии удовлетворить нужды осуществления программы четырех модернизаций. Камень преткновения в ее низком уровне. Низкое качество продукции машиностроительной промышленности является отражением ее научно-технической отсталости». Подчеркивается, что производственная эффективность некоторых станков низкая, а энергоемкость высокая, на некоторых станках нельзя производить крайне необходимые новые товары. Все это происходит потому, что недостаточно уделяется внимания науке и технике. «Исторический опыт и вопросы, стоящие перед нами в настоящее время,— пишет автор статьи,— говорят о том, что развитие машиностроительной промышленности должно идти по пути повышения ее технического уровня». Для того чтобы она развивалась, надо «поглядывать на рынок, взяться за науку и технику и отстаивать экономическую эффективность. Необходимо в плановом порядке усиливать научно-техническую работу, опираясь на настоящие и перспективные потребности рынка, и поставлять передовое техническое оборудование, нужное для производства необходимых товаров».

Как отмечается в статье, не все понимают, что «только с развитием прежде всего науки и техники появляется возможность развивать машиностроительную промышленность. Некоторые в это и верят и не верят... есть такие учреждения, где полагают, что сейчас не время для научно-технической работы». Все они считают, что «из дальнего ручья жажды не утолишь, и полагают, что усиление научно-технической работы — это дело далекого будущего». «И не только на предприятиях не считают важной научно-техническую работу, но и в руководящих органах рассуждают так же,— подчеркивает газета. — Дело не в том, что некоторые люди открыто рассуждают о маловажности науки и техники. Речь идет о том, что они в ходе практической деятельности не отводят научно-технической работе то место, которого она заслуживает».

Вместе с тем премьер Чжао Цзыян, выступая в декабре 1981 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей, подчеркнул: «Нельзя недооценивать наши силы. Когда мы говорим об отсталости отечественной науки и техники, мы имеем в виду несоответствие их объективным потребностям развития народного хозяйства, а не абсолютную отсталость. В некоторых областях Китай располагает значительными научно-исследовательскими силами и экспериментальными средствами, там достигнуты определенные результаты». Премьер имел в виду в первую очередь военно-промышленный комплекс, которому китайское руководство, следуя своей гегемонистской политике, последние 20 с лишним лет уделяло первостепенное значение, обрекая на прозябание многие другие важные для народного благосостояния отрасли народного хозяйства. Вопросы улучшения жизни китайского народа, о котором много говорится в последнее время в Китае, в частности на указанной сессии, до этого не часто были предметом для обсуждения.

Производству товаров для населения не уделялось достаточно внимания

В редакционной статье «Жэньминь жибао» от 18 октября 1981 г. отмечается, что «развитию пищевой промышленности не уделялось достаточного внимания, не было единого планирования, пищевая промышленность оснащена отсталой техникой». Подчеркивается необходимость осуществления «постепенной технической реконструкции предприятий этой отрасли, которую нужно проводить одновременно с механизацией производственных процессов». Как видно из содержания статьи, китайские власти и сейчас не очень-то собираются выделять на указанные цели государственные средства, выдвигая, как и прежде, лозунг «Опора на собственные силы». «Для развития пищевой промышленности,— говорится в статье,— необходимо поднимать активность на местах, изыскивать средства, нельзя надеяться только на государственные субсидии».

В информации Синьхуа о выполнении государственного плана промышленности и транспортом Китая по состоянию на конец августа 1981 г., в частности опубликованной в «Жэньминь жибао» 16 сентября 1981 г., обращается внимание на то, что «снизилось качество некоторых видов продукции, добыча каменного угля не достигла показателя, намеченного планом, транспорт еще не отвечает предъявляемым требованиям, на некоторых предприятиях участились случаи производственного травматизма».

Комментатор «Жэньминь жибао», выступая по вопросу о развитии мелкотоварного производства, пишет: «В настоящее время остро ощущается населением нехватка некоторых мелких товаров повседневного спроса. Это должно привлечь внимание соответствующих отраслей». Комментатор отмечает, что сейчас товары повседневного спроса производятся главным образом на предприятиях коллективного сектора, которые со времени образования КНР неоднократно подвергались различным реорганизациям, а их руководители — нападкам. В связи с этим автор статьи призывает «принять во внимание исторические уроки. Нельзя необдуманно изменять профиль предприятий, выпускающих мелкие товары, и тем более ущемлять коллективные предприятия в обеспечении их финансами, оборудованием, сырьем, рабочей силой и пр. Следует с помощью предприятий, производящих мелкую продукцию, особенно в городах, улучшить обслуживание населения».

Падение дисциплины руководящих кадров

В «Жэньминь жибао» от 6 октября 1981 г. было опубликовано директивное распоряжение Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК КПК. В нем, в частности, указывалось, что необходимо «принимать

серьезные меры против тех, кто изо дня в день нарушает установленные правила... Как показали обследования, проведенные в ряде районов, некоторые кадровые работники, главным образом уездного уровня и в производственных бригадах, используя служебное положение, подают пример в захватывании земли, расхищают казенные деньги, строительные материалы, бесплатно пользуются транспортными средствами, являющимися государственной и коллективной собственностью, а также используют рабочую силу производственных бригад для строительства домов для себя и своих детей». В целях пресечения этой практики комиссия выдвигает в своем распоряжении ряд требований, которыми должны руководствоваться все партийные организации в борьбе против нарушителей установленных правил.

Заместитель секретаря Центральной комиссии по проверке дисциплины Чжан Юнь, выступает в «Жэньминь жибао» от 16 ноября 1981 г. со статьей, призывающей «наносить удары по контрабанде, соблюдать партийную дисциплину и государственные законы». В частности, она пишет: «Деятельность контрабандистов может осуществляться потому, что, во-первых, в некоторых районах и учреждениях кадровые работники-коммунисты и даже руководящие работники покупают контрабандные товары, некоторые санкционируют закупку контрабандных товаров отдельными лицами и организациями... Во-вторых, некоторые члены партии сотрудничают с контрабандистами, стали их агентами».

Зигзаги экономической политики

К чему приводят необдуманные действия в управлении экономикой КНР, показывает развитие в последние годы тяжелой и легкой промышленности.

Не заботясь долгое время о развитии легкой промышленности, играющей важную роль в обеспечении благосостояния народа, руководители Китая столкнулись с тяжелыми проблемами. Теперь они готовы даже хотя бы на паллиативные решения. В последние два года этой сфере стало уделяться больше внимания. Однако известно, что КНР, затрачивая огромные средства на военно-промышленный комплекс, перевооружение армии, испытывает нехватку ресурсов на быстрое и одновременное развитие всех секторов экономики. После того как развитию легкой промышленности, производству товаров народного потребления было отдано предпочтение, что в какой-то мере улучшило снабжение внутреннего рынка, китайское правительство обнаружило, что темпы экономического роста страны снижаются, и теперь объявлено, что для нормального функционирования экономики необходимо также соответствующее состояние тяжелой промышленности.

По сообщению американской газеты «Уолл-стрит джорнэл» от 30 сентября 1981 г., заместитель премьера Государственного совета КНР Бо Ибо в одном из интервью заявил, что в 1982 г. Китай «снова должен сделать упор на развитие тяжелой промышленности».

По мнению американской газеты, в связи с тем что в 1981 г. вновь имел место значительный дефицит бюджета и недостаток средств для капиталовложений, новая экономическая политика неизбежно повлечет за собой сокращение производства товаров широкого потребления.

На сессии ВСНП в декабре 1981 г. премьер Госсовета Чжао Цзыян сказал, что тяжелая промышленность «должна сделать поворот в сторону увеличения производства».

В его докладе указывалось, что в дальнейшем первостепенное значение будет иметь урегулирование структуры экономики. По его словам, для осуществления экономического урегулирования потребуются еще пять лет, а может быть, и больше.

По страницам нового журнала Академии наук МНР

Институт востоковедения АН МНР начал издание нового общественно-политического журнала «Вопросы востоковедения», ставящего своей задачей освещение проблем истории, экономики, государства и права, культуры, а также международных отношений стран Дальнего Востока.

Журнал открывается статьей «Монгольская народная революция и ее главные итоги». В статье, в частности, отмечается, что идеи Великой Октябрьской социалистической революции ярким светом озарили путь монгольской революции, вдохновили народ на решительную борьбу против угнетателей, на большие свершения. Монголия стала первой в мире страной, последовавшей героическому примеру Советской России.

Победа Народной революции в Монголии, отмечается в статье, переход страны от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма, послужили практическим подтверждением великой правоты ленинского учения о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран и народов. Монгольская народная революция явилась составной частью общего и ныне бурно развивающегося мирового революционного процесса, начатого Великим Октябрем.

Ныне МНРП, осуществляя свою новую программу, принятую ее XVI съездом, направляет борьбу своего народа на создание материально-технической базы социализма на основе постоянного повышения производительности труда и эффективного использования мировых достижений науки и техники.

60-летний итог братского сотрудничества, подчеркивается в статье, весомо и наглядно выражен в достижениях реального социализма народной Монголии, которая превратилась в динамично развивающееся государство с современной много-

отраслевой экономикой, процветающей культурой, где непрерывно растет благосостояние трудящихся.

В заключении подчеркнуто, что правительство МНР и монгольский народ, поддерживая последовательные мирные инициативы Советского Союза и других стран социалистического содружества, неизменно выступают против военной опасности, за укрепление мира и безопасности в Азии и во всем мире, а также за развитие делового сотрудничества со всеми странами мира, за укрепление интернациональной солидарности с международным рабочим классом и трудящимися Азии, Африки и Латинской Америки.

Автор Д. Чулуандаева в статье «Во имя мира и международной безопасности» отмечает, что XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза явился событием всемирно-исторического значения, важнейшим этапом в истории борьбы за мир и социальный прогресс, в нем нашли яркое отражение огромные успехи, которых добился советский народ.

Данная в Отчетном докладе ЦК КПСС оценка главных тенденций современности пронизана историческим оптимизмом, вселяет веру в собственные силы у тех, кто борется за мир и разоружение, защищает интересы международного рабочего движения, отстаивает независимость и свободу своей родины.

Решения XXVI съезда КПСС получают высокую оценку и единодушное одобрение братских партий, государств и народов социалистического содружества. Политика мира, проводимая СССР и его союзниками, их совместная борьба за разрядку, ослабление угрозы ракетно-ядерной войны, за свободное и независимое развитие народов стали самым существенным фактором международной жизни.

В то время как Советский Союз не устанет искать пути и средства для ликвидации очагов напряженности и урегулирования конфликтов в разных частях земного шара, отмечает в статье автор, правящие круги США в сговоре с пекинскими гегемонистами нагнетают напряженность в отношениях с развивающимися странами, все более открыто выступают с позиции силы. История доказывает, что подобная политика обречена на провал.

Широкая международная общественность, все люди доброй воли требуют от правительств своих стран внимательного изучения и скорейшего претворения в жизнь новых крупных инициатив СССР в области внешней политики, направленных на укрепление мира, углубление разрядки, обуздание гонки вооружений и устранение опасности новой мировой войны.

Член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский в статье «Исторические истоки великоханьского гегемонизма — союзника империализма», опубликованной в новом монгольском журнале, подробно анализирует причины сближения империалистических кругов, прежде всего США, с китайскими лидерами и «выгоды» для КНР, получаемые от сближения с империалистическими кругами.

Китайское руководство всячески пытается навязать буржуазной синологии концепцию «великого Китая» для идеино-исторического «обоснования» великоханьских притязаний. Истоки великоханьского гегемонизма уходят своими корнями в глубь веков. Социально-экономический и культурный расцвет Китая в прошлые века, его военная мощь способствовали самовозвеличению ханьцев, порождали у них неверное представление о роли других народов. Это объясняется и тем, что Китай окружали более отсталые кочевые народы, он находился в стороне от других центров мировой цивилизации, а на океанские просторы вышел значительно позднее других народов.

Агрессивная политика феодальных китайских правителей, основанная на великоханьском гегемонизме, делает вывод автор, имела пагубные последствия для самого Китая — экспансионизм приводил к застою в экономике, к ослаблению международных позиций Китая.

Всякий раз, когда китайское правительство порывало с прогрессивными силами мира и вступало в союз с реакцией, страна оказывалась в критическом положении. Нынешние китайские руководители продолжают реакционную агрессивную политику, унаследованную от великоханьского гегемонизма, не учитывая весь исторический опыт Китая. Они берут ту часть его истории, которая связана с «успешными» завоевательными походами, с территориальной экспансией, но не хотят видеть катастрофические для китайского народа последствия экспансионизма. Цитируя слова Мао Цзэдуна о его позитивном отношении к деспотизму императоров древнего Китая, автор подтверждает факт намеренного наследования нынешним руководством Китая идеи великоханьского гегемонизма. Во внешней политике нынешнее пекинское руководство копирует и многие другие повадки великоханьских экспансионистов прошлого.

Мао и его последователи вступают в союз с США и другими империалистическими государствами и реакционными режимами для борьбы со странами социалистического содружества, уподобляясь древним императорам в их стремлении утвердить могущество «Срединного государства» («Чжунго»).

В статье «Апрельская революция в Афганистане» Э. Пунцаг коснулся процесса развития афганской революции, ставшей непосредственным продолжением и неотъемлемой составной частью мирового революционного процесса, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Апрельская революция, совершенная по воле трудового народа под руководством ИДПА, открыла новую страницу в истории Афганистана.

Автор обращает особое внимание на антиимпериалистическую направленность революции в Афганистане, а также на ее социальный аспект: строительство нового общества без эксплуатации человека человеком — принцип, осуществляемый в социалистическом обществе. Именно Афганистан, подчеркивает автор, — одна из первых стран в Азии, которая в лучах Великого Октября уже на пороге 20-х годов разорвала цепи империализма. У этой страны много общего с Монгольской Народной Республикой в революционном развитии, в историческом процессе национально-освободительного движения.

Рассматривая два этапа Апрельской революции, автор приводит конкретные данные, убедительно показывающие те огромные успехи, которых добилась ДРА на общедемократическом этапе революции в преодолении объективных трудностей, связанных с отсталостью страны и сопротивлением эксплуататоров и предателей революции. Автор подчеркивает значение второго этапа, начавшегося с устранения аминовского режима 27 декабря 1979 г. Он подвергает справедливой критике необъявленную агрессивную войну, развязанную против афганской революции реакционными силами империализма США и китайских гегемонистов, главным плацдармом которых служит Пакистан, и высоко оценивает роль военной помощи Советского Союза, гарантирующего безопасность Афганистана. Ограниченный контингент советских войск в стране — защита революционных завоеваний, независимости и суверенитета государства от угрозы извне.

В заключение автор подчеркивает, что правительство, возглавляемое Бабраком Кармалем, формируя национально-патриотический фронт, уверенно проводит в стране политику осуществления идеалов Апрельской революции, а в области внешней политики проявляет неустанную инициативу по мирному урегулированию вопросов, возникающих вокруг Афганистана. Ярким свидетельством этого является предложение правительства ДРА от 14 мая 1980 г., направленное на установление мира и добрососедства в странах региона.

В статье «Суд над Линь Бяо и «бандой Цзян Цин» Ц. Хандсурэн анализирует судебный процесс по делу «банды четырех» и показывает, что этот «спектакль» с самого начала тщательно готовился с неоднократными репетициями. Он начался в двух специально образованных по этому случаю палатах: одна была создана для разбирательства дел группы Цзян Цин, другая — для остальных обвиняемых. Из четырех

крупных обвинений, изложенных в 48 пунктах и предъявленных «банде четырех», особо выделялось дело о попытке покушения на Мао. Китайская печать уделила свое внимание «делу Линь Бяо», который по обвинениям, предъявленным на суде, был причастен к попытке покушения на Мао.

Из показаний вдовы Мао явствовало, что она «лишь выполняла указания Мао Цзэдуна». Подобное заявление, отмечает автор, скомпрометировало не только Мао, но и некоторых нынешних руководителей, находившихся в его окружении, в том числе и Хуа Гофэна, что заставило их срочно закрыть заседание суда.

Суд над «бандой четырех», по сути, является еще одним проявлением непрекращающейся борьбы за власть, которая обострилась накануне XII съезда КПК среди различных группировок китайского руководства. Исходя из этого, автор делает вывод, что Китай стоит на пороге очередной широкой кампании по чистке в партии, о чем открыто пишет и китайская печать.

Авторы статьи «Агрессивная сущность внешней политики Пекина» — кандидат исторических наук Д. Содномгомбо и Д. Баярхуу — подчеркивают реакционную сущность маоизма как разновидности антикоммунизма и антисоветизма, которая особо проявляется во внешнеполитической деятельности пекинских правителей, разоблачают агрессивный курс внешней политики Пекина.

Внешнюю политику нынешнего руководства КНР характеризуют следующие основные черты:

— злобный антисоветизм, идеологическая и политическая враждебность к СССР;

— линия на подрыв единства социалистического содружества с помощью тактики «дифференцированного подхода»;

— блокирование с империализмом, основанное на общей платформе борьбы с позитивными тенденциями в международной жизни, включая разрядку, на враждебном курсе в отношении СССР и мирового социализма;

— стремление вовлечь развивающиеся страны в сферу своего влияния, противоп-

ставить их мировой социалистической системе, лишить антиимпериалистической направленности движение неприсоединения;

— использование конфликтных ситуаций для нагнетания напряженности;

— усиление раскольническо-подрывной деятельности против международного коммунистического движения.

Антикоммунистические и антисоветские идеи маонистов, берущие свое начало в извечной мечте китайских правителей о мировой гегемонии, отмечают авторы, отнюдь не являются лишь тактикой, а представляют собой единство реакционной теории и практики стратегического характера. Хотя нынешнее руководство Пекина признает в современных условиях необходимость «модернизации» маоизма, оно совершенно не собирается пересмотреть его антисоциалистический курс, а скорее намерено его форсированно проводить, но уже более коварными методами.

Рассматривая агрессивную сущность внешней политики КНР в отношении различных районов мира, авторы приходят к выводу, что внешнеполитический курс Пекина по-прежнему остается враждебным делу мира и социализма и принимает еще более авантюристический характер — ставка на войну в целях экспансии и гегемонии. При таких условиях принципиальная борьба по разоблачению пагубных последствий маоизма, борьба, которая на данном этапе успешно ведется совместными усилиями коммунистических и рабочих партий, представляет собой, как отмечают авторы в заключение, одну из форм интернациональной помощи китайскому народу, с тем чтобы Китай вернулся на путь социализма.

Издание нового журнала в МНР продиктовано идеями укрепления и расширения дружбы и всестороннего сотрудничества Монгольской Народной Республики со странами Азии, поддержания прочного мира и безопасности в этом районе, а также связано со все возрастающим интересом монгольской и мировой общественности к проблемам стран и народов Азии.

В. А. Архипов

Образец социалистического интернационализма

В связи с 60-летием Монгольской народной революции Дипломатическая академия МИД СССР и Институт истории партии при ЦК МНРП издали коллективный советско-монгольский труд, посвященный сотрудничеству и сближению СССР и МНР

на протяжении истекших шестидесяти лет*. «Цель настоящего издания, — говорится во введении, написанном А. Минисом, В. И. Поповым и С. Л. Тихвинским, — познакомить советских и монгольских читателей, а также зарубежную общественность с опытом советско-монгольского сотрудничества, фундамент которого был заложен Великим Октябрем и Монгольской народной революцией 1921 года».

* СССР — МНР: сотрудничество и сближение (К 60-летию Монгольской народной революции). М. — Улан-Батор, «Международные отношения» — Госиздат МНР, 1981, 198 с.

Итак, это книга об опыте сотрудничества и сближения между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой, опыте уникальном и поучительном, который представляет собой образец социалистического интернационализма и воплощает в себе международные отношения нового типа, возникшие в результате появления социалистического содружества. Одновременно это работа о советско-монгольских отношениях, их развитии и совершенствовании на основе пролетарского социалистического интернационализма как выражении объективной закономерности становления социалистического содружества на современном этапе.

Рассматривая практику сотрудничества двух стран, авторы книги на примере Монголии ставят теоретические проблемы строительства социализма при помощи Советского Союза и других стран социалистического содружества в прежде отсталых государствах, возможность которого была предсказана В. И. Лениным на II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. «...С помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития», — сделал тогда вывод В. И. Ленин¹.

История Монголии за последние 60 лет подтверждает, что отсталая страна, опираясь на помощь и используя опыт другой социалистической страны, может, вступив на путь некапиталистического развития, добиться на этом пути успеха, перейти к социализму, минуя капитализм. Об огромных достижениях трудящихся МНР за истекшие 60 лет говорится в открывающей книгу статье Генерального секретаря ЦК МНРП Ю. Цеденбала «Славная 60-я годовщина МНРП». В настоящее время МНР превращается в индустриально-аграрную страну, где 46 % национального дохода и 64 % общественного продукта дают промышленность, транспорт и связь. Рабочие и служащие (вместе с членами их семей) составляют сейчас более 60 % населения МНР, 80 % населения имеют образование, в том числе половина — среднее и высшее. «Огромные достижения МНР за прошедшие 60 лет, — подчеркивает Ю. Цеденбал, — убедительно свидетельствуют о том, что именно некапиталистический, социалистический путь развития, опора в решающей степени на помощь первой страны социализма обеспечивают наш быстрый прогресс во всех областях общественной жизни, что монгольский народ под руководством своего испытанного авангарда — МНРП успешно решает самую главную и сложную задачу народной революции — созидательную» (с. 13).

Братский союз КПСС и МНРП рассматривается в книге как основа тесного сотрудничества СССР и МНР (гл. I, авторы — А. Е. Мильников и А. И. Таксубаев).

Авторы указывают, что к настоящему времени сложилась и успешно функционирует стройная и целостная система взаимодействия двух братских партий, в которой большое значение имеет укрепление сотрудничества КПСС и МНРП в области идеологии. Этому вопросу посвящена вторая глава книги, написанная О. Б. Борисовым и В. В. Васильевым.

Для братских стран, подчеркивал на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, «прочной нормой стали духовное общение, тесные связи в области идеологии и культуры»². Духовное общение и тесные связи между СССР и МНР в области идеологии и культуры крепнут и развиваются год от года, способствуя решению одной из важнейших проблем — воспитанию человека коммунистического общества. Многоплановый и разнообразный характер имеет сотрудничество КПСС и МНРП в области идеологии. Это убедительно показано авторами на многих примерах.

Возникновение и развитие союза и дружбы советского и монгольского народов не было случайностью. «Они складываются в огне революционной борьбы, — делает вывод Д. Ендон (гл. III), — в силу объективной закономерности неизбежного слияния социалистической революции рабочего класса и национально-освободительной революции в отсталых странах в общее русло борьбы против империализма» (с. 60).

Анализируя эту закономерность, автор обстоятельно показывает историю договорных отношений между нашей страной и Монголией. Начало этим отношениям было положено Соглашением об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Монголией, подписанным 5 ноября 1921 г. в Москве. Важную роль в истории обеспечения безопасности МНР сыграл Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, подписанный в марте 1936 г. в Улан-Баторе. На основании этого документа осуществлялось боевое сотрудничество СССР и МНР в отражении империалистической агрессии (гл. X, автор — М. С. Капица). В 1939 г. СССР и МНР общими усилиями отразили агрессию японского милитаризма против МНР; во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. МНР оказывала помощь СССР в борьбе против фашистской Германии. «Не было в МНР такого района или села, завода или фабрики, учреждения или организации, где трудящиеся не внесли бы свой вклад во всенародное движение по оказанию помощи Красной Армии», — говорится в книге (с. 182). Наконец, в 1945 г. СССР и МНР вместе разгромили японских империалистов на Дальнем Востоке.

Особое внимание в книге уделено Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР, подписанному 15 января 1966 г. в Улан-Баторе

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., тт. 41, с. 246.

² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 5.

во время визита в МНР партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Л. И. Брежневым. Этот Договор рассматривается в книге не только как важнейшая веха в истории советско-монгольской дружбы и сотрудничества, гарантия защиты завоеваний социализма и безопасности МНР, но и как фактор, способствующий упрочению мира, созданию атмосферы добрососедства и сотрудничества в Азии, сохранению и укреплению безопасности на Дальнем Востоке.

Авторы книги показывают плодотворное сотрудничество СССР и МНР в области внешней политики (гл. IV, автор — К. А. Меркулов) и тесное взаимодействие СССР и МНР по упрочению социализма, по укреплению единства и сплоченности социалистического содружества (гл. V, автор — Ц. Гомбосурэн). Выступая единым фронтом против империализма, китайского гегемонизма и других реакционных сил, СССР и МНР одновременно координируют свою внешнюю политику, направленную на упрочение антиимпериалистических, прогрессивных сил в освободившихся странах, служат делу их продвижения по пути социального прогресса. Причем главным направлением взаимодействия СССР и МНР, подчеркивается в книге, является совместная борьба «за неуклонное укрепление братских уз дружбы и всестороннего сотрудничества стран социализма, за упрочение их единства и сплоченности на основе подлинного равноправия, товарищеской взаимопомощи, глубокой заинтересованности в успехах друг друга» (с. 92).

СССР и МНР сотрудничают также в деле оказания помощи и поддержки справедливой борьбе народов и государств Азии, Африки и Латинской Америки против империализма, за укрепление мира, за безопасность и общественный прогресс. Это сотрудничество рассматривается в девятой главе (автор — Ц. Нархцу).

В процессе социалистической экономической интеграции происходит сближение народных хозяйств СССР и МНР, обусловленное общественной социалистической собственностью на средства производства и руководящей ролью коммунистических партий. Немаловажное значение имеет при этом и научно-техническая революция, а также долгосрочные целевые программы сотрудничества, обеспечивающие объединение усилий и ресурсов стран — членов СЭВ.

Анализ сближения народных хозяйств СССР и МНР (гл. VI, автор — Ц. Владислав) дает основание для заключения, что долгосрочное братское сотрудничество СССР и МНР в области экономики, как и в других областях, приняло всеобъемлющий характер, его отличает высокая степень эффективности. Доля СССР во всей совокупности внешнеэкономических связей МНР с социалистическими странами превышает 90%. При финансовом и техническом содействии СССР построены крупнейшие хозяйственные объекты страны. «Курс МНРП и правительства МНР на всемерное сближение со странами СЭВ, и в первую очередь с Советским Союзом, — делает автор вы-

вод, — позволит в исторически кратчайшие сроки завершить создание материально-технической базы социализма, что обеспечит необходимые условия для постепенного перехода страны к построению развитого социалистического общества» (с. 123).

В книге рассматривается также многогранное и плодотворное сотрудничество СССР и МНР в области культуры (гл. VII, автор — Л. И. Орехов).

Особый интерес представляет восьмая глава, посвященная международному значению опыта сотрудничества СССР и МНР в реализации ленинской концепции некапиталистического развития (автор — Г. Г. Кадымов). В ней, в частности, отмечается, что в качестве главных условий для развития Монголии по некапиталистическому пути III, V и последующие съезды МНРП выдвигали упрочение народной власти, повышение организующей и направляющей роли партии, стоящей на позициях научного социализма, всемерное укрепление дружбы и сотрудничества между монгольским и советским народами. «Опыт некапиталистического развития Монголии показывает, — говорится в книге, — что необходимо последовательно решать задачи преобразования сложившихся социально-экономических структур с учетом конкретных исторических условий, специфических особенностей страны» (с. 145). В своем развитии по пути от феодализма к социализму Монголия прошла два основных этапа: общедемократический (1921—1940 гг.) и социалистический (1940—1960 гг.). На каждом из этих этапов проявлялись общие закономерности некапиталистического развития, которые и сегодня не потеряли своего международного значения. МНРП охотно делится своим богатым опытом руководства социалистическим строительством с народно-революционными партиями освободившихся стран. Опыт некапиталистического развития Монголии все больше становится достоянием других народов, растет его международное значение и признание.

«Мы убеждены, — отмечал Ю. Цеденбал, — что дальнейшие перспективы национально-освободительной борьбы народов находятся в прямой зависимости от укрепления союза с мировым социализмом»³.

Книга «СССР — МНР: сотрудничество и сближение» прекрасно иллюстрирует слова Л. И. Брежнева, сказанные на XXVI съезде КПСС: «...Мы строим новый, социалистический мир, небывалый еще в истории тип отношений между государствами, настоящему справедливых, равноправных, братских»⁴. Этот новый тип отношений между государствами представляет собой воплощение в жизнь социалистического интернационализма, являет собой социализм на деле.

*В. А. Кривцов,
профессор*

³ «Проблемы мира и социализма», 1977. № 8, с. 6.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 5.

Культура современной Японии

Недавно вышедшая в свет книга Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь «Культура послевоенной Японии» подводит своеобразный итог исследовательской деятельности ее авторов в области изучения процессов развития культуры в этой стране*. В работе использованы труды советских ученых, имеющие отношение к данной теме, авторы проштудировали большое число теоретических работ по проблемам культуры. Все это свидетельствует об их серьезном и глубококом подходе к исследуемому предмету.

Свою книгу авторы назвали очерками, не претендуя на то, чтобы их труд был воспринят как исследование монографического типа. Конечно, их работа имеет очерковый характер, и ей присущи особенности, вытекающие из данного вида научного исследования. Но вместе с тем она представляет собой нечто большее, чем обычные научные очерки. Исследование Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь отличается широким охватом явлений культурной жизни Японии. Его характеризуют многоплановость рассматриваемых тем, комплексный подход к процессам развития культуры во всем многообразии ее форм. При таком подходе к исследуемому материалу нередко существует опасность впасть в эмпиризм, простое описательство, что превращает труд исследователя в свод имен, названий, фактов. С работой Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь этого не случилось. Авторам удалось в обилии событий культурной жизни, в множестве течений и направлений идеологической и эстетической деятельности выявить главные тенденции и закономерности, дать единичным явлениям интерпретацию, раскрывающую их сущность и определяющую их место в общекультурном процессе. Это свидетельствует о высоком методологическом уровне рецензируемой работы, о хорошей научной подготовке ее авторов, сумевших овладеть нелегким мастерством анализа такого сложного феномена человеческой деятельности.

Главное внимание в книге уделено характеристике художественной культуры Японии. В ней немало страниц посвящено кино и театру, живописи и скульптуре, архитектуре и декоративному искусству. И само собой разумеется, в поле зрения авторов постоянно находится важнейший элемент творчества — художественная литература, в которой с наибольшей полнотой и выразительностью отражены эстетические и идеологические представления современно-

го японского общества. Читая эту книгу, узнаешь десятки имен японских писателей, кинорежиссеров, артистов, скульпторов и других деятелей культуры, оставивших след в художественной жизни своего народа. Большое значение имеет обильная информация об их важнейших произведениях. Ограниченный объем книги в ряде случаев помешал авторам предпринять подробный анализ художественного процесса. Но содержащиеся в книге краткие характеристики и выводы помогают определить место каждого из мастеров в художественной жизни страны.

Заслугой авторов явилось то, что они свое исследование не ограничились рассмотрением лишь явлений художественной культуры Японии. Они затронули такие сферы духовной деятельности, как образование, просвещение, наука, массовая информация. Обращение авторов к этим аспектам современной японской культуры повышает познавательное значение их труда.

Методологической основой рецензируемого труда явилось ленинское учение о классовом содержании культуры, о наличии двух культур в любой национальной культуре. Именно применение этого методологического принципа явилось главным условием успешного анализа того огромного фактического материала, с которым мы встречаемся в книге. Хотелось бы отметить творческое постижение ее авторами самой сути ленинского метода оценки явлений культуры. Их мысль о том, что этот метод предполагает анализ культурных явлений в совокупности и взаимопереплетении составляющих их идеологических и эстетических элементов, а не расчлененно, не изолированно, правильно отражает ленинское требование подлинно научного исследования. Это позволило авторам занять последовательную партийную позицию при анализе культурного процесса, в особенности тех его явлений, поверхностное отношение к которым может привести к оценкам, не отражающим их подлинное значение.

Естественной и закономерной, вытекающей из методологических требований марксистско-ленинской науки, направленной на всесторонний анализ явлений культуры, оказалась сама структура исследования. Мы имеем в виду не столько принцип выделения глав и других составных частей книги, определяемых ее очерковым характером, сколько наличие и соотношение тех аспектов культуроведческого анализа, которые раскрывают культурный процесс во всей его пространственно-временной целостности и последовательности.

Культура современной Японии в книге рассматривается в историческом плане, сквозь призму политико-идеологического процесса, который составил содержание общественной жизни страны более чем за 30-летний период ее новейшей истории. В связи с этим хотелось бы заметить, что, по нашему мнению, название книги не совсем точно отражает ее содержание. После окончания войны прошло уже более трех десятков лет, и термин «послевоенный» все чаще воспринимается ныне для обозначе-

* Л. Д. Гришелёва, Н. И. Чегодарь. Культура послевоенной Японии. М., «Наука», 1981, 214 с.

ния более короткого отрезка времени, чем тот, который нашел отражение в книге.

Взяв за исходную точку периодизации год окончания второй мировой войны, завершившейся разгромом японского империализма, авторы четко очерчивают важный рубеж в истории японской культуры. Они обоснованно акцентируют смысл этого события как границы, разделившей всю современную культуру Японии на две эпохи. Выделение этого этапа в периодизации культурного процесса, при всей очевидности непреходящего исторического значения перемен, которые произошли после 1945 г., было необходимо для опровержения попыток некоторых японских буржуазных исследователей принизить или даже отрицать позитивное содержание этих перемен в жизни страны и ее культуры.

Новый период в развитии японской культуры, наступивший после 1945 г., делится в книге на несколько этапов. Это прежде всего этап, продолжавшийся после капитуляции до заключения в 1952 г. Сан-францисского мирного договора. Второй этап падает на 50-е — первую половину 60-х годов. Третий этап — это конец 60-х — начало 70-х годов. С целью придать большую убедительность анализу и выводам, касающимся судеб послевоенной японской культуры, авторы кратко характеризуют содержание процессов в области культуры Японии до 1945 г.

Это было время, до предела насыщенное событиями, на нем лежит печать ожесточенной идейно-политической и классово-идейной борьбы, развернувшейся тогда в Японии. В ходе этой борьбы сложились два основных направления, два течения японской культуры, отразившие действительно существующий раскол японского общества на два лагеря — лагерь демократии и реакции. «После окончания войны, — пишут авторы, — начался активный процесс консолидации прогрессивных сил в области литературы и искусства. Движение за демократическую культуру приобрело широчайший размах. И поэтому к тому моменту, когда японские и американские правящие круги перешли к наступлению на демократические завоевания народа, прогрессивные деятели культуры представляли собой уже достаточно значительную силу, чтобы противостоять политике властей. Не прекращающаяся борьба за всестороннюю демократизацию культурной жизни составляет одну из основных тенденций, характеризующих развитие культурного процесса Японии на всем протяжении послевоенного периода. В качестве явлений, противоборствующих этой тенденции, развивались антидемократические течения, поддерживаемые лагерем реакции» (с. 157).

В книге содержится обширная информация о деятельности различных союзов прогрессивных художников и литераторов, а также отдельных представителей культуры, внесших свой вклад в развитие демократического искусства. Это Общество литературы новой Японии, театральные объединения «Дзэнсиндзэ», «Бунракудза», Ассоциация художественной культуры и мно-

где другие. Особо выделено творчество таких художников слова, как Юрико Миямото, Хироси Нома, Сунао Токунага, крупнейших деятелей киноискусства — Кэйсукэ Киносита, Акира Куросава и других участников движения «независимой кинематографии», представителей нового японского театра — Еси Хидзиката, Томоёси Мураяма, Сиро Окакура, Масаюки Мори и др. Благодаря творчеству художников прогрессивного направления культурная жизнь Японии поднялась на новую высоту, процесс выработки художественных ценностей воплотился в создании многих произведений реалистического направления, имевших большое общественное звучание.

Перед лицом наступавшего по всему фронту культурной жизни страны демократического искусства активизировались реакционные силы в сфере духовной деятельности. Они были поддержаны правительственными кругами и монополистическим капиталом. Это проявилось в принятии так называемого «обратного курса» в области культуры, в стимулировании и поощрении различных декадентских, модернистских направлений, наконец в попытках, как и в довоенные годы, открыто поставить искусство на службу буржуазному государству и господствующему классу. Постепенно усиливался правительственный контроль в сфере культуры, ограничивались возможности творчества демократических художников, стали поднимать голову писатели, деятели кино, чьи усилия были направлены на возрождение идей и чувств, господствовавших в Японии в условиях монархо-фашистской диктатуры.

Во второй половине 60-х — начале 70-х годов в Японии получила бурное развитие так называемая «массовая культура», которая, по замыслам ее творцов, была призвана заглушить демократическую тенденцию в литературе и искусстве.

Характеристика всех этих процессов и явлений в хронологической последовательности, на фоне общественно-политических событий культурной жизни свидетельствует об историзме исследования Л. Д. Гринштейн и Н. И. Чегодарь как методе, проявляющемся в живой ткани искусствоведческого повествования, позволяющем проследить развитие искусства в его непрерывном движении.

Большое внимание в книге уделено раскрытию идейной направленности элементов национальной культуры Японии. Авторские оценки и выводы, касающиеся идейного аспекта культурного процесса, отличаются принципиальностью, четкой формулировкой отношения к общественной роли тех или иных форм культурной деятельности. Так, подводя итог развитию художественной культуры в первые годы после окончания войны, авторы пишут: «...Для культурной жизни Японии первого послевоенного периода была характерна прежде всего борьба за ликвидацию системы жестокого контроля и репрессий, царившей в стране в годы войны. В этой борьбе участвовал чрезвычайно широкий круг деятелей японской культуры, начиная с тех, кто мыслил де-

«модернизацию культурной жизни в рамках буржуазной демократии, и кончая теми, кто стихийно или сознательно стоял на позициях социализма... Начался процесс размежевания между деятелями культуры, стоявшими на буржуазных, буржуазно-демократических и подлинно демократических «позициях» (с. 44).

По мере развития социальных процессов в стране все новые и новые проблемы получали отражение в литературе и искусстве. Тема мира, борьбы против угрозы ядерной войны, голоса, предупреждающие об опасности наступления реакции, призывы к отстаиванию идеалов гуманности зазвучали со страниц многих произведений японских художников, все глубже усваивавших идеи социализма.

Но в это же время в литературе и искусстве появились и другие течения, некоторую часть писателей стали захватывать упаднические, декадентские настроения. Возобновилась деятельность ряда писателей старшего поколения, в произведениях которых «почти не затрагивались вопросы, волновавшие передовые круги общественности послевоенной Японии» (с. 31).

В этих характеристиках наглядно проявляется суть процесса размежевания деятелей культуры, дается оценка направлению идейных поисков мастеров искусства и литературы.

Быстрые темпы экономического развития и укрепление позиций реакции, вызвавшие в конце 50-х — начале 60-х годов значительные политические перемены в стране, нашли непосредственное отражение в ее культурной жизни. По этому поводу авторы пишут: «Бурное экономическое развитие Японии не сопровождалось столь же бурным расцветом японской духовной культуры. Мысль К. Маркса о том, что «капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»¹, была еще раз подтверждена некоторыми внушающими опасения тенденциями, наметившимися в японском культурном процессе» (с. 101).

Что это за тенденция? Тенденция к усилению процесса отчуждения духовного труда в результате научно-технической революции, сопровождавшейся совершенствованием методов эксплуатации трудящихся работников культуры, и, как следствие этого, тенденция к деградации духовной культуры, выразившаяся во всеобщем упадке ценностей и возникновении в ней различных уродливых явлений. Раскрытая в книге эволюция идей и представлений, питавших японскую культуру на протяжении последних 30—40 лет, наглядно демонстрирует ее связь с идеологическими процессами, захватившими японское буржуазное общество.

В рецензируемой работе дана эстетическая оценка ряда явлений и произведений художественной культуры Японии. Авторы высказывают свое суждение по поводу мо-

ральнo-этических и эстетических исканий отдельных представителей литературно-художественных течений. Заслуживает внимания совершенно правильное толкование эстетической позиции японских художников, ориентировавшихся в своем творчестве на гальванизацию традиционного сознания и подерживавших отжившие социальные формы и представления. В книге подчеркивается опасность возрождения в японском искусстве и литературе в связи с такой ориентацией националистических предубеждений и идеи превосходства «восточного образа мышления», будто бы означающего высшую форму человеческого бытия. Одним из представителей такого направления является Ясунари Кавабата. В поисках непреходящих ценностей этот писатель обратился к религиозно-этической доктрине секты дзэн. Кавабата пытается утвердить исключительность «японского понимания» красоты и морально-этических ценностей. Он любит специфическими особенностями японской культуры, трактуемыми внеисторически и внеклассово. Именно в этом авторы справедливо усматривают «определенную опасность возрождения национализма» (с. 89).

В книге содержится резко негативная оценка творчества Юкио Мисима и других буржуазных деятелей культуры, в произведениях которых идеи национальной исключительности получили наиболее уродливое и социально-опасное воплощение.

В краткой рецензии нет возможности перечислить все достоинства книги и тем более отразить исчерпывающе ее содержание. Само собой разумеется, что характеристика родов и видов японского искусства удалась авторам с различной степенью постижения их сущности, далеко не все явления художественной жизни отражены в книге при ее сравнительно небольшом объеме и обширности анализируемого художественного материала. Но то, что содержится в ней, заслуживает высокой оценки. Хочется вместе с авторами разделить уверенность в том, что демократические, прогрессивные тенденции, прочно утвердившиеся в японской культуре, будут развиваться и дальше вопреки всем попыткам реакции подавить их.

Кроме научно-информационного значения, труд Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь важен тем, что он дает материал для постановки многих теоретических проблем современного состояния и развития японской культуры. Решить эти проблемы можно только на путях творческого сотрудничества наших философов, историков и искусствоведов, на основе синтезирующего исследования явлений художественной жизни, отражающей самые различные стороны человеческого бытия, во всей совокупности происходящих в нем экономических, политических и идеологических процессов. Это будет продолжением работы Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь, так успешно начатой ими в настоящем исследовании.

Б. В. Поспелов,
доктор исторических наук

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 26, ч. 1, с. 280.

Своевременная и полезная книга

Советские журналисты-международники как бойцы первой, внешнеполитической линии идеологического фронта были свидетелями, а зачастую и участниками многих важных событий, происходивших на нашей планете. Поэтому их воспоминания, свидетельства, рассказы, содержащие богатые личные наблюдения, многочисленные, неизвестные по другим источникам детали, представляют значительный интерес для всех, кто интересуется историей международных отношений. Одним из таких изданий является книга известного журналиста-международника, китаевода М. Яковлева, выпущенная Политиздатом*.

Автор в 50—70-е годы жил и работал в Китае, главным образом в качестве корреспондента ТАСС. Это были трудные годы в истории страны, которая после начального плодотворного периода строительства новой жизни вступила в трагический по своим последствиям период «большого скачка» и пресловутой «культурной революции», период крутого поворота в китайско-советских отношениях, совершенного маоистской верхушкой Китая, что в конечном итоге привело страну к известным провалам в социально-экономической области и угрожает превратить Китай в младшего партнера империализма.

М. Яковлев выступает перед нами не просто как мемуарист, но как добросовестный исследователь. Помимо корреспондентских записных книжек, он использует обширный дополнительный материал, неоднократно обращается к трудам советских китаеведов, что делает его книгу еще более убедительной, глубокой и интересной. И хотя в заголовке книги говорится только о 17 годах, проведенных автором в Китае, книга фактически дает развернутый обзор жизни КНР за последние три десятилетия.

Воспоминания М. Яковлева вышли из печати накануне XXVI съезда КПСС. Содержащийся в книге богатый фактический материал явился яркой иллюстрацией положений, высказанных на съезде Л. И. Брежневом, о том, что «опыт социально-экономического развития КНР за два последних десятилетия — тяжелый урок, показывающий, к чему ведет извращение принципов социализма, его сути как во внутренней, так и в международной политике»¹.

В этой связи особый интерес представляют страницы, посвященные пресловутому «большому скачку» и «культурной революции», пагубные последствия которых признаются теперь и в самом Китае.

«Большой скачок» — пример откровенного субъективизма и очковтирательства, грубого нарушения принципов социализма, попытка достичь, игнорируя объективные законы развития и конкретные условия Китая, резкого, порою в несколько десятков и даже сотен раз, роста производства в сельском хозяйстве и промышленности. Все эти маоистские эксперименты, за которыми скрывались гегемонистские расчеты, привели на практике к перенапряжению и разрушению слаборазвитых производительных сил, что вызвало катастрофические последствия в экономике Китая, отбросив и без того отсталую страну на много лет назад.

Последовавшая за «большим скачком» спустя несколько лет «великая пролетарская культурная революция» явилась, по существу, реакционным политическим переворотом, установившим в Китае режим военно-бюрократической диктатуры. «Культурная революция» разрушила социалистическую надстройку китайского общества, привела к резкому искусственному обострению противоречий между различными группами населения Китая, вызвала, как признают сами китайские руководители, элементы гражданской войны в стране. В этот период вновь серьезно пострадала китайская экономика.

Нынешние руководители Китая, признавая негативный характер «большого скачка» и «культурной революции», тем не менее всячески преуменьшают нанесенный ими ущерб. В этом находит выражение как компромисс между различными группами в нынешнем китайском руководстве, так и стремление выгородить Мао Цзэдуна и сохранить маоизм как идеологическую базу сегодняшнего Китая. Вот почему в решениях VI пленума ЦК КПК (июнь 1981 г.) и «большой скачок», и «культурная революция» квалифицируются всего лишь как «ошибки», либо связанные с «торопливостью и забеганием вперед», либо «использованные контрреволюционными группировками».

Подобный камуфляж неспособен, однако, вычеркнуть из памяти широко известные факты, в том числе и те, которые совсем недавно упоминались китайскими руководителями. Как сообщил в интервью французской газете «Матэн» (3 сентября 1980 г.) бывший крупный шанхайский капиталист Жун Ижэнь, Дэн Сяопин на одном из заседаний Всекитайского комитета НПКСК сказал, что, по неполным данным, во время «культурной революции» было убито от 8 до 10 млн. человек, а преследованиям подверглись 200 млн. Иными словами, 1 % населения Китая погнб, а с 25 % обращались как с преступниками. Если к этому добавить 20 млн., умерших от голода в результате «большого скачка»², то, следовательно, только две «ошибки» Мао Цзэдуна стоили Китаю по «меньшей» мере 30 млн. человеческих жизней.

Нынешние китайские руководители, бывшие прямыми исполнителями воли и планов Мао Цзэдуна и разделявшие мно-

* М. Яковлев. 17 лет в Китае. М., Политиздат, 1981, 320 с.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.

² «Daily Telegraph», 27.IV.1981.

гине его позиции, попросту не хотят дать объективную и полную оценку пагубной политике Мао Цзэдуна. Себя же они всячески пытаются оправдать. Решения VI пленума ЦК КПК содержат попытки выгородить в Чжоу Эньлая, который, как утверждает, «работал, не щадя сил и не покладая рук вопреки нареканиям и трудностям, чтобы уменьшить до минимума ущерб, причиняемый «культурной революцией»³.

В книге М. Яковлева приведен обширный фактический материал, разоблачающий эти фальсификации и показывающий, что Чжоу Эньлай, «понимая многое, приспособился, стал активно проводить мероприятия, ниспослав своих агентов в провинции, ниспослав своих агентов в провинции, ниспослав своих агентов в провинции» (с. 99). В период «большого скачка» он славил его как «хорошую установку и курс центра», сваливая вину за провал на местное руководство (с. 101). Во время «культурной революции» он работал на превращение хунвэйбинов в «высокоорганизованную армейскую организацию» (с. 187), вместе с «бандой четырех» участвовал в сборищах хунвэйбинов и цзаофаевей, в частности тех, которые проходили под антисоветскими лозунгами (с. 211, 216, 229). Он с легкостью сыпал направо и налево обвинениями в «предательстве», в «измене» в адрес других китайских руководителей. Он называл «предателями» Пэн Дэуая, Шюй Цюбо (с. 269).

Неприглядную роль сыграл Чжоу Эньлай в связи с антисоветской истерией, разыгравшейся в тот период в Китае. В этом деле, отмечает М. Яковлев, он «играл самую позорную роль, показал себя самым ярким антисоветчиком по сравнению с любым китайским лидером» (с. 227).

Сегодня же в Китае всячески превозносят поведение Чжоу Эньлая и за его действия во внешнеполитической области в период «культурной революции», тшятся доказать, что он проявил «дух решительного и делового подхода, когда сталкивался с нарушениями принципов внешней политики Китая. В качестве примера указывается на тот случай, когда хунвэйбины сожгли одно из зданий английского представительства. Как пишут в «Жэньминь жибао» Ма Ле и Ван Нин, Чжоу Эньлай «много раз выступал с резкой критикой по этому поводу», а после окончания ремонта здания «специально принял английского поверенного, поздравив (!) англичан с переездом в отремонтированное здание»⁴. Показательно, что при изложении этого факта авторы статьи отнюдь не хотели создать впечатление, что Чжоу извинился за поджог, тогда

как это было грубейшим нарушением норм международного права и требовало извинения.

Совершенно иначе вел себя Чжоу Эньлай в период антисоветского шабаша в Пекине в феврале 1967 г., о чем как непосредственный свидетель рассказывает М. Яковлев. В связи с разгулом хулиганских действий против советских людей было принято решение эвакуировать из Китая женщин и детей, членов семей сотрудников советских учреждений. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в те дни направил личное послание Чжоу Эньлаю, в котором ставился вопрос об обеспечении нормальной эвакуации советских людей. Однако Чжоу Эньлай остался глух к этому обращению Советского правительства. М. Яковлев пишет, что в тот день, когда советские люди вылетали с пекинского аэродрома, там же находился и Чжоу Эньлай, вострававший иностранную делегацию. Он, конечно, был в курсе происходившего, однако не вмешался. Нельзя без содрогания читать те страницы книги М. Яковлева, где описывается, как советские женщины и дети шли по живому коридору, образованному провожавшими их сотрудниками посольств социалистических и капиталистических стран, а со всех сторон несло: «Собаки», «Подлецы, убирайтесь домой», «Смерть советским ревизионистам!» (с. 226).

Сегодняшние лидеры Китая, говоря о «культурной революции» как об «ошибке», безусловно, исключают из этого антисоветские внешнеполитические акции того периода. Более того, разнузданная политическая и идеологическая кампания против Советского Союза в тот период ставится ныне в заслугу Мао Цзэдуну, что еще раз подтверждает неизменность внешнеполитического курса Пекина.

М. Яковлев в своей книге воспоминаний нарисовал правдивую и страшную картину маонистского Китая. Однако ужасные сцены маонизма в действительности, свидетелем которых ему пришлось быть, ни в малейшей степени не поколебали его веры в китайский народ. Автор заканчивает свою книгу проникнутыми глубоким оптимизмом словами о том, что идеалы лучших сынов китайского народа восторжествуют, что в Китае появятся новые коммунисты-патриоты, коммунисты-интернационалисты, которые возглавят китайский народ и поведут его вперед к социализму. Автор отмечает, что вера в такую перспективу и побудила его к написанию этой книги воспоминаний. И нам со своей стороны хочется добавить: книги хорошей, правдивой и, несомненно, полезной.

Б. А. Соборов

³ «Жэньминь жибао», 1.VII.1981.

⁴ Там же, 14.VII.1981.

Армия на службе маоистов

Продолжение борьбы против политики и идеологии маонизма, против агрессивных проинок пекинских руководителей — актуальная задача современности. В условиях, когда Китай все теснее блокируется с империализмом на почве антисоветизма и борьбы с прогрессивными силами, возрастает необходимость дальнейшего разоблачения великодержавной политики пекинского руководства, раскрытия механизма функционирования антинародного режима маоистов.

Этим целям и служит вышедшая в Военном издательстве Министерства обороны СССР книга Г. Н. Мосько «Армия Китая — орудие авантюристической политики маоистов»*.

В книге исследуются место и роль вооруженных сил в политике пекинских руководителей, пути и методы превращения армии в орудие военно-бюрократического маоистского режима, милитаризации страны.

Маоисты не случайно делают ставку на армию. Они постоянно рассматривают ее как главный инструмент внутривластной борьбы, а военизацию политической и экономической жизни — как наиболее подходящую форму организации китайского общества. Выдвинутый Мао Цзэдуном еще в 30-е годы лозунг «Винтовка рождает власть» красноречиво говорит о его приверженности к использованию вооруженных сил как решающего фактора проведения своей политики.

Столкнувшись с растущим сопротивлением своему авантюристическому курсу в период провала «большого скачка», Мао Цзэдун решил сделать ставку на вооруженные силы в борьбе со своими противниками. Для этого Мао развернул борьбу за безраздельный контроль над армией, которая постоянно являлась источником оппозиции маоистскому курсу.

Автор книги совершенно обоснованно начинает раскрытие темы с рассмотрения путей и средств, с помощью которых Мао Цзэдун к середине 60-х годов смог упрочить свое положение в армии. Важное место при этом уделяется всестороннему анализу основных идеологических кампаний в НОАК (1959—1964). Обкатанные на «армейском полигоне», идейно-политические движения переносились затем на все китайское общество.

Кампании идеологической и морально-психологической обработки, проходившие в обстановке усиления в КПК мелкобуржуазных, националистических тенденций, по-

могли маоистам укрепить контроль над армией и ослабить позиции своих противников. Одной из причин этого, подчеркивает Г. Н. Мосько, явилась слабость пролетарских, интернационалистских сил не только в армии, но и в КПК, что объяснялось общей отсталостью страны, ослаблением связей с армиями социалистических стран, отходом от международного коммунистического движения в целом (с. 18).

Идеологические кампании дополнялись широкой волной чисток, репрессий и расправ с негодными Мао Цзэдуну командными и политическими кадрами.

Начало 60-х годов характеризуется активным привлечением армии к решению социально-политических задач в китайском обществе. Китайское руководство стало широко использовать армию как полицейскую силу для подавления выступлений трудящихся против политики «большого скачка» и ее последствий. В феврале 1964 г. в Китае разворачивается движение «Вся страна учится у НОАК», целью которого была военизация партийного и государственного аппарата, всей системы идейно-воспитательной работы. Мао Цзэдун объявил армию непревзойденным образцом и примером для подражания, которому должно следовать все китайское общество.

Не сумев реализовать свои замыслы с помощью одних лишь политических кампаний, группа Мао Цзэдуна прибегла к террористическим действиям, развязав так называемую «культурную революцию».

В книге дается достаточно подробный анализ места и роли вооруженных сил в «культурной революции». Автор предлагает аргументированную периодизацию участия армии в событиях «культурной революции», последовательно раскрывая действия военных за спиной хунвэйбинов (ноябрь 1965 — январь 1967 гг.), поддержку армией захвата власти «левыми» (январь—август 1967 г.), действия армии по укреплению военно-бюрократического режима после сентября 1967 г. При этом Г. Н. Мосько отходит от традиционного подхода, при котором завершение «культурной революции» соотносится с IX съездом КПК, и предлагает рассматривать этот съезд как новый этап в борьбе группы Мао Цзэдуна против своих политических и идеологических противников (с. 62).

Развернутые в книге характеристики убедительно доказывают тот факт, что главным результатом участия армии во внутривластной борьбе в эти годы явилось установление в стране военно-бюрократической диктатуры. Они показывают несостоятельность попыток нынешних китайских руководителей скрыть от китайских трудящихся и международной общественности правду о трагических последствиях «культурной революции» и обелить армию — главный инструмент военно-террористического переворота маоистов. Так, в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом на VI пленуме ЦК КПК, вопреки фактам утверждается, будто действия армии по осуществлению кампании «трех поддержек,

* Г. Н. Мосько. Армия Китая — орудие авантюристической политики маоистов. М., Воениздат, 1980, 144 с.

двух военных мер» (с помощью которой устанавливался военный контроль) в условиях «тогдашнего хаоса были необходимыми» и «сыграли позитивную роль в стабилизации ситуации». Признание неназванных «отрицательных последствий» этого явления не меняет общей апологетической оценки роли военных в «культурной революции». Г. Н. Мосько, подытоживая анализ сложных и противоречивых событий «культурной революции», делает обоснованный вывод о том, что ее главной жертвой стал китайский народ и те социалистические завоевания, которые были достигнуты за годы народно-демократической власти. Армия, обеспечившая Мао Цзэдуну и его группе разгром органов этой власти и победу над ее политическими противниками, превратилась из защитника завоеваний народной революции в политическую силу, стоящую над народом, в главную опору и орудие маоистского режима (с. 61).

Интересен содержащийся в книге анализ использования армии для реализации политических целей китайских лидеров в период после «культурной революции». При этом особого внимания заслуживает исследование документов и материалов, относящихся к борьбе различных группировок в самой армии и за контроль над армией.

Разбирая, например, причины и следствия «дела Линь Бяо», автор справедливо связывает их с зигзагами китайских лидеров в экономической жизни страны и принципиальными изменениями во внешнеполитической ориентации КНР (с. 74). Безусловно, «сентябрьский кризис» (1971) не сводится к «делу Линь Бяо». Будучи сложным явлением, он продемонстрировал невозможность решения социально-экономических проблем страны на базе маоизма, нестабильность маоистского режима, углубляющийся отход КНР от мирового коммунистического движения и социалистического сотрудничества. Эти и ряд других факторов вызвали очередной раскол в китайском руководстве, результатом которого и явилось удаление с политической арены группы видных военных, включая министра обороны Линь Бяо.

Однако устранение Линь Бяо не было ударом по всем вооруженным силам и процессу милитаризации политического механизма КНР. Армия оставалась главной организующей силой, на поддержку которой могли рассчитывать маоисты (с. 77). Последующие события показали, что в условиях непрерывающейся борьбы за власть, политической нестабильности, сохранения принципиальных основ маоистского социально-экономического курса роль и влияние армии усилились и расширились.

Это нашло свое отражение прежде всего в продолжающейся ставке на милитаризацию страны и на подготовку к войне. Особым образом на большом фактическом материале, Г. Н. Мосько показывает роль китайской армии в агрессивных планах и действиях маоистов, особенности военного строительства Китая, боевой подготовки и идеологической обработки личного состава НОАК.

Взяв курс на провоцирование военных инцидентов и агрессивных акций против многих государств, китайские лидеры внесли определенные изменения в маоистскую теорию «народной войны», чтобы лучше приспособить военную доктрину Китая к своим великодержавным целям. Указывая на отдельные изменения в военной доктрине, автор подчеркивает, что военно-доктринальные концепции Пекина, имевшие ранее в основном оборонительный характер, трансформировались в настоящее время в агрессивно-наступательные и преследуют цель обеспечить реализацию гегемонистских планов китайского руководства, для чего маоисты создали самые многочисленные в мире силы (с. 107).

В настоящее время пекинские лидеры от идеологической борьбы против социалистического сотрудничества, прогрессивных и миролюбивых сил перешли к борьбе политической, экономической и даже военной. Это нашло свое выражение в использовании военной силы и вооруженных провокаций против СССР, МНР, Индии, Лаоса, Кампучии и ряда других стран. До конца обнажило агрессивную милитаристскую, шовинистическую сущность маоизма вероломное нападение Китая на Социалистическую Республику Вьетнам в 1979 г.

В книге не только рассказывается о провале вооруженной авантюры против СРВ, но и разоблачается пущенная в ход идеологами империализма фальшивка, будто войны порождаются не только капитализмом, но и социализмом. В действительности социализм ни как учение, ни как политическая система не несет и не может нести никакой ответственности за нападение китайской армии на Вьетнам. Это разбойничье нападение подготовлено и продиктовано не социалистическими идеями, а маоизмом — идеологией и политикой, откровенно враждебной марксизму-ленинизму, идеологией и политикой шовинизма, великодержавия и гегемонизма (с. 113).

Заключительная глава книги рассматривает расширение военно-политического сотрудничества маоистов с империализмом. Анализируя важные аспекты сближения Пекина и Вашингтона, активизацию военных связей Китая со странами НАТО и Японии, автор делает вывод, что поворот Пекина к военно-политическому блокированию с американским империализмом, японским реваншизмом и агрессивным блоком НАТО убедительно свидетельствует о разрыве пекинской верхушки с основополагающими принципами социалистической военной политики. Не к отражению мифической «угрозы с Севера» готовятся сегодня пекинские гегемонисты, когда приобретают оружие у империалистов, наращивают ракетно-ядерный потенциал. Расширение военно-политического сотрудничества Китая с империализмом, усиливающееся стремление к согласованности их действий направлены на ослабление позиций реального социализма, срыв позитивного решения актуальных международных проблем. Налицо сговор с целью «зажать в тиски» Советский Союз с запада и востока. Подобная политика

нынешних китайских лидеров не только враждебна интересам других народов, но и не имеет ничего общего с чаяниями самого китайского народа к возврату на социалистический путь развития страны (с. 143).

В заключение хочется отметить, что исследование, проведенное автором, потребовало освоения большого числа источников, литературы о роли армии во внутренней и внешней политике Китая, во фракционной борьбе китайского руководства. Однако книга, хотя она и рассчитана на широкий круг читателей, выиграла бы больше, если бы имела более широкий научный аппарат.

Г. Н. Мосько проделал большую работу в исследовании сложного процесса превращения китайской армии в орудие авантюристической политики маоистов. Написанная им книга не только разоблачает милитаристские устремления пекинских лидеров, но и убедительно указывает на необходимость продолжать более углубленно изучение военных аспектов политики Китая, несущих все большую угрозу всеобщему миру.

Б. Н. Горбачев,
кандидат исторических наук

Японский капитал в ЮВА

Книга Есио Мацуи*, сотрудника экономического отдела крупнейшей в Японии ежедневной газеты «Йомиури», вышла в серии «Актуальные проблемы», в активе которой разработка таких масштабных тем, как «Единый Вьетнам и Индокитай», «Японо-советские отношения», «Торговля Восток—Запад» и др. Сами издатели характеризуют свою серию как «полезное пособие для действительно правильного понимания актуальных проблем» (с. 182). Забегая вперед, можно сказать, что этот выпуск серии полностью соответствует целям издателей — по отдельным фактам, умело систематизированным и подобранным автором, воссоздана достаточно полная картина экономической экспансии японских монополий в странах Юго-Восточной Азии. В этом смысле книгу действительно можно назвать «пособием» — пособием по экономической экспансии на опыте проникновения японских компаний в страны ЮВА.

Как известно, отношениям со странами ЮВА Япония придает особое значение, считая их традиционной зоной своего влияния. Эти страны рассматриваются в Токио прежде всего как обширный рынок сбыта японской продукции. В то же время они являются важными поставщиками в Японию сырья и топлива. Юго-Восточная Азия и район Тихого океана имеют также особое политическое значение для Японии, поскольку складывающаяся в регионе политическая ситуация в значительной степени определяет возможности достижения Японией своих глобальных внешнеполитических целей. Этот район важен для Японии и с военно-страте-

гической точки зрения: через омывающие страны ЮВА моря и океаны проходят основные пути снабжения Японии сырьем и топливом. Тем больший интерес представляет знакомство с книгой Е. Мацуи, содержание которой выходит за рамки простого рассказа о деятельности японских промышленных предприятий в Юго-Восточной Азии. Автор рисует широкую картину развития связей Японии со странами ЮВА, ее соперничества с США в этом регионе, затрагиваются отношения Японии с КНР и Вьетнамом.

Е. Мацуи начинает свое исследование с уточнения понятия «район Юго-Восточной Азии», которое трактуется в разных странах не совсем одинаково. Автор берет за основу деятельность японских предприятий в странах АСЕАН (Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Индонезия), на Тайване, в Гонконге и Южной Корее. В последней главе идет речь также и об отношениях Японии с СРВ и КНР.

Поражение японского империализма во второй мировой войне лишило Японию всех колоний и привело к потере ею своих зарубежных активов и инвестиций. На восстановление своей экономики Япония затратила примерно 10 лет. Все это время страны ЮВА «были для Японии соседями, с которыми живешь рядом, но мало знаешь». Это объяснялось необходимостью как можно скорее достигнуть мирового уровня развития, используя для восстановления современную западноевропейскую и американскую технику», — так объясняет автор послевоенную ориентацию Японии исключительно на США и Западную Европу (с. 9).

Окрепшие японские монополии вновь включились в борьбу за источники сырья, рынки сбыта и сферы приложения капитала приблизительно со второй половины 50-х годов. Восстановив дипломатические отношения со своими соседями, Япония исподволь начала экономическую экспансию в страны Юго-Восточной Азии, используя вначале выплату репараций и «помощь» для проталкивания своих товаров на рынки этих стран. Начало последовательного проникновения японских компаний в страны ЮВА и углубление отношений с ними Е. Мацуи относит к 1960 г. Ныне «Япония занимает

* Есио Мацуи. Тонаи адзанао ниппон кигё (Японские промышленные предприятия в Юго-Восточной Азии). Токио, «Дзидзи мондай кайсэцу», 1979, 184 с.

ведущее место по сумме иностранных инвестиций во многих странах ЮВА. Созданием современных оборудованных фабрик улучшило положение с занятостью и внесло значительный вклад в развитие их экономики», — утверждает автор (с. 10). Нельзя не отметить, что такая оценка — лишь одна сторона медали. Мы еще вернемся к негативным сторонам «значительного вклада» Японии в экономику ЮВА.

Рассматривая экономическую экспансию Японии в страны ЮВА, автор отмечает гибкость и многообразие применяемых форм проникновения. Среди них внешняя торговля, экспорт капиталов, «помощь», выплаты репараций. Основной формой экономической экспансии Японии в ЮВА, несомненно, остается внешняя торговля. Е. Мацуи пишет, что «со второй половины 60-х годов быстро углублялись торговые отношения. К примеру, в 1976 г. 26 % общего экспорта стран АСЕАН приходилось на Японию, отодвинувшую по этому показателю США на второе место (21 %). И в импорте пяти стран первое место за Японией — 23 %, доля США — 15 %» (с. 10). Автор указывает также на оживление «свободных контактов», связей торговых фирм, банков, отраслей сферы обслуживания между Японией и АСЕАН. «Было время, когда говорили: «Если Америка чихнет, Япония простудится». Теперь же говорят: «Кашель Японии вызывает воспаление легких в Юго-Восточной Азии» — так образно характеризует Е. Мацуи зависимость стран региона от развития отношений с Японией и добавляет, что «само собой, эти отношения также важны и для Японии — район Юго-Восточной Азии стал для нее вторым по значению после США» (с. 10).

«Экономическое процветание, политическая стабильность этого района, безусловно, стали важнейшим фактором для японской экономики», — заключает автор (с. 11). К сожалению, здесь не конкретизируется понятие «политическая стабильность». Однако конкретные действия Японии в отношении СРВ и Кампучии показывают, что, несмотря на «доктрину Фукуда» и другие заявления о стремлении внести конструктивный вклад «в дело мира в Азии», в основе японской политики в Юго-Восточной Азии лежит курс на формирование обширной зоны японского влияния и создание своего рода «санитарного кордона» вокруг стран Индокитая. Именно такая «политическая стабильность» нужна японским монополиям. К этому выводу, независимо от замечаний автора, приводит он всем ходом своего исследования.

Остановимся на некоторых ключевых моментах книги Е. Мацуи, наиболее важных для понимания рассматриваемой темы.

Одним из основных рычагов проникновения японских компаний в страны ЮВА было и остается частное инвестирование. В любой стране Юго-Восточной Азии, — пишет автор, — сойдя в аэропорту с самолета и проехав с полчаса на машине, обратишь внимание на непрерывное мелькание названий японских фирм: «Насёнару», «Тоёба», «Тойта» и др. ..Создается впечатле-

ние бьющей через край энергии» (с. 13). Это впечатление Е. Мацуи подкрепляет цифрами, характеризующими инвестиционную политику Японии. В 1977 г. треть всех заграничных инвестиций Японии (6328 млн. долл.) приходилась на страны Азии. Автор дает разбивку японских вложений по странам, которая показывает степень заинтересованности японских промышленных компаний в отдельных странах региона.

«Прямых инвестиций на 1977 г. произошло: на Индонезию — 3128 млн. долл., Южную Корею — 785, Гонконг — 556, Малайзию — 425, Филиппины — 381, Сингапур — 370, Таиланд — 277, Тайвань — 244, прочие — 162 млн. долл.» (с. 40).

Анализируя направленность инвестиций японских предприятий в 1951—1976 гг., Е. Мацуи указывает, что 40 % всех сумм составляли вложения в добывающую промышленность стран ЮВА. «Необходимо было во что бы то ни стало увеличить вложения в разработку важнейших видов сырья: нефти, природного газа, бокситов, металлических руд и т. п. Рост экономики «высоких темпов», разумеется, нуждался в ресурсах сырья... Естественно, началось проникновение в Азию — район с обильными ресурсами и дешевой рабочей силой» (с. 20, 60—61). Автор, таким образом, с пониманием относится к действиям японских компаний, усиливших с начала 70-х годов беззастенчивый грабеж сырьевых ресурсов своих соседей в Юго-Восточной Азии.

Япония, как известно, импортирует нефть из Индонезии и Сингапура, бокситы — из Индонезии и Малайзии, металлические руды — из Малайзии, Филиппин, Индонезии, натуральный каучук — из Малайзии, Таиланда, Индонезии, Сингапура, вкладывая капиталы и утверждаясь в первую очередь в этих отраслях (с. 22, 26—42).

В каждой отдельно взятой стране ЮВА японские монополии в зависимости от местных условий выбирают наиболее действенные формы и методы деятельности. «Однако о какой бы стране мы ни говорили, — пишет Е. Мацуи, — общее для японских инвестиций — это способ проникновения. Он заключается в создании компаний, управляемых совместно с местным капиталом. В качестве партнера чаще всего привлекается капитал хуацяо (за исключением Южной Кореи), за что нередко местные власти критикуют японские компании. В подавляющем большинстве случаев на основе японских инвестиций создается сразу несколько компаний — промышленные, торговые и др. Это чисто японская, «новая модель» проникновения» (с. 25).

Действительно, сейчас трудно назвать какую-либо отрасль экономики в странах ЮВА, куда бы не проник японский капитал. Однако объективности ради следовало бы упомянуть, что эта «новая модель» призвана выполнять старые экспансионистские задачи. Достаточно беглого взгляда на статьи торговли Японии с ЮВА, чтобы уяснить ее типично неокOLONиальный характер: в экспорте преобладают готовые изделия, в импорте — сырье. За исключением Малайзии, Индонезии и Филиппин (основные

поставщики сырья), все страны региона имеют хронический пассивный торговый баланс. Это вызвано импортом средств производства из Японии в счет предоставленных займов и кредитов, поставками оборудования смешанным компаниям («новая модель») и т. п.

Экономическая экспансия японских монополий уже в начале 70-х годов вступила в противоречие с национальными интересами развивающихся стран Юго-Восточной Азии. До этого времени враждебность к японским бизнесменам не проявлялась слишком явно. С 1972 г. в этих странах начинаются открытые выступления против засилья японского капитала. Особенной остроты они достигли во время визита в страны ЮВА тогдашнего премьер-министра Японии К. Танака (7—17 января 1974 г.). Е. Мацуи так говорит об этой проблеме: «Антияпонские настроения в 1972—1973 гг. выплеснулись через край в Таиланде, Индонезии и других странах. Это было тяжелое время для японских компаний... Пройдя через эти испытания, отношения Японии с азиатскими странами становятся в последние годы все более тесными. Однако нельзя сказать, что антияпонские настроения исчезли совсем. По-прежнему они имеют глубокие корни, и Япония постоянно должна иметь это в виду» (с. 67).

Представляет интерес анализ автором обвинений, выдвигаемых японским компаниям в странах ЮВА. Е. Мацуи сводит их к трем группам: 1) адресованные управлениям компаний; 2) касающиеся общих проблем взаимоотношений японских компаний и местных властей; 3) адресованные самим японцам. В 1-й группе автор называет следующие обвинения: «японские компании интересуются только прибылью», «эксплуатация при низкой зарплате», «выбор в качестве партнеров только хуацяо и пр.; во второй — «захват сырья», «мало закупают местные товары» и др.; в третьей — «высокомерное и нескромное поведение», «создание замкнутого общества японцев» и т. п. «Если быть точным, — заключает Е. Мацуи, — кое-что в этих обвинениях соответствует истине» (с. 68). Если уж действительно быть точным, то надо признать, что далеко не все упреки японским компаниям рассмотрены автором, а уж справедливы из рассмотренных все. Это как раз та обратная сторона медали «значительного вклада» японских компаний в местную экономику, о которой упоминалось в начале рецензии.

Е. Мацуи считает, что отношения между Японией и странами ЮВА должны быть равноправными, что необходимо, по его мнению, обеим сторонам. Что же касается антияпонских настроений, то автор рекомендует в каждом случае разрешать конфликты путем «терпеливых переговоров» (с. 68). Конечно, переговоры полезны при любом конфликте, однако в данном случае требуется гораздо большее — коренная перестройка всей системы экономических отношений Японии с ЮВА, действительно равноправное сотрудничество и взаимопомощь. Но на это вряд ли пойдут японские монополии.

О перспективах отношений Японии со странами ЮВА говорится в последней главе книги — «Новое развитие». Ускорившаяся в 70-х годах индустриализация стран ЮВА привела к обострению конкуренции товаров этих стран с японскими, особенно в текстильной промышленности, отмечает Е. Мацуи. По его мнению, «стало необходимым урегулирование на государственном уровне — конкретно министерствами внешней торговли и промышленности» — вопросов производства тех или иных товаров. «В этом смысле важным представляется путь к разделению труда среди стран АСЕАН. И для Японии необходимо активное содействие этому процессу» (с. 137). Как пример сотрудничества стран АСЕАН Е. Мацуи приводит проект создания «асаеановского» автомобиля, идея которого была выдвинута еще в 1971 г. Однако из-за разногласия между участниками проекта — кому что производить — первые результаты появились лишь к маю 1978 г. Кузова решили делать в Таиланде, двигатели — на Филиппинах, трансмиссию и электрооборудование — в Малайзии и т. д. Конкретные же перспективы проекта пока неясны. Проблема разделения труда среди стран АСЕАН оказалась довольно сложной, сетует автор. Но все же, как считает Е. Мацуи, «понемногу сотрудничество налаживается. Успешно идут переговоры о расширении списка товаров, на которые в рамках АСЕАН распространяются преференциальные пошлины. Выдвигаются проекты создания своего рода единой большой торговой компании из пяти стран АСЕАН. Япония должна содействовать этим тенденциям. — утверждает автор. — В гармоничном развитии отношений со всеми странами ЮВА необходимо, избегая чрезмерной конкуренции, во что бы то ни стало обратить особое внимание на разделение труда» (с. 141).

На деле тенденции экономического сближения Японии и стран АСЕАН, отмечаемой Е. Мацуи, препятствует ряд объективных трудностей. В первую очередь резкое различие в уровнях экономики Японии и отдельных стран АСЕАН, что заведомо ставит последние в зависимое положение.

В книге Е. Мацуи лишь несколько страниц отводится КНР и Вьетнаму. Китай вообще рассматривается только в контексте отношения его руководства к хуацяо, чей капитал в странах ЮВА занимает ведущее место в смешанных японских предприятиях. После отстранения от власти «банды четырех» Пекин провозгласил курс на «использование большой экономической мощи и информированности хуацяо для модернизации Китая» (с. 152). Как считает автор, подписание в 1978 г. Договора о мире и дружбе между Японией и Китаем привнесло новый элемент в деятельность японских компаний в ЮВА. Японским предпринимателям приходится все более осторожно лавировать между местными правительствами и капиталом хуацяо, «за спиной которых маячит материковый Китай» (с. 154).

Что же касается СРВ, то автор предлагает своим читателям иметь в виду, что

«Вьетнам тесно связан с СССР, а его кон- фронтация с Китаем углубляется». Е. Ма- цуи, видимо, считает, что тесные связи ка- кой-либо страны с СССР могут представлять опасность для японских компаний. Интере-сно, предполагал ли Е. Мацуи, что само правительство Японии нанесет ущерб деловым кругам страны, заморозив под надуманным предлогом в 1980 г. поставки япон-ских товаров в СРВ в счет ранее предостав-ленных займов и кредитов на сумму 14 млрд. иен?

Е. Мацуи, детально исследовав вопро-сы деятельности японских промышленных предприятий в Юго-Восточной Азии, в сво-ей работе не пошел дальше изложения фак-тической стороны дела с определенным кре-ном в сторону традиционной буржуазной боязни позитивных изменений в мире, при-ведших, в частности, к появлению новой

политической ситуации и в Юго-Восточной Азии. Весь ход исследования наглядно под-тверждает, что в основе экономической по-литики Японии в ЮВА лежит курс на предпочтительное развитие отношений со странами АСЕАН, обеспечивающий, как утверждает автор, «экономическое процвета-ние, политическую стабильность этого райо-на». В действительности же подобная цель может быть достигнута только на пути рав-ноправного сотрудничества Японии со все-ми без исключения странами ЮВА.

Книга Е. Мацуи «Японские промышлен-ные предприятия в Юго-Восточной Азии» не приводит к такому выводу, оставаясь хотя и детально разработанным, но всего лишь «пособием» по экономической экспан-сии японских монополий.

Ю. Е. Бугаев

Сдано в набор 7.1.1982 г. Подписано в печать 17.11.1982 г. Формат 70×108/16
 Бум. л. 6,5 Печ. л. 13,0 Уч.-изд. л. 20,50 Изд. № 36333 А 06826
 Заказ 52 Цена 70 коп. Тираж 18.783 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
 Государственного комитета СССР
 по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
 Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17
 Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфкомбинат
 ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
 по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
 г. Чехов, Московской области

Памяти ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ЛАЗАРЕВА (1923—1982)

Советское китаеведение понесло тяжелую утрату. Безвременно ушел из жизни крупный специалист по проблемам современного Китая, ответственный работник аппарата ЦК КПСС Владимир Иванович Лазарев.

В. И. Лазарев родился в 1923 г. Как и все его поколение, он возмужал в огне Великой Отечественной войны. С оружием в руках защищая Родину, В. И. Лазарев стал участником освобождения от фашистского ига и братского чехословацкого народа. Война дала ему и большую политическую зрелость. Не случайно после демобилизации он поступил в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР.

В 1952 г. В. И. Лазарев начал изучение Китая, овладевая богатым арсеналом знаний в области истории и экономики, культуры и языка этой страны. Но при этом главным, на чем были сосредоточены его интересы, оставались международные отношения, прежде всего советско-китайские отношения, а также классовая борьба в КНР и социальная политика КПК.

Будучи сотрудником Посольства СССР в КНР, В. И. Лазарев все свои знания и силы отдавал укреплению отношений между СССР и Народным Китаем. В годы, когда маоистская группировка в руководстве КПК начала свою раскольническую деятельность в международном коммунистическом и рабочем движении, стала открыто выступать со своей «особой» платформой по основным проблемам современности, в первую очередь войны и мира, наша партия направила В. И. Лазарева на теоретическую работу. В течение длительного времени до конца своей жизни он работал в аппарате ЦК КПСС.

В. И. Лазареву были присущи лучшие черты партийного публициста-китаеведа: высокая идейная убежденность, непримиримость к любым проявлениям оппортунизма, боевой дух в полемике, глубокое знание марксистско-ленинской теории. В журналах «Коммунист», «Вопросы истории КПСС» и других изданиях им было опубликовано большое число статей, раскрывавших социальные истоки маоистской политики, природу и корни маоистского антисоветизма, дававших марксистско-ленинский анализ социально-политического содержания событий в Китае.

В 1974 г. вышла в свет книга В. И. Лазарева «Вопросы современной дипломатической тактики в работах В. И. Ленина», в которой он, рассматривая бесценное ленинское наследие, показал, что борьба за мир, за разрядку международной напряженности является органической чертой дипломатии социализма. В конце 1981 г. была издана новая книга В. И. Лазарева — «Классовая борьба в Китае». В ней автор проследил эволюцию маоизма как мелкобуржуазного националистического течения, вскрыл опасность, которую представляет маоизм для судеб китайской революции, для мирового социализма и национально-освободительного движения.

В. И. Лазарев был исключительно скромным, принципиальным, требовательным к себе и другим человеком. Его призванием и партийным долгом была борьба против теории и практики маоизма, за мирное будущее советских людей, за социалистическую перспективу Китая. Как боец он выполнил свой долг до конца. Если бы жизнь его внезапно не оборвалась, он мог бы как китаевед сделать еще многое. Но и то, что он успел воплотить в своих статьях и книгах, еще много лет будет служить оружием в борьбе против ревизионистских извращений марксизма, будет образцом партийности и принципиальности в отношении к маоизму. Советские китаеведы будут хранить добрую память о В. И. Лазареве как о честном человеке и китаеведе.